

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

АФГАНИСТАН

ЧЕСТЬ
ИМЕЮ!

ОТ АВТОРА
УЧЕБНИКА
ВЫЖИВАНИЯ
СПЕЦНАЗА
ГРУ

СЕРГЕЙ
БАЛЕНКО

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2)
Б 20

Баленко С.

Б 20 Афганистан. Честь имею! / С. Баленко. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. – 464 с. – (Вежливые люди)

ISBN 978-5-906789-94-5

Новая книга доктора технических и кандидата военных наук полковника С. В. Баленко посвящена судьбам легендарных воинов — героев спецназа ГРУ.

Одной из важных вех в истории спецназа ГРУ стала Афганская война, которая унесла жизни многих тысяч советских солдат. Отряды спецназовцев самоотверженно действовали в тылу врага, осуществляли разведку, в случае необходимости уничтожали командные пункты, ракетные установки, нарушали связь и энергоснабжение, разрушали транспортные коммуникации противника — выполняли самые сложные и опасные задания советского командования. Вначале это были отдельные отряды, а ближе к концу войны их объединили в две бригады, которые для конспирации назывались отдельными мотострелковыми батальонами.

В этой книге рассказано о героях-спецназовцах, которым не суждено было живыми вернуться на Родину. Но на ее страницах они предстают перед нами как живые. Мы можем всмотреться в их лица, прочесть письма, которые они писали родным, узнать о беспримерных подвигах, которые они совершили во имя своего воинского долга перед Родиной.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2)

© Баленко С., 2015
ISBN 978-5-906789-94-5 © ООО «ТД Алгоритм», 2015

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Афганистан

***Всем матерям погибших воинов
спецназа военной разведки в Афганистане
посвящается***

ВВЕДЕНИЕ

Продолжавшаяся почти десять лет так называемая Афганская война (1979–1989) вошла драматической страницей в современную историю. Не утихает боль тех, чьи родные и близкие, павшие в боях, уже никогда не вернутся домой. И долго еще поколение «афганцев» — людей, прошедших войну, узнавших цену человеческой жизни, — так не похоже будет на своих никогда не воевавших сверстников.

Эхо афганской войны и сейчас тревожит наши умы и сердца. Поток публикаций на эту тему не иссякает. К сожалению, шаги в направлении серьезного, глубокого осмысления уроков афганской войны сопровождаются подчас нечистоплотными попытками некоторых сил спекулировать на проблеме Афганистана, использовать боль и страдания людей в борьбе с политическими оппонентами, что мало имеет общего со стремлением к истине.

Об участии военнослужащих армейского спецназа в афганских событиях простым людям известно очень мало. Находясь на острейших участках борьбы, они первыми вступали в бой, рисковали и жертвовали жизнью, когда того требовала обстановка.

Они были очень молоды. Мечты свои и надежды связывали только с миром. Они остро жаждали счастья. Но вдруг обрушилась на них эта Афганская война. Чужая и непонятная, но они вынуждены были взять ее на свои плечи. Почему? Им объяснили — интернациональный долг. Они всем существом своим поверили в это. Мальчики, посланные «за речку», даже не подзревали, в какую политическую авантюру они втянуты. Какими словами будут их поминать? Кто повинен в безутешном горе солдатских матерей? Кто послал под пули их сыновей?

Никакая политическая конъюнктура не вправе посягать на память о погибших. Пусть по-разному воспринимают люди ту войну: кто-то найдет созвучие с судьбой нашей бывшей великой страны, кто-то почувствует трагедию юных солдат и офицеров, брошенных в пламя партизанской войны в совсем чужом, изуверском мире Востока, кто-то поймет, что «афганцы» — реальность, это люди, пережившие войну, которым есть что сказать о жизни и смерти. Пусть будет по-разному, пусть только не будет равнодушных, ведь от равнодушия начинаются новые войны.

Эта книга — напоминание и наказ всем нам, чтобы мы окружили вниманием и заботой семьи погибших, а также всех воинов-«афганцев», участников двух чеченских кампаний, вернувшихся живыми домой, и в первую очередь тех, кто вернулся оттуда инвалидом. Их раны и увечья и поныне не дают спокойно спать и самим участникам боев, и их близким. Они заслужили особо внимательного, справедливого отношения к себе. К большому сожалению, сегодня не решены еще многие проблемы их медицинской, психологической и социальной адаптации и реабилитации.

Эта книга очень нужна родным и близким погибших, так как является печатным памятником дорогим и любимым сыновьям, братьям и мужьям, и хочется надеяться, что она будет для них некоторым утешением и хоть немного уменьшит сердечную боль и страдания матерей, отцов, вдов, братьев и сестер, всех родных и друзей погибших воинов. Эта книга нужна нам, живущим ныне.

Эта книга и о живых — вмиг поседевших матерях и отцах, о молодых вдовах и сиротах, о боевых побратимах, чья память о погибших — самая сильная.

Идея этой книги пробила из всей боли воинов армейского спецназа, пережитой и переживаемой, которые в этом году отмечают 65-летие.

Откройте книгу. Здесь судьбы людей, чья жизнь связана со спецназом. Вчитайтесь в письма. В них — святая вера в Родину, в Отчизну.

Они только начинали жить...

Пусть память о них будет вечна!

«АТЛАНТЫ XX ВЕКА»

Огромный материк под названием «Советский Союз», возникший в начале XX века, сыграл существенную роль в истории человечества, причем настолько существенную, что будущие историки, несомненно, весь XX век будут рассматривать как век Советского Союза. Ни исследованием причин, ни оценками произошедших явлений мы здесь заниматься не будем — надеемся, что будущие историки в них разберутся. Мы же, возможно, поможем им россыпью богатого фактологического, биографического материала. Эти россыпи — «душ золотые россыпи» — представляют собой оборванные на взлете молодые жизни последних «атлантов», последнего поколения, сформированного советской «Атлантидой».

Автор-составитель этой книги около 11 лет занимался выпуском 12-томной Книги памяти, посвященной солдатам, прапорщикам и офицерам соединений, воинских частей и подразделений специального назначения, погибшим в Афганистане в 1979–1988 годах и в двух чеченских кампаниях. Как бы воскрешая из небытия портреты-характеристики этих «атлантов», склеивая их из сохранившихся биографических и документальных свидетельств, писем, воспоминаний родственников, друзей и сослуживцев, из фотоснимков, стихов и песен, почувствовал, что «воскресшие» всем своим молодежатым десантным строем, ясным взором и без преувеличения золотым блеском душ «не довольствуются» ритуально-траурной ролью очерков-эпитафий. Они, оставленные на границе эпохи, которая назовется «Перестройкой», в отличие от своих сверстников, ушедших в новые времена и живущих сегодня совсем другой жизнью, являют собой некий феномен чистого продукта эпохи.

Так возник замысел этой книги. Первоначальное, не слишком оригинальное название «Последние из СССР», ассоциативно напоминающее «Последних из могикиан», все же близко подходит к нашему замыслу: да, в наших руках находится прямое свидетельство «исчезнувшей цивилизации». Уникальнейшее свидетельство. Со всеми нами, со страной, с миром произошли разительные перемены, в которых Афганская война

(официально: «введение в Афганистан ограниченного контингента советских войск») была пусть и не главным (определяющим) эпизодом, тем не менее именно момент ее окончания, снимок последнего бронетранспортера, возвращающегося «из-за речки» по мосту с радостными солдатами и развевающимся красным знаменем, стал неким символом границы эпох.

Возвращающиеся на броне солдаты въехали уже в другую страну, не в ту, которая их направила исполнять «интернациональный долг». Им еще предстояло пройти шок «афганского синдрома» и курс «шоковой терапии», в результате которых (да и в силу возраста) они уже другие, не те «воины-интернационалисты» — уже не «чистый продукт» той эпохи. А те их сверстники, оставшиеся «за речкой» вечно молодыми (вернее, возвратившиеся в свой Союз раньше — в «черных тюльпанах»), застыли перед вечностью, как мамонты, вмёрзшие в толщу исторического льда.

Мы их уважительно пакуем в мраморно-гранитные обелиски, экспонируем за стеклами музейных витрин, тиражируем на страницах книг памяти, но остается что-то недоговоренное, недоосмысленное, недочувствованное, недолюбленное... Из-под глянцево-холодных граней памятников, сквозь равнодушную прозрачность музейного стекла глядят на нас изумительной искренности глаза советских мальчиков и словно укоряют в чем-то. Да, трудно принять этот укор, но и не менее трудно избавиться от него. Ведь эти мальчики — наше детство и юность. Большинство взрослого социально и духовно активного населения сегодняшней России и стран СНГ — оттуда родом, из той «Атлантиды». И не то чтобы глаза тех мальчиков корят нас в забывчивости, — нет, не о том они, не о личной памяти.

И не они задают вопросы. Это мы — мальчики, вглядываясь в родные лица остановившихся в вечности друзей, вдрут с беспокойством безвозвратной утраты, с ощущением словно по нашей вине совершенного предательства, начинаем остро чувствовать произошедшие в нас болезненные изменения и как бы виноватиться перед ними, перед их незамутненной праведностью.

* * *

Никуда не уйти от извечного, еще давними предками установленного правила: о мертвых хорошо или ничего. Разумеется, и наш разговор его не нарушит. Но в ответ на возможную, хотя бы и косвенно-молчаливую ссылку на это правило,

буде такая возникнет у нашего читателя, скажем со всей определенностью: не мы собирали этот материал. Война сделала такой социологический срез поколения и конкретного времени, какой вряд ли доступен иными методами. Правда, у могил под ружейные залпы прощания часто повторялись слова «Смерть выбирает лучших». Но это, конечно, извинительное преувеличение. Да оно и не мыслится таковым в эмоциональной атмосфере похорон. Перед лицом небытия каждая человеческая жизнь предстает во всем великолепии неисчерпаемо-чудесного творения, что было бы кощунственным сравнивать что-то достоинства или недостатки.

Но вот они, наши «атланты», собраны на «плацу» 12-томной Книги памяти. Выстроены шеренгами по годам гибели и географии захоронений. Иных отличий теперь у них нет — что рядовой, что подполковник, что девятнадцатилетний холостяк, что озабоченный отец семейства. И у всех нас, работавших над страницами Книги памяти, возникает дерзновенный по сути, но необходимейший методологический вопрос: как воскресить человека для памяти? Имя, даты прибытия (в этот мир) и убытия (в мир иной), факты биографии, документы, награды, звания — все это не более чем регистрационные отметки в актах гражданского состояния. Они уже запечатлены по коду судьбы живого человека, и их повторение ничего не добавляет ни облику, ни памяти об ушедших из жизни.

Начинается «воскрешение», когда среди вороха мертвых отпечатков мелькнет искра душевного огня, чем жив был человек помимо зарегистрированных важных дат, отметок в аттестате, росписей в ведомости о зарплате, в ходатайствах, заявлениях, разрешениях, отказах... Все эти факты важны и нужны: они, как переплетенные нити координат промелькнувшей жизни, создают канву для портрета воскрешаемого. Но никакой рисунок, никакая цветовая гамма не лягут на эту канву без нетленных искр, незримо, но памятно оставляемых каждым жившим. Они, эти искры, вдруг вспыхивают в самых неожиданных местах: в просьбе прислать семена белорусских цветов (вдруг да приживутся в Афганистане!), в жалости к афганскому крестьянину, пашущему деревянной сохой, в нежном поглаживании ладонью встреченного в далеком краю «земляка» — тепловоза родного Коломенского завода, в нескрываемом мальчишеском бахвальстве перед родителями: «ваш сын Витя, ВДВ», в «святой правде» о «культурной» службе в «Монголии», где на каждом шагу апельсины и персики (охраняемые от волнения родители с холодом в груди догадываются, что в Монголии апельсины не растут, что сын служит в опасном Аф-

ганистане), в тысячах тому подобных движениях души. И каждая такая «искорка» выхватывает из тьмы живой образ живого человека.

И вот эти-то «живые советские мальчики» смотрят на нас, сегодняшних, словно узнавая и не узнавая нас среди знакомых и как бы незнакомых улиц. Они слышат наши разговоры, смотрят телефильмы, наблюдают за нашими поступками... и много-много вопросов накапливается в их ясных глазах. Какой молчаливый, невысказываемый диалог происходит между нами?

«Услышав» их голоса, увидев их «живые» душевные порывы, нам захотелось рассказать о них без «хрестоматийного глянца», как говорил поэт, вывести их из мемориальной строгой торжественности и языком повседневности, взятым из их будней, нарисовать портрет поколения. Поколения уникального. Поколения честь имеющего. Оно еще живо, не ушло в мир динозавров и мамонтов, но в силу разительных перемен в мире, стране и народе вдруг превратилось в историческую реликвию.

Да, социологический «срез» поколений, которые сотворила как Афганская война, так и две чеченские кампании, уникален еще и в том смысле, что он, как срез свежеспиленного дерева, не только дает возможность прочитать по концентрическим кругам какие-то содержательные характеристики, но и наглядно являет миру трагический символ «распиленного» надвое единого организма. Да, оставшиеся «вершки» еще живут, цветут и благоухают, производят потомство, пока созреют до рыночных товарных кондиций, а «корешки» со святой уверенностью в благородстве своей миссии посылают наверх так необходимые организму жизненные почвенные соки, и эти соки недоуменными прозрачными слезами сверкают на свежем спиле теми самыми «искрами»...

Более тридцати тысяч (из них около 1500 спецназовцев) срезанных Афганской войной молодых жизней остались «корешками» того последнего дорыночного поколения, которое своими «вершками» стало и первым рыночным. В своей раздвоенности, роковой половинчатости поколение «афганцев» остро чувствует боль «распила», как чувствует инвалид боль в ампутированных ногах.

* * *

Не мальчики, но мужи продолжают жизнь этих поколений. На их долю досталась судьба похуже, пожалуй, чем всем другим поколениям, проходившим через войну. Их далекие прадеды доносились до них гулом гражданской войны с ее тачан-

ками, «максимами», звоном клинков, «револьверным лаем». Трагизм ожесточенной ярости брата против брата к их рождению уже смягчился грустным лиризмом найденной в шкафу буденовки, песен о пробитом комсомольском сердце, о комиссарах в пыльных шлемах.

А деды их, прошедшие самую кровопролитную Великую Отечественную, трагически и не воспринимались. В блеске орденов и медалей — «наши деды — славные победы!» — героическим ореолом окружено и имя каждого павшего на той войне. Ореолом защитников Родины, павших в борьбе с иноземными захватчиками.

Какими жертвами пали мальчики «афганского» поколения? Во имя чего были отданы их молодые жизни? Вот вопросы, которые оглушили (употребим такой глагол) вернувшихся оттуда на броне радостных, оставшихся в живых «афганцев». Ни в Гражданскую, ни в Отечественную войну такой вопрос не мог возникнуть ни в одном, даже извращенном уме. «Оглушенный» «афганец» встретился с пустым деидеологизированным взглядом чиновника:

— А я тебя туда не посылал!

Страна переключила клеммы, поменяла плюсы на минусы. Тот самый враг, стоявший за спиной моджахедов и подсовывающий им в руки «стингеры», чтобы сбивать наши вертолеты, вдруг оказался «лучшим другом» деидеологизированного чиновника. Что оставалось «афганцу»? На день ВДВ в парке рвать на себе тельняшку, наяривать на гитаре:

Афган, твою мать!
Командир, твою мать!
Кандагар, твою мать!
И Кабул, твою мать!

Опаленная и пропыленная Афганистаном душа живого «атланта» металась между отчаянием ожесточения, безразличием примирения с действительностью и пронзительной памятью о чистых и светлых глазах ушедших в небытие вместе с «Атлантидой» своих друзей. Ведь там, в их глазах, осталась чистота и незамутненность собственных душ тех, кто продолжает жить. Сегодняшний «афганец» вместе с тем чиновником тоже считает, что напрасно его «туда» посылали. Возможно, были какие-то другие ходы политической истории, да недоставало государственной мудрости. Потому мальчики погибли зря?! Ну нет! Как только доходит до этого заключения современный «афганец», восстает в нем весь его прежний дух, под-

крепленный молчаливым согласием застывшего строя друзей-«атлантов».

Нельзя же так беспардонно опрокидывать на прошлое свои сегодняшние страсти! Мальчики служили великой стране, присягали на верность любимой Отчизне (любой пафос уместен для характеристики их морального состояния). Страна вручила им мощное современное отечественное оружие, посадила на могучие свои самолеты и отправила в соседнюю страну по просьбе дружественного правительства для оказания ему помощи в борьбе с контрреволюцией. Названа эта акция была выполнением интернационального долга. И сами они были названы «воинами-интернационалистами». Ничего унижительного, тем более презрительного, как это пытаются навязать обществу некоторые «задним умом крепкие» чиновники и политики, не было в их красивом имени.

Не было ничего позорного и в их поведении в чужой стране. Не они разделили афганский народ на враждующие половины, а логика войны заставляет быть для кого-то другом, для кого-то врагом. В афганском слове «шурави», которым были названы эти воины, нет ничего враждебного, подобного слову «янки» или «самураи». Не оккупантом, наемным солдатом-контрактником ступил на афганскую землю советский мальчик. Ей-же-ей, в голове и душе каждого из них светился теплый огонек «интернационального счастья», которое он нес с собой. Разительная социальная и культурная отсталость страны была так наглядна, что без дополнительной «идеологической обработки» наш солдат убеждался в справедливости официальной версии своей благородной интернациональной миссии — помочь революционной партии НДПА совершить рывок, подтянуть Афганистан из средневековья к современности.

Об этом следует говорить, потому что недобросовестные авторы, негативно освещающие присутствие советских войск в Афганистане, распространяют свое отрицательное отношение к политическому руководству СССР, принявшему, на их взгляд, ошибочное решение, и на морально-политическое состояние рядового и офицерского состава Ограниченного контингента советских войск.

Знакомые с огромным массивом живых свидетельств, документов, писем, воспоминаний, мы с полной уверенностью свидетельствуем, что дух «воина-интернационалиста» в Афгане был здоровым, достойным и даже героическим. Его, этот дух, поддерживало ощущение за спиной великой державы, пославшей сюда солдата не корысти ради, а для оказания помощи, осознание своей военно-профессиональной значимости

(славное оружие в надежных руках), особенно в сравнении с действиями афганской народной армии. Враг («душман») напоминал «воину-интернационалисту» басмача из советской революционной истории, и эта определенность придавала уверенности в продолжении дела отцов и дедов.

С какой стороны ни зайди, мнение, что «наши мальчики погибали зря», вызывает не только протест, но и омерзение, как любое кощунство. Что значит «зря»? Бесплатно, что ли?

В армии, которая формируется не по найму (контракту), а по призыву в соответствии с Конституцией государства, в армии, служба в которой идеологически осмысливается как «священный долг гражданина», а офицерское поприще считается профессией «родину защищать», — в такой армии неприемлемы рыночные критерии: а сколько это стоит и что я буду иметь?

Советская армия относилась к этому вне рыночному типу, и судить о ней в целом и о каждом воине того времени в отдельности необходимо с учетом ее внутренних законов и уставов, пафоса ее лозунгов, слов присяги, воспитательных героических примеров и верности традициям.

Никто не спорит о наличии в ней недостатков, ошибок и даже преступлений. Мы (авторы-составители Книги памяти) также разделяем мнение, что ввод советских войск в Афганистан был политической ошибкой (не был учтен исламский фактор, вернее, недостаточно было изучено влияние ислама, буквально принижающее все сферы афганского общества). Но это не значит, что, исходя из признания введения войск ошибкой, мы должны все последующее рассматривать сквозь темные очки. Наоборот, ощущение ошибки (о ней не говорили, но осознавали и наверху, и внизу) придавало дополнительный импульс к компенсации ущерба от нее, к минимизации ее последствий.

Во-первых, ошибка не привела к военному поражению. Сам многолетний характер этой военно-политической акции зависел не от мощи и умения так называемого Ограниченного контингента, а от внутривнутриполитических, социальных и морально-психологических факторов самого афганского общества, решать которые — не дело армии. Политическое решение о выводе войск (окончание войны) не устранило, да и не могло устранить внутриафганских противоречий, о чем свидетельствует дальнейшая история этой несчастной страны.

Во-вторых, сами воинские подразделения, втянутые в эту акцию, сами армейские коллективы показали свою жизнестойкость, умение адаптироваться к неблагоприятным условиям, практически на каждом шагу сталкиваясь с необходи-

мостью действий, не предусмотренных действующими уставами. Не было ни единого фронта, ни единого плана военных действий. Но практически бесперебойно и планомерно осуществлялось тыловое обеспечение войск. В этом тоже можно усматривать компенсацию за политическую ошибку. Да и трагический пример положения русской армии за пределами своей страны в русско-японскую войну 1904–1905 годов, когда главным фактором поражения стала бездарная организация тылового обеспечения, тоже был учтен. Вся «война» состояла из многочисленных мини-операций, которые к тому же нужно было проводить с мастерством хирурга: уничтожать бандформирования внутри кишлаков с минимальными потерями для мирного населения. Кстати говоря, ни одна из намеченных операций не была проиграна, и военный авторитет советских войск был высок. В этих условиях возрастала роль каждого командира любого уровня, да и каждого рядового. Афганская война стала школой спецназа.

В-третьих, поставленные в условия чрезвычайной осторожности, бдительности, советские солдаты и офицеры стали по-человечески ближе друг к другу. Помимо обычной воинской дисциплины, которая в экстремальных условиях войны соблюдалась беспрекословно, в армейских коллективах, особенно в подразделениях специального назначения, возникла атмосфера особенной, по-семейному любовной заботы друг о друге. По многочисленным свидетельствам участников, в воинских частях Ограниченного контингента практически не наблюдалась такая болезнь армии, как дедовщина. Если даже где-то возникали «вирусы» этой болезни, то они отторгались укрепившимся перед лицом опасности нравственным иммунитетом. Это нашло отражение в повести «Трое из разведбата», которая тоже имеет фактическую основу (вы, уважаемый читатель, прочтете ее в конце книги).

Так что мы категорически и с негодованием отвергаем даже намеки на кощунственное обвинение о зря потерянных жизнях.

«Ничто на земле не проходит бесследно...» В октябре 2003 года в Афганистане снова побывал журналист В. Снегирев, работавший корреспондентом «Комсомольской правды» в годы пребывания там советских войск. Удивительное свидетельство он опубликовал в трех номерах «Российской газеты». Прошло более 20 лет после нашего ухода из Афганистана. Несчастный народ пережил еще распри главарей моджахедов, средневековую инквизицию «Талибана», американские бомбардировки, навязанный оккупантами режим — и вот после всего этого...

— Нас там любят! — в изумлении восклицает журналист, делая такой вывод после многочисленных встреч с афганцами. Перебирая в памяти факты своей новейшей истории, современные афганцы, свидетельствует журналист, считают лучшим своим правителем Наджибуллу, а из мировых лидеров предпочтение отдают Брежневу, при котором хотя и были введены в их страну советские войска, но были и построены плотины, туннели, дороги, заводы. «Шурави» помогали, «янки» разрушали.

Вот какими «зигзагами» движется историческая логика. Попробуй предугадай, как наше слово или дело отзовется. И на какой алтарь легли жизни наших мальчиков.

* * *

«Со щитом или на щите», — говаривали в древности русские воины, уходя на битву. Была такая форма уверения, мол, обязательно вернусь. «Со щитом» — значит, живой. А «на щите» приносили убитых и тяжелораненых. Но изощренная машина войны все совершенствовалась и усложнялась. Рвались снаряды, рвались тела. Закопали бы «в чистом поле под ракитой», чтоб черный ворон очи не выклевал, — и то успокоение родственникам, что их солдат земле предан. А уж вернуться с пустым рукавом или на деревянной ноге — считай, счастье.

Афганская война стала, пожалуй, первой в истории России батальей, откуда тела погибших доставлялись для захоронения ближайшим родственникам. Были, правда, отдельные случаи, когда привозили тела из Кореи, Вьетнама, Мозамбика, Конго, где наших солдат и офицеров официально «не было». Как правило, цинковый гроб приходил с легендой о несчастном случае, и не каждый город, не говоря о селе, знал про это. По инерции «черные тюльпаны» из Афганистана вначале тоже сопровождалась секретностью. И первые жертвы этой войны уходили от нас как будто украдкой. Где-то в дальнем уголке кладбища. Без больших процессий, речей и прессы. И только когда на кладбищах стали уже появляться целые «афганские» аллеи могил, когда слухи об официально «отсутствующих» наших потерях стали «секретом Полишинеля», постепенно стала меняться страусиная политика замалчивания жертв.

Государственные похороны... Как правило, они ассоциируются у нас с проводом известных деятелей, чинов, звезд. Рядовые все больше проходили по разряду братских могил — так приучила нас наша история. И вот теперь афганская эпопея заставила выработать целую систему мер организации государственных похорон каждого погибшего на войне.

С одной стороны мы как бы поднялись на ступеньку выше по пути цивилизации и гуманизма. Но, с другой стороны, непорочность нашей бюрократии общеизвестна. А в таком деликатном деле необходим тонкий душевный механизм взаимоотношений власти, военкоматов, места работы или учебы погибшего, его семьи. Как эту деликатность соединить с нехваткой средств на все атрибуты и процедуры? Где найти таких «гибких» чиновников, которые бы способны совместить чувство с параграфом инструкции. Вот и получилось: где-то неутешное горе матери смягчалось от деликатного обхождения, а где-то подливалось масло в огонь чиновничьим выговором: «Вы же говорили, что прибудет на панихиду человек 30, а их тут — за сто!». Это, конечно, крайний пример нравственной глухоты, когда даже во время траура наносится ненароком обида. А сколько обид начинается после траура! Сколько их нам приходилось читать в материнских письмах! Про забытые обещания поставить памятник на могиле. Про бесконечную переписку по поводу затерявшейся награды. Про разные версии обстоятельств гибели. Даже про захоронение под чужим именем (не могло обмануться материнское предчувствие: не ее сын был в цинковом гробу, который нельзя было вскрывать).

О, матери погибших «афганцев»! Эта тема также пройдет в нашей книге, являясь частью замысла о «последних из СССР». Можно даже признаться, что именно материнские письма — а они-то и были основным источником изучения и «воскрешения» павших, — подтолкнули к мысли о необходимости сохранения памяти не только каждого отдельного имени, но и всего поколения, как уникального социально-психологического явления, рожденного и выросшего в относительно спокойный и благополучный период истории нашей страны и воспитанного в духе служения высоким идеалам.

Родили это поколение и воспитали матери, в детстве хлебнувшие все «прелести» военного и послевоенного времени середины XX века. Уходит время, и меняются на земле люди, вещи, травы и деревья, слова, мысли и песни, названия, конституции и привычки. Уже иному современнику, утром нажимающему кнопку с пьезоэлементом, трудно представить, что рядом с ним живет (еще живой) человек, в детстве добывавший огонь с помощью кресала. Нет, он не ровесник неолита. Просто он выходец из той военной бытовой нищеты, когда даже спички считались роскошью.

Знающие истинную цену каждому куску хлеба, каждой бумажной игрушке, сделанной своими руками для украшения

елки, каждому слову с трибуны, из репродуктора, на странице, эти люди готовили своих детей, рожденных в благополучное время, для хорошей жизни. Уверенность в ней была повсеместная. Во-первых, невозможно было представить, чтобы в обозримое время возникла еще одна такая же война (а только она могла помешать строительству хорошей жизни). Во-вторых, признаки улучшения намечали цены; вот законодательство о приусадебных участках, вот началось панельное строительство, люди стали получать квартиры, покупать холодильники, мотоциклы; многие, спавшие до того на лавках, сундуках, обзаводились гарнитурами; чуть ли не в каждой семье появился свой студент; повсеместно стали появляться и художественные школы, параллельно с общеобразовательными, — возникла «мода» на пианино в квартире.

Не перечислить всех этих признаков. Они отражают круг забот матерей по воспитанию маленьких будущих «афганцев».

Чтобы подчеркнуть значение именно матерей в воспитании (хотя их первенство в этом и не нуждается в подтверждении), мы все-таки объективности ради подчеркнем слабую, почти незаметную роль отцов. В перелопаченном нами огромном массиве документов, воспоминаний, писем очень мало свидетельств отцовского мужского влияния на становление характера и личности. Гораздо чаще встречается гордость дедовскими военными наградами. Прочная связь отцов и сыновей наблюдается в офицерских семьях, где продолжают или создаются военные династии. Очень много среди погибших молодых лейтенантов — детей кадровых военных.

Но основное содержание писем домой — мама, ее здоровье, ее настроение, ее работа; его тоска, его забота, его любовь. Так и хочется назвать их всех, «афганцев», мамиными сынами. Мешает только устоявшееся выражение с известным негативным оттенком, хотя в данном случае оно никак не относится к этим мужественным и самостоятельным ребятам. Кстати говоря, стремление к самостоятельности, пожалуй, доминирующая черта поколения этих «маминых сынов». Это не значит, что они были под каким-то гнетом и поэтому мечтали о самостоятельности. Нет, в основном у каждого проглядывал вполне закономерный интерес юношеского возраста: испытать себя на прочность, узнать, «чего я стою». Отсюда повсеместная радость, что взяли в десантные войска, в спецназ — ведь туда отбор придиричивый. И летят в письмах восторженные мальчишечьи выкрики: «Мама, когда парашют раскрылся, я от радости закричал на все небо: „Мама!“». «Мама, свой первый прыжок я посвятил тебе» и т. д.

С мамой продолжаются детские диалоги о вкусах, о бытовых мелочах, но вместе с тем маме же адресуются и жизненные открытия («Командир не может быть плохим мужиком», «Из всей нашей компании только Петька оказался настоящим другом») и тайны сердца («Спроси у Маринки: жива ли она?») и планы после «дембеля».

А какие трогательные открытки — поздравления маме ко дню ее рождения, к Новому Году, к 8 Марта! Тут каждый становится поэтом и художником. Мамины сыны потеют, подбирая нежные слова, рисуя вертолеты и парашютики — свою боевую действительность. И чем страшнее эта действительность, тем нежнее послание.

* * *

Что хочется сказать? Перебирая в руках эти листочки-памятки исчезнувшей Атлантиды, невольно настраиваясь от нежных строчек на лирическую волну, ощущаешь огромный энергетический заряд человечности этого поколения «последних из СССР», комплексов, позднее придуманной так называемой «совковости» или солдафонства! Ни зазнайства, высокомерия или черствости. Сама искренность! Чистота сердечных движений этих парней особенно становится заметной на фоне современного стиля поведения молодежи с его эстетизацией «крутизны», саморекламы, культом секса, философией прагматизма, ведущего к размытости граней многовековых нравственных «табу». Удивительное дело: то «афганское» поколение, воспитанное в советском атеистическом духе, без церкви, мечетей, синагог, выглядит более религиозным, чем нынешнее, демонстрирующее свою религиозную приверженность. В каждой молодой душе, оставшейся в письмах, песнях, документах и фотографиях, твердо и уверенно заявляет о себе ясная идейно-нравственная человеческая суть: мое существование имеет смысл для общего существования семьи, села, города, страны, человечества... отсюда надо быть полезным не только себе, но и другим. Отсюда стремление к совершенствованию, улучшению себя, чтобы быть достойным лучшего общества. Такая общая установка (независимо от ее названия — коммунизм, светлое будущее или «рай на земле») закладывалось в том поколении пионерией, комсомолом, школой, семьей, литературой и искусством. Такая установка продолжалась и в армии.

Причем эта нравственно-психологическая установка, очень близкая к религиозному чувству, ничего общего не имела с тем обвинительным клише, которое тиражировалось во

время распада СССР. Клише подразумевало, что идеологически обрабатываемые в коммунистическом духе молодые люди — все на одну колодку, безликие и бездумные исполнители лозунгов партии, тусклые, бесцветные человечки, боящиеся и стыдящиеся показывать свою индивидуальность.

Одна молодая современная журналистка в очерке о погибших в Афганистане земляках выразилась, что «они были слишком скромными». На это возразила мать одного из них: «Скромность не может быть ни большой, ни малой. Ее не может быть „слишком“. Либо она есть, либо ее нет». Тема подобной мини-дискуссии не раз встречалась в наших материалах. Она отражает тенденцию изменения той нравственно-психологической установки в молодежной среде. Скромность: благо или порок?

Наверное, на этом разломе и проверяются качества того, дорыночного поколения и нынешнего, уже рыночного. Наверное, именно изменение отношения к скромности, которое «замечают» в живых сверстниках застывшие в вечности «атланты», и вызывает то недоумение в их взоре, которое подтолкнуло к замыслу книги.

Нравственно-психологическая установка на скромность как личностное достоинство, несомненно, идет от религиозного чувства, которое ставит личность, носителя религиозного сознания, в подчиненное положение по отношению к беспрекословному авторитету. Для верующего в Бога — это Бог, для верующего в идею — это общее дело, связанное с этой идеей, когда личные интересы становятся вторичными по отношению к общественным. Поэтому скромность, не выпячивание своего «Я», своих заслуг при несомненных личных достижениях становится нравственным достоинством, украшением личности. В общем-то, скромность — человеческая моральная категория, отмеченная народным эпосом, пословицами и поговорками вплоть до басен о бочках — тихой, наполненной вином, и громкой — пустой.

Рыночная психология напрочь отвергает такой моральный постулат. Для нее скромность — помеха, препятствие к успеху. Предлагать себя, подавать свои достоинства с высокой степенью самооценки становится в порядке вещей, обычным делом.

Перешагнув через скромность, как через черту, отделяющую истинное достоинство от мнимого (раздутого, разрекламированного, распиаренного), сторонники рыночной психологии, «делу дать хотя законный вид и толк», пытаются нетвердую моральную основу нескромности компенсировать

целой системой юридических «сдержек и противовесов», которая, какой ни будь совершенною, все равно останется с лазейками для «нескромных».

По большому счету, скромность — обязательное условие коллективистского общежития. Нескромность, как правило, сопряженная с эгоизмом, — визитная карточка индивидуализма. Противники коллективистских форм сознания и образа жизни вменяют в вину скромности, что она-де затушевывает индивидуальность, мешает раскрываться заложенным в личности качествам. Наше знакомство с целым поколением «скромняг» позволяет резко возразить такому утверждению.

Да, одеты все они в одну униформу (тем более что наш «отбор» и обусловлен спецназом), да, у них у всех почти одинаковые короткие биографии: детский сад, школа, кружки, спортивные секции, летние пионерские лагеря, одинаковые учебники, по которым учились; одни и те же фильмы, которые видели, одни и те же песни пели... Но каждый классный руководитель скажет вам, что не было у него никогда двух похожих характеров. Даже внешнее сходство встречается чаще, чем характеры. Так что противники коллективизма в своей рекламе индивидуализма идут против натуры человека: коллектив — не стадо, а букет индивидуальностей. И, кстати, только там, в коллективе, и проявляются индивидуальные качества каждого в сопоставлении с другими. Не только проявляются, но и проверяются на человечность. Истинную человечность, которая — не только за себя, но и за других. Именно этим и силен спецназ, так же как и многие командные виды спорта: команда (коллектив) тогда хороша, когда она состоит из ярких индивидуальностей.

Вот и наши «атланты». Кого ни возьми, — у каждого «лица необщее выраженье». Один — веселый балагур, умеющий сгладить неловкую ситуацию, другой — тихоня, молчун, но в нужный момент именно его слово становится самым нужным, третий — «запойный» книголюб, четвертый — музыкант, пятый — тонкий лирик, любитель природы, шестой — «в карман за словом не лезет», седьмой — расчетливый педант, восьмой, наоборот, сначала сделает, потом подумает... Не без того, что и «шлифуется» потом коллективом: один заносчив, другой — с хитрецей, себе на уме, третий — падок на лесть, четвертый — ленив, пятый — неуклюж и т. д., нормальный человеческий «материал», как везде. Но что получается, если этот «материал» не держать в коллективистских рамках, наглядно показывает пример российского «разлома» конца XX века.

Сегодня с огромной тревогой заговорили учителя, родители, журналисты, офицеры, ученые о некоторых качествах

нового «человеческого материала», появившегося в условиях критики коллективизма и всяческого поощрения индивидуализма. Повторим, мы не ведем исследования нравов, не оцениваем, что лучше, что хуже. Мы просто увидели «застывших на бегу» наших мальчиков образца восьмидесятых годов прошлого века, которые невольно подталкивают к сравнению с современными двадцатилетними. При всем разнообразии заложенных в человеческом материале характеров, которые были и будут генетически, вдруг бросается в глаза именно эта не биологическая, а общественная составляющая.

Нравственной доминантой того «застывшего на бегу» поколения было стремление стать полезным для общества, востребованным обществом, приобрести качества, ценимые обществом, а это, в свою очередь, принесет уровень материального достатка и необходимый для жизни душевный комфорт. Все отклонения от этой нравственной доминанты, связанные с эгоистическими целями прагматического характера, составляли тень, негативную сторону морального кодекса общества.

Нынешнее молодое поколение живет в условиях перевернутой нравственной доминанты: вектор «от себя к обществу» развернулся ровно на 180° — «от общества к себе». Нацеленность вступающего в жизнь молодого человека только на личную материальную выгоду отодвигает на второй план, «в тень» такие качества, как скромность, подвижничество, бескорыстие, героизм, товарищество, верность, патриотизм.

Читая очерки о погибших спецназовцах времен Афганской войны и чеченских кампаний, вы не раз почувствуете красоту естественного бытования этих высоких качеств в так называемых «простых людях». Красоту, которая придает смысл существованию, которая службу делает служением, работу — творением, истину — правдой и любовью — любовью. Человека — человеком. Наверное, в прикосновении к этой красоте и заключено высшее мистическое предназначение человека. И, ей-же-ей, почти каждая индивидуальная короткая судьба, прослеженная нами, озарена хотя бы искрой такого прикосновения. То трогательной открыткой ко дню рождения мамы, то напускной строгостью к отцу («батя, не пей!»), то пронзительным признанием в любви к родному краю, то шевельнувшейся в душе поэтической волной, оставившей рифмованные строчки, то благодарным букетом учительнице во время короткого отпуска, то восхищением от услышанной мелодии, то стремительным броском своего тела навстречу опасности, грозящей товарищу...

* * *

Озарен красотой этот застывший строй «атлантов». Устраивая ему поверку, переходя от имени к имени, от лица к лицу, от души к душе, со стиснутым сердцем мы словно прикасаемся к реликвиям, которые могли бы жить среди нас. Да они и живут, безмолвно вглядываясь в нас, продолжающих жить, узнавая в нас своих родных и не узнавая.

На заре русской духовности в древнерусской литературе самым популярным жанром был жанр «жития святых». Авторы, многие из которых из скромности не оставляли имен, считали своим долгом поведать потомкам примеры праведной жизни.

Как продолжение древней традиции пусть пройдут перед глазами современных читателей жития святых наших мальчиков, выполнивших свой долг до конца и не запятнавших чести.

СПЕЦНАЗ — ЭЛИТА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Спецназ (специальное назначение) — это собирательный термин, собирательное название сил, средств и органов специальной разведки Российской армии и Военно-морского флота.

Истоки зарождения специальной разведки наглядно просматриваются уже в годы Гражданской войны. В марте 1917 года в ходе подготовки к Октябрьскому вооруженному восстанию при ЦК РСДРП(б) создается революционная военная организация, объединившая различные военно-революционные комитеты. В состав этих комитетов вошли полевые штабы и соответствующие разведывательные органы, на которые возлагались задачи по ведению политической и военной разведки и контрразведки.

В январе 1918 года были созданы Рабоче-крестьянская Красная армия и Рабоче-крестьянский Красный флот, боевые действия которых потребовали усиления разведки. В связи с этим при штабе Народных комиссаров по военным и морским делам было сформировано разведывательное отделение.

В начале марта 1918 года при Народном комиссариате по военным делам (Наркомвоен) был сформирован Оперативный отдел (Оперод). В его состав, кроме других подразделений и служб, входили 2-е (разведывательное) и особое разведывательное отделения. Особое разведывательное отделение занималось в основном вопросами, связанными с организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу противника и подготовкой кадров для этой цели. При особом разведывательном отделении находилась специальная школа подрывников, где обучались разведчики и партизаны. Фактически эта школа была первым разведывательным органом по подготовке кадров специальной разведки.

К середине мая 1918 года управление Красной армией осуществлялось Высшим военным советом, Оперативным отделом Наркомвоена и Всероссийским главным штабом. Каждое из этих учреждений имело в своем составе орган военной разведки. Разведка не была объединена единым руководством.

В соответствии с общим мнением руководителей разведывательных органов Наркомвоен в конце июня 1918 года создал «Комиссию по организации разведывательного и контрразведывательного дела», куда входили представители разведывательных и контрразведывательных органов Всероссийского главного штаба, Высшего военного совета и Оперода Наркомвоенна. К ее работе были привлечены представители ВЧК, штабов Московского и Ярославского военных округов, а также штаба Северного участка «завесы».

2 августа 1918 года комиссия Наркомвоенна утвердила «Общее положение по разведывательной и контрразведывательной службе» и штаты разведывательных отделений.

Осенью 1918 года в ходе реорганизации высшего военного управления был образован Революционный военный совет Республики (РВСР) и его Полевой штаб. 5 ноября 1918 года в составе Полевого штаба было создано Регистрационное управление как центральный орган военной разведки Республики. Этот день принято считать днем основания российской военной разведки.

В ходе Гражданской войны в составе Красной армии были сформированы армейские и фронтовые объединения, которые успешно вели боевые действия против контрреволюционных сил и интервентов.

Опыт Гражданской войны свидетельствует о том, что специальная разведка Вооруженных сил республики относилась и была составной частью агентурной разведки. В разное время ее называли: «диверсионная разведка», «активная разведка» или просто «активка», «особая разведка» и «специальная разведка».

Главной ее задачей было совершение диверсий на военно-промышленных объектах. Однако ставились и задачи специального характера, например ликвидация изменников и предателей нашей Родины и некоторые другие.

Основными организаторами и исполнителями диверсионных актов были специальные агенты или диверсионные группы. Основной метод действий: взрывы, поджоги, механические повреждения. При этом разведывательные задачи носили второстепенный характер и выполнялись попутно с основными (диверсионными).

4 апреля 1921 года Регистрационное управление было преобразовано в Разведывательное управление штаба РККА, которое стало центральным органом управления военной разведкой как в мирное, так и в военное время.

До 1935 года в Красной армии не существовало подразделений специальной разведки в составе оперативной.

Директивой начальника штаба РККА № 1371сс от 25 января 1934 года предусматривалось создание разведывательно-диверсионных подразделений. В целях маскировки Директивой предписывалось эти взводы размещать при саперных батальонах и называть «саперно-маскировочными взводами» дивизии. В них отбирались только военнослужащие второго года службы. Диверсионные взводы численностью по 40 человек дислоцировались вдоль западной границы и подчинялись начальникам разведки приграничных дивизий.

После годичной подготовки в этом взводе разведчики-диверсанты поселялись в населенных пунктах вдоль границы, компактно. Они вступали в колхозы, в органы милиции и т. д. В ближайшей воинской части для них хранилось вооружение и снаряжение. Одновременно были созданы специальные курсы командиров этих взводов.

Задачи этих взводов сводились к следующему: переход через государственную границу; выход в назначенный район; проведение специальных мероприятий (подрыв железных дорог, вывод из строя средств связи, мостов, перехват связных и т. п.), создание в тылу противника паники, срыв отмобилизации, дезорганизация работы ближайшего тыла. При этом разведывательные задачи им ставились как попутные. Способ перехода государственной границы — пеший. Срок пребывания в тылу противника — как можно продолжительнее. Предпочтение отдавалось действиям мелкими (по 6–7 человек) группами. Связь с высланными группами не предусматривалась. Однако в случае крайней необходимости разрешалось ее осуществлять посыльными. Базами питания частично являлись «опорные точки». В последующем предполагалось изыскивать продовольствие, боеприпасы и другие средства материально-технического обеспечения из местных ресурсов. Планировалась также доставка крайне необходимого для групп имущества и снаряжения воздушным путем.

Уже в 1935 году наиболее дальновидные руководители отечественной военной разведки пришли к выводу о необходимости тесного взаимодействия специальной и агентурной разведки («Опорные точки» для подразделений специального назначения, создаваемые силами агентуры РУ Штаба РККА) в интересах эффективного выполнения разведывательно-боевых задач.

В 1936 году во время событий в Испании спецотделение РУ Штаба РККА решает проверить эффективность диверсион-

ных действий и принципы боевого применения диверсионных групп типа «саперно-маскировочных взводов» в боевых условиях на фронтах Испании, куда направляются офицеры специальной разведки РУ Штаба РККА и командиры «саперно-маскировочных взводов».

Опыт борьбы в Испании показал высокую эффективность органов специальной разведки. Десятки взорванных мостов, сотни километров выведенных из строя железных дорог, более трех десятков уничтоженных воинских эшелонов, несколько аэродромов — вот далеко не полный перечень результатов действий органов специальной разведки.

В РУ Штаба РККА были первоначально организованы курсы-сборы, на которых было подготовлено всего 8 офицеров специальной разведки, но и эти курсы вскоре закрылись.

В 1937–1938 годах была не только прекращена работа по совершенствованию специальной разведки, но и ликвидированы те начинания, которые были проведены в 1934–1935 гг. «Саперно-маскировочные взводы» были расформированы, а «опорные точки» — ликвидированы.

Большая ответственность была возложена на военную разведку в условиях непосредственной подготовки к развязыванию Второй мировой войны. В этот период правительство приняло ряд важных мер по укреплению органов разведки. В 1934 году было введено в действие «Положение о прохождении службы в разведке». Разведчики получили ряд льгот, улучшилось их правовое и материальное положение.

В 1939 году началась финская война. Штаб РККА, по достоинству оценив эффективность действий финских диверсионно-разведывательных групп в тылу наших войск, ставит задачу Разведывательному отделу Ленинградского военного округа организовать в тылу у финнов диверсионные действия.

Но в силу субъективных факторов к началу Великой Отечественной войны специальная разведка Красной армии, в отличие от гитлеровского вермахта, оказалась не подготовленной к выполнению диверсионно-разведывательных задач в тылу противника, ее практически не существовало. А зародилась она еще в эпоху Петра I, создавшего специальные отряды (корпуса «корволантов»), громившие тылы и коммуникации шведов в Белоруссии и под Смоленском. Затем еще в более широких масштабах и с высокой эффективностью специальная разведка применялась великим русским полководцем М. И. Кутузовым, посылавшим в тыл наполеоновских войск подвижные воинские отряды и сумевшим правильно оценить их роль в обеспечении разгрома войск Бонапарта.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла существенные изменения в условия работы как в целом военной разведки, так и специальной в частности.

Так, например, разведывательный отдел Северного флота к 31 августа 1941 года сформировал и вывел в тыл противника 78 разведывательно-диверсионных формирований общей численностью до 3800 человек. РО Западного фронта с начала войны и до 15 сентября 1941 года вывел в тыл противника 52 нештатных разведывательно-диверсионных формирования. РО штаба Юго-Западного фронта в период с 22 июня по 1 августа 1941 года вывел в тыл противника 512 разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Условия, в которых приходилось действовать разведчикам на начальном периоде войны, были исключительно сложными. Малоомощные радиостанции не перекрывали больших расстояний, которые образовывались в результате отхода наших войск. Связь в основном поддерживалась путем посылки связников через линию фронта.

Прообразом и источником спецназа Советской армии в годы Великой Отечественной войны были: диверсионно-разведывательные формирования советских партизан; оперативные центры разведки, которые действовали, как правило, под видом партизанских формирований (с полным подчинением Главному разведывательному управлению Генерального штаба и разведотделам штабов фронтов); оперативные группы разведки, которые функционировали при некоторых партизанских формированиях и органах руководства партизанским движением и направляли их разведывательно-диверсионную деятельность в интересах регулярных войск; советнический аппарат от регулярных войск (офицеры разведки Советской армии, назначенные на штабные должности в партизанские формирования или представителями в состав руководящих органов партизанского движения).

В 1942 году руководство нештатными разведывательно-диверсионными формированиями было централизовано в масштабе страны. Для этой цели постановлением Государственного комитета обороны от 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был образован Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Необходимо было упорядочить дело организации и ведения оперативной специальной разведки.

В этой связи приказом Народного комиссара обороны от 23 октября 1942 года № 00222 предусматривалось проведение ряда мероприятий по улучшению работы военной разведки.

В ходе войны способы организации и ведения специальной разведки в тылу противника получили дальнейшее развитие и дополнились новыми, вытекающими из реально складывающейся обстановки, роста всенародной борьбы в тылу противника и в соответствии с потребностями разведывательного обеспечения операций действующих фронтов. Уже к началу 1943 года новой формой организации стало разведывательно-диверсионное соединение, создаваемое непосредственно в тылу противника. При выводе разведывательно-диверсионных формирований в тыл противника использовались наземный, воздушный и морской пути.

Тактика действий разведывательно-диверсионных формирований в годы Великой Отечественной войны отличалась большим разнообразием. Применялись засады, налеты, диверсии, своеобразным способом действий являлся рейд диверсионных формирований.

Важным видом деятельности разведывательно-диверсионных формирований явилось ведение разведки в интересах обеспечения повседневной деятельности самих формирований (разведка «на себя»), так и в интересах войск действующих фронтов.

Самоотверженная работа военных разведчиков была высоко оценена правительством. Более 180 тысяч военных разведчиков было награждено боевыми орденами, 121 из них присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а разведчику В. Н. Леонову это звание было присвоено дважды.

В результате обобщения опыта боевых действий разведывательно-диверсионных формирований в годы войны и в целях подготовки кадров для действий в тылу противника в военное время, по ходатайству начальников Главного разведывательного управления и Генерального штаба и в соответствии с директивой Военного Министра Союза ССР за № ОРГ/2/395832 от 24 октября 1950 года при общевойсковых и механизированных армиях, а также при некоторых военных округах (не имеющих армейских объединений) было создано 46 отдельных рот специального назначения по 120 человек каждая. Разведчики готовились к действиям в составе разведывательно-диверсионных групп численностью 8–10 человек.

Этот день, 24 октября 1950 года, принято считать днем основания специальной разведки.

Директивой Генерального штаба № ОРГ/6/395905 от 26 октября 1950 года руководство подготовкой рот специального назначения было возложено на Главное разведывательное управление.

Вслед за этим продолжилось воссоздание формирований спецназа КГБ СССР. И уже в 80-х годах все силовые ведомства имели соединения, части и подразделения специального назначения.

В 1953 году в процессе сокращения Вооруженных сил были оставлены одиннадцать рот, остальные — расформированы. Каждая рота состояла из двух линейных взводов, взвода радиосвязи и учебного взвода. В такой организационно-штатной структуре роты просуществовали до 1957 года.

В соответствии с указаниями Министра обороны директивой начальника Генерального штаба от 9 августа 1957 года было предложено провести следующие организационные мероприятия:

сформировать 20-й отдельный батальон СПЕЦНАЗ (ГСВГ), 27-й (СГВ), 36-й (ПрикВО), 43-й (ЗакВО) и 61-й (ТуркВО) отдельные батальоны специального назначения;

перевести на новую организационно-штатную структуру 75-ю (ПрибВО) и 78-ю (ОдВО) отдельные роты специального назначения, а также роты Уральского и Забайкальского военных округов.

На формирование батальонов специального назначения обращались существующие роты специального назначения. Для укомплектования указанных батальонов и рот отбирались лучшие военнослужащие из числа рабочей молодежи, физически здоровые, годные к службе в воздушно-десантных войсках и имеющие среднее образование, равномерно по годам призыва. На личный состав распространялись льготы, предусмотренные для воздушно-десантных войск. Срок службы устанавливался 3 года.

В результате проведенных оргмероприятий было сокращено количество рот с 11 до 4 и сформировано пять отдельных батальонов специального назначения. Боевая подготовка вновь созданных частей началась 1 декабря 1957 года и проводилась по программам Главного разведывательного управления Генерального штаба. Руководство и контроль подготовки указанных батальонов и рот возлагались на начальника разведки Главного штаба Сухопутных войск.

В конце 40-х годов XX века к руководству разведкой ВМФ СССР пришли люди, в годы войны служившие в разведывательном отделе штаба Балтийского флота и непосредственно занимавшиеся ротой особого назначения. Ими перед начальником Морского Генерального штаба ВМС, Военно-морским министром и ГРУ Генерального штаба Советской армии неоднократно ставился вопрос о воссоздании специальных

частей разведки ВМС. На этом же настаивали и командующие флотами.

29 мая 1952 года вопрос о воссоздании спецчастей легких водолазов-разведчиков был рассмотрен Военно-морским министром вице-адмиралом Н. Г. Кузнецовым и решен положительно. 24 января 1953 года на совещании с начальниками управления ГРУ Генерального Морского штаба министр подтвердил решение о создании на флотах отдельных морских разведывательных дивизионов (ОРМД), в первую очередь на Черноморском и Балтийском флотах.

24 июня 1953 года директивой Генерального штаба ВМС СССР был открыт штат морского спецназа Черноморского флота. К 1955 году часть полностью закончила организационную подготовку и приступила к практической подготовке водолазов-разведчиков.

15 октября 1954 года директивой Генерального штаба ВМС СССР открывается штат спецназа Балтийского флота.

18 марта 1955 года начинается формирование спецназа Тихоокеанского флота.

26 ноября 1957 года начато формирование спецназа Северного флота.

В соответствии с решением ЦК КПСС № 338 от 21 июня 1961 года и директивой Генерального штаба № М/2/68390 от 27 марта 1962 года были разработаны схемы организации и проекты штатов бригад специального назначения мирного и военного времени.

На основании приказа Министра обороны СССР № 0088 от 15 августа 1961 года было решено «в целях улучшения специальной разведки сформировать в военных округах дополнительно к существующим спецчастям по одной роте специального назначения в каждом внутреннем военном округе».

Отдельной директивой были созданы при Военно-дипломатической академии годовичные курсы, которые функционировали с 1 января 1962 года до сентября 1963 года. Курсы сделали два выпуска офицеров для частей специального назначения и разведорганов штабов военных округов, в общей сложности около 120 человек.

К 1 января 1963 года на основании директив Генерального штаба № 140104 от 5 февраля 1962 года, № М/2/68390 от 27 марта 1962 года и № 140547 от 19 июля 1962 года было сформировано 10 скадрованных бригад специального назначения (в ЛенВО, ПрибВО, БВО, ПрикВО, КВО, ОдВО, ЗакВО, МВО, ТуркВО, ДВО), силами которых и осуществлялась подготовка специальных кадров для действий в тылу противника.

В последующем в соответствии с директивой Генерального штаба № ОРГ/7/110125 от 25 июля 1964 года была проведена реорганизация частей специального назначения, в результате которой усилены скадрованные бригады, расформированы роты и батальоны в тех военных округах, где имелись бригады специального назначения, а высвободившаяся численность личного состава — сокращена.

Таким образом, в результате реорганизации к концу 1964 года насчитывалось 10 скадрованных бригад (во всех приграничных округах, МВО и КВО); два батальона (в ГСВГ и СГВ) и шесть рот СпН (в СкВО, ПриВО, УрВО, СибВО, ЗабВО, ЮГВ).

Учитывая важность языковой подготовки разведчиков, с летнего периода 1970 учебного года все бригады специального назначения приступили к плановому изучению иностранных языков в строгом соответствии с операционным предназначением.

В 1977 году в целях улучшения качества подготовки офицеров частей специального назначения было принято решение организовать подготовку специалистов-разведчиков частей специального назначения в отдельных группах в количестве 10 человек на каждом курсе разведывательного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе, начиная с 1978/79 учебного года.

Специфика боевого применения частей специального назначения заключается в организации и ведении активной разведки, проведении специальных мероприятий в тылу противника, выявлении и уничтожении диверсантов и банд в своем тылу, развертывании и использовании в интересах партизанского повстанческого движения формирований на захваченной противником территории, в борьбе с терроризмом.

К важнейшим традициям оперативной специальной разведки относятся: беспредельная преданность офицеров разведки Родине, их высокая идейность и сознательность, готовность отдать свои силы, а если потребуется, и жизнь для победы над врагом; уверенность в правоте дела, за которое они борются; строгое соблюдение военной и государственной тайны; постоянное стремление как можно лучше выполнить свой долг; товарищество и взаимная выручка; интернационализм; память о героях разведки, отдавших свою жизнь за Родину.

История специальной разведки изобилует многочисленными примерами проявления беспредельной преданности Родине, мужества, героизма и отваги разведчиков. Имена Героев Советского Союза В. В. Колесника, В. В. Арсенова, Я. П. Горошко, Ю. В. Исламова, Н. А. Кузнецова, О. П. Онищука и многих

других славных представителей оперативной специальной разведки по праву стоят в одном ряду с именами выдающихся советских военных разведчиков, чья деятельность является примером беззаветного служения Армии и выполнения воинского долга.

Вопрос о необходимости спецназа Вооруженных сил в России поставлен самой жизнью и объективно решается уже сегодня. Спецназ, имеющий богатый боевой опыт и традиции, может и должен возродиться и обрести свою былую мощь в кратчайшие сроки в интересах могущества дружественных государств и их Вооруженных сил. Эта задача не только государственная, но и всенародная. Спецназ станет тем стержнем, вокруг которого цементируются другие профессиональные военные кадры и вооруженные формирования, создаваемые на контрактной основе.

Жизнь — отечеству,
Душу — Богу,
Честь — никому!

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ... И ОДНА ВОЙНА

Привыкайте, живите
без нас,
С именами, что
мы носили.
Мы — разведчики,
проще — спецназ.
Мы награды нигде
не просили.
Ровной строчкой
на камне легли
Наши званья и
скорбная дата,
Чтобы имя
прочесть могли
Заменявшие нас ребята.

Рябина красная

Судьба Марса Шабакеева — это, по сути дела, судьба молодого поколения страны. Короткая жизнь этого юноши вместила в себя очень многое. В свои восемнадцать лет Марс мечтал сделать мир красивым, став архитектором или художником.

О Марсе написано много. Трудно написать что-либо новое, необычное. Поэтому мы решили использовать для очерка материал двух журналистов: Татьяны Шпак из газеты «Огни Вычегды» и Н. Майданской из газеты «Советская культура».

Его родители, испытавшие на себе войну и ее последствия, конечно же, мечтали, чтобы их сынишку обошел злой военный рок. Мама Галина Ахияровна заведовала библиотекой и с трехлетнего возраста воспитывала Марса одна. Марс рос в атмосфере сказок Грина, поэзии Блока, Есенина. В его комнате на стене и сейчас «грустит» Ассоль. Картина так и не закончена, хотя Марс начал писать ее еще в восьмом классе, да так и не дописал...

Марс учился и в экспериментальной школе, изучал иностранный язык, ходил в различные кружки, но его любовь к рисованию была беспредельна. Он мог часами, не шелохнувшись, сидеть и рисовать, наблюдать, как рисует мама, оформ-

ляя стенгазеты и плакаты. И в шестом классе он поступает в художественную школу. Он был из той породы людей, которые всё делают фундаментально, основательно.

Его способностям не уступало упорство. Так, например, сочинение о лирике Маяковского переписывал четыре раза, пока, наконец, не получилось то, что соответствовало его пониманию поэта. Точка зрения ученика оказалась настолько неожиданной, что учитель оценить сочинение не смог. Принято считать, что мнение учителя безапелляционно, а у него на всё — свое собственное.

«Хоть бы раз что на веру принял, — вспоминала учительница Любовь Алексеевна Истомина и тут же добавила: — Но именно с ним и было интересно. Согласитесь, в школе не так уж часто встретишь вот такую личность».

В худшколе все преподаватели пророчили ему будущее художника-профессионала. Он рисовал пейзажи, портреты... и играл с друзьями в войну, ходил на уборку хлопка. Мог вступить в драку, если надо за справедливость постоять. На ссадины, синяки и царапины внимания не обращал. Марс умел по-настоящему дружить. Всеобщий любимец, признанный лидер в классе, он никогда этим не пользовался ради собственной выгоды.

Зная его художественные способности, учителя, естественно, загружали его: он рисовал плакаты, стенгазеты, оформлял кабинеты, делал наглядные пособия к урокам немецкого и биологии.

Рисунки Марса были отмечены дипломом третьей степени на районном конкурсе «Я вижу мир». Его учитель Анатолий Неверов, преподававший Марсу основы изобразительного искусства, сразу понял, что это талант. Позже, когда Марса не стало, сокрушался, что не сумел его в этом убедить.

Он мог стать художником и творчеством своим утверждать добро. Склонность к рисованию у него от мамы. И то, что после школы он поступил в целлюлозно-бумажный техникум, для всех явилось неожиданностью. «Не сумел убедить в таланте». А на выставке в Сыктывкаре, в художественном музее, у его рисунка стоят люди. Восхищаются игрою цвета, техникой письма «по сырому»...

Среди школьных тетрадок — несколько карандашных набросков. Дискотека. Нарисовано так, что с места «слышно», как надрывается магнитофон. А в углу подпись: «Глухая тишина»... На другом парень с девушкой. Целуются. Невольно вспоминаются слова его классного руководителя Азы Андреевны

Ворониной: «Вскоре Марс так вытянулся, что стал самым высоким в классе. И самым красивым. По-моему, все девчонки в школе были в него чуточку влюблены...»

А он? Перед призывом в армию ездил на родину, к бабушке, там и встретил Галю. «Жду тебя», — напишет она на конверте и опустит письмо в почтовый ящик в полной уверенности, что дождется...

А ведь у Марса был выбор. Он сам настоял на службе в Афганистане. До этого пытался поступать в художественное училище имени Сурикова в Ленинграде, в Ухтинский индустриальный институт. Да так ли уж важно, кем бы стал Марс? Очевидно одно: что бы он ни делал, делал по-настоящему. Танцевал — все заглядывались, в самодеятельности играл как профессиональный актер; дом надо было построить — пожалуйста, любуйтесь. Из леса рябинку принес, посадил у калитки, переживал: не примется, слишком хрупкая...

Подождал срок службы, попросился туда, где труднее. В нем был резерв. Тот уникальный потенциал личности, который и срабатывает за пределом возможного.

Закончил «учебку» в Литве. Получил третий разряд по парашютному спорту. Командир подразделения предлагал ему остаться в «учебке» и поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

«Что скажут ребята?...» — писал он маме, когда в части уже стояли памятные обелиски ребятам, не вернувшимся из Афганистана. И в начале 1982 года Галина Ахияровна получила письмо: «Наутро нас собрали, и полетели мы в жаркую страну Афганистан. Думал и представлял ее совсем не такой. Охраняем здесь завод, на котором работают советские специалисты. Все полтора года будем ходить в караул, даже не представлял, что в Афганистане буду этим заниматься... Служба не тяжелая, совсем даже не опасная...» Почта, как всегда не спешила. Когда Галина Ахияровна читала эти строки, Марса уже не было...

На войне как на войне.

6 июня 1982 года подразделение специального назначения, в которое входило отделение Марса Шабакаева, приняло бой в районе кишлака Акча. Марс одним из первых занял оборону. Умело руководя боем, обеспечил отход товарищей. Его автомат замолчал последним. Рана оказалась очень тяжелой. Врачи сделали все возможное и даже больше, но вечером 6 июня 1986 года перестало биться сердце героя...

За пределом возможного Марс оставался личностью.

О нем буду помнить всегда. На его могиле на Центральном кладбище Сыктывкара собираются друзья. В музее техникума

хранится личное дело. В 22-й школе в комнате Боевой славы экспозиция о Марсе Шабакаеве занимает первое место.

Принялась на даче рябинка, окрепла. Оправившись от удара, Галина Ахияровна от сослуживицы узнала: в глухой таежной деревне остались без родителей десять детей, и самая младшая так слаба и больна, что вряд ли выживет. Ее-то, в два года не умеющую ни ходить, ни говорить, и взяла Галина Ахияровна. Удочерила Катю.

«Мне снова есть о ком заботиться, меня снова зовут мамой...»

«Домашний» Коля

По независящим от нас причинам мы не смогли связаться с родными Николая Синельникова и получить от них необходимую информацию. Поэтому напомним только то, что нам известно из различных печатных источников.

Его жизнь до армии похожа на судьбу большинства его сверстников: беззаботное детство, окруженное любящими родителями, детсадик, учеба в школе, пионерлагеря и становление молодого рабочего. Это до армии. А уж когда надевали ребята военную форму — тут пути их расходились. Кто в Союзе служил, а кто оказывал интернациональную помощь в Афганистане.

Колина мама, Любовь Васильевна, вспоминает о сыне: «Таких, как Коля, называют „домашними“ детьми, улица мало его интересовала. С интересом читал. Любил Толстого, Макаренко, играл в духовом оркестре на трубе. Заботился о младших своих братьях — Владимире и Алексее».

Николай попал служить в отдельный отряд специального назначения. Подготовку прошел в Ашхабаде. В отряде принял участие в Афганской войне, которая оказалась длиной всего в пару месяцев...

Действуя в составе группы, которая 13 декабря 1983 года вела разведку сил противника в опорном пункте на одной из высот, Николай Синельников прикрывал действия боевых товарищей. Мятежники обнаружили разведчиков и открыли по ним огонь, а затем начали окружать их, стремясь захватить в плен. Отбиваясь гранатами, Николай был тяжело ранен и от полученного ранения скончался на поле боя...

Под Мурманском, где разместился после выхода из Афганистана 177-й отдельный отряд специального назначения, открыли памятник воинам-«афганцам». На одной из плит — фамилия Николая. Потом, к сожалению, отряд был расформиро-

ван, памятник демонтирован и вывезен в Псков, где и войдет в состав мемориального комплекса, посвященного всем погибшим соединениям специального назначения.

Мы постоянно получаем письма, в которых, почти в каждом, вопрос: что собой представляли батальоны специального назначения, какие задачи выполняли?

Б. В. Громов, Герой Советского Союза, бывший командующий 40-й армией, в своей книге «Ограниченный контингент» пишет: «На мой взгляд, отдельные батальоны специального назначения были если не самыми, то одними из самых боеспособных частей 40-й армии. В состав каждого батальона входило примерно пятьсот офицеров, солдат и сержантов... Собственная разведка позволяла командованию батальонов прекрасно знать обстановку в своих зонах ответственности... особенно трудно пришлось батальонам, которые дислоцировались в Кандагаре, Лашкаргахе, Газни и Гардезе. Напряженная ситуация сложилась в Джелалабаде и сохранялась там на протяжении всех девяти лет».

Х. Эрикссен, норвежский журналист, не раз бывавший в Афганистане и находившийся с моджахедами, свидетельствует: «Вообще же это была война без линии фронта. Противостояние было тотальным, но противники воевали, не видя друг друга, ведя порой огонь наугад. Враг мог оказаться всюду, везде моджахедов ждала засада. Точно в таком же положении были и советские войска.

Вообще, я практически нигде не видел, чтобы боевые действия вели правительственные афганские войска. Такое впечатление, что воевали только русские.

Особым уважением афганских моджахедов обычные русские подразделения не пользовались... Но все же русских опасались. Но больше всего моджахеды боялись десантных войск и спецназа. Вот у них был огромный боевой опыт, и эти люди всегда действовали на основе достоверных разведданных, нанося удары прямо в точку. И это было страшно!..»

А к Синельниковым каждый год 9 мая приезжают боевые друзья Николая.

«Девяносто шесть дней и вся жизнь»

По неясным для нас причинам мы не получили ни одного ответа на наши письма от родных Вани Малюты. Поэтому наш очерк о разведчике Иване Малюте состоит из материалов, ранее напечатанных в различных изданиях Ростова-на-Дону.

Чистый свет пронизывает комнату. Широко разливается по стенам, полу, потолку. Свет льется из больших окон. А за окнами — звенящий мир. До краев наполненный бегущей жизнью. Весна шагает по земле. Странное ощущение, но в этой комнате с большими окнами исчезает восприятие времени. Кажется, время необратимо остановилось.

Огромный портрет на стене. Гитара. Полки с книжками. Много книг. Ванины любимые. Про мужество, армию, подвиг. Он мечтал стать офицером.

На том огромном портрете Ваня еще совсем мальчишка. Удивительно мягкие, правильные черты лица. Улыбка, добрая и чуть застенчивая, едва касается губ. А в глазах навечно застыла просьба: «Мои хорошие, любимые, родные, ну не надо грустить...»

Его комната. Его дом. Он очень любил свой дом. Здесь расцветала юность. Здесь родился сын. Взять его на руки не пришлось. Не успел...

Обо всем остальном расскажут письма.

Из писем жене, Светлане Григорьевне

«25 декабря 1983 года.

Как там поживает наш Димка? Растет? Силенок набирается? Жаль, что увижу его не скоро... Сегодня 25 декабря. Сегодня вечером уезжаю в Афганистан. За меня не волнуйтесь. У меня все будет в полном порядке. Встречайте весной 1985 года. А пока ждите писем из „края чудес“».

Ваня писал много. По слогу чувствуется, обдумывал каждое слово и фразу. Оберегал покой домашних. Старался беречь...

«Без даты.

...Эх, посмотреть бы сейчас на Димку! Какой он, наш малыш? Уже подросток, наверное. Смотрит на мир и воспринимает его таким, как есть. Он не знает еще плохого и хорошего. Мы с тобой вырастим из него человека — мужчину, рядом с которым другим будет хорошо и спокойно. А самое главное, чтоб в будущем наш малыш не увидел войны.

Знаешь, до армии понятие о войне было у меня каким-то неопределенным. Теперь знаю, что это такое. Ви-

дел своими глазами и не хочу, чтобы это же увидел когда-нибудь сын.

Я много встречал наших с тобой ровесников, чья жизнь будет уже неполноценной. Молодые ребята, но без рук и без ног. Видел гробы... Но не страх появляется. Желание свести счета с теми, от чьих рук люди гибнут...»

Он очень любил жизнь. До самозабвения. До гранитной уверенности — в этой жизни с ним ничего не случится. Ничего. Он счастливый. Он богатый на счастье. У него есть дом, любимая, есть сын, мама, отец, сестренка... А уезжая в Афганистан, дал слово себе: «Я вернусь. Обязательно вернусь!». У счастливых людей всегда так бывает...

«21 января 1984 года.

...Была небольшая командировка. Целыми днями и ночами лазили по горам, сопкам и равнинам. По камням и пескам. Каждый день и каждую ночь, пока мы мотались по этим афганским прериям, в мыслях со мной была ты.

Ночью сидишь на камнях — холодина, аж судорога сводит, а как подумаешь, что у меня есть ты, сын, — сразу теплее становится.

Сидишь, вслушиваешься в ночную тишину и все думаешь, думаешь. А звезды падают одна за другой. И за ночь можно загадать кучу желаний. И я загадываю: „Жить, жить...“»

«25 февраля 1984 года.

Не волнуйтесь за меня, ведь я же счастливый. Вы с Димушкой всегда со мной... Так хочется написать тебе много-много нежных слов, а начинаю писать — ничего не выходит. Получаются какие-то обрубки слов.

Извини меня, любимая моя, огрубел я, наверное, совсем».

«1 июня 1983 года.

...О чем я думал перед расставанием? А что думает человек, когда прощается с близкими и любимыми ему людьми? Я думал о том, что не видеть мне тебя целых два года, и я жадно ловил твой взгляд, черты твоего лица. Ты тоже была не очень веселой и, честно говоря, я думал еще о том, что, может быть, тебя никогда не увижу. Я ведь тогда знал, что еду в Афганистан».

Мать Вани, Галина Романовна, до сего дня не может простить себе, что даже попытки не сделала вернуть сына из проклятого «края чудес».

Сын призывал себя в Афганистан сам. Просьбы, рапорты и снова просьбы, просьбы: «Отправьте... Пошлите... Я там нужнее...»

Из писем матери, Галине Романовне

«Без даты.

...Мамочка, хлопотать о том, чтобы перевели служить в Союз, не надо. Мне нравится здесь служить. Нападать, тем более стрелять по нашему батальону душманы не будут. Боятся. Знают, чем для них это может кончиться. А знаешь, как они нас зовут? „Шурави“. А из-за тельняшек — „полосатый шурави“. И говорят: „Это очень плохой шурави“.

Не волнуйтесь за меня. Все будет в порядке. Я же у вас счастливый сын».

«Без даты.

Привет из солнечного Джелалабада!

Можете меня поздравить с повышением в звании — теперь я младший сержант. Прошу, за меня не волнуйтесь. Все у меня будет как надо...»

«Без даты.

... Здесь я нашел много хороших друзей. И в любой город Союза можно ехать в гости.

Эх, а домой-то как хочется!

Служить осталось год с небольшим. И долго это, и не очень. Но летом 1985 года обязательно буду дома».

«25 ноября 1984 года.

...Да, кстати, познакомьтесь. Рядом со мной на фотографии мой друг Эльдар Асанов. Парень отличный!».

В записную книжку Иван Малюта записал свои стихи:

МОНОЛОГ ПОСЛЕ ГОДА СЛУЖБЫ

Еще остался год, и мало, и немало.

Еще остался год до нашей встречи там,

Куда душа зовет, и по ночам, бывало,
Во сне я шел туда, к родимым мне краям.
Где ждет отец и мать, жена и сын-малышка.
Где тишина и мир, где нет давно войны.
...Чем выжечь ту жестокость,
во мне что зародилась?
Как с рук смыть кровь врагов?
Чем воскресить друзей?
Об этом не забудешь — на сердце зарубились
Два года испытаний для юности моей.
1984 год, Джелалабад

Из писем жене, Светлане Григорьевне

«27 января 1984 года.

...Сон приснился, будто послали нас не в Джелалабад, а в Союз. Мы подъехали к Ростову. Узнал, что пару суток здесь побудем, и отпросился у взводного домой. Не иду — бегу через весь город, а мысль одна — вот сейчас увижу тебя и Димку, и вдруг проснулся.

Не знаю, почему проснулся, ведь никто не мешал. Как я жалел, что это был лишь сон. Подумалось: странно, что увижу вас только через год и два месяца.

Да, интересно, а как Димка воспринимает меня? Как скоро привыкнет? А сегодня он даже представить не может, что отец считает где-то дни в Афганистане...»

«3 апреля 1984 года.

...Почти целыми днями летаем на вертолетах, все ищем, ждем крупный караван. Должен тут пройти такой с оружием...»

«6 апреля 1984 года.

...Целыми днями то на выездах, то на облетах. Комбат у нас — мужик мировой...

Извини, Светочка, очень спешу, снова выезжаю с комбатом...»

Это письмо было последним. Через день, 8 апреля 1984 года, младший сержант Иван Малюта погиб.

Девяносто шесть дней прошагал по пыльным дорогам «края чудес» славный, улыбчивый парень. А обещал вернуться. Дому обещал и себе...

А к ночи того дня снова падали звезды. И кто-то снова загадывал желание: «Жить, жить, жи-и-и-ть...»

...Нам не хочется верить, что будем забыты.

Нам так хочется верить, что вернемся назад...

(Из стихов однополчан, посвященных И. Малюте)

Отряд специального назначения, в который входили Иван Малюта и его друг Эльдар Асанов, вел бой у населенного пункта Бадкаш-Бара-Кала.

Ваня и Эльдар, обеспечивая прикрытие с фланга, оказались отрезанными от основных сил. Десантники, хладнокровно отстреливаясь, перебегали от одного укрытия к другому. Меняли позиции, не давая душманам возможности пристреляться и зайти в тыл.

Сколько это длилось? Пять, десять минут? Может быть, больше? Они не замечали времени, но твердо верили, что в беде их не оставят, и потому понимали лишь одно: надо беречь патроны. Иван лично вывел из строя несколько мятежников, но сам был ранен.

Друзья-десантники не выпускали оружие из рук до тех пор, пока не опустел последний магазин. Оглянувшись назад, они увидели бездонную пропасть каменного каньона. Отступать было некуда.

Подпустив поближе душманов, Иван Малюта и Эльдар Асанов подорвали себя гранатами...

Я остался один, в кольцо душманами взятый,
Кровью залит приклад, и обоймы пусты.
Пусть подходят поближе. Я тяжелой гранатой
Разорву тишину этих гор золотых...

Взрыв отозвался в глубине каньона, заглушив автоматные очереди спешивших на помощь товарищей. Они не успели совсем чуть-чуть...

В неравном бою 8 апреля 1984 года погибли, проявив мужество и героизм:

старший сержант АСАНОВ Эльдар,
рядовой БОРЕЦ Александр,
младший сержант МАЛЮТА Иван,
лейтенант СКУРИГИН Олег,
рядовой УЧАНИН Андрей.

* * *

Звезды над Кабулом неживые,
Кто-то зажигает их в ночи.
Были вы такие молодые...
Вспомним ваши лица, помолчим.
Может быть, ни разу еще в жизни
Не узнали женского тепла.
Надо ехать, позвала Отчизна.
Надо ехать, не нужны слова.
Писем вы отсюда не писали,
Строчки писем матерей не жгли.
Почему вы рано так упали,
Оторвавшись от родной земли?
Звезды над Кабулом неживые,
Кто-то зажигает их в ночи.
Были вы такие молодые...
Вспомним ваши лица. Помолчим...

Из письма однопольчан В. Сетенсева и М. Мирисманова

«...Когда Ваня еще был здесь, мы с ним говорили о смерти, ведь никто из нас не застрахован. Ваня говорил, что если придется умереть, то он унесет с собой в могилу столько врагов, сколько будет видеть их перед собой, чтобы было не обидно умирать. Он до конца остался верен своему слову, военной присяге, которую мы вместе давали Родине...»

В доме родителей Вани все так, как много лет назад. Как будто он только-только вышел. Память о сыне в сердце его родителей. Не высохли слезы поседевшей матери. Ваня так и остался навсегда юным. А Димка, который никогда не видел своего отца, все чаще замирает у его огромного портрета, что на стене комнаты, пронизанной светом.

«Как все хожу по земле»

Судьбы — как звезды. Одни, зажигаясь, горят ровно и не сильно. Не дают они никому ни тепла, ни особого света. Но есть и другие судьбы. В стремительном своем полете они по-

ражают нас своей яркостью. И, сгорая, оставляют немеркнущий свет в наших душах.

Саша рос в обычной семье. С детства привыкший к труду, рос, как тысячи его сверстников, впитывая в себя музыку только-только зарождающейся свободы.

«Саша рос послушным, трудолюбивым, добрым, — пишет мама Раиса Валентиновна. — Хорошо закончил 10 классов школы № 15. В школе занимался пулевой стрельбой, имел 2-й взрослый разряд. Грамот много осталось. А еще был классным фотографом, много читал, а шахматы всегда носил с собой в кармане, они сейчас в музее молодежи Афганистана.

Мечтал стать летчиком, поступал в военное училище, но медкомиссию не прошел — зрение подвело. Расстроился, конечно, но быстро взял себя в руки. Поступил в ПТУ, окончил его с отличием, получил специальность фрезеровщика и пошел работать на приборостроительный завод „Красное Знамя“.

Когда призвали и попал служить в учебный полк в г. Печоры Псковской области, где готовили десантников-разведчиков, понял, что впереди его ждет Афганистан.

В то время, в 1984 году, об Афганистане еще не говорили в полный голос.

После Печор был Чирчик, а потом — Афганистан.

Нам он писал: „Служу в Монголии. Обо мне не беспокойтесь, с парашютом не прыгаю, как все хожу по земле“.

В 14 боевых операциях пришлось участвовать Александру Аверьянову. 27 октября 1985 года разведчики выполняли боевую задачу в горах. Когда миновали перевал, командир заметил четырех вооруженных афганцев, внезапно появившихся из-за склона. Они несли мины. Выйдя на дорогу и осмотревшись, афганцы стали копать землю. Видно, завершали организацию засады. В это время у разведчиков заговорила радиостанция — подошло время установленного сеанса связи. В мертвой тишине эти звуки душманы слышали. Опешив, один из них выпустил наугад очередь из автомата. В ответ обрушилась лавина огня на головы моджахедов. В считанные минуты противник был буквально сметен шквальным огнем разведчиков. Схватка была короткой, но ожесточенной, как любой ближний бой. Разведчики подорвали накладным зарядом мины и, продолжая движение, вошли в «зеленку». И тут прозвучал тот выстрел. Резкий, колючий выстрел из снайперской винтовки.

3 ноября 1985 года Александр Аверьянов вернулся домой, в Рязань. Вернулся в цинке...

Дважды суворовец

Суворовец по месту рождения — в городе Суворове. Суворовец — потому что закончил Суворовское военное училище. Причем с медалью. Впрочем, и до училища все восемь классов общеобразовательной школы проходил на «пятерки».

Вообще все, за что брался Юрий Макаров, делал на «отлично». Рязанское воздушно-десантное училище закончил с «красным» дипломом. Следы его жизни — похвальные листы, почетные грамоты, дипломы, благодарственные письма, золотые медали и, наконец, орден. Посмертный.

Простой советский человек, как принято было говорить в его время, Юрий родился и вырос в простой рабочей семье. Отец, Макаров Павел Михайлович, был шофером, мать Юлия Васильевна — рабочая шмотного завода. Жили скромно, но праведно. И детей выучили. Старшая дочь стала химиком-технологом, сын — офицером.

Из письма матери: «Он с детства был приучен к труду. У нас был земельный участок и небольшое хозяйство. Копал огород и кормил кур, поросенка. Когда был еще небольшой, не мог донести ведро с кормом. Мы, уходя на работу, выносили ведро в сарай, а там он уже сам кормил свое хозяйство.

Он очень любил свой город Суворов. Однажды я шутила ему сказала: „Если я останусь одна, то уеду к дочке“. Он мне ответил: „Нет, мама, ты будешь жить только здесь. Когда пойду работать, ты бросишь работу и будешь сидеть дома, а я буду тебе помогать во всем“».

Золотое сердце сына было пробито...

А как он любил жизнь! Как любил друзей!

Его любимым праздником был Новый Год. В доме всегда наряжалась елка. Он хотя бы на одну новогоднюю ночь приезжал домой, где бы ни был. Дом наполнялся веселыми голо-

сами многочисленных друзей. Радостно и покойно было в душах родителей.

Собирался он встретить дома и 1986 год... «Отпуск я свой хочу оттянуть до Нового Года, но не знаю, получится ли», — писал он родителям.

Не получилось. 19 октября 1985 года лейтенант Макаров повел свою группу на прочесывание «зеленки» у кишлака Бен-нисанг. В завязавшей перестрелке с душманами погибли двое солдат из его группы. Сам Юрий тоже был ранен. Он принял решение не оставлять противнику тела погибших. Превозмогая боль, он с товарищами пытался вынести тела. Тут и настигла его та самая пуля...

В городе Суворове есть площадь имени Юрия Макарова. К воинской славе русского генералиссимуса он добавил свое имя лейтенанта-спецназовца.

Годы проходят. И много лет спустя ему посвящают стихи.

Из городской газеты «Светлый путь» за 22 февраля 1997 года:

Ю. Макарову

Любить девчат своих в России,
Пахать поля, ковать металл —
Все силы в годы молодые
Тебе б он, Родина, отдал.

Вдали туман, там видны горы,
За перевалом — перевал.
Свистят там пули, рвутся мины —
Вот это есть Афганистан!

Солдатам дали снаряженье —
Идти им в бой — душманов бить,
А сердце парня молодое,
Оно должно людей любить.

Вдали опять синеют горы,
За перевалом — перевал.
И в той стране, нам незнакомой,
Наш Юрий жизнь свою отдал.

Отдал за что — не знаем сами —
Не за российские поля,
Пробил твой час, но нет победы,
Там лишь судьба, судьба твоя.

Н. Винокурова, г. Суворов

Жизнелюб

Учительница Мичуринской средней школы № 4, где учился Сергей Маркитанов, Н. Ралдугина подчеркивает его открытость, широту души, веселый характер. «Хорошо помню, как широко он улыбался, раскатисто и заразительно смеялся. Мне кажется, что этот его искренний смех до сих пор звучит в ушах».

Есть такие жизнелюбы, на которых только посмотреть — и умирать не надо. Они сами бурно радуются жизни и других заражают радостью бытия. Сергей был из таких. У него особый талант в любом деле, в любой ситуации видеть прежде всего жизненную сторону. Не вышло сейчас — выйдет потом, потерял здесь — найдешь там. Не унывай!

«Его веселость, светлая улыбка часто помогали нам в нелегкой службе. Без Сергея у нас стало как-то пусто», — писали сослуживцы его родителям Михаилу Ивановичу и Марии Николаевне после его гибели.

А родителям ли не знать характер своего сына! И в школе, и в техникуме он как бы не обременял ни себя, ни родителей особыми заботами и стараниями. Тройка? Или даже двойка? Какая малость на фоне радостного лучезарного дня! Неужели омрачать его какой-то там неприятностью?

Армия? Ну и что?! Посмотрите, родители, как мне здесь хорошо среди друзей-десантников! И мама с папой видят на присланной из Печор фотографии живописную группу жизнерадостных, даже чуть форсистых парней, бравирующих десантными беретами, тельняшками и камуфляжем. Да каждый, кто видит этих полных энергии и уверенности в себе ребят, залюбуется ими.

«Ну что ты, папа, беспокоишься обо мне? — как бы говорит сын приехавшему навестить его Михаилу Ивановичу. — Все у меня идет как надо. Кстати, познакомься с моей невестой», — и зимнюю шапку-ушанку сдвинул набекрень. Так и зафиксировался на фотографии с отцом и прильнувшей к нему невест-

той. Радовался жизни. А ведь это было перед Афганом. Все это понимали, но держали при себе.

Потом он будет писать письма родителям по рабочему адресу отца с вложенным конвертом, на котором будет стоять московский адрес, чтобы мама, которая готовилась к операции, думала, что он служит в Москве, не волновалась за него.

Казалось, такого жизнелюба и смерть сторонилась. За восемь месяцев, проведенных им в Афганистане, много раз он сталкивался с опасностью, но когда разведчик рассчитывает на свои силы, ситуация у него под контролем. А вот когда разведгруппа, успешно выполнив боевое задание, будет возвращаться на вертолетах в место дислокации, когда схлынет напряжение и расслабленные разведчики будут хохотать по причине и без причины, — вот тогда-то смерть может «достать» неуязвимых десантников. Так и случилось 6 декабря 1985 года в районе населенного пункта Коталак провинции Нимроз. Вертолет, где летели веселые разведчики вместе с жизнелюбом Сергеем Маркитановым, был подбит, загорелся и разбился.

В живых никого не осталось.

Ты прочти про меня в газете,
Если писем подолгу нет.
То, что жив и здоров на свете
Ограниченный контингент.

Друг последней взорвался гранатой,
Прокричав, что смерти нет...
Навсегда запомнят ребята
Ограниченный контингент.

Нас свинцовые бьют многоточья,
В жизни точку поставив в момент.
Ты поверь, нам всем жить так хочется —
Ограниченный контингент.

Пусть нас дети по письмам знают
И целуют старый конверт,
И хранят пусть твои медали,
Ограниченный контингент.

Адский цветок

Об Алексее Туркове привыкли судить как об очень скромном, даже по-девичьи застенчивом пареньке. Никто не мог его представить военным, командиром, тем более десантником. Даже директор шестой школы, где он учился, Зоя Павловна Винокурова перед выпуском спросила, действительно ли он собирается в военное училище.

В ответ он только зарделся.

Мама его, Ангелина Алексеевна, хорошо зная мягкий характер своего сына, советовалась с отцом, не повлиять ли им на выбор профессии. На что отец мудро рассудил: в этом деле нельзя становиться поперек, чтобы потом он не упрекнул. Отец видел, что он берет пример со старшего брата Владимира, который служил в десантных войсках.

Даже жене Наталье Ивановне показались «книжными», немного выпрєнными его слова перед отправкой в Афганистан («Я за Родину жизнь отдам»), но, как оказалось, он жил этим. Так он мыслил, так чувствовал.

Обыкновенно такие «мягкие» характеры склонны к лирике, к излиянию своих чувств в дневниках и письмах. Но Алексей, наоборот, был по-мужски скуп и по-военному краток в письмах.

Только потом, после его смерти, в многочисленных откликах, письмах сослуживцев и друзей, в просьбах горожан о переименовании улицы его именем открывались некоторые детали, дополнительные краски, рисующие его образ.

В августе 1984 года счастливая семья советского офицера, получившая квартиру по месту службы в Кировограде, приехала в Богородск, к родителям в отпуск. Не успели мать с отцом наглядеться на возмужалого сына, красавицу-невестку, ненаглядную внученьку Машеньку, как Алексей был телеграммой отозван в часть: командировка в Афганистан. Через пять месяцев, в январе 1985 года он снова навестит родителей, скажет: «Вот приехал догуливать прерванный отпуск». Гораздо позже отец узнает, что отпуск-то был вынужденный, из-за контузии.

Это был первый звонок. Второй звонок прозвучал еще через полгода: вертолет, в котором он летел, разбился. Алексей остался жив. Вылечился в госпитале в городе Калининграде — и снова в бой. Туда же, в сою роту.

Вернулся в начале сентября 1985 года, а 19 сентября погиб. С третьего захода подобралась к нему смерть.

И опять же не сразу, много позже в журнале «Молодая гвардия» в очерке о прапорщике Юрии Дурневе будет описан тот бой, и мы узнаем вместе с тем прапорщиком, что «на месте Туркова должен был стоять он. Офицер пошел вместо него, неопытного бойца. Дурнев побежал в санчасть, выпросил пулю с развороченной оболочкой. Этот адский цветок стал его талисманом».

Нежный лакомка

Когда заходит речь о Володе Березкине, его мама Зинаида Михайловна плачет. «Отوبرали у меня самое дорогое, вырвали из сердца...»

Материнское сердце. Его невозможно исследовать, понять. Это сердце Матери. Это громкое имя женщины, дающей Жизнь. Что может быть дороже?

Вот и ему, своему первенцу Володеньке, дала она жизнь, первый глоток которой он сделал 22 апреля 1966 года. Она его боготворила, лелеяла. Все лучшее — ему, кровинушке ненаглядной. Он платил ей такой же преданной любовью, был нежен с матерью, жалел и всячески помогал. А она старалась выкроить из семейного бюджета лишнюю копейку и купить ему что-нибудь сладенькое. Любил он полакомиться.

Учился как все. Ничем особенно не выделялся. Занимался легкой атлетикой, играл в футбол. Потом в СПТУ № 22 получил специальность сварщика-арматурщика и начал работать на комбинате строительных конструкций г. Северодвинска в цехе № 12. Работал недолго. Пришла пора встать в строй защитников Отечества.

Едва успел отпраздновать свое 19-летие. В то время начали звучать первые робкие теле- и радиопередачи об Афганистане. Появилась первая правдивая информация о необъявленной войне. Володя находился в Нахабинском учебном центре под Москвой, где осваивал редкую армейскую специальность: радиоминер. О своей новой профессии, диаметрально противоположной гражданской, он домой не писал. Да и нельзя было. Военная тайна.

Закончив «учебку», получив сержантские лычки, прибыл Володя Березкин в Афганистан, на юг, в Кандагар, в отдельный отряд специального назначения.

Началась боевая работа. Засады, выходы, досмотры караванов. Десять боевых выходов было на его счету. Одиннадцатый — был последним...

18 апреля 1986 года разведывательная группа специального назначения под командованием старшего лейтенанта И. А. Тупика получила задачу выдвинуться в район населенного пункта Суруби, на помощь ведущим тяжелый бой сослуживцам.

На подходе к району боевых действий слышали ожесточенную стрельбу. Группа заняла огневые позиции. Моджахеда сосредоточивались для последнего броска. Их нельзя было упустить.

Младший сержант Березкин получил приказ заминировать выход из ущелья. Ждать больше было нельзя. Володя пополз. Он успел установить несколько мин, когда пуля снайпера нашла его... Победа далась дорогой ценой. Погибло семь разведчиков группы. Шестым был Володя, седьмым — командир, ст. лейтенант И. А. Тупик, умер от полученных ран в госпитале.

В Северодвинске их всего пять, пятеро ребят, погибших в Афганистане. Память о них свято хранят земляки. И о Володе Березкине память будет вечной. И в его имени, которое присвоено учебному цеху, и в том, что он навечно занесен в списки рабочего коллектива комбината, на котором работал.

Деньги, заработанные цехом, носящим его имя, перечисляются в Центр реабилитации больных, потерявших здоровье в Афганистане.

Ежегодно 22 апреля, в день рождения Володи, для первокурсников ГПТУ № 22 проводится линейка его памяти.

А с портрета на них, молодых, с улыбкой смотрит 19-летний герой, с истинно русской фамилией — Березкин...

«Чтобы ты мною гордилась...»

О своем муже Сергее Владимировиче Куба рассказывает его вдова, Марина.

«По натуре — гусар, мог на последнюю десятку купить мне цветы или истратить ее на такси. На год раньше своих сверстников пошел в школу и, опасаясь, что его, 16-летнего, могут не принять в училище, написал письмо Министру обороны СССР. Тот дал добро на поступление... Тяжело ему приходилось на первом курсе рядом с теми, кто отслужил уже в армии. Но нужно знать его характер: привык быть первым — через пару лет китайский язык знал лучше других курсантов, на конкурсах бальных танцев ему не было равных — „вот мы какие“. Физически очень развитый парень... Глаза у него были

очень выразительные. Глазами разговаривал... С любым человеком находил общий язык. И он, и я — из семей военных, ракетчиков, вместе с родителями кочевали по военным гарнизонам, и так получилось, что дважды после переездов вновь оказывались в одном классе. В 8-м влюбились...

Сережа нарушил семейную традицию и пошел учиться не в ракетное, а в десантное училище.

Настя родилась, так он каким-то образом на сутки сбежал из училища в Воронеж: открываю дверь — Сережа стоит на пороге в гражданской одежде. Дочь повидал и обратно...

После училища нас ждала Чита: глухой гарнизон, дома, насквозь промерзающие зимой. Ребенок болел, и Сережа сильно переживал, думал, как выбраться из глухомани. И Афганистан, очевидно, в его мыслях возник как вариант, хотя и опасный. А меня при слове „Афганистан“ трясло. Из ДРА приезжал в отпуск, вместе встретили 1986 год. Его отец, в ту пору занимавший достаточно высокий военный пост, настоял, чтобы сын прошел обследование — у Сережи были боли в спине, сказывалась давняя травма. Врач посмотрел и сказал, что с десантными войсками придется расстаться. Об этом знал только отец.

6 января я провожала его, и на перроне почему-то пришла мысль, что вижу в последний раз, хотелось бежать за поездом. Отец мог оставить его в Союзе, но не стал. „Мой сын офицер и коммунист“. После гибели Сережи он прожил недолго — не перенес...»

Строки из писем: «Здравствуй, любимая! Те минуты, когда я был рядом с тобой и Настенькой, были для меня подлинным счастьем. Это как пища для голодного, как сон для уставшего. Любимая жена, милая дочь, что еще надо человеку?

Но знаешь, родная, мне еще надо, чтобы ты могла мною гордиться. Чтобы ты любила человека, достойного такой прекрасной, умной женщины, как ты...» Это — письмо курсантской поры...

Лучше любящего сердца никто не скажет. Марина замечательно передала прекрасный образ Сергея.

* * *

Не верьте похоронкам — врут!
Не верьте сводкам — сводки брешут!
Вновь зацветут весной черешни —
Солдата ждут, солдата ждут,
солдата ждут!

Не верьте вычурным речам,
Не верьте гнусным борзописцам —
История писалась в лицах
И здесь и там, и здесь и там,
и здесь и там!

Не верьте сплетням — все не так.
Не верьте слухам — все иначе,
Но почему тогда все плачут?
Последний шаг, последний шаг,
последний шаг...

«А у десантника судьба порой...»

Можно прожить долгую жизнь и ничего выдающегося не сделать. Можно прожить короткую жизнь, но яркую, и оставить о себе немеркнущую память в сердцах всех знавших тебя. Такую жизнь и прожил Николай Муравчук. 20 лет и 4 месяца.

В родной станице Краснодонецкой прошло его детство, пролетели школьные годы. Здесь началась его трудовая биография. И первые робкие чувства любви он познал здесь же. Начиная с третьего класса он вместе со сверстниками в свободное от уроков время работал в колхозе. Примером ему служили его родители: отец Алексей Иосифович и мама Валентина Васильевна. Он равнялся на них и старался везде быть первым.

Служба началась на южной границе. Затем был Афганистан. Чтобы не волновать родных, в письмах домой больше писал о погоде:

«...Загораем, отдыхаем — готовимся, короче, к „дембелю“. Жара уже невыносимая. Скорее бы домой — второе лето здесь проводить нет желания. Ну, в общем, все отлично».

О том, как Николай «загорал», рассказал его друг Александр Сарапкин, воевавший вместе с ним: «18 апреля наш батальон вступил в местечко Суруби в провинции Кабул. Нас послали сюда как самых подготовленных. Первая схватка с „духами“ была успешной. Николай с отделением захватил у противника ДШК (зенитный пулемет). Тогда его представили к ордену Красной Звезды. До этого была еще одна операция, по результатам которой Николай за мужество и героизм был награж-

ден медалью „За отвагу“. Это была первая боевая награда. После этого коммунисты части приняли его кандидатом в члены КПСС».

Потом была та, последняя, операция. Вспоминает А. Сарапкин: «Нам поставили задачу провести рейд по «духовским» кишлакам с целью уничтожить находящиеся в них банды. Обложили мы один кишлак. Выследили и захватили нескольких полевых командиров. А главарь всей группировки в Суруби ушел.

С рассветом 23 апреля «духи» предприняли попытку уничтожить батальон и освободить своих. Но их атаки отбила одна из наших рот, которая находилась в прикрытии на вершине горы. Целый день «духи» атаковали наши позиции, обстреливали нас из гранатометов, забрасывали гранатами».

Одним словом, было так, как в стихах из записной книжки Николая:

В нас бросали ножи
И стреляли со скал.
Крепко челюсти сжав,
Кто-то кровь проливал,
Кто-то просто упал,
Но позиций не сдал...

Есть в солдатском фольклоре ВДВ такие слова: «Если смерть глядит в глаза товарищу, переведи этот взгляд на себя».

Тогда, в апреле 1986 года, под Суруби в Мараварском ущелье многие из десантников переводили взгляд смерти с товарища на себя.

Вспоминает А. Сарапкин: «С наступлением темноты мы выдвинулись на высоту забрать убитых и раненых. Один из подходов к ней, место возможного прорыва противника, был заминирован нашими саперами. Но сообщить нам об этом они не успели, так как во время работы один был убит, а другой тяжело ранен. Коля шел впереди, он всегда и везде был первым. Почти у самой вершины он и Лысов Владимир наскочили на мину...»

...Подрыв, огонь и боль в глазах,
Вокруг друзья стоят в слезах
И на руках несут назад.
Дойти нам надо до рассвета,
Чтоб не остаться в скалах этих...

Они были еще живы, когда их донесли до врача. Врач сказал, что через месяц Коля будет ходить. Но никто не заметил дырочку от осколка в груди. Через 10 минут Коля стал задыхаться, остановилось сердце. Не помогло и искусственное дыхание. Он умер.

...Дошли. И солнце над горами
Ласкает остров наш лучами.
Но не увидят его те,
Кто в «цинках», в полной тишине...
Тоска и боль приходят сразу
Держишь, браток, ты из спецназа.
В Афганистане слабых нет.
Здесь жизнь, как сон. А сон — как бред.

Вспоминает бывший командир роты Игорь Семенов: «Я пытаюсь порой восстановить в памяти имена тех ребят, которые погибли. Тяжело все это вспоминать, ведь все они, эти ребята, герои стоят перед глазами; имена иногда стираются из памяти, но лица и глаза — никогда.

Стоит перед глазами Коля Муравчук — сержант, награжденный медалью „За отвагу“. Потом орден Красной Звезды. И... была у нас такая операция в районе Чемшай-Мета. До увольнения в запас оставалось пять дней. Коля вытаскивал раненых из-под огня. Случайная растяжка, и пятьдесят осколков вошли в его тело... Последние слова его были: „Ну, все, ребята“. Посмертно — орден Красного Знамени. Я плакал тогда, как ребенок, думая о том, как все-таки несправедлива судьба. Золотой был парень, с которым можно было идти хоть к черту на рога. Забыть это невозможно...

Меня самого постоянно преследует мысль о том, что все, что было с нами, не должно остаться неизвестным. Ведь память о ребятах — это, пожалуй, единственный долг, который остается у каждого из нас перед ними».

Об этом, одном из трагических эпизодов афганской войны — гибели в бою роты спецназа, рассказывается в книге Петра Ткаченко «Слово о Мараварской роте».

Всего тогда погибло 6, были ранены 25 человек.

Но потери не были напрасными. Как потом стало известно, в этом бою «духи» потеряли убитыми около 200 человек. А ведь ими руководил пакистанский военный советник. Всего же роте спецназа противостояли 500 человек, а банда в 300 человек была на подходе. Но никто не прошел. На пути банды стали ребята в голубых беретах, 35 против 500.

Закончить этот очерк хочется стихотворением из блокнота Николая Муравчука.

Афганскую землю топча сапогами,
Пришли мы сюда и долгу верны.
Пришли мы сюда густыми рядами,
Простые солдаты Советской земли.
И снова упрямо мы лезем в гору,
И снова взалхлеб строчит пулемет.
А парня уж нет, ты не жди его, мама,
Его уже больше никто не вернет.
О, черные скалы и рыжие сопки!
О, сколько погибло здесь наших ребят!
Вы видели, камни, как дружны ребята,
На что он способен, советский солдат.
Афганскую землю топча сапогами,
Пришли мы сюда, и мы не уйдем,
Пока не покончим навек с басмачами,
Может, живыми вернемся домой.

Не вернулись... Осталась память.

Последний бой...

Прежде чем начать читать этот очерк, еще раз посмотрите внимательно на фотографию Вадима. Здесь нет ретуши. Это любительская фотография. Десантник при полном параде, лихо сдвинут на бок берет, тельник выглядывает из-под расстегнутого воротника кителя, на груди знаки воинской доблести. Но нет лихой бесшабашности бравого вояки, что-то облагораживает, оттесняет на второй план внешние его атрибуты...

Глаза... Посмотрите на его глаза. Они серьезные. На всех, даже детских фотографиях — серьезные. У него и отношение к жизни было иное, чем у всех его одноклассников, — более серьезное, основательное.

Мама Вадима Елена Львовна растила его одна. Так уж сложилась личная ее жизнь. Да бабушка, Любовь Петровна Абкина, помогала, заражая внука своим оптимизмом, передавала свою любовь к Родине, большую жизненную энергию.

Рос Вадим послушным, но далеко не идеальным, как все его сверстники... Как все пацаны, играл в «войнушки» и в «костры». Мог и на уроки не пойти. Правда, всегда признавался в этом и

утешал мать: «Мама, я ведь способный, все равно „пятерку“ получу». И смеялся. Ну как на него сердиться...

А учился он действительно хорошо. За первые три класса в школе № 64 получил похвальные листы за отличные успехи. У него было три страсти: спорт, чтение книг и музыка.

Занимался плаванием в бассейне стадиона «Динамо», потом в школе № 2 Олимпийского резерва — легкой атлетикой, а позже увлекся прыжками с шестом. У него была заветная мечта: взять четыре метра. Три девяносто он брал. Даже три девяносто пять. Четыре метра были как заколдованные.

— Вернешься из армии — перепрыгнешь, — сказал Вадиму его тренер Юрий Яковлевич Викторов. Ему нравилась настойчивость и упорство юного прыгуна.

— Перепрыгну, можете не сомневаться, — сквозь зубы бросил, зачехляя шест, Вадим.

У него были любимые писатели — Цвейг, Хемингуэй, Ильф и Петров.

Елена Львовна вспоминает: «Если в соседней комнате раздавался время от времени звонкий смех, все знали: Вадим пересчитывает — в десятый или двадцатый раз — „Золотого теленка“ или „Двенадцать стульев“. Он заражал своим стремлением читать все подряд всех одноклассников».

Наташа Литвиненко: «Я читаю Ильфа и Петрова — мне, честно говоря, не очень смешно, а он прямо-таки заливается. И рассказы Цвейга мне не нравятся. А вот Хемингуэя он для меня открыл. Посоветовал однажды: прочти „Прощай, оружие“. Это произведение потрясло меня. Он у нас был вообще самый начитанный в группе. Учился на „отлично“. Память у него была феноменальная».

И, наконец, третья его страсть — музыка. Рок-музыка. По части музыкальных групп он был ходячая энциклопедия. Но что интересно: любимыми песнями были, в отличие от рок-песенников, наши, спокойные, душевные: «Есть только миг» и «Девять граммов в сердце» из кинофильма «Белое солнце пустыни». Он здорово играл на гитаре, и ребята всегда просили его исполнить любимые песни под гитару.

Как-то в группе зашел разговор о том, как, кто и почему решил поступать в институт физкультуры. Оказалось, что не из-за спорта, не из-за любимых прыжков пошел в институт Вадим Миронов. Из-за детей. Он так и сказал: «Из-за детей, хочу, чтобы всегда рядом со мной были дети». И во дворе все своих малышей на него оставляли, знали, что с ними ничего не случится, если они с Вадимом.

Видно, эти прыжки с шестом и сыграли свою роль в выборе воинской профессии. Полет при прыжке с шестом длится несколько мгновений. За это время прыгун переживает целую гамму противоречивых по своей сути чувств. Он идет в атаку на высоту, планка — его враг...

Глядя на подтянутую, спортивную фигуру призывника, члены комиссии райвоенкомата были единодушны: в команду 33 — воздушно-десантные войска.

Учеба в учебном подразделении в городе Печоры Псковской области пролетела быстро. Перед выпуском из «учебки» он написал второй рапорт на имя командира учебного подразделения, в котором просил направить его в Афганистан. В первой просьбе ему категорически отказали. В его личном деле было записано, что он один у матери. Но он все-таки настоял на своем.

Невыносимой пыткой для него было учить молодых солдат и отправлять их в Афганистан, а самому оставаться.

Уже потом, получив боевое крещение, он писал двоюродной сестре Ирине:

«...не знаю, поймешь ли ты меня, но все пути назад закрыты. Я пошел добровольцем. Пойми, трудно быть подонком и подлецом по долгу службы. А кем я был полгода, когда учил своих курсантов, которые должны были идти „за речку“? И как смотреть в глаза — беспокойные, полные упрека — их матерей, приезжавших провожать своих сыновей? Я не мог, не мог остаться в Союзе. Я корил бы потом себя всю оставшуюся жизнь. Помнишь, тот мальчишка, о котором я тебе писал, погиб. Это было уже слишком...

Зато теперь моя совесть чиста.

Главное, матери не говори об этом. Я ей пишу, что езжу по командировкам, как художник...

Писал и другие письма:

«У меня все в порядке, из подразделения не выхожу. Заделался писарем — так что теперь штабной человек. Тебе обо мне нечего беспокоиться. Похудел, правда, на 15 килограммов, но ничего, приеду, ты меня откормишь».

Елена Львовна, конечно, не верила в его штабную жизнь. О своей другой жизни, полной смертельной опасности, он

писал друзьям, двоюродным сестрам. С обязательным постскриптумом в конце: «Без права передачи маме».

Матери все же пришлось написать правду: *«Подумаешь — Афганистан. Да что тут страшного... Сижу целыми днями, магнитофон слушаю — у нас тут общий „Шарп“. А бои... Так это дело добровольное...»*

Лишь много позже она узнала, что вместе с отрядом Вадим по несколько раз в месяц отбивал атаки душманов, что по возвращении на базу валился с ног от усталости, но отдохнуть как следует не успевал — нужно было готовиться к новому выходу, а значит, и к бою.

Письма, письма, письма... Он писал много и многим. Разные по стилю и содержанию. Но всегда искренние, теплые, заботливые — любимой маме. Такие же нежные, но более суровые — двоюродной сестре, огромные, по пять и больше страниц — Наташе Литвиненко, однокурснице. Нет, она не была девушкой Вадима. Просто хороший, добрый товарищ. Они переписывались. Он так и не успел познать светлое и таинственное чувство любви. Это страшно — умереть, не познав любви...

Идти в тот последний бой его отговаривали все друзья и товарищи: «Вадим, ты домой готовься, молодых полно. Ты свое отвоевал». Но он пошел.

В одном из последних писем сестре он писал:

«Ты помнишь „По ком звонит колокол“ Хемингуэя? Мне кажется, что если он по ком-то звучит, то еще не значит, что не по тебе...»

Наташе Литвиненко:

«Завтра рано утром я уйду. Я очень долго ждал этого дня. Целый месяц страдал от безделья. Тут такая тоска... Парни, с которыми вместе служили в Союзе, прислали письмо с „Севера“. Страшное письмо. Некоторых из тех, с кем договорились встретиться после службы, нет в живых...»

Он уходил в последний бой, твердо веря в свою звезду. Какая смерть? Этот бой последний. А там — домой.

Через неделю ожидали выхода приказа об увольнении в запас воинов его призыва. Он уже приготовил парадный китель с боевыми наградами.

«Дембельский мундир» вместе с документами и личными вещами передал матери лейтенант, привезший тело Вадима

домой. Пряча глаза, стараясь избегать материнского взгляда, он рассказал о его гибели:

«Пуля попала ему в голову. Уже кончен был бой, уже сложили оружие бандиты, уже облегченно вздохнули наши парни... И тут — автоматная очередь... Через мгновение перестало биться большое, чистое и доброе сердце. Через полтора месяца ему исполнилось бы двадцать лет.

Это была единственная потеря нашего подразделения в том бою».

Произошло это у высоты с отметкой 729, на юге Афгана.

Спустя девять дней после гибели Вадима домой пришло письмо оттуда... Его письмо. Письмо сына, которого уже не было в живых. Письмо медлительнее пули...

В 64-й школе, где учился Вадим, третьи классы соревнуются за право носить имя Вадима Миронова. На фасаде школы — памятная доска. Возле установленного в школе портрета — всегда цветы. Его имя увековечено на памятнике студентам института физкультуры, погибшим в Афганистане.

На броне одного из бронетранспортеров подразделения, где служил Вадим, было начертано его имя. Его автомат вручался лучшему воину подразделения. Так решили его боевые друзья и командиры.

«Уважаемая Елена Львовна. Пишет Вам замполит подразделения, лейтенант Эльданиз Ибадов. Я понимаю, Елена Львовна, Вашу скорбь и разделяю ее вместе с Вами. Для всех нас, знавших Вадима, это огромная потеря. Ощущение, будто самого близкого человека лишился.

А ведь так оно и есть. Вадим был всем нам братом — кому старшим, кому младшим... Мы с ним сдружились, сблизились, как братья. Человек он был большой души. И специалист высочайшего класса — второго такого нет в подразделении. Командиры ссорились из-за него — каждому хотелось, чтобы Вадим на выходе был в его группе. Вот такой наш Вадим».

Начиная с 1988 года на стадионе или в манеже института проходят ежегодные соревнования по легкой атлетике среди спортивных школ Краснодарского края на приз памяти Вадима Миронова. Он мечтал вернуться, доучиться и стать тренером.

В 1987 году режиссером-документалистом В. А. Домбровским был создан фильм «До свидания, целую. Вадим», который получил на смотре главный приз.

Грамоты, боевые награды, письма. Его, ему... о нем. Невозможно повернуть вспять время. Не могут принять его смерть ни мать, ни сестра, ни Наташа, ни бывшие одноклассники, однокурсники Вадима — все, кто его знал.

Остается одно — память.

Третьего мая 2010 года ему исполнилось бы 43 года.

Мама, Елена Львовна, будет ждать гостей. Накроет стол и будет ждать. И они придут, приедут, прилетят, друзья Вадима.

Этот день рождения — день памяти Вадима Миронова.

А Елена Львовна постоянно носит на руке часы Вадима, те самые, которые были на руке сына в том, последнем бою...

Прости, солдат!

Вся трудовая деятельность Алексея Федоровича и Клавдии Дмитриевны Обручевых связана с сельским хозяйством. Они работают в животноводстве со дня образования совхоза. Воспитали четверых детей, одним из них был Николай. Как вспоминает его сестра, «он не доставлял особых хлопот, рос не хулиганистым. Любил играть в машинки на песке, был не драчливым, у него всегда были друзья».

Николай рос трудолюбивым и любознательным, любил музыку. Еще любил Коля рыбалку, в отличие от брата, и часто приносил домой улов. Внешне это был высокий, стройный, светловолосый юноша. Очень любил бродить по лесу.

Летом, не отставая от взрослых, работал на сенокосе. И на практику приезжал в свой совхоз. Ему нравилась выбранная профессия, и в планах было возвращение после армии в родные края и работа в совхозе. Об этом он писал и в письмах из Афганистана. Служил честно, о чем говорят письма командования части, в которых родителей благодарят за воспитание сына. В одном из писем из Афганистана, в частности, говорится:

«Ваш сын служит в здоровом, сплоченном воинском коллективе, где преобладает чувство дружбы, уважения друг друга, помощь и товарищеская взаимовыручка. С первых дней службы Ваш сын показал себя исполнительным, дисциплинированным воином, добросовестным, политически грамотным. Самоотверженно выполняет интернациональный долг. Хороший товарищ, постоянно оказывает помощь командирам и начальникам. За образцовое выполнение воинского и интернационального долга имеет ряд поощрений от командования».

В своих письмах домой Николай больше интересовался Димкой, своим племянником, которого так мечтал увидеть:

«...быстрее бы служба кончилась, а то я Димку так хочу увидеть!». И в каждом письме сообщал: «Осталось 119 дней», «А до моего приказа осталось всего 96 дней».

О войне писал очень скупо и в общих чертах. Больше о будущем, о друзьях:

«Здесь служат парни, которые понимают, что такое настоящая дружба. Это уже не те пацаны, которые слонялись по подворотням. Нас мама правильно воспитала, не давала бездельничать. Мне это сейчас так пригodiлось, я маме очень благодарен. И мои товарищи тоже знают цену труду».

Письма приходили часто. Короткие, но спокойные, никаких жалоб на трудности, даже намек, что служить непросто, не было.

Когда Коли уже не было в живых, Клавдия Дмитриевна получила письмо, которое так долго шло «из-за речки». В нем Николай сообщал: *«Не тишии. Скоро буду...»* Два года службы подходили к концу. Все готовились к его приезду. Родители присматривали «гражданку» в сельсовете, чтоб приехал — и во все новое. Сестра: «Мы ждали Колю со дня на день, ведь он уже прислал домой письмо, что служба окончена и скоро будет дома. Но все случилось иначе...»

Тишина — она звонка
и непривычна,
Как минута молчания
Погибшим на этой земле.
В смерти их нет
Ничего необычного,
Просто как-то нелепо
Умирать на 20-й весне.
А в родимом краю,
Где матери ждут,
не поверив,
Может, цинковый гроб
По ошибке пришел
в ее дом...

Но ошибки — увы! — не было. Это случилось 17 апреля 1987 года...

В эту последнюю операцию Николай вызвался идти сам. Жалко стало совсем еще зеленых угловатых «салаг», ничего не умевших и пороха настоящего не нюхавших. Куда их... Из боя Николай не вернулся.

На фотографиях у Николая всегда мягкие черты лица: доверчивые светлые глаза, полные добродушные губы...

Трудно поверить, что его уже нет.

* * *

Прости, солдат, что отчий дом
Тебя согреть не может в холод.
Прости за то, что мы живем.
Тебе бы жить! Ты был так молод.

Прости, что все изведаль сам,
Не ожил, возвратясь оттуда,
Что мать, припав к твоим ногам,
Еще надеется на чудо.

Военная косточка

Как только маленький Алешка стал осознавать окружающий мир, он видел военные городки, гарнизоны. Географию, как и саму военную службу, он начал познавать еще задолго до того, как начал ходить и говорить. Перед ним были живые примеры. Он и родился в военном городке, в немецком городе Лейпциг, где служил его отец. Старший брат Анатолий тоже пошел по стопам отца. Стал вторым поколением военной династии Трофимовых. Когда Алексей учился в 9-м классе, брат воевал в Афганистане. Сама атмосфера Алешкиного окружения и стала преддверием третьего поколения Трофимовых.

По рассказам мамы Тамары Ивановны и отца Василия Кирилловича, Алексей с детства был очень любознательным. Он буквально до сумасшествия доводил родных и близких своими «почемучками». Старался докопаться до истины. Школу закончил отличником. Что дальше? Надо выбирать: куда идти дальше. Учиться? Работать?

А оказалось все проще. Решение уже было выстрадано и принято. Он поехал учиться в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. Несмотря на высокую темпе-

ратуру, успешно сдал экзамены и стал курсантом прославленного училища. И закужила Алексея круговерть учебного процесса.

Несмотря на колоссальные моральные и физические нагрузки — изучение одного китайского языка отнимало уйма времени, — он много внимания уделял своим личным, душевным тайнам. Еще в 7-м классе приглянулась ему одна дивчина. Она — Оленька, Аленушка, — занимала все его помыслы. Расстоянием и временем проверена была эта дружба, переросшая в любовь, чистую и светлую, как родниковая вода. И как результат — счастливая курсантская свадьба в 1985 году.

В 1986 году, окончив училище, факультет спецназа, молодой лейтенант, получивший диплом переводчика-референта китайского языка, вместе с красавицей женой убыл для дальнейшего прохождения службы в Белоруссию, в город Марьи-на Горка. И пошло-поехало... Занятия, тренировки, учения...

Трое его друзей, с которыми выпустился из училища, писали ему из Афганистана. Алексей рвался к ним, писал рапорты. Его просьбу наконец удовлетворили, и с апреля 1987 года он приступил к подготовке.

В Костроме 8 апреля родился наследник, сын Михаил. Алексей видел сына всего три раза. Сразу после рождения — помчался посмотреть на своего первенца, на свою кровинушку. Потом в два месяца, когда был в отпуске в июне, и в 4 месяца, перед командировкой в Афганистан, когда его провожали из Москвы в Ташкент.

Писал Алеша часто. Письма приходили и по одному, и сразу пачкой. Очень интересовался сыном. О себе: все хорошо «кормят

...отлично, молоко дают за вредность и чеснок». Очень скучал: «...если хоть на полчаса остался без дел или один — сразу тоска появляется по вам, по Аленке и Мишке. Но, слава Богу, время идет быстро. Так что все в порядке. Вы, главное, не волнуйтесь, и все будет нормально. Через годик ждите в отпуск...

Крепко-крепко целую вас. Ваши Алексей.

6.9.87 г.

Провоевал лейтенант Трофимов всего чуть больше трех месяцев.

Потом родным пришла похоронка. Вернулся Алексей раньше, чем планировал.

Об обстоятельствах гибели сообщил брату сослуживец Алексея, Козлов Аркадий Николаевич, который был с ним в том, последнем бою.

«8 декабря 1987 года одна из боевых групп батальона совершала воздушную разведку в нашей зоне ответственности. При посадке вертолетов в кишлачной зоне группа была встречена интенсивным огнем мятежников. В результате боя мятежники сожгли два вертолета Ми-8, погиб рядовой Суц. На помощь из пункта постоянной дислокации вылетела еще одна группа, в которой и находился Алексей. К месту боя мы летели с ним в одном вертолете. После высадки из вертолета группа рассредоточилась на местности и сразу же попала под огонь бандитов, которые находились в 50–70 метрах от нас. Через 10 минут боя мы имели уже двух тяжелораненых. Алексей с двумя бойцами продвинулся чуть вперед, и я не видел его до посадки в вертолет. Лишь в момент посадки я обратил на него внимание. С расстояния 20–30 метров он шел к вертолету, прижимая рукой к груди карту местности. Сесть в вертолет сам он уже не смог, и мы втащили его за руки. Сразу же обратили внимание, что Алексей имеет две огнестрельные раны: проникающие в плечо и в спину. Ему была оказана первая медицинская помощь, однако состояние его постепенно ухудшалось из-за продолжавшегося кровотечения. Через 40–45 минут полета мы были на базе. Алексей попытался выйти из вертолета сам, но мы помогли ему и уложили на носилки. Не могу утверждать, что его состояние было критическим, — до операционного стола он находился в сознании.

Смерть наступила в момент операции в результате большой кровопотери и продолжавшегося кровотечения в грудной полости, остановить которое так и не удалось».

Сын Мишка уже большой. И вполне возможно, что он пойдет по стопам деда, отца, дяди. Может быть, мы увидим фамилию лейтенанта Трофимова Михаила Алексеевича в списках одного из соединений специального назначения.

Жизнь продолжается...

«Человек с большой буквы»

Этот очерк мы решили построить на воспоминаниях двух однополчан Владимира Михайловича Удовиченко. Вот что они рассказывают о своем боевом товарище и командире.

Из воспоминаний Василия Тропина

«Вспоминая Владимира Удовиченко, заместителя командира батальона, можно сказать, что он — Человек с большой буквы. Как солдаты срочной службы мы его очень уважали. Смерть всегда выбирает лучших из нас. 24 октября 1987 года стал черным днем для нашего батальона.

В тот день на ЦБУ поступило сообщение о том, что группа под командованием Владимира Удовиченко, заместителем которого в этот день был Анвар Хамзин, попала в засаду и ей необходима помощь. Группе Удовиченко и Хамзина было приказано прорываться самостоятельно. Посланные в район боя вертолеты не смогли поддержать их огнем из-за того, что ребята находились в эпицентре „духовских“ атак. Только расположенная по соседству группа лейтенанта Тура своим огнем оттягивала на себя часть душманов. Позже на помощь была послана тяжелая броня, но время было потеряно. Даже объединенными усилиями двух групп не удалось пробиться к двалу, в котором находилась группа Удовиченко и Хамзина. Они, имея только стрелковое оружие, не могли противостоять превосходящей по численности банде мятежников, на помощь которой постоянно стягивались дополнительные силы из близлежащих кишлаков...»

Из воспоминаний старшего лейтенанта Анвара Хамзина

«В начале октября 1987 года „хадовцы“ обратились к нашему командованию за помощью в уничтожении этой группировки. Выбор комбата остановился на моей роте, и на следующий день для полусотни разведчиков началась предметная подготовка. Общее командование было поручено майору Удовиченко, а меня назначили его заместителем.

Изучив карту и местность, мы решили встретить „духов“ в 4–5 км от Кандагара, в заброшенном кишлаке. Пройти мимо него они никак не могли — дорога была единственной.

23 октября, ближе к концу дня, через Кандагар прошла внешне самая обычная колонна: два затянутых тентами „Урала“ в сопровождении двух „бэтээров“.

Едва успевшие проскочить по светлому времени машины остановились, как бы на ночь, на первом под Кандагаром посту советских воинов. „Духовские“ наблюдатели, если они сидели на окрестных горочках, вряд ли могли что-нибудь заподозрить — таковы были общие правила для всех наших колонн.

Лишь с наступлением кромешной темноты начались превращения. Из кузовов машин один за другим повылезали разведчики. Размяли затекшие ноги. После короткого ужина еще раз проверили оружие, подтянули снаряжение.

Несмотря на небольшое расстояние до места засады, 7–8 км, шли почти четыре часа. Земля в этом районе буквально напшигована минами — и своими, и чужими. Двигаться приходилось, руководствуясь каким-то особым чутьем, по крутым склонам, по неудобным участкам, где минировать никому в голову не придет. К полуночи вышли на последнюю горку. За ней, весь в разбитых дувалах и заброшенных садах, лежал кишлак Кобай.

Еще два часа ушло на прочесывание. И только потом лейтенант Саша Тура с группой в 20 человек остался прикрывать нас на этой горке. А мы с майором Удовиченко и 18 разведчиками спустились в кишлак и заняли два дома на окраине, между которыми шла дорога. План казался нам неплохим: бесшумно снять „духовские“ дозоры, огнем из всего оружия уничтожить основные силы моджахедов, а затем уйти под прикрытием группы Саши Тура.

Рассвело в начале шестого, прошло еще около полутора часов, прежде чем мы увидели первых людей. Если бы не автоматы за их плечами... Я подтолкнул Бахадыра: „Давай, Наимов, действуй!“.

Он и наводчик из ХАДа вышли из укрытия, приблизились к „духам“ и заговорили по-афгански, приглашая подойти поближе к нашему домику. В мгновение эти двое были сбиты с ног, обезоружены и связаны.

То же самое было сделано и со второй парой „духовских“ разведчиков. Не оказала сопротивления и третья пара. Но при обезоруживании следующего дозора один из „духов“ остался на месте; заподозрив неладное, он успел сорвать с плеча автомат и дать очередь.

В считанные секунды „зеленка“ ошетибилась яркими вспышками. Еще не зная точного расположения разведчиков, „духи“ били из оружия наугад, на звук только что прогремевшей очереди. Оказалось, что и „духи“ охотились за нами.

Наимов вместе с наводчиком из ХАДа кинулись к проезжавшему трактору с прицепом, чтобы подогнать к группе и увезти ее под спасительную защиту горочки. Там, замаскировавшись и не вступая в бой, находилась группа Саши Тура.

— Уходим! Быстрее! Все за мной! Пленных с собой. Подтягиваемся к трактору...

Но считанные метры оказались непреодолимыми. Перед разведчиками встала сплошная стена свинца. Первым упал Бахадыр. Я понял, что дальше бежать бессмысленно. И группа, едва выскочив из домов, прижалась к глинобитным дувалам.

„Духи“, обозлившись, что группа ушла с открытого места под прикрытием дувалов, сосредоточили массу огня на телах Наимова и наводчика, которые уже не ползли и лишь часто вздрагивали: их подбрасывало попавшими пулями, рвавшими плоть и одежду.

Бой развивался стремительно. Огонь оставшихся 18 стволов был страшен. В этой мясорубке невозможно было прицелиться. Спецназовцы просто водили прыгающими в руках автоматами по беснующемуся в двух метрах людскому месиву. Прямо внутри этого клубка звонко рванули две Ф-1, поднимая пыль и какие-то ошметки. Через несколько минут атака „духов“ захлебнулась.

Воспользовавшись передышкой, мы выяснили, что один из домов, где расположилась наша группа, прилепился к глинобитному дувалу, по другую сторону которого рос сад. В этом доме находились Володя Удовиченко, врач Вася Чекин, радист Ваня Ошомок и еще восемь разведчиков. Через извилистую проселочную дорогу стоял наш домик, в котором укрылась моя группа в семь человек. Только мы успели перебраться парой фраз с майором Удовиченко, как после какой-то гортанной команды „духи“ открыли по нам бешеный огонь из автоматов.

Мы образовали круговую оборону. Сквозь треск автоматных очередей раздался еще один гортанный выкрик, по которому „духи“ снова бросились в атаку, на этот раз охватывая нас полукругом. Но „карманная артиллерия“ сработала четко: разрывы ручных гранат следовали один за другим, каждый раз укладывая на землю по 3–4 человека из атакующей цепи.

К нашему дому удалось подобраться только троим, которые затаились за стеной вне зоны видимости. Остальные „духи“, потеряв человек тридцать, откатились за ограду сада. „Саня, за мной!“ — крикнул я и рванул по коридору. В проеме показался „душара“ и бросил гранату. Я тут же срезал его короткой очередью, и мы с Саней упали на пол. Не успела осесть пыль, как оглушенный взрывом Серендеев подбежал к двери и, высунув руку, бросил наружу свою „эфку“. Выждав, мы перепрыгнули через труп и одновременно ударили из автоматов в противоположные стороны, стоя спиной к спине. С двумя оставшимися „духами“ тоже было покончено. Вернувшись в дом,

я услышал, что ранен Колесников. Валера Лобов, наш санинструктор, перевязал рану, вколол промедол и хотел оттащить подальше от окна, где Колесников устроил небольшую амбразуру. Но Вита отказался и залег у своего пулемета.

У соседей дела обстояли хуже. Был убит Слава Горобец — пуля попала ему в голову, двумя пулями в грудь тяжело ранило Володю Удовиченко — он уже умирал на руках у ребят.

Уже после боя оставшиеся в живых ребята из группы Удовиченко говорили, что ясно слышали за дувалом английскую речь, тотчас дублировавшуюся на афганском. Участие американских советников было подтверждено позднее и агентурными данными наших комитетчиков, работавших с МГБ Афганистана.

Наше спасение пришло с мощным танком, который быстро заставил замолчать пулемет и безоткатки „духов“. Под его прикрытием за нами подъехали бронетранспортеры. Так закончился этот бой, в котором мы воевали против более чем 200 душманов — только перед нашими домиками их лежало около сотни. „Духи“ лишний раз убедились, что спецназ умеет воевать и предпочитает смерть плену.

Навсегда девятнадцатилетний

Горячий песок, раскаленные камни в горах. Жарко! Мучает нестерпимая жажда. Да, лето в Афганистане не похоже на наше. Когда у нас дурманяще ароматно пахнут травы под ласковым солнцем, под вечер приятная прохлада делает тебя невесомым, а сверчки и лягушки заводят свою привычную симфонию, — здесь солнце палит безжалостно и нестерпимо. Руки помимо воли тянутся к фляжке.

Тогда, 24 июня 1981 года, идя с товарищами в очередной раз на «боевые», Гера, естественно, о смерти не думал. Моджахеды появились перед разведчиками неожиданно. Против небольшой разведывательной группы их было многовато. Но разведчики смело приняли навязанный бой. Прицельным огнем из автомата Гера заставил духов залечь и тем самым дал возможность своим боевым товарищам развернуться для боя.

Этот бой, в котором душманская пуля остановила сердце Германа Горяинова, навсегда оставил его девятнадцатилетним.

Судьба. Какое емкое слово. Многие верят в нее. Ибо она преподносит радости и невзгоды, счастье и горе. За судьбой Германа — бессмертие.

Мама Германа, Людмила Андреевна, пишет, что с детства сын был окружен любовью и заботой ее родителей, братьев и сестер. Он очень любил всех и все его любили, но самым обожаемым человеком у него была, конечно, бабушка Панна Николаевна.

В школу Гера пошел уже когда семья жила в Казахстане, в городе Талды-Курган. Потом, в 1973 году, семья вернулась в Новосибирск, и Гера продолжил учебу в школе № 119. С ребятами он сходиллся очень быстро, «потому что был с юмором, никогда никого не обижал».

«Во всех делах Герман был спокоен и решителен, — вспоминает классный руководитель Милодора Федоровна Николаева. — Душевный, чуткий, отзывчивый товарищ. Честный, вежливый человек».

Таким он и остался в памяти друзей и одноклассников. Любили его в классе не только за смелость. Как никто другой, Герман умел находить общий язык с совершенно разными по характеру людьми. Ни под кого не подстраивался, мог любому в глаза сказать то, что о нем думает. И это не обижало, друзей от этого не становилось меньше.

В любой группке, на которые обычно разбивается по интересам класс, он был своим. Часто ли встретишь парня, которому доверяются девичьи тайны? А ему доверялись. Девчата советовались с ним, зная: поймет, никому не расскажет. Была ли у него самого тайна — первая любовь? Никто не знает.

Гера серьезно увлекался борьбой: самбо и дзюдо. В спортзале он становился удивительно хладнокровным и расчетливым, резким, быстрым в обдуманном риске, а если проигрывал, то долго не мог успокоить свое самолюбие. Изматывал на тренировках и себя, и своего друга, соперника и напарника Сашу Кашеутова. Звание кандидата в мастера спорта по дзюдо обязывало.

Там же, в спортзале, на тренировках и соревнованиях Герман познакомился с курсантами Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища. Много расспрашивал, узнавал новые интересные для себя подробности армейской жизни. Возможно, уже тогда он и сделал свой выбор: учиться после окончания десятилетки нелегкой, но такой необходимой профессии — Родину защищать.

Неудача на вступительных экзаменах сначала обескуражила его, а потом заставила искать другой путь к заветной цели. Герман поступает в топографический техникум. Может, с отчаяния, может, хотел что-то самому себе доказать. Мечта о военной службе, офицерской карьере завладела им настолько,

что, проучившись полгода, он оставляет техникум, поступает на работу на Новосибирский завод конденсаторов, ждет призыва в армию, чтобы потом из армии, испытав тяжесть солдатской службы на собственном опыте, вновь поступать в военное училище вне конкурса.

Из армии писал мало. Больше писал о зеленой весне в Афганистане, о том, какой бедный и забитый народ живет там. О себе вскользь: *«Занимаюсь спортом. Есть временный спортзал и ковер»*. Как бы извиняясь за сухость и краткость письма, в конце дописывал: *«Здесь ничего страшного нет. Переживать за меня нечего...»* Потом был тот бой, последний, письмо замполита отряда: *«...погиб при выполнении своего солдатского и служебного долга при оказании интернациональной помощи народу Афганистана... Спасибо за воспитание сына... Вы можете по праву гордиться Германом...»*

Директор школы № 80, в которой Герман закончил 10-й класс, Александр Валентинович Гладилин, говоря о Германе, вспомнил одну восточную мудрость: «Хочешь жить годы — сей просо, хочешь жить десятилетия — сади деревья, хочешь жить вечно — учи детей». Эта мудрость своим крылом коснулась и Германа, который подолгу возился с мальчишками в секции спортивной борьбы, обучая их премудростям борьбы.

Удивительное чувство гармонии исходило от Германа Горяинова. Всем он запомнился своей простотой, чуткостью, как малышам, так и взрослым.

Об особом отношении к нему говорит «Неотправленное письмо другу», написанное его одноклассниками. Вот этими, взрослыми уже, девочками и мальчиками. Мы приводим его полностью, в нем человеческая мудрость и любовь к другу.

*Неотправленное письмо другу
Посвящается Герману Горяинову*

«...Как быстро летит время! Нам уже за 40. Нашим детям уже по 18. По 18, как и тебе тогда.

Чаще и чаще мы оборачиваемся назад, туда, где осталась наша юность, туда, где навсегда остался ты. И только сейчас, став родителями взрослых детей, стало понятно, сколько боли принесла твоя смерть близким.

Смерть... Это сейчас, Гера, когда многих уже нет рядом, стало ясно, какая она — безжалостная, нежданная, неутомимая. Всегда, как охотник, настороже. Берет лучших из лучших. Любит полакомиться.

Но это сейчас, а тогда!? Гера, тогда, помнишь?

Весна... Весна! Хотелось орать во все горло! Потому что небо синее, потому что воздух пьяный, потому что мы молодые! Ты вспомни, Гера! Буйство зелени, запахи, будоражащие кровь, смутные желания, безудержные, еще не осознаваемые в пелене будущего. Позади школа, а впереди — новое, непознанное, но точно прекрасное! Там любовь, там счастье, там — целая жизнь. И ничего в голове, Гера, ничего! Ветер, только весенний ветер. Ты помнишь? Мы же мчались как бешеные, подхваченные этим весенним вихрем, кружились в хороводе танцев, первых влюбленностей, робких поцелуев, ни о чем не думали. Жизнь, смерть, будущее — все это отступало куда-то. Успеем еще! Важным было только сейчас, и всё...

Знали ли мы, юнцы, что именно тебе, самому славному, доброму мальчишке, достанется этот страшный жребий — война... Мы еще помнили ту войну, 45-го, но она так давно закончилась, что мы перестали бояться умереть на войне. И снова была весна. Все дышало счастьем. И мы мечтали об институтах, любви, женитьбе, детях. И никому не приходило в голову, что все это может оборваться выстрелом.

Как вмиг все изменилось! Ты ушел не в армию, а на фронт! Мы тут встречались, влюблялись, целовались, строили планы, а твоей заботой было выжить, выдержать еще один переход, остаться жить после очередного боя. Ты выросл быстрее, чем мы. И жизнь твоя пошла как при ускоренной съемке: повзрослел, возмужал, погиб. Тогда они забыли, что ты еще не любил, не родил ребенка, не посадил дерево. Они забыли, что тебе 18...

Они... Кто виноват, Гера? Кто ответит за твою смерть? Бог, судьба, генералы?

А знаешь, потом было 15 февраля — День вывода войск из Афганистана. А сколько еще погибло, Гера... Сколько еще вернулось под кодовым названием „груз 200“... А война затянулась, Гера! И снова мы в ответе за погибших, за тех, кому так и не исполнилось двадцати.

Герман Горяинов. Кто он? Мальчишка из соседнего двора, одноклассник, отличный парень, „груз 200“. Не укладывается в голове. Затопляет душу горячая боль, рвет сердце. Не утихает, болит, ноет. И это навсегда.

Нет вам забвения. Мы помним о вас и любим вас, навсегда оставшихся восемнадцатилетними.

Неотправленное письмо. Кто адресат? Все те, перед кем мы навсегда в долгу».

Имя Германа продолжает жить. Живет в сердцах тогдашних мальчишек, которых он учил бороться, живет в Германе, сыне Саши Кашеутова, друга Горяинова.

Что это — роковая судьба?

Рассказать о Дмитриии Балыбине решилась сама его мама, Нина Васильевна. Кто может лучше знать его? Конечно, она. Не каждой матери дается такой рассказ. Нина Васильевна решилась. И мы благоговейно предоставляем ей слово.

«Совсем маленьким он был тихим и спокойным. А когда достиг возраста „почемучек“, то вопросам не было конца.

В детском садике его сильно толкнули, сломали ключицу, но в садик ходить разрешили. Так он встретил Новый год. Год в костюме Петрушки и с гипсом. А летом еще несчастье. Шли они с другом вдвоем по двору, а третий мальчик из кустов сказал: „Сейчас стрельну в глаз“. Как сказал, так и сделал. Попал из лука стрелой, на конце которой был пластилин, нашему сыну в глаз. Лечили в больнице. Болел он и инфекционными болезнями. Сколько было бессонных ночей и слез!

В 1970 году он пошел в школу. После работы, как только захожу во двор, начинаются жалобы: „А ваш Дима дернул меня за косу... А ваш Дима меня толкнул... А ваш Дима собаку привел...“ и т. д. На летние каникулы очень любил ездить в пионерский лагерь.

Учеба давалась ему легко. В 1978 году он кончил 8 классов и поступил в Машиностроительный техникум.

Мы начали строить дачу. Не только соседи, но и мы сами были очень приятно удивлены: наш сын работал, как добрый молодец из сказки — много, быстро, ловко. Землю под фундамент копал, стены возводил, пол настилал, крышу крыл. Мы днем на работе, а у него каникулы, и он строил один. Приезжаем на дачу, соседи рассказывают: ну и сын у вас, как старик — стучит и стучит, стучит и стучит, а когда делаем перерыв, идет в огород и приводит в порядок викторию (очень любил эту ягоду).

О его курении в семье не было разговоров, сигареты мы ему не покупали. Но он курил. Но курил так, чтобы мы никогда не видели. Ему было стыдно курить на глазах у родителей.

Днем он занимался стройкой, а вечерами любил ходить к соседу. У нашего сына масса вопросов: как на производстве работать? Беседы были длинные и содержательные. Он очень

сильно тянулся к старшим, стремясь обогнать свой возраст. Очень любил людей.

У Димы был большой интерес ко всему новому.

Когда от техникума в первый раз попал на производственную практику в цех на заводе „Сибсельмаш“, то он был в восторге. Он так рассказывал о практике, о цехе, о людях, там работающих, с таким подъемом!

Дима был аккуратным, чистоплотным, отличался вкусом. Редко обременял других просьбами, старался сделать все сам для себя. Чистил и гладил свою одежду сам. Заботился о младшей сестре. Любил животных, ухаживал за ними, защищал их. В коллективе сверстников он чувствовал себя свободно. Был справедлив.

Перед окончанием техникума Дима делал чертежи к дипломному проекту. Сколько было старания, упорства, усидчивости!..

В конце февраля 1982 года Дима защитил диплом. В марте был отпуск. Я предложила ему съездить в Москву. И они втроем — друзья по учебе — съездили в отпуск в столицу.

Дима мечтал поступить учиться в институт. Увы, мечта не осуществилась. 31 марта 1982 года он поступил по распределению на завод „Сибсельмаш“, а 2 апреля 1982 года Дима был призван в армию.

Служил в Афганистане. Получили мы от него 13 писем. О себе он писал мало. Подробно описал только первый прыжок с парашютом.

В каждом письме спрашивал: как машина? (У нас был старый „Москвич“.) Каждый раз просил отца не отрываться до конца дачу: мол, вернусь и сам все сделаю.

Последняя фраза в последнем письме: *„Ужас, как сладко-го хочется!“*.

Погиб он в возрасте 19 лет.

Боль утраты не проходит, а наоборот, делается еще сильнее.

О службе сына в армии мы ничего не знаем. Это был 1982 год, тогда все было засекречено. Даже на могильном камне нам было продиктовано написать: „Погиб при исполнении служебных обязанностей“ (и не более). Правда, хоронили со всеми воинскими почестями.

Гроб с телом нашего сына сопровождал Сальников Сергей Николаевич из Красноозерского района. Наедине ни с ним, ни с гробом нам оставаться не позволили. Гроб был закрыт, без окошечка.

Монумент Славы воинам-сибирякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, у нас в городе Новосибирске был открыт в 1967 году.

По сторонам от Вечного огня — огромные пилоны с фамилиями погибших. А чуть впереди (метров на 30) напротив этих больших пилонов теперь установлены небольшие (два — справа и слева от Вечного огня). На одном фамилии погибших в Афганистане, на другом фамилии погибших в Чечне.

Мы довольны, что имена наших сыновей увековечены именно здесь. Здесь Вечный огонь, чисто, сухо, море солнца, венки, цветы. И живем мы рядом. И раньше рядом жили, только переехали в соседний квартал. И всегда ходили в этот сквер гулять. Посылаю вам детскую фотографию нашего сына, где ему 6 лет; через 13 лет он погибнет. А ровно через 30 лет его имя увековечат чуть ли не на этом месте, где он стоит на фотографии (буквально в нескольких метрах). Что это? Роковая судьба?»

Что же в нас главное?

19 ноября 1987 года, в пятилетнюю годовщину со дня смерти Александра Кононова, в поселок Вараксино близ Ижевска съехались его однополчане из Свердловской, Пермской, Челябинской областей, из Сыктывкара и Москвы. В квартиру, где живут отец и мать Саши, входили молчаливой процессией. Вначале внесли человека без руки и обеих ног, который обратился к Борису Николаевичу и Таисии Михайловне:

— Папа! Мама!

Это был капитан Радчиков Валерий Григорьевич, бывший командир роты, в которой их сын служил санинструктором; Саша вынес его, истекающего кровью, во время боя с минного поля, а потом подорвался сам.

Родители Саши уже знали о роковом Валерии Радчикове. Из устных рассказов о том, как он велел солдатам стоять, а сам пошел проверять, не заминирована ли тропа, и подорвался, как он кричал: «Не смей подходить ко мне!» и как Саша Кононов послушался на сей раз командира... Из газеты «Красная Звезда», где был о нем очерк «Мужество», — о том, что Радчикову помогала осваивать протезы тот же врач, Анна Васильевна Бобылева, что ставила на ноги знаменитого Алексея Маресьева. От совершенно незнакомого и как бы «постороннего» человека — слушателя подготовительного отделения Киевского пединститута Николая Щербакова, который случайно услышал от самого Радчикова эту историю и прислал в Ижевский горком

комсомола письмо с просьбой не оставлять без внимания Сашиных родителей. «Сашей должны гордиться. Саша должен жить в памяти людей!»

Есть какие-то человеческие качества, которые не измеряются всеми привычными словесными мерками, что-то заставляет людей проникаться особой любовью к малознакомому, а то и вовсе незнакомому, даже случайно задетому краем сознания имени. Саша Кононов из этой породы.

Не случайно памятную встречу за столом у Кононовых Валерий Радчиков начал так: «Почему мы собрались здесь? Да потому, что Саша — это че-ло-век!».

И всю ночь шли разговоры, какой он был человек.

Из высказываний знавших его людей, из его писем, из свидетельств журналистов (благодарно назовем И. Мерзлякову из «Комсомольца Удмуртии» и Н. Хохрякову из Ижевского «Машиностроителя») складывается портрет действительно человека, ничем, казалось бы, не отличающегося от других, но в то же время созданного как бы из некоей чисто человеческой сущности, без посторонних «примесей».

Где, в какой колыбели он выпестован? В простой рабочей семье, которая долгое время (почти всю Сашину жизнь) ютилась вшестером на семнадцати квадратных метрах однокомнатной квартиры. В тесноте, да не в обиде здесь царила истинно человеческая атмосфера любви, совета и труда.

Младший в семье Саша не был избалован ни мамой, ни папой, ни любящими сестрами. Доминантой его характера с малолетнего возраста все называют стремление помочь другому.

Мама, Таисия Михайловна: «Саша очень любил людей. Именно любил. Он готов был принять на себя чужую боль, чужое страдание».

Папа, Борис Николаевич: «Играл во дворе, вдруг бежит: „Папочка, что же мы наделали?!“. Оказалось — повалилась поленница, на которой играли малыши. Саша бросился помогать падающему Ильяску, и ему бревном придавило руку. Ни по дороге в больницу, ни потом, когда гипс накладывали на перелом, ни разу не заплакал, не застонал.

Ходим по лесу, грибы собираем, я только что из больницы. Он мне говорит: „Папа, ты за грибами не наклоняйся. Увидишь гриб — мне скажи, я сорву“».

Слава Громов, сослуживец, видевший его последним, перед Кабульским госпиталем: «Он будто меня же успокоить хочет, на носилках уже без ноги лежит и шутит: „Ничего! Вот только как с девчонками теперь ходить буду?“».

О масштабах дружеских связей Саши Кононова говорит такой факт. В одном из писем он обращается к отцу с просьбой отпечатать в фотоателье 40 его фотокарточек (в Афганистане это затруднительно) — столько надо разослать друзьям. «Сегодня вот получил 11 писем — все просят...»

Еще одна красноречивая приписка к письму: «Если на ваше имя придет посылка из Таджикистана, не удивляйтесь: это от парнишки, который служил со мной».

Какая-то пронзительная виноватость слышится и в письмах от начальства. Официальные сообщения-соболезнования приходили, как правило, в одном письме от командования. В случае с Сашей письма прислали лично от себя командир части Керимбаев, заместитель командира по политической части Муратов, врач-хирург Утеев Асылхан Алпыспаевич, у которого Саша был санинструктором и который делал ему первую операцию в Баграме.

Через несколько лет, когда часть вышла из Афганистана, когда сменилось несколько призывов, от личного состава части пришло письмо с приглашением родителям Саши на открытие памятника.

Саша живет в памяти людей.

А на том памятном сборе в квартире Кононовых, уже под утро, сидя на расстеленном на кухне одеяле в кругу своих «афганцев», ротный Радчиков, как бы подводя итог ночи воспоминаний, спросил: «Что же в нас главное?». И сам ответил: «Справедливость. Правильно?». И все с ним согласились.

* * *

Капает, капает, капает дождь.
Хочется, каждому хочется землю умыть,
Выстрадать, выстирать краски березовых рощ,
Душу по капле собравши, слезой напоить.

Только вот рощи от слез этих самых черны.
Сушит огонь мою душу, и боль не унять.
Сколько уж дома, а мама афганские сны
Видит и в каждом от пуль закрывает меня.

«Пойду бить душманов»

Эти парни воевали в чужих горах в то время, когда их сверстники жили спокойной мирной жизнью. Наверное, этот контраст и оглушал их первое время после возвращения, застав-

лял пристальнее вглядываться в окружающий мир, которому, в свою очередь, также непривычны были их седые пряди, боевые награды и нашивки за ранения на модных пиджаках. Вы не видели, как человек, еще полчаса назад веселый, улыбающийся, может сразу постареть на десять лет? Такими становятся «афганцы», рассказывая матери погибшего однополчанина о том, что было там, «за речкой». Кто, кроме нас, расскажет о наших мальчишках-воинах, об их горячих сердцах, пробитых чужими пулями? Память о них должна жить в наших душах всегда, как пример доблести и отваги, как завещание грядущим поколениям любить Родину, на верность которой солдат присягает один раз и на всю оставшуюся жизнь.

7 февраля 1964 года произошло событие, не оставившее равнодушным никого. В семье Лидии Сергеевны и Константина Матвеевича Шемелиных родились «двойняшки» — Виктор и Ольга. Ольга была на 15 минут старше брата. Это было действительно дивное событие. Все, кто только мог, приходили посмотреть на новорожденных. Они глядели на всех удивленными глазками-бусинками и улыбались. Они просто купались во внимании окружающих, недостатка в котором не испытывали. Папа, мама, две старшие сестры и брат охраняли и лелеяли малышей и... А дальше пусть рассказывает Ольга, старшая «двойняшка».

«Семья у нас была большая, рабочая. Папа работал в ПТО (пункте технического осмотра вагонов) на железной дороге — старшим мастером. Мама была домохозяйкой. Сказать, что Витя рос примерным мальчиком, значит погрешить против истины. Был он обыкновенным поселковым мальчишкой: и драться ему случалось, и спорить с учителями. В начальных классах мы с Витей сидели за одной партой, были у нас общие учебники. Вместе вступали в пионеры в третьем классе, 22 апреля. В учебе братишка был сильнее меня, я все списывала у него, и учительница в конце концов была вынуждена пересадить меня на другое место. Мы с ним проучились все 10 лет в одной школе. Меня никто никогда не обижал, потому что все знали — у меня надежная защита. В поселке у нас было три школы, и везде у Вити были друзья. Мы с ним занимались баскетболом, вместе ходили в походы. Наш школьный физрук Литвинцев Виктор Александрович организовывал походы и велопробеги по местам Боевой Славы.

Наш папа был охотником, и Витя часто бывал с ним в лесу, где научился ориентироваться, „читать“ следы зверей. Уже в 9-м классе самостоятельно ходил на охоту. Возвращался устав-

ший и счастливый, с добычей — зайцами. По дому помогал очень много. Мама за нас не переживала — мы всегда и везде были вдвоем.

Закончили мы школу. Витя всегда мечтал водить поезда. И после школы он пошел на курсы помощников машинистов, которые были организованы при локомотивном депо, а я поехала учиться в Читинский железнодорожный техникум. Витя всегда мне говорил: „Вот, сестренка, закончим учебу и будем работать на железной дороге. Я буду водить поезда — встречать рассвет, а ты мне будешь махать рукой“. Я приезжала домой каждую неделю, он меня встречал, и мы бежали на танцы. Все девчонки мне завидовали, что у меня такой мировой братишка.

И вот пришло время служить. У нас в семье никто не служил, не считая старшего брата, который был офицером и служил в ВВС. Виктор все шутил: „Пойду бить душманов“...

Проводили мы его в армию, и наступила такая тоска и пустота. С нетерпением ждали писем. Мама по несколько раз в день заглядывала в почтовый ящик. Витя очень любил маму. Всегда дарил ей букет цветов на 8 Марта. По вечерам любил подолгу разговаривать с ней о своих делах, о просмотренном фильме, о прочитанной книге. И когда писал письма из армии, всегда интересовался ее здоровьем и наказывал нам беречь ее.

Служить Виктор попал в отборные войска — воздушно-десантные. В учебном подразделении в городе Чирчик он пробыл всего два месяца и попал в Афганистан, в Кандагар. В августе он получил ранение в правую руку. Целый месяц не писал писем домой, боялся расстроить маму, лежал в медсанчасти. Когда его подлечили, вернулся в роту. Я узнала об этом сначала от его друзей, переживала очень, а потом уж он сам мне написал».

3 ноября 1982 года был последний бой Виктора... Бой в горах на высоте 3500 метров. Об этом уже рассказывали ребята, которые служили с Витей и после демобилизации приехали к родителям. Ребята из Дарасуна — Володя Самсонов и Вадим Курбатов. Долго длилась беседа поседевшей от горя мамы и уцелевших на войне, постаревших мальчишек...

«С Витей познакомились мы еще до призыва, на приписной комиссии в райвоенкомате, — вспоминает однополчанин Виктора Шемелина Владимир Самсонов. — А потом вместе с ним и еще несколькими карымскими парнями оказались в одной „учебке“. Окончили ее, пересекли на вертолете государственную границу — и разбросали нас по подразделениям нашей десантной части, ведущей непрерывные бои с душмана-

ми. С Виктором мы попали вместе, чему, конечно, очень были рады — земляк на чужбине, да еще на войне, роднее брата.

Обстрелялись мы быстро, обстановка такой была. Сначала, конечно, было страшно, но потом пришла уверенность в себе, опыт. Витя никогда за чужие спины не прятался на операциях, и за это ребята любили его. В одном из боев он получил пулевое ранение, но после лечения в госпитале снова вернулся к нам. Тот день, 3 ноября, мне никогда не забыть. Наше подразделение действовало в горах. Высота — три с половиной тысячи метров, кислорода не хватает, дышать трудно. Нам была поставлена задача — уничтожить базу душманов. Прошли мы около двух десятков километров с полной выкладкой. Время — осень по-нашему, а тут солнце в полдень дает за сорок градусов тепла. Вышли мы, не отдыхая, в район расположения банды и продолжали карабкаться по склонам, готовые в любой миг вступить в бой. Когда заняли исходную позицию для решающего броска, командир скомандовал: „Привал!“. Выставили охранение, перевели дух. Радист наш связался с командованием, доложил, что мы и как, передал командиру группы данные. На связи был сам командир части, он пожелал нам удачи и попросил поздравить Шемелина с награждением его медалью „За боевые заслуги“. Коротким был привал, мы снова поднялись — и в путь.

Двигались медленно — из-за каждого камня могла прозвучать очередь. Судя по карте, все „свои“ минные поля мы уже прошли, но теперь была опасность нарваться на вражеские. Духи всегда минировали подходы к своим базам и делали это очень умело — мину совершенно не видно. А тут еще не столько в землю, сколько по сторонам смотришь — палец на спусковом крючке, маскироваться по возможности надо.

Взрыв мины прозвучал внезапно и оглушительно. Все увидели, как упал Витя и шедший с ним рядом десантник. Я с товарищами бросился к ним: оба в крови. У Виктора была оторвана правая нога немного ниже колена. Кровь хлестала ручьем, а сам Витя был в шоковом состоянии и смог прошептать только: „Помогите“, когда я склонился над ним. Пока оказывали ему первую помощь, обнаружили, что осколки поразили вторую ногу и попали в живот. Вызвали мы по радиции помощь. Группа пошла в бой, а мы подхватили Витю на плащ-палатку и понесли вниз. Надежды на его спасение было мало, от недостатка кислорода даже мы задыхались, а уж ему... Пронесли мы его где-то километров пятнадцать по горным склонам, а до помощи еще далеко было. Остановились мы дух перевести, сами чуть с ног не валимся, нагнулся к Вите — а дыхания не слышно, взял за холодную руку — пульса нет! Не донесли...»

Вот так оборвалась жизнь восемнадцатилетнего парня.

Дни похорон Виктора Шемелина совпали с днями, когда страна прощалась с генсеком Брежневым, благословившим афганскую войну и посылавшим туда наших ребят. О нем карымчане поминали только вскользь и со злобой, гибель Виктора заслонила собой «национальное горе».

Все друзья, одноклассники и однополчане, когда вернулись домой, пришли в родительский дом Виктора. Сейчас у них растут сыновья, которые носят имя Виктор.

В школе № 4 есть стенд «Подвиг Виктора Шемелина». Одна из улиц поселка Карымское носит имя Виктора Шемелина. В школе пишут о нем сочинения. Его унесла война. Война, которой вроде бы и не было, потому что все эти годы нам твердили, что над нами чистое небо и ясное солнце. Боялись сказать правду. А мальчишки гибли. Лучшие наши ребята.

* * *

Уголок России, отчий дом,
Где туманы синие за окном.
Где твои немного грустные
Голоса и песни русские.

Пускай кому-то повезет,
А кому-то нет.
Мы выполняем долг святой,
Военный свой обет.

Пусть душманы день за днем
Встречают нас огнем.
У нас Россия позади
Мы через все пройдем.

Уголок России, отчий дом,
Где туманы синие за окном.
Где твои немного грустные
Голоса и песни русские.

Идеальный герой

Мария Константиновна Савченко, мать Юрия, в своем письме коснулась одной очень тонкой сферы человеческих отношений, которая подчас не замечается людьми, скажем так, с притупленными нервными окончаниями.

Объясняя свое долгое молчание на запрос редакции, она пишет, что много раз садилась за письмо и не могла его продолжать, потому что боялась необъективности. Вспоминая день за днем жизнь своего сына, она не находила ни одной отрицательной черточки («Для меня он светоч был. Я его не могу ни с кем сравнить»). И вдруг поняла, что сравнивает его с сегодняшними подростками, молодыми людьми («Ребята все грубые, почти все испорченные, нервные»). Ее материнское сердце страдает теперь за сегодняшних внуков, среди которых подрастает новый Юрий Савченко (Геннадьевич), сын брата, названный в честь погибшего («Мне так хочется, чтобы все они были хорошими, чтобы матери ими гордились и любовались»).

Как гордилась и любовалась она Юрием: как он красиво катался на коньках, как хорошо ходил на лыжах, как искренне говорил! «Я видела по его глазам: он что-то хочет спросить. И если у меня не было времени, он ожидал и обязательно просил: „Пойдем, мама, что-то хочу тебе сказать“. Он очень любил сидеть подолгу со мной. Всегда знал, что это будет совершенно секретно».

Под таким же секретом он, шестилетний, попросил ее родить ему брата. «Как он его любил! Он был как наседка. Юра у нас уже в шесть лет был взрослым. Он помогал мне по дому, нянчил братишку, пока я готовила кушать».

Ребята, которые приходили с ним поиграть, стояли в ожидании, пока он не уложит спать своего младшего брата».

Кстати, об этом же пишет ребятам пионерского отряда имени Юрия Савченко его бывшая одноклассница Лена Воликова: «Ребята, вы знаете, я даже не могу написать вам, что это был за человек — замечательный, в детстве мы не могли жить друг без друга. А какой Юра был в семье! Если честно сказать, я никогда не встречала такого мальчишку. Юра очень любил своих родителей, братишку. Он помогал маме мыть посуду, стирать, мыть полы, был очень ласковым, вежливым».

Ни мама, Мария Константиновна, ни Лена Воликова, перечисляя множество обыденных поступков Юрия, не могут передать, чем же действительно был так он замечателен, так притягателен. Почему они не находят в нем ничего отрицательного. Мама даже делает предположение, что, может быть, потом, уже вне поля ее зрения, «война его переделала». А здесь на ее глазах происходило это массовое обожание Юрия его сверстниками. И в школе, и во дворе, и потом в техникуме. В армии продолжилось то же. В тот же пионерский отряд при-

слал письмо его бывший сослуживец сержант Лукьянов. Перечисляя «все свои маленькие солдатские радости и горести», он отмечает Юрины качества: решительность, настойчивость, честность, отзывчивость, — но сам чувствует, что не хватает слов для чего-то главного. И, кажется, находит их: «Я восхищался благородством его души».

Да вот же он, простой ключик к тайне его идеальности: и семья, и школа, и вся воспитательная система эпохи пестовали юную душу в духе примеров благородства и честности. И человек с открытой душой и любовью тянулся, как цветок, к свету.

«Смерть выбирает лучших»

Об этой фразе («Смерть выбирает лучших») одного из героев повести Виля Липатова «И это все о нем» велась письменная дискуссия между Юрой Зайко, к тому времени уже воевавшим в Афганистане, и его бывшим классным руководителем Мусориной Тамарой Петровной. Юрий не соглашался с такой несправедливостью, чтобы лучшие гибли первыми. Себя он, разумеется, лучшим не считал. Но мы сейчас, по прошествии времени, понимаем, как много мудрости заключено в известном афоризме: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Серьезный, вдумчивый педагог Тамара Петровна уже в пятикласснике Юре Зайко разглядела недюжинную натуру. Она отметила его честность и принципиальность, умение говорить и воспринимать правду.

«В 9-м классе у него уже был другой классный руководитель, — вспоминает Тамара Петровна, — но дружба наша продолжалась. Мы часто встречались после уроков, пили чай у нас дома и много говорили о жизни».

Вообще эта дружба учителя и ученика заслуживает особого уважения. Ведь только так достигается настоящее воспитание. О роли Тамары Петровны в формировании личности Юрия Зайко говорит уже сам факт их длительной переписки. Поэтому приведем здесь письмо учительницы своему бывшему ученику туда, в Афганистан:

«Юра, здравствуй!

Извини, что долго не писала. В школе все хорошо. 10-й класс закончило 13 человек. Девчата поступают, а мальчишки все остались в колхозе, работают.

В селе все по-прежнему. Построили новый детский сад. Очень красиво в нем. Все новое, яркое. Рады за малышню. Прекрасный сад, у вас такого не было. Вашим детям жить будет лучше.

Мой хороший Юра! Я даже по письмам чувствую, как ты вырастешь. Да, Юра, в жизни все очень сложно. Все ты будешь постигать. Постоянно бороться сам с собой, пока не сформируешься в настоящего человека. Тебе трудно, потому что ты человек со своими взглядами, убеждениями — со своими!!! А людям с такой натурой всегда сложнее. Помнишь, я тебе говорила, что у тебя все будет сложно. Все! И, несомненно, уже сейчас ты будешь пересматривать всю свою короткую жизнь и, самое главное, все взвесишь, все поймешь, сделаешь правильный вывод. Ничего! Скоро ты будешь на Родине. А это — главное. Скорее бы!!! Я скорблю вместе с тобой (по поводу гибели друга). Потому что я знаю, ты не каждого называешь другом. Помнишь, у В. Липатова, когда погибает Женька Столетов (в книге „Это все о нем“), дед говорит: „Смерть ищет лучших“. Помнишь?!

Крепко целую тебя, как сына! Передавай привет своим друзьям! Жду твою весточку. Всегда приятно получить письмо от вас, а от тебя — тем более. До свидания!.

Простой человеческий документ! Рядовое письмо из обычной переписки. Но это ведь акт сотворения Человека в человеке! Юрию Зайко «везло» на встречу с хорошими людьми.

Вся атмосфера села Могойтуй, где он прожил свою короткую жизнь, пронизана нравственностью и заботливым отношением жителей друг к другу. Об этом косвенно свидетельствует рассказ Августы Николаевны Нижегородцевой, ныне председателя совета ветеранов села, о том, как встретили в Могойтуйе весть о гибели Юрия.

«24 сентября в обеденный перерыв мне на квартиру позвонили из райвоенкомата (я работала тогда председателем сельского Совета), что надо сообщить родителям Юрия Зайко, что он погиб и что к вечеру родным доставят гроб с телом сына.

Страшная беда! Как сказать родителям?! Позвонила дяде Юрия Борису Андреевичу Зайко, попросила его прийти в сельсовет. Ему, первому из родственников, и сообщила эту печальную весть. Мама Юрия Нина Андреевна Зайко работала на зерноскладе колхоза (шла уборка урожая). С Борисом Андреевичем приехали на зерносклад, позвали в проходную маму Юры. Увидев нас, расстроенных, она сразу почувствовала неладное.

— Что с Юрой? Что-то случилось?

— Нина, родная моя, держись. Юра погиб. К вечеру доставят гроб, — рыдая сказала я.

Что тут было! Горе матери словами не передать... Плакали все, кто оказался рядом.

Поехали домой. Отец Юрия Яков Андреевич Бутылкин был на работе (он работал в колхозе трактористом), узнал о гибели сына вечером, когда приехал домой».

«Смерть выбирает лучших...»

Юрий не соглашался с этой мыслью, потому что не считал себя лучшим и не хотел, чтобы так думали после его смерти. Это есть высшая концентрация нравственности в человеке.

«Юра рос спокойным, не хулиганистым, — пишет его мама, Нина Андреевна, — все годы в школе был на Доске почета. За свою жизнь никого не оскорбил, со мной никогда не спорил. Никогда ни на что не жаловался».

По старой русской поговорке, не живет село без праведника. Юрий Зайко стал таким праведником для родного Могойтюя.

Фатальный выстрел

Чувство людской пригодности воспитывалось у Андрея с раннего детства его родителями, которые считали это качество самым главным. А еще захватил паренька удивительный мир книги. Его всегда волновали герои художественных произведений, которые посвящали свою жизнь службе народу.

Тихим, скромным, очень чутким к людям рос этот парнишка. Он не отличался красноречием, но, когда на уроках литературы рассказывал о любимом герое, то одноклассники и учителя удивлялись, как он мог глубоко заглянуть ему в душу, подметить то, что другие не замечали.

«Андрей восхищался мужеством, хотя сам был очень нежным, — вспоминала его мама. — Он мог подолгу рассматривать распустившийся цветок, ходить в лес, любоваться природой».

Сын с такой лиричной душой был особенно дорог матери, хотя, по ее словам, где-то в душе таилась жалость и страх за то, что будет тяжело ему в жизни с такой чуткой, впечатлительной натурой. Не заметили, как вырос, закончил школу. Когда пришло время решать, куда идти дальше, Андрей, к удивлению родителей, решил: «В армию, а там приму окончательное решение».

После десятилетки Андрею довелось несколько месяцев поработать слесарем на заводе «Кинап», а осенью 1983 года

он получил повестку в армию. Несмотря на всю лиричность души, Андрей, еще учась в старших классах, занимался в ДОСААФ, прыгал с парашютом. Потому и призвали парня в воздушно-десантные войска.

После короткой подготовки в «учебке» Чирчика рядовой Андрей Казанев попадает в Афганистан вместе с такими же, как и он, необстрелянными солдатами.

«Мамочка, родная, береги себя. За меня не беспокойся, я живой и здоровый. Я даже рад, что мне выпала такая честь. Тут я по-настоящему познал цену жизни, цену дружбы и коллективизма», — писал сын родителей.

...Афганистан. Уже начало темнеть, когда подразделение, в котором служил Андрей, подняли по тревоге. Это произошло спустя четыре месяца после прибытия в Афганистан, в ночь на 23 марта 1984 года. Разведчиков бросили на боевую операцию в районе населенного пункта Хувази. Ветром отнесло купола парашютов, бойцы оказались в ущелье за несколько сотен метров от предполагаемой площадки приземления. И вдруг — яростная пальба, взрывы гранат. Засада. Десантники дрались яростно...

В оптическом прицеле снайперской винтовки возникло лицо советского солдата. Какое-то время чернобородый бандит в замусоленной чалме колючими глазами разглядывал бойца, а палец лежал на курке. Выстрел. И жизнь Андрея оборвалась, как натянутая струна. Вражеская пуля попала прямо в сердце молодого солдата, которому не исполнилось и девятнадцати...

Андрей Казанев не стал героем, не прославился особым мужеством, но он приумножил великий подвиг советского воина.

Память об Андрее Казаневе навсегда останется в сердцах учеников и учителей школы. Он будет жить среди нас, потому что живет его имя.

Доброе слово

В одном из последних писем он писал маме: *«В начале октября или в конце сентября должен быть дома... А приеду — у меня будут льготы и характеристика в любое высшее заведение... Так что, мама, все будет нормально».*

В конце сентября, в этот заветный срок, с которым он связывал столько планов, в тот черный день 29 сентября все оборвалось.

Памяти Юры Каменскова посвящено прочувствованное доброе слово его учительницы Зинаиды Яковлевны Денисовой, которое заменит очерк о нем.

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ, ЮРА!

Чтобы быть мужчиной,
Мало им родиться.
Чтобы стать железом,
Мало быть рудой.
Надо переплавиться, разбиться
И, как руда, пожертвовать собой...

А. Жаров

Пожертвовать собой. Так в свое время поступил Павел Корчагин. Так миллионы людей поступали в годы Великой Отечественной войны.

А зачем сейчас жертвовать собой? Человек должен жить долго и счастливо, излучая свет и доброту, порядочность и благородство. Он должен создавать свою судьбу.

Судьба... По-разному она складывается у людей. Говорят, можно управлять своей судьбой. Но иногда бывают такие мгновения, когда не думаешь ни о судьбе, ни о жизни, а только колоколом стучит в голове: спасти, спасти человека...

Так и поступил наш выпускник, когда служил в Афганистане. Это Юра Каменсков, мальчик, ничем не отличавшийся от своих сверстников.

Я помню его хорошо, его лицо всегда перед моими глазами. Кажется, это было недавно.

Солнечный апрельский день... Школа выглядела особенно нарядно...

Вдоль дорожки к крыльцу школы, как на параде, выстроились стройные маленькие елочки, посаженные моими учениками.

Суетятся дети, волнуются родители, торжественно выглядят учителя. Под звуки горна и барабана выходят на линейку ученики 2-го класса, держа перед собой красные галстуки. Среди них небольшого роста веснушчатый мальчик Юра Каменсков. Глаза широко раскрыты, а губы твердо повторяют: «Я, юный пионер Советского Союза...»

Обыкновенный парнишка, как все. Играл в войну, гонял на велосипеде, любил технику, мечтал стать хлеборобом. И очень хотел служить в армии.

Прошли годы... Вот он уже комсомолец, с нежностью и особым трепетом держит в руках комсомольский билет и думает, думает...

Лето... Раннее утро. Солнце, боясь нарушить тишину, робко бросает свои первые лучи на землю. Жаворонок застыл в воздухе над хлебным полем, а Юра бежит по росистой траве на работу. Сегодня он вместе с отцом занял место на большом степном лайнере — комбайне. Вечером, радостный и счастливый, он спрашивает отца:

— Папа, а сколько мы сегодня заработали?

— О, сынок, наш заработок ты завтра увидишь в хлебном магазине на прилавке.

Однажды, возвращаясь из школы, мальчик увидел, что около его дома какие-то люди.

— А мама, где мама? А вот она... Почему она в черном платке?

«Отец... отец», — подумал Юра. Ноги стали ватными, в горле все разом пересохло.

В этот день Юра почувствовал себя совсем взрослым, старшим в семье. После окончания восьми классов пошел учиться в ПТУ, чтобы скорее помочь маме.

Сразу как-то забылись беспечные игры, катания на самодельном мопеде. Окончил училище и сразу получил повестку из военкомата. По-детски наивно и искренне он радовался и кричал:

— Мама, меня призывают в армию, завтра явиться с вещами!

Сын писал маме добрые и хорошие письма.

«Дорогая мамочка! За меня не беспокойся, старайся беречь свое здоровье, ведь тебе еще надо воспитать Володьку. А я очень скоро приеду. Читала приказ? Он уже вышел. Целую тебя, моя родная. Помни, мама, каждую минуту жизни я с тобой...»

Не пришлось ему обнять маму, погладить ее рано поседевшие волосы, теплые с морщинками щеки, поцеловать ее добрые руки.

Душманы подстерегли колонну машин в горах. Загорелась первая машина, вторая... Сквозь огонь и дым Юра увидел своего друга Сережу, истекающего кровью. Не раздумывая бросился к нему сквозь свист пуль, вынес, положил на огромный камень-валун.

— Держись, Сергей, — сказал он и снова вернулся к машинам. Бой продолжался. Он был для Юры последним... Тяжела

утрата, нет слов для утешения, но мы гордимся подвигом своего выпускника.

Молча стоим в школьном музее Боевой славы у стенда, который называется «Выполняя интернациональный долг». Именно дядя Юры, Ковляр Валерий Иванович, был инициатором создания музея еще при жизни Юры, а теперь он возглавляет центр «Поиск» в городе Энгельсе.

С фотографии на нас смотрят грустные глаза Юры. Вот его личные вещи, письма маме, орден Красной Звезды, медаль от афганского правительства, которой он награжден посмертно.

А в школу приезжал друг Юры, которого он вынес из огня. Сережа живет в Йошкар-Оле, уже несколько раз навещал Марию Ивановну Каменскову, маму Юры.

Замерли школьники в тревожном ожидании, а Сережа горячо и с любовью говорил о своем друге, об их священной солдатской дружбе. «Юра никогда не унывал. В короткие минуты отдыха играл на гитаре, сам сочинял песни, часто писал теплые письма маме, с любовью и нежностью рассказывал о своем селе, о школе, о создании в школе музея Боевой Славы, о друзьях, о любимых учителях».

Сережа в конце встречи сказал, что своего сына назвал в честь Юры, дав ему имя друга.

Такие люди не умирают, они живут в названиях улиц, школ, Дворцов культуры.

Этапы короткой жизни

Отбирая фотографии Валерия Кацова к очерку о нем, мы хотели, как принято, проиллюстрировать разные этапы его жизни. Но даже простое сравнение двух портретов — взрослого десантника, которого вы видите над его биографической справкой, и вот этого юного пионера — вдруг подтолкнуло к мысли: о каких «этапах» может идти речь, если между этими портретами промежуток в девять-десять лет, который и составляет всю его жизнь!

На одном мы видим только вступившего в жизнь человека, смешливого «чертенка», пытающегося перед фотокамерой спрятать распирающий его смех, переполняющую его радость жизни, которая все равно выплескивается искорками в глазах чуть приподнятыми в полуулыбке уголками губ. На другом — язык не поворачивается назвать «финальным» — снимке на нас смотрит молодцеватый красавец, которому бы толь-

ко пользоваться всеми восторгами молодости, но взгляд его слишком серьезен и отрешен; он как бы предчувствует скорый «финал»...

К такому же невольному сравнению приводит и следующая пара фотографий. Деревенский мальчишка, не то водовоз, не то молоковоз, обнимает морду запряженного в телегу коня. Сколько же простого, природного, крестьянского счастья в этой бесхитростной картинке! Наверное, можно было бы сотни и тысячи таких фотоснимков сделать, если бы это было технически возможно, и с отцом Валерия — Василием Андреевичем в его детстве, и с дедом Андреем... И с прадедом. Все они здесь крестьянствовали, жили-любили, строили-пахали, запрягали-ездили, пели-хороводили. И жили до ста лет, как бабушка Валеры Прасковья Михайловна.

А с другого снимка на нас смотрит тот же «мальчишка», в руках которого не ласковая морда коня, а угрюмый металл автомата, который и сам сеет смерть, и на себя притягивает ответные пули. Потому так устало-насторожено лицо разведчика.

Правда, меж этими парами фотографий был в жизни Валерия Кацова один не отраженный на снимках «этап» — важный, переломный, судьбоносный; он был связан с выбором жизненного пути. Крестьянский мальчик из Чувашской деревни пошел в рабочий класс. Головокружительный «этап»!

После выхода из школы с аттестатом зрелости голова в буквальном смысле «идет кругом». Во всех газетах печатаются зазывные объявления, приглашающие в институты, техникумы, училища, по радио и телевидению звучит призыв: «Алло, мы ищем таланты!». Три друга, окончившие Убеевскую среднюю школу: Валерий Кацов, Альберт Лукин и Николай Федоров — «открыли» в себе таланты шахтеров и поехали учиться на «подземных электрослесарей» аж на Украину. Как вспоминает Альберт Лукин, они и в общежитии жили вдвоем, также вместе успели поработать под землей на шахте «Свердловская», пока Валерию не пришла повестка из военкомата.

С этой-то повестки и начинается последний, «угрюмый» этап его жизни. Он символически ознаменовался и природной хмарью. Нелетная погода не позволила Валерию слетать на родину, хотя бы проститься с родственниками. Дорога в Афганистан из Ворошиловграда не пролегала через родной Новый Игитт. Елизавета Петровна, мама Валерия, утешала себя тем, что, по народной примете, если не успел проститься, то обязательно встретишься. Оказывается, не все приметы сбываются...

И наконец, последняя фотография. Фотография похоронной процессии. К ней уже не подберешь параллель из другого «этапа» жизни. Все село вышло хоронить Валерия. А многочисленные похороны — это уже не примета. Это проявление общественного признания и долгой памяти.

А память действительно не только не умирает, но и растет. Колхоз присвоил его имя одной из молочно-товарных ферм. Село Новый Игитт одну из своих улиц назвало именем Валерия Кацова.

Сразу после похорон Валерия Кацова военрук Убеевской школы Владимир Флоров организовал районные соревнования по вольной борьбе среди школьников. Назвали турнир именем погибшего воина. Сколько разрядников, кандидатов и мастеров возмужали на этих соревнованиях! С середины 90-х годов турнир стал республиканским, а с 1997 года — Всероссийским, имени Валерия Кацова.

Обнялись навек

Этот бой 15 августа 1984 года у горы Маркох в провинции Нангархар хорошо известен, описан во многих воспоминаниях.

Вот «сюжет» этого боя.

Группе из одиннадцати человек во главе с лейтенантом Нафиковым, куда входили сержант Сергей Глушко, младший сержант Усман Магомедов и восемь рядовых, было приказано выдвинуться восточнее кишлака Гирбад, занять удобную позицию на горе и задержать ночующую в кишлаке банду до прихода наших основных сил. Лейтенант Нафиков удобно расположил группу, а сам выдвинулся вперед, ниже по склону горы.

Утром душманы вышли из кишлака и двинулись вдоль реки Кабул как раз на засаду группы Нафикова. Их было много, больше сотни, по десять на каждого.

Нафиков первым принял бой. Как потом оказалось, его позиция была наиболее уязвимой, так как простреливалась из ближайшей пещеры, которую он не учел.

Увидев, что лейтенант упал, Усман Магомедов бросился к нему, во время перебежек получив ранение в руку. Превозмогая боль, он пытался одной рукой перенести тело погибшего командира ближе к своим. Но пулеметная очередь прервала его усилия.

Сержант Глушко принял командование на себя, и группа в конце концов выполнила задание. После боя бойцы увидели Нафикова и Магомедова как бы обнявшимися навек.

В суровом молчании оставшихся товарищей расстанутся смертные побратимы: одного увезут в Свердловскую область, другого — в Дагестан. И там, и там, оплаканные родственниками, в сопровождении скорбных процессий лягут они на вечный покой.

Но есть, очевидно, какие-то мистические силы, которые как бы воскрешают к дальнейшей, может быть, вечной жизни добрые порывы безвременно ушедших. Бросок Усмана на помощь Хамиту был «напрасным» практически: Хамит был уже мертв, но он, этот бросок, не был уже напрасным хотя бы потому, что явил еще раз миру, как прекрасна душа человека, спешащего на помощь другому, рискуя собственной жизнью, забывая в этот миг про риск.

Воскрешением этой доброты стало письмо, пришедшее в Ленинаул из Свердловской области от Фазили, старшей сестры Хамита: «Простите нас, что мы беспокоим вашу незаживающую рану. Но не писать мы не могли. Как нам сообщили из части, наши ребята служили бок о бок с первого дня пребывания на афганской земле... Ваш сын — отличный солдат и хороший парень. Он до последнего вздоха защищал своего командира. Их разлучила только смерть. Вот что мы узнали об Усмানে».

Это письмо стало «первой ласточкой» большой доброй дружбы двух далеких друг от друга семей — аварской и татарской. Приезд матери и родственников Хамита Нафикова в гости к родителям и родственникам Усмана Магомедова стал событием для всего Казбековского района.

Теперь и в семье Нафиковых в далеком зауральском Михайловске знают об Усмানে все в деталях, как и в семье Магомедовых.

И о том, что после его рождения мать Усмана, Исаймат, долго болела, и присматривала за малышом сестра его отца, Таибат, у которой не было своих детей. Мальчик очень привязался к ней и ее мужу, звал ее «ага», а мужа — «аци», как дети у аварцев называют родных мать и отца. Так и вышло у Усмана две родных матери, два родных отца.

И о том узнали Нафиковы, что Усман, как и их Хамит, любил спорт, бегал по утрам, обливался холодной водой, крутился на турнике. Оба ухаживали за скотиной, помогали по хозяйству.

И еще узнали, что Усман в шестнадцать лет ходил в военкомат, просился отправить его в Афганистан, чтобы отомстить за односельчанина Низамутдина.

Узнали и о том, что дело шло к свадьбе. Часто приводил Усман в дом свою одноклассницу, хорошую девушку. Родители уже собирались дом им ставить, купили лес, шифер...

Таибат по секрету поведала своей татарской подруге Мунире, как она однажды увидела на могиле Усмана ту девушку, обнимающую с рыданием памятник... Вышла замуж, приезжала проститься с Усманом.

И еще поведала Мунире Таибат, что все-таки настоящая мать сердцем чувствует беду. Припомнила, как 15 августа к ней прибежала бледная Исаймат, вся не своя: «Не случилось ли что с Усманом?». «Когда пришла похоронка, я так и ахнула, — говорит Таибат. — Усман погиб именно тогда — 15 августа».

Такие вот они, матери. И они обнялись втроем: три матери двух сыновей.

А приемный отец Усмана (он же — его родной дядя) Иса Мутачев прислал в редакцию письмо, в котором высказал неожиданную мысль, оправдывающую Афганскую войну. «Сегодня, — пишет он, — когда в Чеченской республике льется кровь и погибают наши сыновья, наше горе вроде бы в прошлом. Закончена война в Афганистане. Но осталась память и могила, где похоронен наш сын. Но сердце ноет, и слезы накапываются на глаза, когда вижу его ручку, которой он писал уроки, его книги и тетради и многое другое, что я храню и берегу.

Я теперь понимаю, что мой сын погиб не зря, а за будущее Афганистана, чтоб такой участи, как у Чечни, не было...»

Сложная, и, возможно, спорная мысль, но именно из таких мыслей складывается бесспорная народная мудрость.

Молчаливый по натуре

Яблонева ветка над забором впускает в небольшой дворик аккуратного дома. Здесь он вырос. Отсюда бегал купаться с друзьями к ближайшему водоему. Ходил в школу. Яблоня эта помнит его, восемнадцатилетнего парнишку, который ушел из села, чтобы возвратиться к землякам в благодарной памяти людской.

В двери этого дома постучала необъявленная война в Афганистане. «Сообщаем, что Ваш сын, Макаров Александр Евгеньевич, проходил службу в нашей части. За это время зарекомендовал себя с положительной стороны.

Выполняя интернациональный долг при оказании помощи афганскому народу, верный присяге, Ваш сын героически погиб, проявив при этом мужество и героизм. Будучи раненым, продолжал выполнять поставленное задание. За совершенный подвиг представлен к награждению орденом Красной Звезды. Его имя и описание подвига занесено в книгу летописи славных боевых дел части».

Это случилось 22 января 1984 года. Подробности боя собиравались долго. Сам бой длился 8 часов. Необходимо было освободить захваченный мятежниками кишлак. Группа, в которой находился Саша, наткнулась на засаду. В группе оставалось все меньше способных держать оружие. Помощь запаздывала. Саша отстреливался до конца. Захлебнулся, сухо щелкнув затвором, его верный друг — пулемет. Он встал в полный рост и оставшимися гранатами вывел из строя несколько мятежников, бегущих к нему. Очередь из автомата оборвала его жизнь... Поставила точку за несколько месяцев до приказа об увольнении.

Скупые факты жизни, которая так рано оборвалась. Он был обыкновенным парнем. Как и у нынешних восемнадцатилетних, его биография влезает в несколько строк. Родился в деревне Васильевка Рязанской области. Потом семья переехала в село Песочня той же области. Потом школа, училище в Рязани, увлечение парашютным спортом, «учебка» в Чирчике и служба под Кабулом.

Последнее письмо Клавдия Алексеевна получила тогда, когда уже два дня в списке части против фамилии Саши стояло: «Погиб при выполнении боевого задания, верный воинскому долгу...»

В одном из последних писем Саша писал: *«Дорогие мои. Вы не можете представить, как я соскучился по дому. Нужно только побывать так далеко от родной земли, чтобы понять, что такое Родина и как дороги человеку родной воздух, родная земля».*

Из воспоминаний Сашиных одноклассников: «Зачитывался художественной литературой. Чутким был к чужой беде. Молчаливый по натуре, на выпускном вечере был как никогда веселым, всех приглашал к танцу, поздравлял с окончанием школы. Словно навсегда прощался с нами».

«Письма его читали в нашей Песочнинской школе, где Саша учился, — пишет нам в редакцию Клавдия Алексеевна. — Был отведен уголок, где хранились письма, а кто отличник — сажали за Шашину парту. Даже нашу улицу хотели назвать именем

Саши Макарова. А потом перестройка, все завертелось, закружилось, и все пропало, а сейчас даже никто не вспоминает...»

Но добрая людская память нетленна. На жизни и подвиге своего земляка сельские мальчишки и девочки по-настоящему учатся любить и ценить все то, что любил и ценил Саша.

Последнее письмо

Он написал его родным 9 марта 1984 года:

«Мама, папа, брат Алексей, Марина и Сергей (Марина — жена Алексея, Сергей — его сын)... Немного о себе. Служба идет отлично, здоровье хорошее, настроение на высшем уровне. Вот сегодня 8 Марта, все в Союзе отдыхают, а мы, вымокшие до нитки, прилетели с гор. Сейчас все отдыхают после бессонной ночи. У меня все хорошо, за меня не беспокойтесь. Вот моя служба подходит к концу, сейчас оформляют документы на увольняющихся, значит, скоро буду дома. До приказа осталось 18 дней!!!».

И всего одна неделя оставалась до долгожданного приказа, когда он ушел из жизни.

Его биография только начиналась. И не о таких ли, как Саша Мокров, говорил в свое время русский критик В. Г. Белинский: «У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты, и о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как он действовал и каким он является в эти моменты, когда на весах судьбы лежали бы его и жизнь, и честь, и счастье...»

Прожил Саша 21 год, оставшись навсегда молодым. А началось все 13 февраля 1963 года в рабочей семье Юлия Матвеевна и Михаил Акимович работали на тонкосуконной фабрике. Жизнь родителей проходила на глазах детей, двух братьев, которые видели, какие золотые руки у отца, и ощущали теплоту и нежность матери.

В 1970 году Саша пошел в первый класс школы № 49, где проучился до 1978 года; окончив 8 классов, поступил в лесотехникум.

«Он был нормальным парнем, — говорит о Саше Валентина Савельевна Старинова, преподаватель техникума, в котором он учился. — От сверстников ничем не отличался. Отличником не был. Иной и учится блестяще, а на проверку может мерзавцем оказаться. Саша был своим парнем, любил жизнь.

Хлопот с ним не было никаких, это да. Спокойный был. Где-то незаметный даже. Но у меня к Саше пристрастное отношение, мы все годы были дружны с его родителями. Отцы наши вместе воевали.

Многое может о сыне рассказать мать. И не только словами — своим отношением. Она так переживала за него. Помню, он уже готовый дипломный проект потерял. Вот побегали все! В итоге нашли, а волнений сколько было. Все о здоровье его беспокоилась. Постоянно звонила, заходила: „Как Саша?“. Будто чувствовала...»

Да, одной из составляющих материнской любви являются предчувствия, порой фантастические... И как часто мы связываем со случившимся любую мелочь.

В детстве Саша часто теребил деда: «Как там было, на войне, расскажи! Воевать — это страшно?». Как будто готовил себя к Афганистану... Александр был человеком храбрым, мужественным, многое умел. Он перенял немало хорошего от своих родных. Дедушка научил метко стрелять, вместе с внуком Матвей Иванович Герасимов ходил на охоту. Отец Михаил Акимович передал сыну увлечение фотографией. Уже после случившегося найдут альбом — все памятники Бурятии запечатлел на снимках Саша. Как будто знал, что через несколько лет сам станет памятью города Улан-Удэ — его именем назовут улицу.

В апреле 1982 года Саша получил диплом, но никуда его не предъявил, не успел — получил повестку из военкомата. И мечта Саши, как и любого призывника, — служить в воздушно-десантных войсках — сбылась. Физически здорового, его и направили в спецназ. В учебном подразделении освоил воинскую специальность пулеметчика.

«Забрали его очень рано, — вспоминает Юлия Матвеевна, — в апреле. В Бурятии был спецнабор в армию, куда ребят отправят, нам, конечно, не говорили. Он попал в одну из частей ВДВ. Война в Афганистане в то время уже шла...»

Со временем письма домой стали приходиться с описанием чужого края: «Служу там, где плавится песок, где нет воды и море солнца». В письмах был немногословен. «Привет из Афгани! У меня все хорошо. Служба идет отлично. До приказа осталось 63 дня». Чуть больше написал незадолго до боя, последнего для него.

До этого Саша уже встречался с душманами. В одном из боев спас командира, имел ранение. Родители знали, что он лежал в госпитале, но поверили, что «экзема трудно поддается лечению». И только однополчанин, навестивший родителей, сказал правду: Саша залечивал рану.

Оставалась всего одна неделя до приказа об окончании службы, когда разведчики ушли на очередное боевое задание.

О том бое сведений мало. «23 марта 1984 года группа, в составе которой находился Саша, вышла на выполнение боевой задачи. Подразделение успешно ее выполнило, разгромило банду мятежников. Саша уничтожил несколько душманов, участвовал в захвате главаря банды. Преследуя противника, при переправе через реку Кабул Саша погиб». Потом боевые друзья сказали Юлии Матвеевне, что они попали в засаду, их здорово обстреляли. Саша до последней минуты помогал товарищам. Больше ничего...

В доме Мокровых бережно хранится все, что напоминает о сыне: письма из Афганистана, боевые награды — медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды, записная книжка с самыми сокровенными мыслями, солдатские стихи.

«Я не могу поверить, что сына нет. Я его жду», — пишет Юлия Матвеевна.

Какая мать согласится со страшной несправедливостью — отдавать смерти самое дорогое, бесценное. Мамы ждут даже тогда, когда уже никто не ждет. Они ждут всегда, до конца...

Время берет свое. И родители все больше жалеют, что от Саши нет внуков. Погиб молодым, о девушках только мечтал. В его записной книжке осталось такое обращение к девушке-невесте:

Побудь недотрогой всего лишь два года,
А если не можешь, тогда не пиши.

На одной из фотографий из Афганистана, хранящихся у родителей, Саша и его командир Юрий Оленников. Они оба не вернулись из последнего боя. Их нет в живых, но память живет. Люди чтут память.

Вместе с другими важными документами в семейном архиве Мокровых хранится письмо:

«Мы, бойцы первого путинного студенческого отряда „Бургузин“, уезжая на Камчатку, выбрали почетным бойцом своего отряда Александра Мокрова».

«Приходим на его могилу, а там часто лежат цветы, — пишет Михаил Акимович. — Люди помнят нашего сына».

«Героическое совершить нелегко, — пишет нам в редакцию преподаватель истории В. И. Шурыгин. — Не все стано-

вятся героями, только человеку долга под силу совершить героический поступок. За полтора года службы в Афганистане Саше не раз приходилось бывать в бою, получать не только ранения, но и приобретать опыт, получить первую боевую награду. Саша совершил свой подвиг за несколько дней до демобилизации. Погиб в двадцать один год.

Двадцать один год — много это или мало? Скорее всего, дело не в прожитых годах, а в том, что ты успел сделать доброго, как оправдал звание защитника Родины.

Погибший разведчик Саша Мокров не сделал ничего из того, что оставляет след в жизни, — не воспитал детей, не вырастил дерева, не построил дом. Не успел. Он, «верный военной присяге, проявив стойкость и мужество», погиб, выполняя приказ Родины.

Лидер

Да, начиная с детского садика он уже выделялся среди своих сверстников развитием, статью.

«Весна 1970 года. Мама привела меня в детский сад, в младшую группу. Дети готовились к празднику. Они разучивали танец. Я была высокого роста, поэтому воспитатель подвела меня к самому высокому мальчику в группе и сказала: „Его зовут Юра, это твой партнер по танцу“. Таким образом мы и познакомились», — вспоминает Людмила Купряшова. С этого первого танца и началась их дружба. Практически на всех торжествах в саду Люда и Юра были бессменными ведущими. Исполняли роли Деда Мороза и Снегурочки.

Потом они встретились на пороге школы № 26, на торжественной линейке 1 сентября 1973 года, и учились в одном классе.

В своем письме Людмила пишет: «Юрий был не по возрасту серьезным, самостоятельным мальчиком. Учился хорошо. До шестого класса был отличником. Много читал, прекрасно рассказывал стихи, исполнял песни и танцевал. Был одним из лучших баскетболистов школы, прекрасным гимнастом».

Этот веселый, жизнерадостный парень, обладавший чувством юмора, был в классе положительным лидером. Он был душой любой компании. Что бы ни делали ребята: собирали металлолом, макулатуру или работали на уборке картофеля, — Юра всегда успевал первым и первым предлагал свою помощь другим.

Он и остался в памяти друзей-одноклассников таким добрым и улыбочивым. Он мало успел сделать, но то, что делал, с теплом вспоминается живущими.

Не успел закончить техникум — приказ: встать в строй. Надел военную форму и старался быть в числе первых. Только закончил Чирчикскую «учебку» — и в Афганистан.

«Пишу вам из Афганистана. Попал служить в Газни... Улетели из Ташкента вечером, часов в шесть. В Кабуле на пересыльном пункте жили два дня, а потом вылетели вертолетом на Газни. Часть стоит не в самом Газни, а в нескольких километрах от него. С одной стороны горы, с другой — степь. Здесь пройдут десятидневные сборы, а потом нас распределят по ротам. Газни находится на высоте 2200 метров, поэтому здесь самое прохладное место в Афганистане. Зимой снег выпадает и мороз бывает до 30 градусов.

Это самое тихое место в Афганистане, так что не расстраивайтесь. Сейчас живем в палатках. Комбат приказал до зимы выстроить казармы...»

Так написал в одном из трех своих писем из Афганистана Юрий Воронин.

Только три письма успел написать с августа до 19 октября, дня, когда он пошел на свое последнее боевое задание...

Об этом бое и обстоятельствах гибели Юры написал Валентине Максимовне командир роты, капитан Бекоев Павел Викторович, который погиб спустя шесть месяцев: «...Произошло это на моих глазах, я непосредственно участвовал в том бою, где погиб Ваш сын Юрий Воронин. Наша группа в составе восьми человек, выполнив задание, выходила к своей бронегруппе. По стечению обстоятельств в зеленой зоне, через которую мы шли, на похороны своего главаря собралась банда. Группа численностью около 120 человек. Об этом мы узнали несколько дней спустя. На открытом месте группа попала в засаду. Мы приняли бой. Через 20 минут четверо из нас были ранены. Я и радист группы стали оттаскивать раненых из-под обстрела. Мы успели вытащить и укрыть в сухом русле двоих, прежде чем ранили радиста.

Прикрывая нас, погиб мой заместитель, командир взвода лейтенант Юрий Макаров. Вскоре подоспела бронегруппа. Мы смогли эвакуировать раненых с поля боя. Однако ранения, нанесенные Вашему сыну разрывными пулями китай-

ского производства, были очень тяжелыми. Он скончался от ран во время эвакуации...»

Осталась добрая память. Остался диплом Сызранского нефтяного техникума, который лежит рядом с боевой наградой Юрия. Все это бережно хранит его мама Валентина Максимовна.

Юра мечтал работать на Севере, добывать нефть. Его мечтам так и не суждено было сбыться...

* * *

Мелькает солнца диск сквозь пылевую мглу,
А взвод идет на риск, не бросив высоту.
У каждого в душе счастливая звезда,
Но вот одна на всех над трактом высота.

Сжимает грусть-тоска, и вспоминать начнешь,
Начнешь стихи читать про то, что дома ждешь.
Патроны побережь, чтобы не стать чужим,
Сумеешь ли не сжечь ты для себя один.

Пока отряд живет, противник не пройдет,
Уже на взлет идет поддержки вертолет.
И падает чалма, Аллах ей не помог.
Закурим, старина, пока что с нами Бог.

Геройский санинструктор

Рос Саша Гонышев жизнерадостным, энергичным мальчишкой. Пролетело беззаботное детство, школьные годы. Здесь же, в родном колхозе, познал азы нелегкого крестьянского труда. Но пришла пора прощаться с родным Черноречьем.

Осенью 1983 года проводили Александра Гонышева в армию. Провожали всем селом, как положено, с гармошками и песнями. Наказы односельчан Саша выполнял честно, к службе относился добросовестно. В течение пяти месяцев обучался по программе санинструктора в учебном подразделении, а затем был направлен в Афганистан.

Содня проводов Александра в армию прошло 18 лет. Столько же было тогда и ему.

Постороннему человеку, тем более не связанному с войной и не потерявшему на ней никого из близких, кажется, что у матери понемногу притупляется чувство невосполнимой ут-

раты. Восемнадцать лет минуло с тех пор, как пришло в дом Гонышевых это страшное известие: «...Выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, сержант Александр Гонышев погиб 30 января 1985 года».

Нет, навсегда поселилось в материнских глазах горе. Только спрятала Анна Ивановна его подальше от людей. Вы посмотрите внимательно на матерей, когда они плачут. Всмотритесь. Они плачут кровью своих сыновей...

В своем письме, датированном 18 ноября 1984 года, Саша писал: *«Здравствуй, мама! С огромным приветом к тебе твой сын, Саша. Получил твое письмо, за которое большое спасибо. Служба у меня идет нормально. Мама, что, у Вити Карапотина родилась дочь? Он где живет? У матери? Или ему квартиру дали? Мама, как у тебя идут дела? Не болеешь? Передавай привет Сережке Лавренову. Напиши, как он живет. Пиши, что нового в деревне. Привет Сашке Гончарову и остальным».*

...Друзей Саша вспоминает в каждом письме домой. Их у него было много: Сережа Лапин, Саша Спасенкин, Саша Вотинцев, Геннадий Комаров. Разлетелись в разные стороны, обзавелись своими семьями, навалились заботы... Но к матери друга, к Анне Ивановне, навещают, спрашивают: что надо?

Мы посчитали уместным обратиться к статье корреспондента местной оренбургской газеты А. Тлегенова, которому удалось взять интервью у бывшего директора Чернореченской средней школы Андрея Никитовича Шалкина, в котором он говорит о Саше Гонышеве:

— У нашего Саши характер не сахарный, свой он у него был, особенный.

И делает паузу, как бы подчеркивая значимость сказанного. Многие судьбы прошли перед его глазами за 38 лет педагогической работы.

— Не подумайте, что высказываю дежурное. Но он был трудолюбивый, исполнительный. Помню, как страстно любил животных. Закончится учебный год — идет сразу на ферму. До первого сентября ухаживает за колхозными телятами. Рано повзрослел поэтому... А характер у него свой был. Мог, конечно, в горячке наругать.

Долго и заинтересованно он рассказывал о своем ученике. Запомнилось главное, что несколько раз повторил: «Если пообещает, то сделает во что бы то ни стало». Больше всего поражала в рассказе старого учителя одна деталь. 12 декабря 1984 года умер Сашин отец, Иван Николаевич. Сын приехал

со службы на его похороны. И сразу, в первую очередь, пошел в родную школу.

Если придерживаться традиционных представлений, то Саша был не самый прилежный ученик, но вот в школу пришел прежде всего. Здесь состоялась его судьба: окончил 8 классов, до службы сумел завершить образование. Получил аттестат. Тут, в родном селе, изведal впервые высокое чувство любви.

Из письма от 14 декабря 1984 года:

«Здравствуй, любимая...

С огромным приветом к тебе Саша. Получил от тебя письмо и сразу пишу ответ. Я так ждал от тебя весточки и наконец дождался. Служба идет нормально. Хоть бы раз выпал снег. Я так давно его не видел. У нас погода стоит нормальная, а летом, говорят, тут жара поднимается до 60 градусов. Высылаю тебе фотографию. Как получишь, напиши...

Я так соскучился, так охота увидеть тебя... Скоро и Новый год. Последний, который буду встречать в армии. Так уже все надоело... Тянет домой. Остался год, и мы встретимся с тобой. Так хочу тебя увидеть, скорей бы встретиться. Сейчас я дежурный по роте. Время четыре часа... Люблю тебя. Очень жду ответа...»

Из наградного листа:

«...Небольшая группа советских солдат, в которой находился сержант А. И. Гонышев, попала в засаду, устроенную душманами в одном из ущелий. В завязавшемся неравном бою двое солдат были тяжело ранены. Сержант Гонышев, оказав им первую медицинскую помощь, приказал остальным товарищам эвакуировать их в безопасное место и сообщить о случившемся командованию. Сам же остался на месте и огнем из автомата прикрывал отход своих в тыл.

Когда подоспела помощь и душманы были выбиты, на месте боя товарищи нашли сержанта Гонышева мертвым. Ценой собственной жизни сержант А. И. Гонышев спас жизнь своих боевых товарищей, проявив при этом нестигаемую стойкость и мужество».

Саши не стало через сорок девять дней после смерти отца. Знать, не напрасно в народе говорят: «Беда одна не ходит»...

Так и алеют на одной могиле две звездочки: отца и сына. Они встретились вновь и уже навсегда...

Из письма домой от 17 января 1985:

«Здравствуй, мама!

С огромным приветом к тебе твой сын Саша. Служба у меня идет нормально. Мама, как у тебя идут дела? Как работа? Не болей! Мне уже охота домой. Пошел второй год службы. Ты напиши, мама, как там бабушка поживает? Что нового в деревне? Привет тете Шуре...»

В каждом солдатском письме, написанном на скорую руку, святая ложь, адресованная матери — Анне Ивановне: «у меня все нормально». А на деле яростные, смертельные схватки с «духами».

Говорят, каков сам человек, так и чтят его. Больше полутора лет ходила на его скромную могилу та девушка, с которой ему не довелось больше встретиться. Оставляла цветы.

Его голубей после ухода в армию разобрали его друзья, сельские мальчишки. А очередное поколение тех его голубей кружит над его селом, над крышей его дома, над его школой, над улицей, названной его именем...

Улица имени Жукова

«Ничего не осталось от сыночка у меня. Только памятник, да горка одна.

Трудно матери твоей писать,
А тебе еще труднее бой
с врагом держать.
Ты не смог мне рассказать
о нем, сынок
Мой родной любимый голубок.
Ох, Афганская война
Много, много наших деток отняла,
Слезы, горе и страдания матерей.
Нет войны — теряем сыновей», —

вот такими словами заканчивается письмо Раисы Васильевны Жуковой, мамы Андрея.

Трудно ей было, долго собиралась, много раз садилась писать нам письмо, но слезы не давали. О размерах горя матери, о глубине раны, нанесенной ей, говорит письмо на четырех тетрадных страничках, написанное за полтора года. Это

такая боль... да еще когда осознаешь, что никому ты не нужна со своими проблемами.

Помочь матери вызвалась только Тамара Федоровна Лукьянова, бывшая классная руководительница Андрея с 4-го по 8-й класс. Она и описала школьные будни Андрея, наполненные своими обязанностями, тайнами и курьезами.

«Андрей пришел учиться в 4-й «Б» в 1975 году в составе 33 одноклассников. Чуть выше своих сверстников, русоволосый, с большими ясно-голубыми глазами, Андрей сразу привлек внимание учителей открытой душой, непосредственностью, непоседливостью, живостью характера. В меру озорной, он мог быть сосредоточенным, серьезным. Имел свое мнение и мог его защищать. Сразу же сел за третью парту в среднем ряду с Сидоровой Людой (отличницей) и повторял в следующих классах: „Я от Люды — никуда“. Люда снисходительно-уважительно относилась к Андрею и, конечно, помогала ему в учебе. Учился Андрей, как и все мальчишки. В отличники не лез, но и к двоечникам не скатился. Усердия большого в учебе не проявлял, хотя и безучастным не оставался. Любил поспорить, порассуждать на уроках истории, литературы, географии. Охотно участвовал во всех мероприятиях класса и школы. А школьная жизнь тех лет кипела пионерскими зарницами, сборами, строевыми смотрами, праздниками песни и строя, пионерскими поверками, сбором металлолома, макулатуры, березовых почек, участием в трудовых десантах, работой в школьной производственной бригаде. И во всех этих мероприятиях принимал участие Андрей. Участвовал с удовольствием. Более того, был душой этих праздников и сборов.

Я помню его в зажигательном танце кавалеристов с саблей наголо. А за музыку на классных вечерах можно было не беспокоиться, за нее всегда беспокоился Андрей.

Андрея любили и уважали. И он платил людям тем же. Когда, бывало, осенью на уборке колхозного картофеля кто-то из ребят отставал, Андрей первым приходил на помощь.

В доверительных отношениях был с классным руководителем, с трепетной любовью относился к матери».

После окончания восьмого класса, Андрей продолжил учебу в СПТУ. «Учился, как и в школе — неплохо, способности были — мог учиться хорошо, — пишет Раиса Васильевна. — В 1979 году ездил на месяц в „Артек“. Нам помогать стал рано. С 12 лет стал косить, хорошо водил мотоцикл, машину, трактор, так как отец работал механизатором — он всегда был с ним. Был живой, делал все быстро. Ребята и девочки его ува-

жали. Я даже не думала, что у него будет короткая жизнь. Все пел. Остался после него музыкальный инструмент: гармоника, гитара, балалайка. 17 ноября 1983 года забрали его в армию. Служить стал в Забайкалье, на станции Ясная, десантник. 26 декабря 1984 года увезли в Белоруссию, в город Марьино Горка. Там формировался спецбатальон для отправки в Афганистан, о чем мы долгое время ничего не знали.

Погиб 21 апреля 1985 года, в Мараварском ущелье. Какие адреса знала ребят, писала, ответ никто не дал.

Около лица назвали улицу именем Андрея. В газетах раньше не писали и вообще старались умолчать. А сейчас вообще не вспоминают.

В 1986 году, 4 марта, к нам приехал военком и из кармана полшубка достал коробочку с орденом Красной Звезды и сказал: „Возьмите на память. Говорите спасибо, что его вам привезли бесплатно и похоронили“. А после захоронения я вскоре получаю перевод на 17 рублей и приписка: „отправляем вам деньги за вашего убитого сына“. Это разве не кощунство?

Время, говорят, лечит. Но... сердце сжимается и влагой покрываются глаза. И вновь руки тянутся к фотографиям, на которых Андрей живой и улыбается...»

Наперекор всему

«Восьмимесячным ребенком появился он на этот свет, — пишут мама Володи Некрасова Юлия Федоровна и отец Леонид Алексеевич. — Все говорили, что восьмимесячные мальчики не выживают. Но он выжил. Когда ему было 6 лет, он попал на санках под машину — и ни одной царапины.

В 1973 году мы переехали в Пермскую область, на станцию Ферма. Здесь расположен один из лучших конезаводов России. Здесь же, в этом же году, Володя пошел в первый класс в Коннозаводскую среднюю школу. Он был одним из лучших учеников в классе. В пятом классе Володя начал заниматься в духовом оркестре, играл на трубе. Наш оркестр был лауреатом многих музыкальных фестивалей. Володя был также членом группы „Поиск“, которая прошла весь военный путь 51-й дивизии под командованием В. К. Блюхера. Группа „Поиск“ была организована в 1974 году и в нее входили только лучшие ученики нашей школы. Поисковиками были и отец Володи Леонид Алексеевич, и старший брат Сергей, и старшая сестра Галина. Володе на выпускном вечере подарили вымпел нашей

школы и большую фотографию Блюхера, где написаны такие слова: „Некрасову Владимиру, члену группы «Поиск» Конно-заводской средней школы имени В. К. Блюхера. Помни всегда наш девиз: ты — блюхеровец! Будь достоин этого имени. Гордо носи его в учебе, труде и в жизни! 26 июня 1983 года“. И он не посрамил этого имени. В школе он был одним из лучших учеников, активистом. Хороший музыкант (он еще очень хорошо пел и играл на гитаре), отличный спортсмен. Играл с 5 класса за сборную школы по баскетболу. Был надежным вратарем в гандболе и футболе. После 10 класса Володя поступал в Саратовское военное училище, но не поступил. Всю сознательную жизнь мечтал быть военным, так и остался им. Перед армией работал токарем на ЦБПОЛ у нефтяников.

3 июня 1984 года Володе исполнилось 18 лет. Мы думали, что в армию пойдет осенью. Но через месяц, 3 июля, объявили спецнабор, и нашего Володю забрали в армию. Какие это были проводы! Нам сказал: „Мама, я позову весь класс и немного друзей, в общем, будет человек 40“. Но у нас родня очень большая и мы как бы были немного против, но он нас уговорил. Он был очень общительный, у него было много друзей и в других поселках нашего района. Поэтому на проводы пришло столько народу, что нам пришлось делать три застолья. Соседи все удивлялись, говорили — словно свадьба.

Увезли его в Печоры Псковской области. Там с отличием закончил сержантскую школу. Оставляли его инструктором, но он отказался, решил идти дальше со своими друзьями. Затем была Чита, Марьина Горка в Белоруссии и Чирчик. Мы уже тогда поняли, что его готовят в Афганистан. В середине марта 1985 года его подразделение пересекло границу Афганистана. Было очень тяжело. Невозможно описать то, что было с нами, когда 30 апреля нам сообщили о смерти Володи. Гроб с телом нам доставили только 3 мая, да и то на один час, без права вскрытия. Народу было много. Прощаться пришли со всех поселков...

Каждый год, вот уже 16 лет, вся наша семья 21 апреля и 2 августа вместе с другими десантниками собирается на могиле Володи.

На доме, где мы раньше жили и откуда он ушел в армию и не вернулся, школьники установили мемориальную доску. В школе есть стенд, посвященный Володе. И улица, которая раньше называлась Привокзальная, теперь носит имя нашего сына, Володи Некрасова».

Погиб Володя Некрасов в Мараварском ущелье, прикрывая отход своих боевых товарищей.

Прочитайте книгу Петра Ивановича Ткаченко «Слово о Мараварской роте», где подробно описаны все обстоятельства гибели целого подразделения специального назначения и подвиг каждого бойца.

Один из «Батальона четверых»

«Обязательно побывайте в десантном батальоне капитана Дементьева. Смелые, достойные парни служат у него. Недавно здорово отличились, попав в душманскую засаду. Выдержали трудную схватку и победили...»

Такое напутствие получил специальный корреспондент газеты «Труд» Ю. Дмитриев в штабе 40-й армии в Кабуле.

Небольшой транспортный самолет «Ан-26» быстро набрал высоту. Под крылом проплывали глубокие ущелья, каньоны, ребристые горные отроги. Наконец впереди показалась узкая крохотная долина с плоскими крышами одинокого кишлака... Тут и состоялась встреча корреспондента Ю. Дмитриева с воинами-десантниками батальона специального назначения, которым командовал капитан А. М. Дементьев. В результате этой командировки появилась в газете «Труд» от 21 февраля 1985 года статья «Батальон четверых».

«Городок у десантников небольшой, заботливо ухоженный. Уютные, насколько это возможно в условиях войны, спальные помещения. Над койками висят фотографии родителей, жен, невест, детей. Вернется воин на отдых после боевого выхода, взглянет на родное лицо — теплее на душе станет.

Вот и герой нашего очерка старший лейтенант Игорь Турусумбаев, 25-летний командир роты специального назначения, вернулся в расположение батальона. Усталый, похудевший, в иссеченной каменной крошкой обуви, в полинявшей и потертой песочного цвета куртке, которую не снимал несколько суток. На плече — потертый, выдавший виды автомат. Вернулись и все бойцы, целые, здоровые. Помылись, попарились в баньке. Плотно поужинали. Турусумбаев, дойдя до своей койки, взглянул повлажневшими глазами на своих крох-сыновей, жену Любу, ожидавшую от него весточек в небольшом городке под Киевом. Заснул сразу, с тихой и безмятежной улыбкой на чистом, почти мальчишеском лице...»

Игорь еще мальчишкой, учась в школе, твердо решил связать свою жизнь с армией: стать кадровым офицером.

Окончив в 1976 году восемь классов и выдержав большой конкурс, поступил в Казанское суворовское военное училище,

которое окончил в 1978 году, и был направлен для дальнейшей учебы в Киевское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе.

В 1982 году, получив первое офицерское звание «лейтенант», убыл к дальнейшему месту службы в город Белогорск Амурской области. На Украине осталась жена Люба. В октябре 1982 году семья увеличилась. Родился первенец — сын Артем, который сейчас учится в Киеве в институте гражданской авиации. А в 1984 году, 26 мая, родился второй сын — Сережа, который уже закончил школу.

Родители Игоря, Владимир Ахметович и Раиса Кузьминична, радовались успехам сына, радовались внукам, старались помочь и подбодрить молодую семью.

Игорь, в свою очередь, с гордостью сообщал, что его взвод находится на хорошем счету у командования и был даже показан по дальневосточному телевидению.

В октябре 1984 года отец и сын неожиданно встретились в городе Борисполе, где жила семья Игоря.

Владимир Ахметович прилетел из Саратова на день рождения внука Артема. Игорь прилетел попрощаться с семьей перед отправкой в Афганистан. «Все было так неожиданно, что он даже не имел возможности заехать к нам в Саратов, — пишет Владимир Ахметович. — С мамой попрощался по телефону...»

...Рота специального назначения уходила в горы. Район назначения был опасным. Над узкими горными тропами и руслом небольшой высохшей речушки нависли каменные глыбы. Несколько раз дорогу пересекали быстрые желтоватые рыси, с удивлением рассматривавшие людей. В воздухе, распластав крылья, кружили горные коршуны. Но страшнее зверей были душманские банды...

Густая пулеметная дробь раздалась неожиданно с тыла. Вместе с Игорем в группе было четверо. Младшие сержанты Юрий Суховеев, Бигиджон Хасанов, Василий Мигдаляев. Все рослые, плечистые, уже не раз обстрелянные в горах. Здорово надеялся на них «старшой», как звали между собой воины своего молодого командира.

Услышав стрельбу с тыла, Юрий понял: это ловушка. Спустя минуту-другую ударили крупнокалиберные пулеметы с флангов и впереди...

Ротный уже передал по рации о случившемся. Путь для отхода нет. Надо держаться. Помощь обязательно придет. И ребята держались. Как та легендарная крохотная группа моряков-черноморцев из военного рассказа Леонида Соболева «Батальон четверых». Они победили.

Вот так и здесь — четверо отважных против крупной банды. Они верили друг другу. Верили командиру. Суховеев, как старший среди ребят и самый злой в сложных ситуациях, дрался на более опасном участке. Яростно отбивались от бандитов Хасанов и Мигдаляев. А «старшой» прикрывал огнем то одного, то другого...

Под утро пришла помощь и вызволение из адского ущелья. Никого из своих бойцов «старшой» не потерял, серьезно нарушив планы душманов.

Это только один боевой эпизод.

«В письмах из Афганистана Игорь никогда не жаловался на трудности. Писал, что ребята у него хорошие, — вспоминает Владимир Ахметович. — Провожая Игоря в Ташкент, я спросил: почему его, у которого два сына, одному 2 года, другому четыре месяца, посылают в Афганистан? Неужели на нем свет клином сошелся? На что он ответил: „Папа, меня пригласили в штаб и предложили поехать в Афганистан. Предложили так, что отказаться было нельзя. Папа, ты забываешь, что я — офицер“.

Я тогда еле удержался на ногах. Расставание было очень тяжелым».

Да, Игорь Турусумбаев был настоящим офицером. Находясь в строю с мальчишеских лет, Игорь на всю жизнь, еще с суворовского училища, запомнил слова великого русского полководца: «Потомство мое... Прошу брать мой пример: до издыхания быть верным Отечеству!».

И вот он, час испытаний. Знак беды. 12 февраля 1985 года во время переправы через горную речку, спасая подчиненных из перевернувшегося бронетранспортера, старший лейтенант Игорь Владимирович Турусумбаев погиб.

Погиб, до издыхания оставаясь верным воинскому долгу, Отечеству! Слава тебе, Солдат!

Один из мараварцев

— В марте 1985 года Юру отправили в Афганистан, — рассказывает мама Юрия, Валентина Филипповна, — о чем он сообщил нам уже оттуда 4 апреля. Письмо получили только 24 апреля — когда Юры уже не было в живых.

...Сын был славным парнем, отзывчивым, ласковым, красивым. Очень хорошо физически подготовлен — занимался каратэ. Я не буду много говорить о нем, ведь я мать, а для матери ее ребенок всегда хорош. Прочтите письмо его друзей, и вы поймете, каким был наш сын».

Из письма однополчан Юрия Шаповалова его родителям:

«Здравствуйте, уважаемые Валентина Филипповна и Николай Захарович!

Пишут вам Капустин Олег и Королев Арсен, товарищи вашего сына Юрика. Мы оба из Ростова. С Юриком познакомились на призывном пункте в Батайске. Оттуда нас направили в Псковскую область, город Печоры, — в „учебку“. Там мы служили в одной роте и очень сильно сдружились. Позже нас перевели в Чирчик, где мы снова встретились с Юрием. Его перевели в нашу роту. Из Чирчика мы вместе убыли в ДРА. Служили в городе Асадабад провинции Кунар.

20 апреля 1985 года батальон вышел на выполнение боевой задачи. Наша рота случайно наткнулась на банду мятежников, завязался бой. В этом бою героически погиб ваш сын Юра.

Юра был хорошим товарищем и верным другом. Он до конца выполнил свой долг перед Родиной и перед вами. Вы можете и должны гордиться Юриком!»

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

(Из повести П. И. Ткаченко «Слово о Мараварской роте»)

Вспоминает Игорь Семенов:

— Я хорошо помню всех ребят, которые погибли тогда в одном из наших первых боев в районе кишлаков Сангам, Даридам, Нетав в Мараварском ущелье 21 апреля 1985 года.

Меня самого постоянно преследует мысль о том, что все, что было с нами, не должно оставаться неизвестным. Ведь память о ребятах — это, пожалуй, единственный долг, который остается у каждого из нас перед ними...

Цебрук Николай Нестерович, Кузнецов Николай Анатольевич, Костенко Александр Васильевич, Кистень Александр Михайлович, Таран Сергей Иванович, Филиппович Юрий Геннадьевич — это те, кто формировал нашу роту в январе 1985 года, готовил ее в учебном центре в Чирчике, и те, кто принял боевое крещение в апреле 1985 года в Мараварском ущелье.

Вспоминает Юрий Филиппович:

— 28 марта наша рота прибыла в Асадабад. А где-то 15 апреля на вертолетах вылетели в Джелалабад, где совместно с первым батальоном наша рота проводила боевую операцию. Собственно, операцию проводил первый батальон, а наша

рота оставалась на вторых ролях, во втором эшелоне. Таким образом, по замыслу начальства, нас решили «обстрелять».

Но, по отзывам солдат, операция эта ничего не дала. Настоящего боя так и не почувствовали. У многих сложилось превратное представление о несерьезности противника. Операция эта лишь добавила солдатам самонадеянности.

Вспоминает Сергей Таран:

— У многих в батальоне сложилось представление, что «духи» нас боятся, что они не воины, готовы все бросать и убежать при одном нашем появлении, что главная наша задача состояла лишь в том, чтобы успеть уничтожить или пленить их до того, как они разбегутся.

Вспоминает Юрий Филиппович:

— 20 апреля 1985 года была получена задача на Маравары. По плану комбата первая рота должна была прочесывать кишлаки в ущелье, две остальные — на горах слева и справа прикрывать нас. Переправу через реку Кунар начали в десять вечера и закончили к часу ночи. Часа в три были в кишлаке Маравары, а в четыре начали прочесывать кишлаки. Прочесав первых два дома и не обнаружив там никого, Коля Цебрук разбил нас на две группы.

В пять тридцать утра завязался бой, и ротный дал команду отходить.

Расстреливали нас, как зайцев в тире. Рота на боевых выходах до этого не была. Боевого опыта не имела. Командиры все «зеленые». При команде «отходить» все стали отходить хаотично. Сержант Матюх погиб, прикрывая Цебрука. Мы отсекали ротного от «духов» огнем, но и он был убит пулей в шею. Первая группа централизованно отходила. Кузнецов тащил раненого Игоря Бахмутова. Потом побежал за другими ранеными, там был окружен и подорвался на гранате. Отделение сержанта Гавраша отстреливалось за дувалом, а потом подорвали сами себя. Мы с Кистенем, как могли, отсекали «духов» от ребят, а они шли в полный рост. Как потом говорили, это были «черные аисты». Потом нас тоже начали обходить, и мы стали откатываться. Поняли, что если не отойдем, то и ребят не спасем, и сами поляжем. При отходе нашей группы погиб Володя Некрасов — пулеметчик. В это время прорвалась одна боевая машина с Семеновым, и только благодаря ей мы смогли выйти.

Группа Кузнецова, пройдя Сангам и Даридам, вышла даже в Чинау, увидели двух «духов» и погнались за ними. А это была приманка. Ведь там нас уже ждали...

Вспоминает Анатолий Пашин:

— «Духи» отрезали оба взвода двойным кольцом и, как в тире, начали расстреливать ребят. Поднялась паника. Никто не знал, что делать. Оба взвода почти полностью погибли, правда, когда началась перестрелка, несколько человек успели выйти из этого кольца. Другие два взвода пытались прийти на помощь, но кольцо было очень плотным, и у нас появились потери.

Вспоминает Петр Севко:

— Наша бронегруппа под командованием лейтенанта Дорогина выдвинулась в район Мараварского ущелья. Все было бы совсем по-другому, если бы не дорога. Мы не доехали буквально километр, может, два. На нашем пути — высохшее русло. Вот там мы и застряли, просидели целый день и почти всю ночь. Да еще утром прибыли два танка и начали расстреливать валуны, которые мешали проходу техники. В итоге пробивается одна машина, пошла вторая и на подъеме «разулась». А тем временем наши ребята там погибали. До сих пор это роковое стечение обстоятельств не дает мне покоя...

К нам на помощь вышел батальон из Джелалабада. С этими ребятами мы выдвинулись в ущелье для того, чтобы забрать всех погибших товарищей. Эта работа затянулась на целый день, ночь и следующий день.

Вспоминает Юрий Филитович:

— Утром 23 апреля спустились с горы в кишлак Даридам, где нас построил начальник штаба армии, руководивший операцией. О нашем неудачном бое стало известно в Москве. Привлекли на помощь много техники, людей, чтобы нас вытащить. Прогремели на весь Афган. Вывод был такой: людей, не имеющих боевого опыта, без командиров, которые уже воевали, необстрелянных солдат и офицеров кинули в бой.

В бою в Мараварском ущелье вместе с Юрием Шаповаловым погиб старшина разведроты спецназа сержант Виктор Тарасов.

Седой юноша

Богатырь почти двухметрового роста сам собой привлекает всеобщее внимание. А если еще он атлетически сложен, с прекрасной координацией движений, замечательный спортсмен, — от него глаз не оторвешь.

А в Афганистане у него появилась еще одна примета, которая не только останавливала на себе каждый взгляд, но и заставляла замереть в мистическом оцепенении: у девятнадцатилетнего юноши появилась заметная седина.

Там, в Афганистане, в последний год его жизни, у Сергея проявился исключительный талант разведчика — обостренная интуиция.

В каждом разведдзоре кого-то ставят передсмотрящим. Этот «кто-то» должен темной ночью видеть не хуже совы, отличать шорох змеи от затаенного дыхания душмана, обладать сверхвыносливостью, чтобы при любой усталости кошачья легкая походка не вызвала ни единого хруста под ногой...

В разведывательной роте, куда попал Сергей, в качестве такого передсмотрящего прославился Вячеслав Конопелько, но вскоре молодой боец Сергей Богачев даже превзошел бывалого воина.

О нем рассказывали легенды, запечатленные после в книгах. Например, такой эпизод.

«Безлунной ночью, настолько темной, что под ногами земли не видно, шла рота в разведку. Впереди — Богачев. Когда добрались до перевала, он остановился. Где-то там располагались вражеские посты, но где именно, никто не знал. А задача состояла в том, чтобы совершенно скрытно просочиться между ними в зону противника.

Командиру взвода, совсем еще молодому, неопытному, остановка показалась слишком долгой, и он решил Богачева поторопить. Приблизился к нему. Солдат сидел на корточках и вглядывался в темноту. Показал лейтенанту едва заметные на фоне неба контуры близкой вершины. С какой стороны ее обойти — с правой, с левой? Взводный показал рукой вправо: мол, туда. Богачев, немного подумав, показал влево. Лейтенант стоял на своем. Тогда солдат взял небольшой камень, размахнулся и с силой кинул подальше на правый склон вершины. Через секунды оттуда донесся легкий стук и шорох. И тут же вершина озарилась огнем — затрещали пулеметы, автоматы, забухали гранатометы и «безоткатки». Трассеры свирепо впивались в темноту. Затем так рвануло, что показалось, будто качнулась гора — это перепуганные бандиты привели в действие управляемое минное поле. А рота бежала следом за Богачевым в обход вершины с левой стороны. Нетрудно представить, что было бы, окажись она там, где противник устроил огневую западню».

Можно легко понять глубину благодарности всех бойцов разведдзора, чьи жизни спасла интуиция Сергея. Гораз-

до труднее почувствовать то сверхчеловеческое напряжение интеллектуально-психической энергии в миг принятия решения, от которого зависят жизни ребят: от такого напряжения и седеют молодые кудри.

Как просто и безыскусно говорят о своем сыне Юрий Степанович и Антонина Степановна: «Если он чего хотел, всегда добивался. Был самостоятельным мальчиком. Проблем с ним никаких не было. Любил труд. Во время каникул просил, чтобы его устроили работать». Но это именно те простота и безыскусственность, которые характеризуют «высший пилотаж» воспитания. «Никаких проблем с ним не было», потому что научили его любить труд.

Каждого погибшего на войне жалко. А по отношению к Сергею Богачеву это чувство усиливается еще неосознанной виной: вроде мы не уберегли его. Могли что-то сделать и не сделали...

Ушел в неизвестность

Вот табель успеваемости школьника Толи Ермошина — одни пятерки и четверки. Вот грамоты и дипломы за достижения в спорте, даже такая редкая награда, как «За добросовестное выполнение санаторного режима и участие в общественной жизни здравницы», выданная санаторием «Маяк» в Анапе. Был человек. Жил человек. Любил человек. Своего отца Петра Константиновича, свою мать Веру Леонтьевну. Своего брата Виктора, сестру Катю.

В Рязани нашел свое счастье — «рязанскую мадонну» Светлану. Любил появившееся чудо — дочь Женечку.

А еще любил свою Родину, как может и должен ее любить преданный командир — без слов, без лести, без фанфар. Любил порядок и порядочность. Брат Виктор говорит о нем: «Был всесторонне развитым и интеллигентным человеком. Не зря жена его еще и сегодня ждет, ему замены нет». Был человек. И вот его нет. Или есть?

«Пропавший без вести»... Может, жив, а может — нет. И каждый выбирает ту половину, которая соответствует степени его веры. Но нет такой степени, которая бы измерила веру матери и любящей жены. Их вера безмерна.

И когда была получена какая-то краткая (и страшная!) весточка от какого-то комитета «Надежда», от некой Вейн Галины Альбертовны, которая, ссылаясь на некую Людмилу Андреев-

ну, сообщает, что Анатолий жив, можно представить состояние матери в такой момент. Она бежала через улицы и площади Омска, не замечая ничего вокруг, и на этой высокой торжественной ноте оборвалась трагически ее жизнь под колесами автомобиля...

«Пропавший без вести»... Бунтует сознание, не смиряясь с беспомощностью всех министерств, комитетов, обществ, командиров всех рангов. Как же все вы, всемогущие и всеведущие, ничего не знаете, куда пропал ваш офицер?! Ищет отец, ищет брат, ищет сестра.

Наконец, из Витебска откликается тот, кто видел Анатолия последним. Андрей Величко. Вот его рассказ.

«Я хорошо знаю Анатолия Петровича. Он был командиром 4-го взвода, и я не раз ходил с ним на боевые задания.

Напишу кратко обо всем, что тогда случилось. Нашу разведгруппу высадила бронегруппа возле гор. В течение четырех дней там ожидался караван, и нам был дан приказ уничтожить его.

Поднимались в горы ночью. Я был с Анатолием в головном дозоре. Я и сержант Рожик шли впереди, вся группа — метрах в 60 сзади. Но в первую ночь вся группа не поднялась на гору. Поднялись только лейтенант Ермошин, я и сержант Рожик.

Лейтенант мне велел спуститься и помочь тем, у кого тяжелый груз. На следующую ночь группа поднялась на гору. Легли на ночевку и подвели итог: прошло только двое суток, а четырехсуточный запас воды на исходе. Утром лейтенант показал на карте, что где-то недалеко должен быть родник, и спросил, кто пойдет с ним за водой. Пошли я и Анатолий. Я взял автомат и один рожок, Анатолий — пистолет. Думали, что спустимся вниз и скоро вернемся. Но шли часа три, а родника нет. Анатолий спрашивал, как дела. Я отвечал: „Ничего, только пить хочется“. Он успокаивал: „Скоро весь пот выйдет, не будет хотеться пить“. Еще он говорил, что в этот день у его дочери день рождения, и поэтому мы обязательно найдем воду.

В полдень солнце сильно пекло. Он говорил: „Не вешай нос“, но я уже чувствовал, что теряю сознание, мне уже плохо.

Прошли арык, отдохнули минут пять в тени, Анатолий говорит: „Отдохни еще чуть. Я поднимусь на этот склон, подам знак, поднимайся“. Минут через пять почувствовал, что мне плохо, и выстрелил вверх, чтобы ко мне подошел Анатолий, и потерял сознание.

Очнулся только в горах. Утром вертолеты меня нашли. А Анатолия не было. Потом полностью батальон искал его,

потом полк. Хотели хоть что-нибудь найти, пистолет или кусок маскхалата. Искали 10 дней. Через некоторое время группа нашей роты возобновила поиск. Ничего не нашли».

Такая вот еще одна афганская судьба.

Надо!

Это слово, вынесенное в заголовок, — надо! — как некий магический кристалл, разделяет людей на две категории. «Надо — так надо!» — отношение одних к необходимости какого-то общего дела. «Тебе это надо, ты и делай. Я никому ничего не должен», — отношение других.

Мир держится на людях первой категории. К ним и принадлежал лейтенант Рудометов.

Это заметили еще учителя. По свидетельству учителей Веселовской школы М. А. Незнановой и В. Я. Шитикова, Виктор отличался каким-то особенным чутьем «осознанной необходимости». Сейчас много болтают о свободе личности, понимая ее как безответственность той самой личности. Виктор же чувствовал себя «несвободным», пока не выполнялось это «надо». И только тогда был счастлив. Разве не надо, чтобы твоя школа успешно выступила на смотре художественной самодеятельности? Надо! И Виктор не только сам посещает репетиции, но и тормозит всех участников.

Или вот сугубо личный пример. Поступил он в Киевское училище и обнаружил, что его физические данные «не на уровне». Надо подтянуться? Надо! И он каждое утро встает на час раньше подъема и делает круги по стадиону.

Афганистан? Надо — так надо! И он подает рапорт с просьбой направить его туда. Принимает взвод имени погибшего земляка Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Воюет по-спецназовски. Там, в провинции Кунар, особенно близ Асадабада, весь этот год, что ему пришлось воевать, было жарко.

В одном бою — об этом в части потом легенды ходили — ему пришлось однажды изменить своему любимому слову «надо». Душманский гранатомет выпустил по сараю, где находился Виктор, две гранаты. Обе упали к ногам Виктора...

После боя, когда все остались живы, этот трагический момент солдаты передавали, конечно, с юмором. Якобы лейтенант погрозил пальцем гранатам и сказал: «Спокойно! Не надо!». И гранаты не взорвались. «Вы, что ли, заговаривать умеете?» — спрашивали солдаты. «Я сам заговоренный!» — отвечал он.

Наверное, судьба сохранила его в тот раз, чтобы он встретился в отпущенные ему двадцать два года со своей любовью. Лена, дочь полковника Поталыко, выпускница Минского радиотехнического института, технолог завода, стала той единственной, которая встретила его однажды и на всю жизнь.

На всю жизнь... А жизни-то ему оставалось на месяц. На тот, который называют «медовым». Через месяц после свадьбы, в день, когда он был назначен командиром роты, те две душманские «смерти» нашли-таки «заговоренного» лейтенанта. Первая достала осколком во время боя. Шестеро солдат выносили раненого командира в безопасное место и подорвались на mine. Четверо погибли вместе с ним.

Все это рассказал матери и жене Виктора его друг лейтенант Сергей Гаврилов, с которым тот учился в Киевском ВОКУ, а затем вместе воевал в Афганистане, которому Виктор помогал однажды выйти из окружения.

Сергей привез вещи, письма и фотографии друга. Со странным чувством всматривалась Лена в лицо мужа на фотографиях. Ведь она еще не успела изучить все его приметы и привычки. Вот он с псом. Оказывается, у него был любимый пес Царь, а она и не знала... Царь долго бродил по территории части после смерти хозяина, потом куда-то пропал. «Куда же мне, такой же неприкаянной, как тот Царь?!» — думалось Лене.

Наутро она объявила родным, что бросает завод, уходит в армию. На все отговоры, что не женское-де это дело, что у нее хорошая работа на заводе, что незачем ломать судьбу, она отвечала одно: «Надо!».

В одном из подразделений Ленинградского военного округа среди нескольких десятков прапорщиков-мужчин появилась единственная женщина-прапорщик, техник связи Елена Николаевна Рудометова.

Да еще в Тамбове у брата Олега растет сын, названный именем погибшего дяди, — Виктор Рудометов.

Имена, дела, помыслы и чувства павших продолжают жить.

Так надо!

«Такие не предают...»

Сердце матери в клочья рвалось,
«Нет! — кричало. — Уйди, беда!»,
Но безжалостный молох войны
Обреченно сказал ей: «Да!».

Каким он был — Виктор, Виктор Анатольевич? Каким он остался в памяти людской?

Разговаривая с друзьями, сослуживцами, командирами, прежде всего приходим к выводу: настоящим, сильным, надежным.

Одноклассники, вспоминая Виктора Чаусова, рассказывают: «Он был обычным юношей, увлекался спортом, уроками истории и начальной военной подготовки. Отличался зрелостью суждений, осознавая себя причастным ко всему, что происходило в школе. Мечтал стать офицером Советской армии».

Мечта осуществилась — молодой, сильный, подтянутый лейтенант, выпускник Новочеркасского высшего военного командного училища связи со счастливой улыбкой шел по улицам родного города. Офицерская служба началась в Закавказском военном округе.

Уже набрала обороты афганская война. Офицер Виктор Чаусов не мог оставаться в стороне от этих событий и уже в 1984 году отправился в Афганистан. Он был всегда там, где трудней, где нет места фальши и лжи.

Из воспоминаний боевых друзей: «Ему все доверяли, какое-то подсознательное ощущение надежности человека. Такие не предадут и не делают подлостей. Казалось, ему вообще ничего не нужно для себя. Будучи малозаметным в обычной обстановке, в случае опасности Виктор становился героической личностью. Это не преувеличение, это действительно так. Какая-то беспредельная храбрость. Он никогда не считал врагов, сколько бы их ни было...»

А сам он писал домой:

«31 января 1986 года.

...Сегодня прилетели из Джелалабада. Посмотрел на „райский край“. Действительно, Афганистан — страна чудес. Здесь в Газни, лежит снег. А в Джелалабаде, можно сказать, лето. Там сейчас как у нас в сентябре. Деревья стоят зеленые, кругом трава. Растут апельсины. Даже в самой части небольшая плантация апельсиновых деревьев. Первый раз с дерева рвал апельсины и ел. Прямо чудо какое-то. Хотя от Газни до Джелалабада каких-нибудь 200 км. Когда летели на вертолете, то все было хорошо видно. Как будто Земля Санникова. В общем, я очень поражен таким явлением. Днем там при желании можно загорать.

...Потихоньку вхожу в свою должность, привыкаю к новому месту службы. Только мне все надоело. Очень скучаю за вами. Каждый день смотрю на фотографии. Считаю дни, когда снова увидимся.

В Джелалабаде в части живет обезьяна. Сварили ей клетку. Там она и прыгает».

«23 марта 1986 года. ...Вчера ездили на интересную экскурсию. Наша часть давала концерт в Газни афганским солдатам. Встречали очень хорошо, это самый преданный народ, который воюет против „духов“. Пели им ребята на русском и афганском языках. Когда запели на афганском народную песню, то долго хлопали. Остались довольны.

Накормили нас. Впервые попробовали их национальные блюда — плов, шашлык из баранины. Вернулись в часть вечером. В остальном все идет по-прежнему.

Высылаю вам свою фотографию. Здесь я еще с усами, а недавно я их сбрил — пыль на них оседает и лезет в рот.

Вот пока и все новости. Крепко целую.

Ваш Витя».

В мае 1986 года в одном из своих писем Виктор Чаусов прислал родным Почетную грамоту, которой его наградили как занявшего 1-е место в соревнованиях по гимнастике, посвященных 100-летию Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая.

Чтобы окончательно развеять сомнения — в Афганистане он не воюет, а только помогает афганскому народу строить мирную жизнь. Через месяц капитан Виктор Чаусов погибнет в одном из боев.

Это случилось 3 июня 1986 года. Виктор уже был бывалым офицером, многое повидавшим за долгие месяцы войны и хлебнувшим солдатского лиха. За спиной было 36 боевых операций.

Автомобильная колонна следовала по маршруту Кабул — Газни. Двигались медленно. Дорога, зажатая горами, затрудняла маневренность. Именно здесь, в районе населенного пункта Шейхабад, душманы устроили засаду. Виктор Чаусов находился в составе группы сопровождения колонны. Он знал, что их с нетерпением ждут в отряде: колонна машин должна была доставить так необходимые десантникам продовольствие и боеприпасы.

Капитан В. Чаусов отчетливо сознавал, что в случае нападения душманов на их колонну машины сопровождения будут обстреляны первыми. И если противнику удастся вывести их из строя, вся колонна прекратит движение и окажется в ловушке. И тогда...

Об этом страшно даже подумать. Лучше думать о том, что тебя ждут в Новочеркасске родные, друзья, товарищи. Думать о письмах с далекой родины. Виктор эти письма знал наизусть и мысленно мог их прочесть в любое время. Он всегда носил их с собой в полевой сумке как талисман, как самое дорогое, согревающее сердце и душу.

...Душманы обрушили на колонну ураганный огонь. Как и предполагал Виктор, основной удар засевшие в горах духи нанесли по машинам сопровождения.

Душманы рассчитывали на внезапность нападения и, соответственно, на панику, сопутствующую внезапности, но просчитались.

Наши ребята не растерялись и отвечали на выстрелы дружно и прицельно. Каждый из наших воинов уже не раз побывал до этого в подобных переделках, каждый полной мерой познал науку боя. «Броня» яростно огрызалась. Рассвирепев, душманы сосредоточили огонь всех минометов и гранатометов на боевых машинах. Во время очередного маневрирования БМП, в которой находился капитан В. Чаусов, подорвалась на фугасе большой мощности. Капитан получил смертельное ранение.

Это был последний бой Виктора. Изрешеченное осколками и пулями тело Виктора товарищи уложили в кузов машины. Колонна двинулась дальше.

Из расположения отряда после прощания его заберет вертолет, а спустя несколько дней капитана В. Чаусова примет в свои объятия новочеркасская земля, и безутешное горе навсегда поселится в истерзанных душах родителей, которые всегда будут проклинать войну, отнявшую у них сына.

«В Новочеркасске воздвигнут памятник нашим сыновьям, — пишет мама Виктора, Вера Максимовна. — Ребята, которые вернулись живыми, создали музей о наших детях. В этот музей очень много ходят школьники. Спасибо им за это и за то, что посещают могилы, возлагая живые цветы.

С каждым годом все труднее открывать Книгу памяти, где сотни фотографий наших детей, уничтоженных в Афганистане. Растут Юлия и Ольга, мои внучки, без отца. Не выдержал смерти сына мой муж. Я осталась одна...»

Тамбовский рубеж

Мы были молоды,
русоволосы.
Вы в книгах
прочитаете, как миф,
О парнях, что ушли,
не долюбив,
Не докурив
последней папиросы.

Алексей Козлов ушел из родительского дома, не успев по-
пробовать вкус табака и не познав любви...

Прошло более пятнадцати лет. Время летит незаметно. И чем дальше уходят в историю события минувшей войны, тем сильнее боль, тем больше вспоминать о тех, кто погиб в Афганистане.

Эти мальчики любили жизнь, стремились к светлому будущему. Но... уходили навсегда.

Уходили, чтобы навечно остаться в памяти нашей, в памяти ныне живущих.

Матери и отцы, вдовы, братья и сестры, дети этих солдат могут смело смотреть людям в глаза, потому что их самые родные люди, сраженные пулями и осколками, до конца выполнили свой долг.

Родился Алексей в многодетной семье: пять братьев и две сестры. Воспитать и поставить «на крыло» семерых детей — нелегкое дело.

Но родители, отец Виктор Дмитриевич и мать Нина Никитична, с этим справились. Все свое свободное от работы в совхозе «Степной» время они отдавали детям.

Лешка был третьим по возрасту. Рос, особенно ничем не выделяясь среди детворы. Переживал, когда призывная комиссия забраковала его по здоровью. Стал готовиться к службе целенаправленно. И добился своего. Убедил комиссию признать его годным к службе. Пошел служить не со своим призывом, имея за спиной оконченный Раменский сельскохозяйственный техникум, в котором получил несколько профессий. Ушел с полной уверенностью, что после армии вернется в родной совхоз и будет помогать родителям, построит дом, приведет в него хозяйку, и пойдут дети-внуки на радость родителям, дедам да бабкам.

Служба в Афганистане шла нормально. Домой писал:

«...по-прежнему занимаемся учебой и ходим на войну», «Здесь все помаленьку воюем с душманами», «...были на блокировке недалеко от Пакистана, где-то в десяти километрах, и „духи“ там были борзые. Еще так можно много написать, но все, что было, невозможно описать. Все расскажу вам, когда вернусь, а это будет только в апреле 88-го года. Самое главное, не беспокойтесь за меня».

Весна 1987 года была в разгаре. Оживала после зимнего относительного затишья оппозиция. Все чаще вспыхивали ожесточенные бои с моджахедами. «Духам» не хватало оружия, поступающего из соседнего Пакистана.

Нашему командованию стало известно об очередной переброске оружия и боеприпасов караванными путями севернее Кандагара.

21 мая 1987 года на пути душманского каравана вместе с боевыми друзьями встал простой тамбовский паренек, младший сержант Алексей Козлов. Этот рубеж «духи» не прошли. Расчет крупнокалиберного пулемета, которым командовал Алексей, стоял насмерть, надежно укладывал «духов» на землю. Командир сражался геройски... и погиб геройски. Он свято верил в то, что сражается за правое дело, так необходимое его стране.

Его земляк и боевой товарищ Владимир Елисеев писал родным Алексея: «Я знал Алексея с ноября 1986 года, с момента, когда он пришел к нам в роту. Служил со мной в одном взводе. Спал тоже со мной рядом, да и сейчас его койка стоит рядом с моей, только заправлена по-другому. Я ему сказал один раз: „Лешка, осталось немного служить. Я к тебе заеду домой, расскажу, что, мол, все нормально“».

Написал родным и замполит роты, в которой служил Алексей, капитан Маломуж Алексей Алексеевич: «...Мы все очень любили и уважали Алексея... Алексей мысленно всегда с нами. Гордитесь вашим сыном, как гордимся им и мы. Он у вас Герой».

Алексей Козлов был одним из восьмидесяти семи мальчишек-героев, не вернувшихся на тверскую землю.

...Цинковый гроб и скупая по своему содержанию похоронка — это все, что взамен жизни Алексея получили родители. А еще орден — горящая кровью рубиновая звездочка — память о сыне, погибшем на чужой афганской земле.

И осталась боль. Ноющая, не проходящая боль невосполнимой утраты...

Военфельдшер

Какой мальчишка не мечтает стать космонавтом, военным, шофером, геологом. Это присуще всем. А Миша Кузьменков мечтал летать, летать как птица, его завораживала синева небесная. Он мечтал стать летчиком. Он мечтал в едином целом со своим самолетом выделять умопомрачительные фигуры высшего пилотажа, подобно молнии проноситься над любимым городом. Ему снились заветные «птички» на рукавах кителя. Он даже умудрился уговорить маму купить специальную ткань, чтобы построить дельтаплан.

Но он забывал, что с астмой, которой он страдал почти с рождения, его мечта о небе, о самолетах — неосуществима. Он старался забыть о болезни, но все прекрасно понимал. И именно поэтому после восьмого класса созрело решение стать врачом. Решение было настолько серьезным, что к реализации его он приступил немедленно.

Первой ступенькой к благороднейших из профессий стала учеба в Бендерском медицинском училище. Он весь отдался новой идее. Учился серьезно, любил возвращаться в среде медиков, внимал советам, как губка впитывал знания, набирался опыта, перечитывал горы специальной литературы, пытаясь найти ответы на волнующие вопросы. Это была одержимость, помноженная на желание облегчить страдания людей.

Как о нем говорят родные, друзья, он все умел, был человеком увлекающимся и всегда доводил дело до конца. Своими идеями он мог заразить любого.

Встретилась красивая девушка, увлек ее, заговорил. И увидела Светлана в нем свой идеал суженого, поняла, что он — ее единственный.

Когда дело дошло до свадьбы, музыку подбирал сам. Сам купил колонки к магнитофону (они потом не раз выручали при организации вечеров в училище).

Светлана Николаевна рассказывает, что он настаивал на том, чтобы они все делали вместе: и фотографии печатали, и магнитофон чинили. Может быть, это происходило еще и потому, что настоящей семьи и дома у девушки, которую его мама приняла как дочь, до знакомства с ним не было. Благодаря ему она сегодня во многом может помочь сыну.

Болезнь не мешала ему заниматься любимым делом. Вернее, он переступал через свой недуг. Занимался спортом: греблей и борьбой, научился водить машину и мотоцикл. Увлекался киносъемкой, любил музыку и собрал отличную фонотеку.

И все это время упорно работал над постройкой дельта-плана. Это творчество прервала повестка из военкомата. Еще одно, очередное испытание. Хотя для их возраста и семейного стажа испытаний выпало более чем достаточно. Его болезнь, смерть первого ребенка, рождение второго, разлука... И обостренное чувство долга.

Когда призывали в армию, сумел скрыть свой недуг. Почему? Видно, не хотел казаться ущемленным, искренне считая, что должен служить, как и все. Пришла его очередь ехать в Афганистан, тоже не стал отказываться и прикрываться своими проблемами. Кто знает, что означает диагноз «астма», тот поймет, как было нелегко Михаилу. Но мечта о небе прочно сидела в нем. Потому и служить попал в десант, в отдельный отряд специального назначения. Пусть не в самолете, пусть под куполом парашюта — но летать. Удивительная целеустремленность.

В каждом письме из Афганистана он писал жене и сыну стихи.

* * *

Снова бродят тучи у окрестных гор.
Грусть — всадник на круче, затуманен взор.
Далеко-далёко дом, жена, семья.
Сердцу одиноко, безутешен я...

* * *

Лишь земле и небу порознь жить всю жизнь.
Скоро я приеду, и тогда держись —
Обниму, изнежу за все эти дни,
Чтоб тоска пореже жгла свои огни.

* * *

...В небе звезды вышли, месяц-голова.
Хорошо от мысли, что любовь жива.
Терпеливо, долго — каждый день, как век,
Ждет меня мой добрый, милый, нежный человек!!!

* * *

Сын давно забыл мое лицо,
Слово «папа» редко говорит.
Так хочу быть вместе с вами я.
Подожди, хорошая моя!..

Вот так он писал из той далекой страны, принесшей ему немало переживаний. Сколько горя и страданий довелось пережить этому парню, на голубых петлицах которого была эмблема чаши со змеей.

Люди в белых халатах...

Сколько бойцов и командиров помнят их чуткие, сильные руки. Скольких они спасли...

Доставка раненых с поля боя, оказание первой помощи, сопровождение «груза 200»... Сколько раз приходилось им откладывать санитарную сумку, инструменты и брать в руки автоматы. Перекошенные болью лица, красные от слез глаза... Но у Михаила хватило мужества не пасть духом. И в одном из писем, вероятно, в минуту отчаяния, когда совсем тяжело было, он написал: *«Мне очень тяжело, но незачем меня жалеть. Я все должен пройти сам! А как хочется все рассказать, что видел, что пережил!!!»*.

Любой из нас подвержен слабостям. В основном он писал о боевых буднях, мечтал, как вернется домой к сыну, к жене, о самом сокровенном, известном только им: «Сейчас такое звездное небо, чистое, светлое, и Луна. И наше созвездие хорошо видно. Помнишь? Кассиопея, Млечный путь! Невольно тянет домой! Сильная тоска по тебе!..»

В последнюю ночь 1987 года Михаил ушел к раненому афганскому солдату и не вернулся...

А в Москве растет очень похожий на Михаила юноша, его сын — Алешка.

Истребитель «духов»

Биография школьных и юношеских лет Сергея Лежнева похожа на биографии большинства его сверстников: беззаботное детство, школа, пионерлагеря, детские военные игры, мечты о будущем.

Уже заканчивая школу, он как-то увидел военный парад. Его заворожил четкий строй бравых десантников, плавное покачивание голубых беретов. И он «заболел». Он представлял себя впереди строя этих бравых ребят, в лихо заломленном берете и тельнике. Начал осознанно готовиться к поступлению в Рязанское ВВДКУ. Поступил, учился успешно. После окончания факультета специального назначения — служба в войсках. Писал рапорты с просьбой направить его в Афганистан. Просьбу удовлетворили. И началась фронтовая жизнь.

В апреле 1986 года его отряд попал в засаду. Разведчики приняли бой. «Духов» отправили к духам, но Лежнев был контужен. Представили к ордену Красного Знамени, но наградной лист вернулся. Никто не объяснил, почему. Еще несколько раз возвращались наградные листы. Почему? Этот вопрос так и остался без ответа.

Лейтенант Лежнев продолжал воевать, не обращая особого внимания на подобное отношение работников наградного отдела. Он выполнял свой воинский долг не за страх и награды, а за совесть. Он был до самозабвения смел.

О его делах говорят скупые строки боевых документов.

«1 марта 1986 года лейтенант С. В. Лежнев участвовал в налете на укрепленный район мятежников восточнее Кандагара. Группа попала под огонь зенитно-пулеметной установки. Лейтенант Лежнев с небольшим количеством солдат обошел позиции душманов и, ворвавшись с тыла, уничтожил расчет. Он лично застрелил двух мятежников, развернул зенитно-пулеметную установку и открыл огонь по душманам. В результате боя был подавлен расчет ДШК, занята господствующая высота. Лежнев продвинулся в глубь ущелья и захватил пещеру, где находился склад боеприпасов к безоткатному оружию».

За этот подвиг Сергей Валентинович получил свою первую боевую награду — орден Красной Звезды.

«22 августа 1986 года лейтенант С. В. Лежнев с небольшой группой разведчиков подобрался к позициям душманов и уничтожил 11 мятежников. Но противник огнем из ДШК прижал разведчиков к земле. Лейтенант Лежнев обошел расчет ДШК с тыла, запрыгнул в окоп и в рукопашной схватке уничтожил двух моджахедов».

За эту операцию грудь лейтенанта украсил орден Красного Знамени.

Потом было участие еще в 15 засадах, 25 вылетах в составе досмотровых групп и двух налетах, где лейтенант Лежнев также показал себя грамотным, мужественным и отважным командиром.

Вот как писал о нем его командир подполковник Бохан Сергей Константинович: «10 января 1987 года, участвуя в налете на базовый лагерь мятежников в районе 75 км севернее города Кандагар, умело и решительно управлял боем, проявив личную храбрость, захватил в плен трех мятежников, три единицы стрелкового оружия, одно безоткатное орудие. Лично уничтожил двух мятежников. Всего в ходе боя было захвачено 2 ДШК, 15 единиц СО, 18 мятежников».

«3 февраля 1987 года, участвуя в засаде на караван мятежников в районе 95 км восточнее Кандагара, умело командовал

группой. Лично уничтожил 4 мятежников. Всего в ходе боя захвачено 12 единиц СО, 1 РПК, 2 автомобиля с боеприпасами, 3 РПГ, уничтожено 12 мятежников».

И последний бой...

«2 мая 1987 года в районе 55 км северо-восточнее города Кандагар, командуя разведотрядом и выдвигаясь в район выполнения боевой задачи, получил минно-взрывное ранение в организованной мятежниками засаде. Превозмогая боль, истекая кровью, проявив огромное мужество, умело управлял действиями разведчиков. Огнем из личного оружия уничтожил расчет ДШК. Благодаря решительному и грамотному управлению боем разведотряд вышел из засады, уничтожив при этом 18 мятежников, захватив 3 БО, 2 РПГ и 1 ДШК».

В этом бою отважный лейтенант погиб смертью храбрых.

За мужество и героизм, проявленные на поле боя, награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Какое это страшное слово — посмертно...

«Не называйте меня вдовой!»

Как лебединая пара — однажды и навечно, — встретились когда-то «на улицах Саратова» два чистых юных существа — студентка Зоя и военный курсант Саша. Встретились, чтобы любоваться друг другом, чтобы непрерывно думать друг о друге, чтобы желать и дарить друг другу счастье.

И это счастье было так прекрасно! Не только для них самих. Глядя на таких счастливых, становились чуточку счастливее и добрее все их родственники, друзья и просто знакомые.

Вот как говорит о них «народная молва»:

«Со мной был такой человек, человек, любивший людей, даривший им всю щедрость и любовь своего сердца» (Николай Бакум, сослуживец, в письме родителям после его гибели);

«И не потому, что он был моим другом, а твоим мужем, говорю о нем только хорошее, поверь — ни разу он никому не дал повода даже подумать о себе плохо, в любой ситуации» (он же в письме Зое);

«В каждые курсантские каникулы он с радостью бежал ко мне (Евгения Михайловна, его классный руководитель);

«У Саши прекрасная жена, а у нас невестка» (мама, Галина Александровна, в письме в редакцию в 2000-м году. Сказано так, как будто живы и Саша, и его отец Евгений Васильевич, умерший в 1991 году);

«Не называйте меня вдовой!» (Зоя, в ответ на слова военкома, сказавшего кому-то по телефону: «Здесь у меня вдова погибшего...»).

Все ее существо не приемлет даже намек, будто оборвалось чудо их счастья. Да и как смириться с горькой участью вдовства, если он приходит к ней во сне и умоляет не верить в его смерть: «это просто кино снимают»! Да и как не поверить, если продолжается их счастье в творении их любви — в их дочери Юленьке!

За семь лет их совместной жизни Зоя не столько привыкла, сколько усвоила как непререкаемую истину, что с ее мужем, таким красивым, умным, сильным, мужественным, никогда ничего не случится. И когда перед отъездом в Афганистан он, полтора часа просидев молча, не отводя глаза от спящей дочери, прощаясь с женой, сказал словами песни: «если смерти, то мгновенной», она не сразу поняла его. Потом, в длинные душевные ночи ожидания, до нее дошел потаенный смысл его слов: он боялся вернуться к ней калекой, уродом... «Только бы живой! Только бы живой!» — заклинала она судьбу.

Но, как оказалось, Саша «предчувствовал» судьбу лучше: смерть его была мгновенной. В перестрелке, при попытке капитана придти на помощь отрезанным от своих троим товарищам.

Жуткое видение цинкового гроба с прозрачным окошком, нелепая надпись «Ломакин» белилами по цинку, даже так больно похожие на родные черты лица за окошком, — все проплывало как бы мимо сознания Зои, Юли, Галины Александровны и Евгения Васильевича. Все это не вязалось с обликом и духом Саши. А дух Саши продолжал витать над своей семьей, материализуясь то в три тысячи рублей, пришедших из Хабаровска, то в две с половиной тысячи, собранные солдатами и офицерами подразделения, где он служил, в квартиру в новом доме, полученную Зоей с дочкой через год... В неоднократных приездах в «гости к Саше» того же Николая Васильевича Бакума, сокурсника по училищу Андрея Рычкова, «афганцев» Володи Шелега из Бобруйска, Саши Николаенко из Полтавы...

Зоя остается женой офицера, не вдовой...

«Живем, как на турбазе»

Из Афгана Саша за 1 год и 7 месяцев прислал родителям 52 письма. Чуть ли не в каждом втором эта фраза: «Живем, как на турбазе. Музыка играет...» Подтекст: не надо обо мне беспоко-

иться, я ушел в дальний «турпоход», в горы, развлекаюсь под музыку. А ведь помимо успокоительных сигналов родителям эта фраза имела еще более глубокий подтекст: это прорывалась щемящая нота лучших воспоминаний о той, «доафганской» жизни. Какая-то «музыка на турбазе» постоянно звучала в нем. Ведь он очень любил музыку.

Она звучала в нем и тогда, когда он ловил рыбу, или когда собирал грибы, когда мчался на велосипеде на тренировках или на соревнованиях, когда резал волны своим каноэ, когда ремонтировал свой и чужой мопеды, когда управлял пневмокраном. Он и в Афгане водил свой БТР, словно песню пел.

«Где только не был он на своем БТРе, — пишет в письме в редакцию его мама Римма Исаевна. — И в Асмаре, и в Асадабаде, и в Хайратоне, и в Джелалабаде, и в Баграме, и в Нангархаре, и в Кабуле. Перед армией все время спал без подушки. „Саша, почему ты спишь без подушки?“ — „А я, мама, привыкаю“».

Удивительно, как мама изучила и запомнила всю афганскую «географию» перемещений сына. Да и как ей не запомнить, если мать сама была с ним во всех этих «точках»! Каждый день, каждую минуту.

«Господи, — пишет она сегодня, — почему так судьба несправедлива к честным людям? Одной беды не бывает. Другая рядом ходит. И второго сына Юру отобрала... И лежат рядышком два сыночка, два голубя сердечные».

Пятерых подняла она с мужем Иваном Петровичем, четверых сыновей и дочь. «Все дети у нас хорошие, трудолюбивые, у всех семьи. Кто бы знал, чего мне стоило пересмотреть все письма, фотографии, документы. Даже жизни не рада становишься. Сердце обливается кровью, в голове будто черви копошатся, все тело трусится».

Ведь как все счастливо складывалось! Достаточно взглянуть на фотографию со свадьбы старшего брата («У нас сноха грузинка. А Саша стоит позади между братом и снохой, в белой рубашке, русые волосы, улыбается») Да, вот он с такой счастливой улыбкой, что явно слышится музыка, которая звучит в этот миг в его душе. Он, совершеннолетний, с аттестатом зрелости и уже с рабочей профессией крановщика, вступает смело и открыто в этот прекрасный и радостный мир. Вокруг родные, близкие, друзья. («В октябре гулял и на свадьбе сестры. Уже был пострижен. Вот и все, что он взял от жизни».)

Нет, Римма Исаевна, взял он многое. Он унес с собой музыку жизни, духоподъемный гимн светлых надежд, уверенности в завтрашнем дне. Ему предстояла еще своя свадьба, устройст-

во своего «гнезда», большие и малые радости отцовства, рабочей и гражданской гордости.

Но... Но... И но...

«В день отправки проснулся и говорит: „Мне такой сон приснился. У меня такие предчувствия: я домой не вернусь“. Эти его слова меня прибили. И что за сон, до сих пор не знаем».

И вот уже не сон, а явь, рассказанная сослуживцем Саши Владимиром Родиным из города Новоаннинский: «...Батальон возвращался с операции. Неожиданно танк, шедший впереди колонны, подорвался на mine. Колонна, объехав машину, двинулась дальше. Александр Пономарев был в техзамыкании. Стараясь занять удобную позицию, он повел свой БТР за холм. И тут увидел бегущих душманов. Скомандовал стрелку. Но тот, совсем еще салажонок, растерялся, и Сашка сам занял место у пулемета. Но не успел прицелиться: выстрел из вражеского гранатомета был точен...»

А перед этим он писал родным:

«Мы сейчас находимся под Джелалабадом на выходе. Рядом стоит небольшое водохранилище. В нем много рыбы. Тут, как где-то на турбазе, музыка играет, по вечерам фильмы показывают. Около воды деревья стоят. Короче, отдыхаем, купаемся, загораем. Двадцатого поедем в Асадабад. Сейчас уже вечер, темно, играет музыка, которую слушал дома, и в голову лезут воспоминания по родным местам. Вчера меня представили к медали „За боевые заслуги“. На этом писать заканчиваю. Шлю всем родным огромный привет. Крепко всех целую. Санек».

«Мама, мы же воюем»

«Район под Кандагаром — вотчина душманов. Кандагар — единственная провинция, где практически ни одна банда не перешла на сторону народной власти. Наоборот, случалось, подразделения афганской армии переходили на сторону мятежников», — так писали «Известия» 28 октября 1987 года.

Но эта война была в далеком завтра, а тогда, 2 ноября 1959 года, в доме Тамары Николаевны и Анатолия Павловича Поповых был праздник. Родился наследник — сын Валерий.

Уже с пеленок он был окружен любовью и заботой как мамы, так и двух бабушек. Валерий с сестрой Таней были очень домашними. Какой там садик, когда любящие бабушки всегда рядом. Росли здоровыми, помогали взрослым по хозяйству.

Пришла пора в школу идти. Быстро привык к новому коллективу. Учился хорошо. А помогала ему во всем новая наставница — очень душевная учительница Манара Ильинична Овсякинова. А когда наступало лето, Валерий и Таня, начиная с 8-летнего возраста, ходили в лес с бабушкой Марией и приносили ягоды, грибы, фактически полностью обеспечивая семью из 6 человек всеми лесными дарами на всю зиму. Никто из родных не слышал от детей слова «не хочу делать». Но однажды произошел случай, о котором Тамара Николаевна рассказывает каждый год, 10 января: «...Как он меня напугал. Он был в 10-м классе. Пошел по воду на родник и задержался, а нужно было обедать. Я пошла посмотреть, где он. Задержался. Вышла на угол, ведра стоят, а его нет. Посмотрела на реку, подумала, что купается, нигде не вижу. На берегу (река Сухона) лежат брюки. У меня замерло сердце, сразу плохое на уме. На лила ведра воды, унесла в дом и опять иду, а его все нет. Села на скамеечку и плачу. А он переплыл реку и спрятался за большой камень — решил понаблюдать, что со мной будет. Но, наконец, понял, запрыгнул на камень и машет рукой. Переплыл реку, крепко меня обнял и извинился за поступок».

Хозяйство у Поповых было большое. Приходилось учиться многому: и косить, и боронить, и за «животиной» ухаживать. Казалось бы, растет надежная смена, истинный помощник. Но к другому лежала и тянулась душа Валерия.

Окончив восьмой класс, объявил родителям о своем решении поступать в суворовское училище, в одно из старейших, в Ленинградское. Мать говорила ему: «Хоть бы ты не поступил, сын...» Действительно, в роду никого военных не было. Откуда такое? Валерий сдал все четыре экзамена на «отлично». Но путь в строй будущих офицеров преградила медицина. Приговор был краток: «По здоровью — не годен». На душе было гадко. Но отступать Валерий не привык. Этот отказ только вдохновил его. Закончив учебу в школе и получив аттестат зрелости, уехал в августе поступать в военное училище. И сразу поступил. Учился успешно, часто писал домой, писал, как ему нравится служба и учеба.

После окончания Тюменского высшего военно-инженерного командного училища служил в Уссурийске, в отдельной бригаде специального назначения. После года службы решил жениться. Родители были не против. Леночка была им знакома еще по Тюмени. Отгуляли свадьбу в отпуске, вернулись в Уссурийск. Еще через год родился сын Женечка. Еще год, и... Афганистан. Тамара Николаевна отговаривала его, а он твердил одно: «Я не буду, он не будет, а кто будет, мама?».

И вот сейчас мы бы хотели обратиться к письмам Валерия Попова. Эти письма прислали его родные. В них нет ни слова о войне, но они расскажут больше, чем мы могли бы написать. Расскажут о том, кого мы потеряли.

* * *

«Привет из Уссурийска! Поздравляю вас с внуком, племянником и правнуком! Ваши поздравления получил, большое спасибо. Я от счастья и радости на седьмом небе, ведь у меня СЫН родился. Алене большое спасибо, такого парня родила, почти 4 кг. Очень, очень хочется его видеть, он, наверно, такой маленький, черноглазый, сейчас только о нем и думаю...

Как вы себя в роли деда, бабушки чувствуете?»

* * *

«Жив, здоров, работаю потихоньку. Служу я в Кандгаре. Здесь встретил одного земляка, точнее, землячку из Вологды, работает здесь в медроте, жена прапорщика — они здесь и поженились. Закончила наше медучилище. В феврале заменяются, едет в Союз, и я попрошу, чтобы зашли к вам, дам им адрес. Фотографию свою я вам выслал, отпустил усы, не знаю, понравится ли вам? Лена написала, что они мне не идут. Женя, говорит, меня не узнал с усами, придется сбрить ради сынули, чтобы не забывал своего папу. Лена пишет, что у него папа военный, и на всех военных смотрит с уважением.

Сынулька на фотографии большой, всем здесь нравится, симпатичный. Говорят, на папу похож. Очень жалею, что растет без меня, как бы хотелось его увидеть, время идет быстро, но до отпуска еще далеко.

Вот такие дела. Таня, ты за меня не расстраивайся, тебе сейчас нельзя волноваться, а то малыш крикливым будет. Буду писать чаще, чтобы ты и мама не расстраивались. Береги себя и, значит, своего малыша».

* * *

«Привет из Афганистана! У меня все нормально, жив и здоров. Работы всегда хватает. С каждым днем становится все жарче, уже доходит до 30, а впереди еще лето. Вы с Женей молодцы, растете богатырями, будущий командир таким и должен быть — крепким и здоровым. Пусть таким и растет. Таня, маму заставляй лечиться, а то она совсем с этой работой изведется, пусть хоть немного отдыхает...»

* * *

«Здравствуйте, мои дорогие, родные! Жив и здоров, на службе все нормально. Из дома, из Тюмени Лена с Женей пишут часто. Женя мне руку свою рисует, она становится все больше, растет сынуля. Скоро уже весна, а без снега вроде, и зимы не было. Один раз за всю зиму выпал снег, да дожди были. 23 февраля встретили хорошо, посидели своей компанией, вспомнили всех родных, близких и тех, кого уже нет с нами. А сейчас обычные будни, работа, служба. Ну, а у вас сейчас забот прибавилось, племянник, наверное, дает о себе знать. Как он, спокойный или кричит, как наш Женя?..»

* * *

«11 марта 1986 года. Кандагар.

...На улице уже весна, скорей бы лето и отпуск. Лена с Женей пишут часто. Женя с улицы уходить не хочет, все гуляет, в снегу валяется. В ясли его Лена никак не оформит, не дают места в ближних яслях. Жалко, меня там нет, я бы сходил куда следует.

Пишите, как у вас дела, что нового? Как племянник мой? Таня, ты пишешь, что так же спит, как его дядя, кричит. Ничего, пусть развивает командирский голос — может, пойдет по стопам дяди, надо же кому-то династию продолжать...»

* * *

«26 марта 1986 года. Кандагар.

Как ни странно, у нас до сих пор прохладно, дожди идут, раньше, говорят, такого не было, жара уже в это время была. Ну, ничего, так лучше, а то как припечет под 50, тогда о холоде будем думать. А у вас весна — настоящая, русская весна с черемухой, сиренью, яблонями и русскими березками... Как бы мне хотелось в это время попасть в Ньюксеницу и походить по лесу.

Мама, ты у нас добрая, справедливая, но ведь и о своем здоровье надо подумать, о своих внуках и внучках, чтобы они видели бабушку всегда здоровой, так что давай, мама, с работой решай, если нужно материально, я помогу. Деньги — не главное в жизни, так что, мама, очень тебя прошу, сделай все, чтобы у тебя было здоровье и, приехав в отпуск, я бы увидел тебя еще более веселой и молодой...»

* * *

«Таня, получил твое письмо, но с ответом чуть задержался, так как был на выходе. У меня все нормально, особых изменений нет. Таня, ты пишешь, что мало пишу про себя, а что писать, если все одно и то же каждый день, главное — что жив и здоров.

Скоро день рождения и праздник. Если будем в роте, то отпразднуем, но все равно не так, как дома. Как мой племян растет синеглазый, главное, чтобы не болел, берегите».

Тогда же, в ноябре 1986 года, Валерий был контужен во время боя и сообщил в письме, что представлен ко второму ордену Красной Звезды.

* * *

«...Я не успел никого поздравить с этим госпиталем. Да и забыл вам написать, что лежу в госпитале, только не путайтесь, ничего страшного, были на выходе и подорвались на mine, все живы и здоровы. У меня небольшие ушибы и легкое сотрясение мозга. Сейчас все прошло, через три дня в роту выпишут... В госпитале никаких забот, отдыхаю, хотя уже надоело, хочу в роту...

Вот о себе и все вроде... В Вологде у вас уже, наверное, снега полно и холодно. Таня, ты мне про нюксенские новости пиши, не забывай, мне все интересно. Передавай от меня в Нюксенице всем нашим ребятам привет, я думаю, меня еще в Нюксенице не забыли».

* * *

«...После госпиталя в Союз я, конечно, не приеду. Дают только десять суток при части отдыхать. Так у меня по-старому, ждем нового года... Пишите обо всем, не расстраивайтесь за меня, все нормально будет. Мама, а в госпитале ко мне каждый день приходили мои ребята, не забывают, так что заботятся».

* * *

«Привет из Афгана!.. Во сне вижу всех вас, снится, как мы встретимся. Сегодня очень хорошо видел Лену и Женю, даже думал, что уже дома, осталось еще полтора месяца, доживем как-нибудь. У нас жара под 40, но я

уже привык. От Лены с Женей ходят письма. Женя все балуется, ходит уже в ясли. Как с мамой расстаются утром — плачут, а потом Женя плачет, не хочет уходить из яслей...»

В тот последний день жизни, 10 января 1987 года группа специального назначения под командованием капитана В. А. Попова принимала участие в налете на базовый район моджахедов севернее Кандагара. Выпрыгнув первым из вертолета, капитан огнем из автомата уничтожил расчет крупнокалиберного пулемета, обеспечив тем самым успешную высадку всей группы. В ходе боя создалась угроза нападения с фланга. В случае осуществления этого маневра мятежники могли выйти в тыл всего отряда и вырваться из окружения. На пути бандитов стала группа капитана Попова... и они не прошли.

Уже при взлете вертолет обстреляли, он загорелся и упал. Дверь заклинило. Командир начал помогать своим бойцам покидать горящую машину через иллюминаторы. Действовал решительно. Успел спасти десятих бойцов.

«Бойцы» — это его любимое слово. Никогда не говорил «солдаты», только «бойцы». Сестра Таня вспоминает, что это слово он говорил и гордо, и ласково. Говорил так, как не говорят о подчиненных, так говорят только о друзьях или о детях.

Он спас тогда всех своих бойцов. Смертельно раненный в грудь очередью из душманского пулемета, Валерий Анатольевич только себе не успел помочь. Вертолет взорвался...

Смерть всегда забирает лучших — ведь они всегда впереди, там, где труднее, где кто-то нуждается в помощи, ждет, верит. Они становятся примером для живых. И Валерий Анатольевич является примером для своего 13-летнего сына Жени и для 11-летнего племянника Александра.

Его помнят однополчане, одноклассники, учителя. На фасаде школы, где он учился, установлена мемориальная доска.

Вот только бездушные чиновники «ушли» второй орден Красной Звезды. Отец, Анатолий Павлович, пока жив был, так ничего и не добился, ответ был один: награжден посмертно.

За мужество и героизм, проявленные в том последнем бою с душманами, капитан Валерий Анатольевич Попов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1987 года награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Валерий Анатольевич Попов погиб 10 января 1987 года. Ему шел 28-й год.

...Последний раз он приехал домой в июле 1986 года. В отпуске. Похудевший. Постаревший. Когда он разобрал чемодан, мать спросила: «Что же ты не привез ничего Танюше?!».

— Мама, мы же воюем...

«Я вам жить завещаю»

...В детстве он мечтал стать летчиком. Мама, Зинаида Ивановна, вспоминает, как 1 сентября в первый класс 12-й школы он пришел с забинтованной головой. В деревне у бабушки попросила его принести ведро воды с колодца, да не рассчитала силенки сына. Крепко ударило его по голове железной ручкой. Мама — в крик, а Толя и виду не подал, что испугался или больно. Увезли на «скорой» в город, и врач, видя такое самообладание, спросил: «Кем ты будешь?». «Летчиком», — был ответ. И потом часто поглядывал в зеркало, рассматривая картонные погоны на плечах. До настоящих путь был неблизкий и нелегкий. Но родители Анатолия — Зинаида Ивановна и Виктор Алексеевич — сумели так воспитать сына, что он шел к намеченному твердо и смело.

Денег лишних в семье не было. Даже чтобы поехать в трудовой лагерь на юг, деньги на билеты Толя заработал сам. После седьмого класса он сообщил матери, что устроился работать на летние каникулы. Мать одобрила и спецвку ему дала, а вечером, увидев его такого усталого, пожалела, стала отговаривать. Но он работу не бросил. Заработанные деньги отдал матери, попросил только купить ему спортивный костюм.

В Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники (тогда училище связи) он поступил в 1973 году. Закончил его с хорошими и отличными оценками.

Специалист первого класса, он совершил 125 прыжков с парашютом из различных типов военно-транспортной авиации. Служил в ГДР, потом на Дальнем Востоке.

Проходя службу в ГДР, Анатолий приехал в отпуск в родной город 2 августа 1979 года. На танцах в городском парке молодой, цветущий старший лейтенант встретил красивую стройную девушку Валу, и... 25 августа они уже отпраздновали свадьбу.

Валентина Михайловна вспоминает: «Мне понравилось в Толике его скромность, деликатность, необыкновенная доброта. А еще — аккуратность в одежде. Моя мама лежала тогда в больнице, мы вместе ходили ее навещать. Помню, когда однажды застали ее в плохом состоянии, я сильно расстроилась, плакала, а он меня уговаривал, успокаивал, как ребенка. Уже тогда я была очень тронута таким умением поддерживать в трудную минуту».

Этих трудных минут у жены офицера было впереди много. Из ГДР Анатолия перевели в Уссурийск. Целый год они не имели возможности разгрузить контейнер с вещами. Он так и стоял на железной дороге — у молодой семьи не было никакого жилья. С маленькой дочкой Снежаной на руках они переходили из квартиры в квартиру, ночуя у знакомых, у сослуживцев. И в бараке пожили, когда получили наконец одну комнату на двоих с другой семьей. Так и жили, разгородившись занавесками. Было холодно. Спали в тренировочных костюмах. Питьевую воду привозили, ее приходилось запасать. Анатолий был сильно занят на службе, мало чем мог помочь жене. Несмотря на все трудности, Валентина, вышедшая замуж студенткой, окончила (но уже заочно) политехнический институт. Наконец им дали отдельную квартиру. Снежана пошла в детский садик, мама работала и еще училась на курсах экскурсоводов.

Много занимался самообразованием и Анатолий. Офицер Тихомиров быстро продвигался по службе. К 1986 году он был в звании майора и собирался поступать в академию. Уже были собраны все документы и оставались незначительные формальности, когда его вдруг вызвали в штаб и предложили поехать в Афганистан. Естественно, Валентина Михайловна была против.

«Толик сказал мне, — вспоминает Валентина Михайловна, — я же офицер, Валя, я принимал присягу и должен быть там, где нужны мои знания и опыт...»

В январе 1987 года она проводила мужа в Москву, откуда он прибыл в Кабул, а сама осталась с дочерью в Уссурийске.

Из Афганистана, в письме, датированном 30 января 1987 года, он писал: «Прибыл в Кандагар, до этого находился в Кабуле. Живу на вилле — по-нашему дачный домик. Обстреливают. Хочется надеяться на лучшее, может быть всякое, как повезет. Но я оптимист, верю в хорошее. Как говорится, у каждого своя судьба. В ближайшие дни должны пойти на операцию, я прошусь, но пока не отпускают, хочу попробовать себя в деле. Вы не думайте, что это просто громкие слова, — не хочется быть хуже других».

Позже он писал: «Обстановка сложная, невзирая на то, что идет национальное примирение, „духи“ свое дело знают...»

Действительно, громких слов майор не любил. Был он очень надежным.

Друзья рассказали о гибели Анатолия. Он успел побывать на двух операциях. Однажды машина с командным составом по дороге от аэродрома до городка попала в засаду. Подлые бандитские пули прошли тело Анатолия. Он умер по дороге в госпиталь.

Всего два месяца пробыл майор А. Тихомиров в Афганистане. Было там такое правило: в течение первых двух месяцев вновь прибывших к участию в боевых операциях не привлекать. Но Тихомиров руководствовался не столько инструкциями, сколько чувством долга. Он сам попросил направить его на боевую операцию. И погиб.

Когда его друг и одноклассник Юрий Копейкин ехал в Афганистан (а ребята знали, что их посылают на место того, кто погиб), он никак не мог предположить, что этот погибший — Толя Тихомиров.

Валентина Михайловна, получив горькое известие, вернулась с дочкой в Череповец. Сначала ютилась с матерью с одной квартире, потом получила крохотную однокомнатную, в которой с трудом смогла поставить письменный стол для дочери-школьницы.

До сих пор уже повзрослевшая дочь Снежана задает один и тот же вопрос, на который никто не может дать вразумительный ответ: «Почему такого хорошего папу убили?». Объяснить случившееся невозможно. Снежана хорошо помнит своего папу, такого доброго, такого веселого и молодого.

В комнате висит большой портрет Анатолия, на нем слова: «Помните: я вам жить завещаю».

Это очень правильно: жить и помнить.

«Талисман»

...10-й «А» класс Кировской школы № 29 замер в строю на последней своей линейке на открытии учебного года. Последний учебный год, последние усилия, и... прощайте, любимая школа, учителя. Впереди такая интересная жизнь, столько перспектив, столько желаний. Стоял вместе с другими в этом строю и Костя Колпащиков — любимец класса, самый добродушный, миролюбивый. И никто, ни один человек предположить не мог тогда, что этот добродушный парень с ласковым прозвищем Винни-Пух уйдет на войну и будет рваться в самые горячие точки, в самые опасные места.

Теперь сценарий школьной линейки изменился. В числе героически погибших в боях выкликают имя:

— Константин Колпащиков!

— Младший лейтенант Константин Колпащиков, — размеренно звучит срывающийся дискант, — пал смертью храбрых при исполнении интернационального долга в Афганистане...

Да, это был страшный удар для всего бывшего десятого «А» выпуска 1984 года.

Этот пухленький, приветливый мальчик никогда не претендовал на главные роли, много болел в детстве и ничем выдающимся не отличался. Ходил в драмкружок «Диалог» в городском Дворце пионеров. Любимой была роль Винни-Пуха. А еще ребята звали его Боек — по имени одного из добродушных героев мультфильма.

Но, видно, за добродушным обликом не каждому дано было рассмотреть задатки личности незаурядной, волевой, мужественной.

Как-то в седьмом классе он попросил классного руководителя Людмилу Георгиевну Рудницкую отпустить его в Москву. Оказывается, прочитал он в журнале «Юный техник» о Всесоюзном конкурсе на лучший проект космического эксперимента. Теперь вот вызов получил в Звездный городок.

Потом Людмила Георгиевна признается: «От любого ждала, только не от него».

Еще большее удивление вызвало возвращение Константина с дипломом, подписанным летчиком-космонавтом Г. С. Титовым.

Все, что было в Косте хорошего, — это от родителей — Николая Филипповича и Лидии Васильевны. Они хотели, чтобы сын изучал иностранные языки, поэтому и отдали его в школу с английским уклоном.

Костя быстро вырослел. Это подтвердилось его выбором — решением стать военным. Он нажал на учебу, стал заниматься парашютным спортом. Подал документы в Московский военный институт иностранных языков. Но военкомат решил отдать предпочтение другим. Не отчаялся. Поступил разнорабочим на завод. В армии стал десантником. Служил в Германии, в Прибалтике. За время службы только укрепился в решении поступать в институт иностранных языков. Демобилизовавшись, взял направление и поехал поступать.

После экзамена по физической подготовке треть абитуриентов отсеялась. Другие экзамены сдавал хорошо. Но по английскому языку ему поставили «четверку». Его требования задавать дополнительные вопросы, так как он хотел получить «отлично», повергли в шок выдавших виды преподавателей. Такой наглости они еще не встречали на вступительных экзаменах. Но этот нахал им понравился своей настырностью. «Я должен получить „отлично“», — настаивал Костя.

Он получил свои пять баллов. Поступил. И сразу начал учиться. Изучал пушту и дари. Сначала очень трудно пришлось. Писал родным, что никак не может «врубиться», не понимает, где кончается предложение. Но когда разобрался, стал считать, что это очень хороший язык.

Пролетел год учебы. Он приехал домой, в отпуск, стройным, подтянутым, выдержанным. Ему присвоили звание младшего лейтенанта и направили на стажировку в Афганистан. Язык редкий, только там и совершенствоваться.

Последний вечер дома Костя был веселым, весь вечер шутил. Потом с родственником вышел на балкон. Посмотрел на заходящее солнце, на родную улицу и сказал: «Как все прекрасно. И как хочется жить...»

Его оставляли в Кандагаре, в военной прокуратуре, но он не остался, поехал в действующую армию. Он всегда рвался вперед. Попал в часть специального назначения. В разведке трудно отличиться храбростью — там все смелые. Младший лейтенант Колпащиков был самым молодым офицером части, но, по свидетельству однополчан, пользовался огромным авторитетом, а в бою был страшен для врагов. Он выделялся отвагой и везучестью. Операции, в которых он участвовал, проходили удачно, с меньшими потерями. Товарищи считали его талисманом. Друзья старались оберегать Костю в бою, а за храбрость прозвали его «таран».

Домой писал редко. Писал, что все хорошо, служба проходит спокойно, что живет в модуле, налаживает контакт с местными жителями, натаскивает себя в языке.

А вот о том, что участвовал уже в 10 боевых операциях, не было ни слова... И о том, что представлен к ордену Красной Звезды, — тоже ни слова...

Родные, читая эти спокойные письма, тешили себя надеждой, что сын служит в штабе, как и положено переводчику.

Ту крупную операцию, которая стала трагической для Кости, командование готовило долго и тщательно. Костя три дня упрашивал командование разрешить ему участвовать, но получал отказ. Потом все же начальник штаба дал добро.

Начали хорошо — захватили важный объект «духов». Дальше разведчики действовали самостоятельно. Один из бронетранспортеров остался на пригорке. Два спустились вниз проверить дорогу. Огонь из душманской засады был ошеломляющим. БТРы загорелись. Костю контузило, но он все же выскочил из машины и стал помогать товарищам. Придя в себя, спасенный сержант начал прикрывать Костю. Второй взрыв отбросил Константин далеко в сторону. Душманы осмотрели место взрыва и, увидев обгоревшего офицера, решили что он, как и все остальные, погиб. Когда стали отходить, вслед им ударил автомат отважного офицера. Он не раздумывая принял свой последний, неравный бой. Оставшиеся в живых спецназовцы ринулись на помощь.

На выручку прилетела «вертушка». Когда бой закончился, стали грузить раненых и убитых. Костя отказывался: «Я себя нормально чувствую». Его буквально силой затолкнули в вертолет.

Никто еще не знал, что спасительный вертолет через несколько минут после взлета рухнет на землю, расстрелянный «стингером», что полоса везения, сопутствовавшая ему все эти месяцы жестокой войны, оборвется...

«Ты в свои 20 лет под свинцовым огнем отбивался от сотни душманов», — эти слова из песни, которую напел на магнитофонную ленту в далеком афганском городе старший лейтенант Юрий Мокров. А привез ее родителям начальник батальонной разведки Вячеслав Безматеров. Он и рассказал родным о службе сына и о его последнем бое.

На похороны прилетели, приехали одноклассники из разных городов страны. Собрались все, кроме тех, кто по долгу службы не мог присутствовать. Его друг Сергей Лимонов сказал как-то Косте перед отправкой в Афганистан: «Пока ты там будешь, каждый праздник 7 ноября (день рождения Кости) я буду приходить к твоим родителям».

Его похоронили на Почетной аллее. Ребята, расходясь и разъезжаясь, решили каждый год 7 ноября собираться у Кол-

пащиковых. В день рождения сына не могут оставаться родители без детей. Не могут!

12 января 1988 года у двоюродной сестры Кости Галины Лопаткиной родился сын. В память о Косте мальчика назвали его именем. Именем боевого друга назвал своего сына и Слава Безматеров.

А в 29-й школе с портрета смотрит на ребят доброе большеглазое мальчишеское лицо. Он навеки остался в родной школе с английским уклоном. Винни-Пух, Болек, юный изобретатель, десантник, герой. Талисман.

О сыне

О своем сыне рассказывает Антонина Ильинична Мордовина.

«В семье он был единственным ребенком. В детстве часто болел, так что хлопот и бессонных ночей было очень много. Но тогда одно радовало меня — что сын вырастет и когда-нибудь выберемся мы из всех трудностей и проживем хорошо.

Школьные годы пролетели как-то быстро. Юра учился хорошо, после каждого учебного года получал похвальные грамоты, и мне, конечно, было приятно от этого.

Ребенком он был каким-то домашним. Много читал книг. Его любили маленькие дети и очень к нему липли, видимо, потому, что ему было что им рассказать. И рассказывал он увлекательно, все слушали и смеялись.

И домашние игры его буквально увлекали, такие как хоккей, где у каждого игрока была настоящая фамилия игрока „Спартак“ и „Динамо“. Рядом ставил часы, и сражалась правая рука с левой, а комментировал все вслух, как Озеров.

Еще любил играть в войну. Так мастерски наделявал солдатиков из пластилина, в руках иголки, как ружья. И шла одна армия на другую.

А также рисовал везде, на каждом попавшемся под руку листочке: военные сражения, танки, взрывы. Как-то в школе я беседовала с классной руководительницей и пожаловалась на то, что Юра много играет, а она мне ответила: „Пусть играет, пусть продлит свое детство“.

На даче у него был велосипед, и он на нем носился как ветер. А еще любил рыбалку и в лес ходить по грибы.

После окончания 8-го класса он решил поступить в авиационный техникум, так как материальное положение у нас было очень трудное. Накануне сдачи экзаменов в 8-м клас-

се умер отец. Надо было скорее получить профессию и помогать.

В техникуме Юра также учился хорошо. Он со мной всем делился, обо всем рассказывал. Если что-то трудное встречалось, я ему помогала. Шла в библиотеку или книжный магазин и приносила нужную книгу.

По характеру был спокойный, на людях стеснительный. Но в компании с товарищами я наблюдала, что он и юморист, и достаточно эрудированный. Уходя на работу, я часто наказывала ему сделать что-то по дому, и он обязательно выполнял.

В техникуме проходил практику на заводе имени Чкалова, и ему нравился начальник цеха, в котором они работали. И однажды он мне сказал: „Мама, я не знаю, кем я буду, но начальником цеха обязательно“.

Летом все выходные дни Юра проводил со мной на даче и очень хорошо мне там помогал в огородных делах. А перед уходом в армию сделал даже посильный ремонт. И еще наказал: „Мама, ты только не продавай дачу и береги себя, не очень вкалывай на ней, а то будешь, как бабушка, болеть“.

Техникум Юрочка закончил хорошо, распределился на завод имени Чкалова технологом в машиностроение. А через месяц его взяли в армию, 2 апреля 1982 года.

Сначала в Чирчик под Ташкентом, где он проучился два с половиной месяца. После принятия присяги, как мне писал Юра, с ними беседовал полковник и сказал: „Служить вы будете в Афганистане, но на севере, недалеко от нашей границы, где спокойно“.

В конце июня их доставили в Термез, а оттуда вертолетом в Афганистан.

Из Афганистана Юра прислал одно-единственное письмо, в котором подробно все описал, а в конце слова: „Мама, как хочется назад в Чирчик“. Написал также, что его назначили командиром машины БМП, что „здесь вбают налеты душманов, но с нами пока этого не случилось“.

Мой ответ на это письмо Юра не получил, его привезли вместе с сыном. Как погиб, я не знаю. Сообщили, что произошло это 29 июля 1982 года.

А было ему в этот день ровно 19 лет и 7 месяцев.

С его уходом рухнули все наши с ним планы и все мои надежды».

«...Парень что надо!»

«Вечная память забайкальцам, погибшим в Афганистане». Эти слова выбиты у подножия памятника в парке ОДОСА в городе Чита. Выше — в бронзе и граните имена погибших. Их сорок четыре. Среди них Виктор Валентинович Широких.

В семье Виктор был третьим ребенком. Старший сын — военный летчик. Дочь живет и работает в Чернышевске. У каждого своя семья, свои заботы. А Тамара Анатольевна, мать Виктора, осталась одна. Отец Вити заболел от нервного потрясения и вскоре после смерти сына умер. Не выдержало сердце.

«Вот уже девятнадцать лет прошло, — пишет Тамара Анатольевна, — а я все жду, что Витя должен вернуться из армии, хотя прекрасно знаю, что он похоронен. Наверное, это ожидание останется до самой смерти».

Правда Тамара Анатольевна. Незаживающей раной, болью до конца дней останется ее Витя.

Коротка доармейская биография Виктора. В 1969 году пошел в 1-й класс школы № 61. Учился средне, был активистом. Увлекался спортом, хорошо играл в волейбол и баскетбол. Не раз выбирали его ребята командиром тимуровской команды.

В 1980 году призвали его на действительную военную службу. Вначале из писем родные узнали, что служит он где-то в теплых краях. Писал, что служба идет нормально, что привык к ней быстро, конечно же, скучал по дому. Так что не знали и даже не могли предположить, что сын совершает не учебные марш-броски, а настоящие боевые рейды по тылам моджахедов.

В те годы еще много неизвестного было вокруг Афганистана. Практически никаких сведений и только слухи, слухи. И приходили страшные вести. И замирало сердце.

А в марте 1982 года пришла телеграмма — срочно вылететь в Ташкент, в окружной госпиталь. Причем телеграммы приходили дважды, и обе на адрес Чернышевского райвоенкомата, а там по какой-то причине не сразу нашли адрес родителей... Полетели втроем: мать, отец и сестра Светлана.

«Это было где-то 23–25 марта 1982 года, — пишет Тамара Анатольевна. — Я оставалась с ним до самой смерти. Витя был тяжело ранен в голову. Три операции сделали ему.

Умер он 10 апреля 1982 года. Что-либо узнать от него было нельзя, он не говорил... не мог он ничего сказать, а только слегка кивал головой, показывая, что все понимает. Представляете мое состояние, когда сын умирает на глазах у меня и я, мать, не в силах ему помочь...»

О том, что предшествовало всему этому, о последнем бое рассказали сослуживцы.

21 февраля при блокировании кишлака Виктор командовал отделением. Под его руководством, действуя умело и решительно, воины пресекли все попытки противника прорваться на участке отделения. Виктор лично вывел из строя нескольких мятежников, но и сам был тяжело ранен. Долго лежал он на поле боя: не могли наши ребята из-за постоянной стрельбы духов подобрать товарища и доставить его в санчасть. Бой длился несколько часов.

Сослуживцы были немногословны. Только часто повторяли: «Мать, Витька был парень что надо!..»

Была у него любимая песня — «Смуглянка». А за то, что очень любил цветы и постоянно таскал их в школу, ребята прозвали его «Мичурин».

Названных его именем улиц нет. Но в школе, где он учился, был отряд имени Виктора Широких. Дружина восьмилетней школы № 61 до ликвидации пионерской организации носила имя В. Широких. Были уголки памяти, линейки торжественные. Были, было. Лес рубят — щепки летят.

«В первые 2–3 года после его смерти районный военкомат не забывал, а теперь совсем забыл, зачем мы, старые, нужны...» Горько и больно читать эти строки, написанные дрожащей материнской рукой. Больно.

Конечно, ничто и никто уже не поможет вернуть назад сына, останется он для нее навсегда двадцатилетним Витень-

кой. Но о таких вот матерях, чьи сыновья погибли на афганской земле, выполняя интернациональный, воинский, человеческий долг, должны знать все. Знать и всегда помнить, что к ним нужно особое внимание, теплота, бережное отношение. Не на год, не на три...

Сегодня Тамара Анатольевна всю свою любовь и ласку отдает внукам. Их у нее четверо. Жизнь идет своим чередом.

Низкий Вам поклон, Мама!!!

...Без вести...

«Юра у меня единственный ребенок, и я теперь осталась одна. Мне сейчас 67 лет...» — пишет Анна Кузьминична.

О сыне своем, ласковом, но по-мальчишески заботливом, она готова говорить и писать без конца.

В уютной квартире все напоминает о Юре. По стенам фотографии — вот он совсем маленький, вот школьник, а вот воин-интернационалист.

Знает Анна Кузьминична, что ждать сына неоткуда, но ждет, ибо не может материнское сердце смириться с утратой, которую уже не восполнить ничем.

Родился Юра на казахской земле, а детство и юность прошли в Бурятии, в Улан-Удэ. Рос, как все мальчишки. Сначала Юра учился в школе № 35, а потом в школе № 12. Еще с детства увлекался фотографией, полюбил технику. Ему нравились профессии, где есть строгость линий, где нужна логика. Потому и выбрал после 8-го класса Улан-Удэнский механико-технологический техникум, который закончил в феврале 1982 года.

Учился, получил профессию, но поработать не успел. Будущее после армии представлялось абсолютно ясным.

Уходил в апреле. Если бы знала Анна Кузьминична — куда. Если б знала, что в последний раз видит сына, улыбающегося на прощанье. Жалкой выглядела улыбка: Юра понимал, как трудно будет ей без мужской поддержки.

А ей опять предстояло ждать. Она мечтала о том дне, когда Юра приведет в дом невесту, когда она будет нянчить его детей, своих внучат. Ждала его из школы, потом из техникума, теперь будет ждать из армии. Это же ее кровинка. Одна растила.

Полтора года выдерживал Юра жару и холод чужих скал. Научился обходить мины-ловушки, ускользать от прицельно-

го огня вражеских снайперов откуда-то из-за дувала, из кустика, из-за поворота скалистой тропки. Умел отбивать атаки превосходящих сил «духов», когда их десятки, а разведчиков всего несколько.

Тосковал по своему Забайкалью, по маме.

В скупых строчках писем домой не находилось места рассказам о частых обстрелах, об опасностях, которыми наполнены будни разведчиков спецназа.

«За меня не волнуйся, — писал он в одном из писем. — Нет такой силы, чтобы меня сломила»...

Уже считал дни, оставшиеся до возвращения. Все собирался сфотографироваться с друзьями на память об этих днях. Но это потом, потом. Снова бои, засады, броски, рейды.

Ему жить бы да жить долгие годы, этому статному парню с хорошей фамилией Оленников. Но они преследовали тогда противника, они выполняли боевую задачу... В том бою погиб и его друг Саша Мокров.

До приказа оставалось 7 дней...

«Мы были с ним друзьями, — вспоминает Анна Кузьминична, — он всегда делился со мной всеми своими делами. Из армии я получила от него 70 писем, а написала ему еще больше...»

И по сей день мать видит сына во сне. Стоит лишь открыть глаза — и страшная реальность пронизывает сознание: его нет, пропал без вести. Как же так? Его нет, и в то же время... ведь мертвым его никто не видел. Подойдет к большому Юркиному портрету, упадет на колени и в который раз содрогнется в рыданиях ее измученное горем тело.

Поклонимся же и мы пустой могиле... А душа... над скалами летает или же здесь — птицей над домом?

Поклонимся...

«Он становился родней и ближе»

Эти два брата — Гриша и Саша Бородины — так запомнились военруку 144-й свердловской школы Л. А. Фрушкину, что через много лет он, уже пенсионер, начнет книгу воспоминаний о прошедших через его руки десятках и сотнях юнармейцев, участников игр «Зарница» и «Орленок», именно с них, так и назвав первую главу «Гриша и Саша», хотя разница в возрасте между ними по школьным меркам значительная: Гриша уже был в девятом классе и командовал батальоном в игре «Орленок», когда Саша пошел в первый класс.

Л. А. Фрушкин пишет: «Когда в школе день юнармейца — построение всех „орлят“, после команды „Смирно!“ правофланговый докладывает: „Старший лейтенант Григорий Бородин погиб смертью храбрых, выполняя интернациональный долг“.

Саша, окончив Пермское авиационное училище, как когда-то и брат, подал рапорт: „Для продолжения службы прошу направить в Афганистан...“ Просьбу удовлетворили. Бои. Контузия. Уволился капитаном».

То, что братья Бородины были заводилами в игре «Орленок», что после школы стали профессиональными военными, говорит не о некоей

«военной косточке», как утверждает бывший их военрук. «Военная косточка» проявляется в военных династиях. Скорее в этом факте проявилось их рабочая родословная, рабочая борьба за справедливость. Недаром их отца Леонтия Григорьевича именно за это качество уважали рабочие «Уралмаша», избирали его парторгом цеха. Да и сами братья, когда случались ребячьи драки и приходили они домой с «фонарями», на вопрос «из-за чего?» отвечали: «За справедливость!».

Любо-дорого было посмотреть, как Гриша играет в волейбол. Мало того, что сам он был красив в каждом движении; он своей страстной энергией словно пронизывал всю команду. Все признавали его лидерство и говорили: если Гриша на площадке, победа будет наша.

У каждого человека — множество граней проявления его характера, его сущности. Григорий Бородин состоялся как человек, как профессионал, разведчик, военный переводчик.

Давно замечено писателями, учеными-психологами, что человек глубже всего раскрывается в любви. Способность любить самозабвенно, неизменно, глубоко характеризует истинную человечность, то, что называется «от Бога». Недаром говорят: Бог — это любовь.

Именно такая божественная любовь жила в этом человеке.

Наталия Викторовна, которая и теперь называет себя женой, а не вдовой Григория, пишет: «Передо мною предстал внимательный, нежный и сильный мужчина. Он просто покорил меня, и я в 1979 году вышла за него замуж. Григорий был сильный и мужественный, и в то же время он был нежным мужем, он умел дарить близкому человеку любовь. С каждым годом он становился мне родней и ближе. В июле 82 года у нас родился сын Артем».

Наталия Викторовна разрешила процитировать некоторые его письма, потому что они, по ее мнению, «наиболее полно раскрывают его душу».

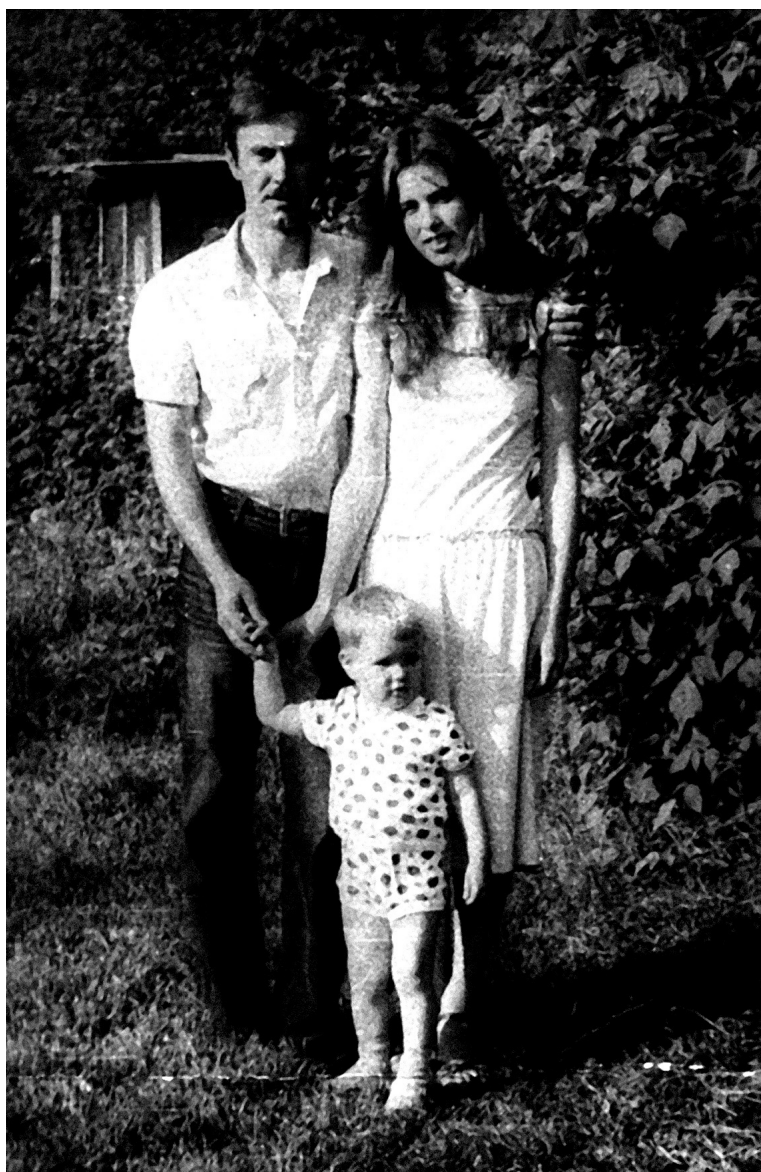
«Наташенька! Милая моя, дорогая, любимая моя! С Новым Годом! С нашим первым Новым Годом! Пусть вместе с ним придет светлый день любви! Любви — всепоглощающей, которая подчиняет тебя всю! Которой нельзя отдаваться наполовину! Любви — когда в мире есть только двое — ты и он, он и она!»

«...Знаешь, я понял, что любовь приходит, когда человеку одному уже нельзя, когда в сердце накапливается много сил и тепла и человек ощущает потребность делиться этим с другим человеком — с другой. И тогда ищешь ее, лучшую, единственную! Свою единственную я нашел в „древнем городе на реке Оке“. Помнишь, Ната, как мы встретились? А я часто вспоминаю тот вечер — 26 марта 1977 года. Думаешь, это было случайностью?»

«Наташенька! Поздравляю тебя с долгожданным днем — защитой диплома! Я так рад за тебя! Хочу, чтобы ты была самая счастливая! Наконец-то мы начнем с тобой жизнь! Очень люблю тебя!!! Всегда твой Гришка».

«Сяду за письмо и задумаюсь. Вспоминаю или мечтаю — не знаю даже, чего больше. Мысленно с тобой разговариваю. И вот так могу просидеть сколько угодно. Потом гляжу — чистый лист бумаги, на часы — уже пора опять на работу, вот и вся история. Вот почему-то вспомнил стихи Элюара:

Прильнув лицом к окну,
Как верный страж,
Тебя ищу за гранью ожидания,
За гранью самого себя.
Я так люблю тебя,
Что я уже не знаю,
Кого из нас двоих здесь нет...

Как будто про меня написано. Ну вот, опять пора на работу».

Это письмо из Афганистана, и легко понять, какая «работа» перебивала его мысли, его цитирование французского поэта Элюара.

«В наряде как-то легче, а разойдемся по комнатам спать, и наваливается на сердце щемящая тоска. Вспоминаю тебя — запах твой особенный, воздушные твои волосы, пальцы вспоминаю, нежную шелковистость твоей кожи, вспоминаю различные выражения твоего лица, твои любимые глаза, вижу ниточку-жилку на твоей такой красивой шее...»

«Показывали фильм по телевизору — старый, кажется, „Жди меня“ называется. О том, как жена летчика в войну ждала... Там есть хорошие слова, которые говорит один из героев: „Если настоящий мужчина говорит, что он вернется, значит, он вернется во что бы то ни стало...“ Что-то вроде этого. Я тоже сказал, говорю и буду говорить, что вернусь! Слышишь, Наташенька! Жди меня, пожалуйста!!! Я скоро буду!»

«Здравствуй, Наташа! (Это письмо уже не от Гриши). Пишет тебе Кошелев Вячеслав, который был у вас в Рязани в конце августа.

Во-первых, привет тебе и твоему сыну от всех офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов роты! Все мы помним Григория, его именем названа одна из наших боевых машин.

Хотелось бы узнать, как у тебя с сыном дела. Как решился вопрос с работой, квартирой и т. д.? Если что-то не получается, возможно, нам удастся чем-нибудь помочь».

К человеку, заявившему и проявившему себя всюду Человеком, все, всегда и везде относятся по-человечески...

Сильный духом

Подвиг Героя Советского Союза лейтенанта Н. А. Кузнецова, двадцатидвухлетнего командира группы специального назначения, достоин подвига его фронтового тезки, бесстрашного советского разведчика. Разведывательная группа, которой командовал Николай Кузнецов, получила задачу — в составе роты помочь афганским подразделениям в разведке места расположения и уничтожении банды душманов, засевших в высокогорном кишлаке провинции Кунар.

Лейтенант Кузнецов со своей группой шел в авангарде роты. Именно поэтому основная мощь огня душманов из засады обрушилась на них. Вражеские пулеметы ударили неожиданно и почти в упор. Крупнокалиберные пули высекали искры из базальтовых скал, рикошетом, с пронзительным визгом отлетали в сторону. Огонь становился все плотнее, интенсивнее.

Вскоре Николай понял, что группа отрезана от основных сил. Нужно занимать круговую оборону, сдерживать ожесточенный натиск

душманов. Тем более что по радиосвязи он узнал: в таком же трудном положении оказались подразделения лейтенанта Кистеня и старшего лейтенанта Тарана. Он него, лейтенанта Кузнецова, от его грамотных, быстрых, смелых решений теперь во многом зависит, выйдут ли его товарищи из-под огня.

Озверевшие душманы стремились любой ценой сломить сопротивление отважных воинов. Появились раненые. Рядом с Кузнецовым выронил из рук автомат прапорщик Бахмутов; лейтенант перенес его в укрытие за скалой.

К тому времени основные силы роты сумели приблизиться к месту боя. Кузнецов приказал группе отойти, а сам с тремя воинами остался прикрывать их отход. И тут тупая боль обожгла ногу, на брюках выступила кровь. Ранен... Николай стиснув зубы, продолжал стрелять. Вскоре стало ясно, что бандиты решили взять его группу в плен. Тогда лейтенант отправил бойцов на соединение с группой, а сам продолжал разить врага, чувствуя, что из-за ранения ему уже не пробиться к своим.

Кончились патроны. Пустые магазины горкой лежали у ног офицера. Но были еще гранаты. Целых шесть... «Нет, гады, не пропущу я вас», — прошептал, истекая кровью, офицер и прицельными бросками вынудил душманов залечь. В руке — шестая граната. Последняя. Лейтенант приподнялся, выдернул чеку. Увидев офицера одного, без автомата, бандиты гурьбой кинулись к нему. Николай видел их оскаленные лица, слышал

гортанные вопли. И когда душманы окружили его плотным кольцом, бросил себе под ноги гранату...

Дорого заплатили враги за смерть офицера. У места последнего боя лейтенанта Кузнецова подоспевшие воины нашли десятки трупов бандитов...

Подвиг всегда прекрасен. Словно яркий факел, зажигает он людей, возвышает их думы, стремления, вдохновляет на героические, благородные поступки. А совершает его человек, окрыленный высокой идеей, твердый своими убеждениями, искренним желанием принести пользу Родине, образцово выполнить воинский и трудовой долг, хотя сам порой внешне прост, скромен, незаметен. «Подвиг, как и талант, — говорил писатель Леонид Леонов, — сокращает путь к цели». Именно таким скромным, но сильным духом был Николай Кузнецов.

Даже выбрав Афганистан, он не сообщил домой ни бабушке Дарье Дмитриевне, ни сестре Нине. Не хотел их тревожить. Письма, поздравительные открытки Николая родным проникнуты удивительной теплотой, нежностью:

«Моя дорогая бабушка! Извини, долго не писал, был на учебных сборах. Научился прыгать из самолета с парашютом. У меня уже двенадцать прыжков. Маловато, конечно, но буду продолжать прыгать. Все это крайне нужно для современного офицера. У меня все хорошо. Служу, работаю, обучаю своих солдат тому, что нужно в современном бою. Хотя пусть всегда будет мир и ясное спокойное солнце над головой. Как у тебя, милая, домашние дела, как на огороде? Много, видно, травы повыврастало. Приеду в отпуск — помогу по хозяйству... Не болей, дорогая, береги себя».

Или письмо Нине Кузнецовой:

«Милая сестричка, здравствуй. Переехал на новое место службы. Нахожусь сейчас под Ташкентом. Тепло, много цветов. Принял новый взвод. Ребята толковые, дисциплинированные. Но забот по-прежнему много. Скучаю по тебе и бабушке. Хотя, честно говоря, и скучать-то особенно некогда. Служба есть служба. Не удивляйся, если окажусь еще южнее, там, где сейчас требуются мои знания, бойцовский дух. Целую тебя, счастья и добра тебе в жизни. Помни обо мне...»

Это была последняя весточка Николая сестре. Нина Анатольевна бережно хранит письма, фотографии, записные

книжки, полевую сумку и другие личные вещи погибшего брата. Их привезли товарищи, боевые друзья Николая.

Старший лейтенант Илья Рыженков рассказывал: «Мало послужил с нами Николай, но мы всю жизнь будем помнить его яркий благородный облик. Его доброту, заботу о солдате, жгучую ненависть к врагу. Кузнецов быстро стал умелым горным следопытом, остро чувствовал опасность: где, за каким камнем, валуном притаился душман с автоматом или гранатометом. Перед тем как вести воинов на задание, всегда внимательно проверял их оружие, бронежилеты, фляги с водой, есть ли у каждого индивидуальные перевязочные пакеты. Учил подчиненных осторожности, правилам маскировки. Берег каждого своего солдата, хотя самому было немногим более двадцати».

Короткий жизненный путь Кузнецова — яркий маяк для современной молодежи. Еще великий русский писатель М. Салтыков-Щедрин писал: «Одно остается небезрассудным и неизменным — это жажда подвига. В этой жажде трепещет живое человеческое сердце, скрывается пылливый и никогда не успокаивающийся человеческий разум».

Николая отличала тонкая, нежная влюбленность в поэзию. Истинный лирик в душе, суворовцем, а позже — курсантом военного училища, с удовольствием посещал занятия по литературе, эстетике, этике, навещался в кружки танцев и музыки. Прекрасное, возвышенное всегда волновало его. В личной записной книжке сохранились поэтические строки, мысли философов, писателей, ученых о дружбе, любви, супружеской верности, о любимой женщине. В Ленинграде Николая ждала девушка. И кто знает, может быть, перед последним своим боем он вновь перечитал стихи:

Я приеду наудачу,
Куда бы мчаться ни пришлось.
Тебя увижу и взлохмачу
Копну твоих ржанных волос.
В твои прохладные колени
Уткнусь горячей головой
И тихий, словно в отдаленье,
Я слушать буду голос твой.

Против «Роты смерти»

«Сам погибай, а товарища выручай!» — один из метких афоризмов генералиссимуса А. В. Суворова стал для советского офицера Марата Мазитова не только теоретически усвоен-

ным наставлением, но и суровым практическим правилом, которому он не колеблясь последовал в решительную минуту ...

Вот фактическая сторона обстоятельств его гибели, описанная участниками боя капитаном Габовым, старшими лейтенантами Козловым и Рожковым в письме учащимся туймазинской школы № 1 в 1986 году:

«Это было 22 марта 1985 года, сразу после Нового года по афганскому календарю. Рота возвращалась в пункт постоянной дислокации после выполнения боевой задачи. Был солнечный день, настроение было отличное. Еще час пути — и роту встретят товарищи. Повар накормит вкусным обедом, старшина отведет в баню, чтобы смыть пыль афганских дорог, а потом можно отдохнуть, расслабиться после трехдневных изнурительных маршей. Но вдруг по радио прозвучало: „На дороге засада, горит 303-я машина“. Это передали с головного дозора. Завязался тяжелый бой. Мы тогда еще не знали, что к этой встрече мятежники готовились давно. Специально собранная банда, именующая себя „ротой смерти“, под командованием муллавии Сардара, вынашивала этот план не один месяц. Около 200 человек, усиленные тремя крупнокалиберными пулеметами и тремя безоткатными орудиями, нанесли свой предательский удар по советскому подразделению, которое было вдвое меньшим по численности. Во время одной из контратак были тяжело ранены командир роты и замполит, старшие лейтенанты Корнев и Макучарян. Они остались лежать с горсткой бойцов на открытом месте в 30 шагах от окопов мятежников. Срочно потребовалась помощь. И тогда капитан Мазитов на одной из машин выскочил на поле и закрыл своей машиной раненого командира. Шквал огня обрушился на эту машину. Мятежники били в упор. Одна из гранат попала в люк, где был капитан Мазитов...»

Достоверность описания несомненна, так как и другие участники боя, сослуживцы Марата, капитан А. Лихидченко и старший лейтенант О. Шейко в письмах Гильметдину Садыровичу и Хамиде Шамсутдиновне повторяют версию почти дословно. О. Шейко даже нарисовал схему того боя.

Но есть и «нюансы». Олег Шейко приоткрывает некоторые причины возникновения этих трагических обстоятельств. «20–21 марта группы Сергея Козлова и моя сидели на горе и демонстративно выманивали на себя душманов, но в результате „мудрых“ действий наших старших наставников из этой авантюры ничего не вышло. 22 марта к нам подошла наша ротная „броня“ (9 БМП), которая сняла нас с горы, и мы пошли на базу».

Вот откуда, оказывается, возвращалось подразделение, мечтавшее о вкусном обеде и бане и попавшее в засаду. Причем не где-нибудь, а на прямой линии между базой и той «стратегически хитрой» демонстрационной точкой в горах.

Да будь муллави Сардар трижды глуп, и то сообразил бы, что группа будет возвращаться именно здесь, вдоль русла высохшей реки. А он был далеко не глуп. Во всяком случае не глупее наших «мудрых наставников», придумавших затею с выманиванием. Выманили... Только кто кого?

И еще один «нюанс»: «Раненые и убитые, — пишет О. Шейко, — лежали в нескольких метрах от окопов душманов, а если учесть, что это было белым днем на раскисшем ровном поле, то вы поймете, в каком, мягко говоря, тяжелом положении мы оказались. Душманы не давали возможности приблизиться к раненым. Тогда один контуженый солдат (Фарзалиев) приполз к „бронь“ и, плача, стал просить оставшегося там теперь старшим офицера (не нашей роты) дать одну машину, чтобы вытащить раненых ребят. Но так как дело явно пахло паленым, тот товарищ стал приводить разные доводы, что он не может этого сделать...

Марат находился рядом и слышал этот разговор. Он приказал своему механику трогаться...»

Вот в каких условиях Марат телом своей машины (и своим!) выручил товарищей.

Если порой мы склонны, чуть романтизируя, возвышать до «мужественного», «героического» тот или иной поступок в бою, то здесь без всякого преувеличения был осознанный героический шаг. Недаром все участники свидетельствуют, что за этот подвиг Марат Гильметдинович был представлен к награде орденом Ленина, и недоумевают, почему этого не случилось. Один лишь «горячий» О. Шейко не стесняется в выражениях: «какая-то сволочь снизила».

Дело, конечно, не в степени награды.

Дело в том, что у отца и матери не стало сына. «Самые счастливые годы нашей жизни позади, — пишет Гильметдин Садырович, — когда были живы наши сыновья. Теперь их нету. Только мы вдвоем, дряхлые старики, а их убило Государство. Младший Айрат ушел в армию здоровым, а приехал больной — умер от неизвестной (говорят, лучевой) болезни в январе 1984 года. А в 1985 году привезли Марата».

Дело в том, что у жены Нази Канзиловны не стало мужа, а у ее трех сыновей — отца. Как радовался Марат, приехавший из Афганистана в краткосрочный отпуск по случаю рождения сыновей-двойняшек! Лаская старшего Василя и новорожден-

ных, приговаривал: «Теперь у нас в спецназе будет расширение штата!».

Но Василь Маратович Мазитов выбрал несколько другую специальность, чем отец: он заканчивает юридический факультет Казанского университета. Он хочет, чтобы наступило торжество закона и справедливости.

«Подобен Христу!»

Он был такой же,
как и мы,
Учился в нашей школе.
Товарищем хорошим был
И комсомольцем тоже.
Когда пришла пора
служить,
Ушел по доброй воле
Туда, где трудно было
жить
Афганскому народу.
Погиб он, как герой,
в бою,
Закрыв собою командира.
Любил он Родину свою,
И Родина героя не забыла,
Навечно он в наших сердцах
И носим мы имя его,
Стараемся в наших делах
Похожими быть на него.

Это стихотворение написано бывшим учеником 4-го класса школы № 1 города Алдан Женей Понариным и посвящено Андрею Мельникову.

Учеба в школе, успешное окончание Благовещенского политехнического техникума, служба в Советской армии, Афганистан — вот основные вехи его короткой жизни. Две строчки — и вся биография. По-военному кратко, лаконично.

Как и все мальчишки, он любил играть в войну, рыл окопы, «ХОДИЛ В АТАКУ»...

Родители гордились им. Он всегда защищал слабых и маленьких, стоял за них горой. Учился на «хорошо» и «отлично». Матери Марии Андреевне всегда и во всем помогал, ждал ее с

работы с горячим ужином на плите. Андрей рос жизнерадостным мальчиком. По своей натуре был оптимистом.

Детство Андрея прошло в таежном краю, где он часто с отцом Александром Семеновичем ходил на охоту. Еще будучи ребенком, довольно метко стрелял. С шестого класса Андрей посещал секцию самбо, потом каратэ. Любил много читать, увлекался техникой. Отец и убедил его поступить в политехникум.

Андрею было только двадцать. Впереди ждала работа, к которой он уже сделал первый шаг (закончив техникум, получил специальность техника-электрика). Его любили и ждали родители, сестра. Его любили и ждали друзья. И он их всех любил. И хотел жить. Ведь двадцать лет — это так мало. Но в решительную минуту он сделал бросок, заслонив собой командира. Он понимал, на что шел. Он не мог иначе...

В семье, где Андрей родился, почитали и ценили труд. Уважение к старшим было непреложным правилом. Любовь к Родине, общественный долг — превыше всего. В детстве Андрей часто слышал рассказы матери и бабушки о том, как его дед Андрей Рыжов боролся за Советскую власть

В бабушкиной заветной папке лежали пожелтевшие от времени письма и ее сына, Сергея Рыжова. В сундучке хранился орден Отечественной войны II степени.

Сын и внук, дядя и племянник, жизнь которых оборвала война... Они такие разные, эти войны: Отечественная и афганская, особенно сейчас, когда нам открыли глаза на так называемый интернациональный долг. Но страшная схожесть всех войн на планете, освободительных или захватнических, в том, что уносят они людские жизни. Молодыми в памяти близких, всех, кто их знал, остались солдат Великой Отечественной Сергей Рыжов в сороковые годы и его племянник Андрей Мельников, участник необъявленной войны конца семидесятых — начала восьмидесятых.

У Андрея была возможность остаться в Уссурийске, не ехать в Афганистан. Но он предпочел разделить участь 100 солдат-амурчан, своих однополчан. Вот как писал об этом родителям Андрея замполит соединения:

«...Вашего сына я помню. Где бы я его ни встречал, всегда он был в хорошем настроении, всегда у него было „все отлично“... Последний разговор у нас состоялся в конце 1984 года. Я знал, что он одним из первых написал рапорт с просьбой отправить его в десантные для прохождения службы в Афганистане. Я сказал: „Андрей,

ты необходим здесь и можешь остаться в части. Тебя за это никто не осудит“. Он обиделся на меня и ответил: „Если ребята уедут, а я останусь, я себе никогда не прощу этого“. Память о таких ребятах мы должны хранить всегда...»

К военной службе Андрей готовился охотно и основательно. Поставив цель — попасть в десантные войска, он закалял себя физически, тренировал волю и своего добился.

Сам Андрей, конечно, не считал себя каким-то особенным. Просто старался взять то, что ему по душе, у героев, о которых читал в книгах, узнавал из жизни. Уже в армии, при встрече с матерью, он с восхищением говорил об одном из таких героев сегодняшних дней: «Мама, представляешь, какой командир! Ему всего двадцать три года. Он только что женился. Бандиты окружили его, хотели взять живым. Он подпустил их и подорвал себя и их гранатой». (Речь шла о подвиге лейтенанта Н. А. Кузнецова.)

Позже в письмах сообщал о себе: *«У меня все нормально, командую отделением. Ведь, как вы знаете, мне присвоено звание младшего сержанта».*

И уже из Афганистана, пытаясь уменьшить тревогу матери, Андрей писал, что они лакомятся шоколадом, купаются в бассейне, занимаются спортом, как будто только в этом заключается вся его служба. Святая неправда любящего сына! Только двоюродному брату он написал то, что испытывал в действительности:

«Когда ходим на задания для оказания помощи афганским воинам, таскаем за плечами 45–50 килограммов. Стараемся как можно больше брать патронов, гранат и самый минимум пищи и воды. На днях нас обложили „духи“, бой шел около часа. Стреляют они классно. Но из наших никого не убили. Я одного „духа“ уложил из снайперской винтовки... Только я прошу: маме — ни слова».

Спецназ, парашютный десант, стоны, кровь, смерть товарищей... Снайпер, разведчик... Его очень любили боевые товарищи. В письмах Андрей просил родителей не беспокоиться за него, беречь себя. И это в его 19 лет!

В тот день, 2 июля 1985 года, было жарко, как и положено афганским летом. В подразделении шли обычные занятия: кто готовился к выходу, кто отдыхал, кто нес службу по охране расположения. Словом, царил та привычная солдатам обста-

новка, когда в любой момент мог прозвучать сигнал боевой тревоги. И он прозвучал. Разведывательная группа, в которую входил и Андрей Мельников, получила задачу выдвинуться в район и оказать помощь попавшим в окружение товарищам. Разведчики ушли немедленно. Они успели вовремя. Спасли друзей. Вот только вернулись не все. В этом бою погиб Андрей Мельников, награжденный посмертно орденом Красной Звезды. Страшное, непонятное слово: посмертно...

Мария Андреевна и Александр Семенович писали сыну спокойные, полные надежды на его возвращение письма, но...

Вот оно, роковое письмо:

«...С глубоким прискорбием сообщаем Вам, уважаемые Александр Семенович и Мария Андреевна, что Ваш сын, младший сержант Андрей Александрович Мельников, выполняя боевое задание на территории ДРА, проявив стойкость и мужество, погиб в бою, закрыв своим телом командира...»

С прискорбием сообщаем... выполняя боевое задание... погиб в бою... Страшная весть. Все темнеет перед глазами...

В Благовещенске, где живет мать героя, отдают дань его памяти. Ежегодно проводятся соревнования по волейболу среди команд Дальневосточного региона на приз Андрея Мельникова.

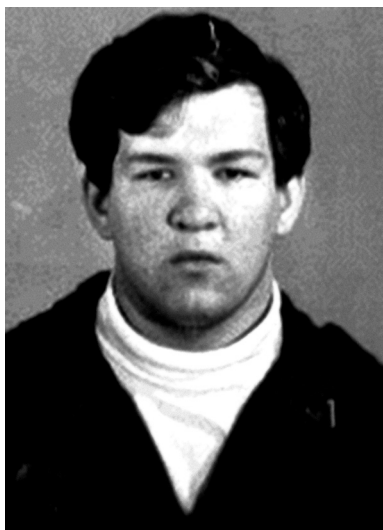
В городе Алдан живет сестра Андрея, назвавшая маленького сынишку в память о брате Андрюшей. Получилось полное совпадение: Андрей Александрович Мельников. Дай Бог тебе, маленький Андрюха...

«На протяжении 15 лет я стараюсь успокоиться, — пишет Мария Андреевна. — Все пишу кому-нибудь, рассказываю о нем. Я считаю, мой Андрей подобен Иисусу Христу. Все 15 лет (написано в 2000 году) пишу, и все хочется писать и писать о нем. Я отношу его к числу святых. Он явно помощник Бога и своей матери... Если напишете о нем в книге, то его слава и память о нем будет жить вечно».

А этим отрывком из стихотворения журналистки Н. Релиной из Благовещенска мы хотим закончить свой рассказ об одном из героев-спецназовцев.

Он мог бы облаками
любоваться,
Листвой берез, цветеньем
трав.

Все могло быть иначе...

Жизнь его складывалась благополучно. Уже за плечами горно-строительный техникум, армейская служба, уже поступил на работу на шахту им. В. И. Ленина — продолжать шахтерское дело отца. Уже дома образовался музей из призов, медалей и чемпионских лент, завоеванных им на ковре (вольная борьба). Уже собралась солидная коллекция значков — такое вот увлечение овладело им! Уже и «вторая половина» намечалась. И имя было у той «половины» — Ирина...

И вдруг: доброволец в Афганистан. «Надо было мне лечь на порог и сказать: „Только через мой труп!“ — отчаивается ныне Светлана Никоновна. — Не легла... Не сказала...»

Так что же было в душе Павла Сарычева такое, что заставило его так круто повернуть свою судьбу: отказаться от «гражданки», по которой соскучился за годы службы в ГДР; прекратить тренировки с любимым тренером Геннадием Анатольевичем Королевым, который довел его до 2-го места по РСФСР по вольной борьбе; позабыть про значки, которые уже выстраивались в тематические коллекции; бросить родителей, брата, друзей, подругу? Какое чувство надо было испытывать, чтобы поменять замечательно складывающуюся жизнь на афганскую тяжесть и опасность? Ведь его никто не гнал, никто ему не мог уже приказать. В прапорщики идут добровольно...

«Решил проверить себя? — переспросил отец. — Что ж, проверь...» Отец, видимо, удовлетворился таким объяснением: по себе знал, что есть в настоящих мужчинах необъяснимо-непреодолимое желание проявить себя на серьезном деле. Хотя, казалось бы, места для «проявления» было достаточно и в Междуреченске: по вечерам и ночам он участвовал в оперотряде добровольных помощников милиции. «Надо грязь из жизни выгребать. Надо подростков из подвалов вытаскивать. Надо, чтобы порядок был», — часто слышали от Павла в то время.

«Наивность» — появилось в нынешних воспоминаниях о сыне Светланы Никоновны слово, которое как бы объясняет ей труднообъяснимый поступок Павла.

Она вспоминает его ответ на ее протесты:

«Надо быть интернационалистом не только на словах. Пусть будет интернационалистом кто угодно, только не твой сын?

Через 10 лет об Афганистане будут говорить с такой же гордостью, как сейчас, спустя более 40 лет, говорят об Испании...»

(«Какая наивность! — пишет она. — Сейчас так кажется. А тогда воспринималось это всерьез».)

Нет, Светлана Никоновна, Ваш Павел не был наивным (сами говорите, читал даже Ф. Бэкона).

Он был человеком чистейшей нравственности, воспринимающим чужую беду как свою. Об этом же говорят и его высказывания об Афганистане, которые Вы записали. Они высвечивают душу Павла изнутри.

«Часто приходится по аулам Афгана развозить продовольствие. И там видели прямо на земле сидящих детей. То ли им по 10 месяцев, то ли по 2–3 года. Не понять! Солнце печет вовсю, а они — голые. Какие-то большие головы на тоненьких шейках, тоненькие ручки. Тоненькие ножки. И большие, как у беременных женщин, животы. Маленькие „беременные“ ребятишки... Не поймешь, то ли мальчишки, то ли девочки. А глаза... Они кажутся такими огромными на их лицах, а взгляд этих глаз...

Посмотришь на такое, и самому в горло долго потом никакая еда не лезет... Раздавали крупу, муку, лапшу и т. д. Так они (и дети, и взрослые — женщины в основном) тут же горстями хватали и ели. Картина жуткая... Стоило ехать в Афган хотя бы для того, чтобы накормить этих детей, стариков, женщин. Не увидел бы сам, другому бы едва ли поверил».

Конечно, такие слова и такие чувства контрастируют с циничными и безответственными заявлениями о бессмысленности пролитой крови на афганской земле, о расплате за ошибки политиков и т. д.

И не потому, что Павел был наивен, а потому что своими чистыми глазами смотрел дальше и глубже других и видел суть войны в человеческом измерении.

Разведчик гуманной профессии

Горе к нам само приходит,
От него не убежать.
И всегда, когда не ждем мы, —
Не заставит себя ждать.
Знаю — больно, знаю — трудно,
Вот поэтому молчу.
Лучше выплакаться сразу,
Зря болтать я не хочу.
Но не мучайте себя вы,
Жалко мне на вас смотреть.
И хоть я и посторонний,
Мне приходится болеть
Не физически, душою.
Счастья я желаю вам.
Горя вы уже хлебнули,
Я б сказал, не по годам...

Это стихотворение написано на небольшом блокнотном листочке, подаренном Вике, сестре Виталия Красникова. Он стал еще одной семейной реликвией, как и любая другая часть всего того, что было связано с именем Виталия. И родители бережно хранят в семейном альбоме эти строки.

Всегда, когда заходит разговор о Виталии Красникове, рано или поздно звучит вопрос: «Каким он был?».

Если резюмировать ответ на этот вопрос, то он прозвучит так: «Он был жизнерадостным, красивым юношей. Никогда его не видели хмурым, насупленным, недовольным».

«Добродушный, веселый, доверчивый, со светящимися улыбкой глазами, этот мальчик вызывал уважение к себе у всех окружающих, — вспоминает Мария Григорьевна Федоряк, первая учительница Виталия. — Он остался в моей памяти таким, каким я его вижу на этой давней фотографии первокурсников. Я горжусь героическим поступком своего ученика. Надеюсь, что и последующие мои ученики будут свято чтить память и будут достойны памяти этого юного героя и не подведут в трудный час».

«Виталий Красников выделялся среди сверстников своей яркой индивидуальностью, — вспоминает учительница Зинаида Григорьевна Новичкосина. — Был крепкого телосложения, высокий, красивый, черные выющиеся волосы, черные густые брови и черные же глаза. Природа наделила его мяг-

ким характером. В моей памяти он так и остался милым улыбающимся мальчиком-подростком.

Доброта — главная черта его характера — притягивала к нему мальчишек. Он был душой коллектива».

Их класс оставил память шумного и дружного. В девятом классе на первом же собрании Виталий заявил, что будет отвечать за культмассовую работу. А перед ответственным мероприятием (выступление на конференции лесоводов) вдруг попросил классного руководителя: «Концерт будет, только вы не мешайте нам».

Концерт лесоводам понравился. А когда последним номером под музыку Чайковского на сцену в пушистых пачках, белых тапочках выплыли семь (как на подбор) «маленьких» лебедей: Виталий, неразлучный с ним Олег Васильцов, Павел Ряболов, Володя Гусев, Олег Евтухов, Игорь Сидоров и Сергей Кучеров, — в зале рыдали от смеха. Лебеди хранили классическое спокойствие.

В канун расставания решили предугадать свое будущее, написали о своих мечтах и запечатали конверты до 1994 года — первой юбилейной встречи в школе. Серьезным или, как обычно, шутливым было его пожелание себе? Сколько рук держало конверт Виталия, а открыть не решился никто, словно в чужую тайну заглянуть до срока...

Непривычно серьезен его взгляд с увеличенной фотографии. В шкафу парадная форма. В букетике полевых цветов — орден Красной Звезды. Разговаривают с родными его письма. В них тщательно скрываемая, но такая явная тоска по дому: «Когда дома был, не задумывался, какая у нас природа, люди, Родина. Посидеть бы сейчас с вами за столом». Так непривычно для бурной его натуры, не любящей засиживаться дома: всегда ждали друзья и задуманные дела, порой не столь важные и нужные, но впереди была целая жизнь!

О его решении в семье знали: даже если не направят, проситься в Афганистан. Потому и спешила к нему в «учебку» Мария Сергеевна с тайной материнской болью, потому и на вопрос командира ответила: «Все знаю, только прошу: готовьте их так, чтобы живыми возвращались». Радовалась тем маленьким праздникам, что удавалось устроить для него. Виталий, раскладывая на кучки привезенные ею сладости, шутливо приговаривал: «Ох, и не повезло тебе, мама, в другие роты сразу по несколько приезжают, а ты у нас на всех одна».

Боевые друзья прислали родителям письмо с описанием последнего боя Виталия и предшествующих событий.

«16 марта 1986 года поступило сообщение, что мятежники для обстрела мирного населения в провинции Газни должны в ближайший кишлак привезти караван с тяжелым оружием и боеприпасами. Чтобы сорвать их планы, наш отряд, в составе которого был и Виталий, скрытно ночью вышел на поиск каравана.

Погода была ненастной: ветер, дождь, идти было трудно. Виталий шутил: „Хорошо, что дождь, воды не надо, да и не заснешь от неподвижности“. Задача была выполнена.

18 марта 1986 года с утра вернулись в часть. Не успели вычистить оружие, обсушиться, и снова тревога. На этот раз душманы собирались совершить террористический акт против местных органов народной власти. Сборы были недолги...

Душманы встретили нас сильным огнем. Отряд ворвался в кишлак и начал теснить душманов. Но тут во фланг разведчикам ударил пулемет. Рядом находилась группа разведчиков. Рискав жизнью, они отвлекли огонь на себя. Схватка была жаркой. В ход пошли гранаты. Виталий помог раненому товарищу, перевязал его, перенес в безопасное место — и снова в бой.

Духи начали обстреливать нас из тяжелого оружия. Пыль скрипела на зубах, дышать было трудно из-за дыма и гари, но ребята держались. К душманам подошло подкрепление.. Разведчики точными расчетливыми очередями уничтожали самых ретивых. Снова появились раненые. Виталий бросился к раненому другу и в это время выстрелом из гранатомета был сражен сам. Ранение было смертельным. Не приходя в сознание, Виталий скончался на руках у командира группы».

В том бою погиб ротный Виталия, офицер, считавший единственным своим правом в бою право уйти с поля боя последним.

Солдаты наперечет знали его боевые награды, гордились и уважали как старшего друга. Они были вместе до конца.

Виталий любил и умел рисовать, но рисунков в доме почти не осталось: лучшие раздавал и раздаривал.

Среди вещей Виталия, привезенных из части, есть металлическая коробка. Товарищи вложили в нее осколок чужой земли, иссушенной и безжизненной земли с поля боя...

Каждый год после смерти сына — в день ли его рождения, в день ли его смерти, в День воздушно-десантных войск или просто в какой-то иной день, — родителей погибшего солдата все время кто-то навещал, звонил им или просто присылал письма со словами соболезнования, сочувствия, признательности, вдохновения и с просьбами быть мужественными и стойкими в своем горе.

В последний раз друзья-однополчане Виталия навещали Красниковых в 1997 году. В последующие годы никто не приходил. Видно, из-за своих проблем не до того было.

Двенадцатую, тринадцатую годовщину отмечали тихо, по-семейному, в кругу самых близких. Вот уже очередная подходит...

Наверное, память человеческая избирательна и ей свойственно со временем что-то одно вытеснять из сознания, другое, наоборот, впитывать. Впрочем, это свойство памяти вряд ли относится к родителям, которые любили своего сына и которые не забудут о нем никогда. Только вот тяжесть горькой и невосполнимой утраты, которую многие готовы разделить с тобой в первые дни несчастья, — не переходит ли она со временем в не менее тяжелое и горькое ощущение того, что никому, кроме тебя, эта память уже не нужна?

Когда же им, потерявшим своего сына, было легче: тогда, когда он только что ушел, или сейчас, годы спустя после этого?

Кто-то из великих и мудрых сказал: «Не бывает времен настолько тяжелых, чтобы не быть честным»...

Я тоже был в горах, в Афганистане.
 И видел смерть не на телеэкране.

И жив-здоров, не ранен, не убит.
Я не позер, но «третий» — только стоя.
За тех парней «рассейских», «негероев»,
Чья жизнь навечно врезана в гранит.

Наш позывной «Москва-2»

Через год после рождения Андрея Лабутина родители переехали из Свердловска в Ревду. Там он и рос, сделал свои первые шаги, там же и в школу № 10 пошел.

В начальных классах учился хорошо. Очень бойкий был. Учительница смеялась: вертится, как сорока на коне. Любил читать. С детства с отцом гонял мяч. Играл в футбол, даже грамоты получал за игру. Когда подрос, научился играть в хоккей, теннис, шашки, шахматы. Но на первом месте из всех увлечений была автотехника.

«Мы всей семьей: с мужем Андреем и младшим сыном Сергеем — часто ездили на озеро порыбачить, отдохнуть, — вспоминает мама Лидия Ивановна. — Андрей летом всегда ходил на рыбалку.

Когда стал постарше, дед брал его на охоту. Пришел однажды очень счастливый, когда подстрелил свою первую утку. Андрей до армии несколько лет жил у моих родителей. Они жили в частном доме в поселке Кедровое. Андрей с удовольствием помогал по хозяйству:

колол дрова, убирал снег, копал огород, сажал картошку, окучивал. В своем доме всегда много работы.

Андрей не пил и не курил. „Учусь средне, да еще пить буду, так что из меня получится“, — сказал однажды. А то придет домой, расскажет бабушке анекдот, рассмешит ее: „Вот, бабуля, теперь ты на 10 минут дольше проживешь“.

В 16 лет купили ему мотоцикл «Минск», в автошколе окончил курсы и сдал все на «отлично». А после 10-го класса сдал экзамены на водителя профессионала.

Перед армией Андрей успел несколько месяцев поработать слесарем, благо с техникой был «на ты».

13 апреля 1985 года призвали его в армию, а 14 апреля ему исполнилось 18 лет. Спорить с военкоматскими работниками не стал. Подумаешь, днем раньше, днем позже. Первые полгода служил в «учебке» в Чирчике.

«В июне 1985 года я летала к Андрею, — вспоминает Лидия Ивановна. — Сын очень гордился, что служит в десантных войсках: „Я, мама, раньше и подумать не мог, что за день отмахую 40 км пешком“. С восторгом рассказывал, как они прыгали первый раз с парашютом».

А в ноябре 1985 года, получив сержантские лычки, Андрей был уже в Афганистане, принял отделение. В первых письмах домой он дал понять, что служит «в жаркой стране». На службу не жаловался, писал что все хорошо, здоров. Просил только прислать конвертов, бумаги для писем да фотобумагу. Словом, «не волнуйся, мама, не служба — сплошной отдых».

Единственный раз Андрей писал о боях, когда комментировал присланную матери статью из газеты «Правда» за 17 и 19 января 1986 года «Очень долгая ночь».

«...Это про наш батальон, а рота под названием „Москва“, — это позывной нашей роты БМП, а „Москва-2“ — это наш второй взвод. Это мы автомат взяли трофейный. Мы смеялись, когда заметку читали. Особенно над поступками старшины. А я вот напишу о том, что было на самом деле, когда мы, как пишется в газете, „спешившись, ушли в темноту“. Прочесав второй дувал (так называются дома), мы вышли из него и пошли к следующему в боевом порядке. Я шел пятым. Метров через 20 услышали разговоры, крики и поняли, что это „духи“, потому что мы так не орем. Мы присели и ждем, а „духи“ тоже слышали, как мы в предыдущем дувале стреляли, и подумали, что это свои, и идут к нам навстречу и окрикивают своих. Мы их подпустили метров на десять — и „ночь осветилась десятками огненных трасс“. Одного убили и взяли его оружие. С ним потом корреспондент ходил.

У меня все по-старому. Служба идет нормально. Бегаем на зарядку, смотрим телевизор. Живем как у Христа за пазухой».

Действительно, как у Христа...

«9 сентября 1986 года Андрея наградили медалью „За отвагу“, а за что, я не знаю, — пишет Лидия Ивановна. — Андрей не писал ничего ни мне, ни бабушке с дедом. Наверное, хотел

сюрприз сделать, прийти домой с наградами, а может, письмо не дошло».

Да, за зарядку и просмотр телепередач медаль «За отвагу» не получишь. Уже потом, после гибели Андрея, Лидия Ивановна узнала от его друзей, что сын был трижды ранен. Об этом он тоже не писал.

Трагедия случилась 29 октября 1986 года. Вернувшись после выполнения боевого задания, солдаты чистили оружие. Один из них, Андриюшин земляк, случайно выстрелил... и Андрея не стало, он умер через 10 минут от сильного кровотечения. Оказалось, один из офицеров забыл разрядить автомат и отдал его солдату почистить. «Был трибунал... Да сына-то не вернешь... Очень тяжело писать „был, был“. Глаза застилают слезы. Говорят, что с годами боль утраты смягчается, я не могу этого сказать, это же дети, им было 18–20 лет, они и жизни-то не видели, и сразу на войну».

«Мама, что со мной, мама?»

«Сколько же их погибло, мальчишек. Для каждой семьи это огромное несчастье. Но наше горе... Как-то уж очень несправедливо распорядился Всевышний», — пишет нам сестра Алексея Лобанова Любовь Михайловна Огородникова.

Ей вторит мама, Раиса Федоровна: «...Мы рано остались без мужчины в доме, без мужа и отца... Как-то незаметно, но вполне определенно и серьезно Алексей взял все домашние работы и заботы на себя...»

Когда умер отец, Люба была в седьмом, а Алешка — в третьем классе. Тогда брат и сестра поклялись друг другу самыми страшными детскими клятвами: никогда, ни при каких обстоятельствах, ничем не огорчать маму.

«У мамы с Алешкой сложились какие-то свои, очень доверительные, очень трогательные отношения, — вспоминает Любовь Михайловна. — Может, потому, что он больше на маму был похож... Но она с ним не „сюсюкалась“, отнюдь... Она к нему относилась, как к единственному мужчине в семье, опоре...»

Такое отношение очень взрослило Алексея. Он действительно взвалил на себя многое. Сразу и не перечислить всех проблем, которые существуют в домашнем хозяйстве: дров привезти, наколоть, сена заготовить, корову подоить, убрать... Свою любовь к животине Алексей выразил в имени «Муська». Кошачье имя — корове. Он ее даже конфетами кормил, добрый чудак Алешка. Даже в письмах из армии просил Муську не продавать: «Вернусь — легче будет».

«Алексей был честным, очень порядочным человеком, готовым в любую минуту помочь, прийти на помощь. Он умел слушать собеседника, а своими проблемами других не загружал, вспоминает одноклассница Ирина Сергеевна Шилдаева. — Он часто опаздывал в школу на первый урок, так как управлялся дома по хозяйству: кормил, поил корову, носил воду, топил печки. Нам это раньше казалось непонятным, но спустя годы, когда мы сами стали родителями, то осознали и поняли всю глубину его чувств к матери, настолько бережных и трогательных...»

«Он в восьмом классе был, когда уже сам договаривался, чтобы привезти сено корове, — продолжает Любовь Михайловна. — И привозил: иногда вдвоем с каким-нибудь мужчиной. Мама с бабушкой только им тогда и жили. Я в институте училась. А они с Алешей собирались дом построить. Они бы и построили... Корову приучил к своему свисту: возвращается стадо, Алеша свистнет — корова к нему. Проблем не было ее домой загнать».

Школьные годы... Пролетают они как один миг, золотой миг безоблачного детства, мелькнувший, словно сон...

По натуре Алексей был романтиком. Он мог часами рассказывать о ночном небе. Знал расположение и название каждого созвездия, строил планы на будущее. Кто знает, кем он мог бы стать.

После школы Алешка пошел на завод. Освоил специальность штамповщика. Поступать никуда не стал, трезво рассудив, что двоих студентов на одну мамину зарплату многовато. Да и задерживаться над учебниками он не любил. Максимум использовал свое природное дарование: схватывать все на лету, и как-то между прочим получал свои «четверки». А вот читал действительно много. А однажды, когда в один из тихих вечеров, зашел разговор о будущем, они вместе с мамой решили, что учиться он будет после армии.

Рассказывает И. С. Шилдаева: «У Алеши было немного друзей, но они были верные и надежные, и он сам отличался преданностью и взаимовыручкой. Вспоминается такой случай: в классе шестом-седьмом любимым занятием девочек и мальчишек зимой было прыгать с крыш домов, сараев и бань в сугробы снега. Мы легко прыгали с крыши дома на крышу сарая, а затем уже в сугроб. Одна из нас прыгнула на сарай, а дальше побоялась. В это время мимо проходил Алешка, оценив ситуацию, сбегал домой за лестницей, и под дружный хохот одноклассница слезла по лестнице вниз.

Раньше мы часто компаниями ходили в кино, на дискотеку, просто гуляли по улицам с гитарой и песнями. Он не задумываясь мог предложить свои перчатки, если у кого-то замерзли руки, снять свою курточку. В компании Алеша был очень веселый, много шутил, рассказывал анекдоты».

«Все мальчишки, которые жили в нашем доме и соседнем тоже, сходили в армию и нормально вернулись домой. Обычное дело. Только вот наш Алешка погиб», — с горечью говорит Любовь Михайловна.

...Почему? Потому что маму часто встречал с работы (она ходить совсем не могла, когда болела нога). Ей женщины часто говорили: «Какой у вас, Раиса Федоровна, сын...»

...Или потому, что бабулю «чмокал» в щеку, когда прибежал из школы... Поч-ч-че-е-м-м-у-у?

Когда они все, коротко стриженные мальчишки, были уже в автобусе, который вот-вот должен был тронуться, Алешка не выдержал — закрыл лицо шапкой и расплакался. Так и уехал со слезами».

«Когда провожали Алексея в армию, — пишет И. С. Шилдаева, — никто из нас не мог предположить такого трагического конца. В тот день мы провожали троих одноклассников, и по року судьбы они все служили потом в Афганистане. Двоим из них посчастливилось вернуться домой, а вот Алешка не вернется никогда...»

Раиса Федоровна ездила к сыну на присягу. Как он радовался! Мама не хотела волновать сына и приехала неожиданно для него. Алеша потом вспоминал: «Марширую по плацу, смотрю: мамуля стоит...»

«Второй раз мы с мамой к нему вдвоем летали в Чирчик. Так хорошо помню, как он с нами через маленькое окошечко в заборе разговаривал. Я была уверена, что, когда мы к нему приедем, он все нам расскажет, может, поплачет. А он — нет, все время был какой-то сосредоточенный. А в последний ве-

чер, когда мы провожали его из гостиницы до части, он был с совершенно „каменным“ лицом. Я тогда маме ничего не сказала, но так было тяжело на душе».

Потом была служба в Афганистане, в городе Джелалабад. Трижды Алексей принимал участие в боевых операциях. За смелость и отвагу был награжден медалью «За отвагу».

Начало 1986 года ознаменовалось боями с душманами. Один из них состоялся 5 января у кишлака Бар-Кашмунд, провинция Нангархар.

Существует несколько версий гибели Алексея Лобанова. Каждая имеет право на существование, у каждой есть очевидцы. Главное, что нет единого мнения об обстоятельствах гибели. Мы приводим ту, которая изложена в письме сослуживца Алексея А. Токарева: «В том тяжелом бою в кишлаке Бар-Кашмунд (провинция Нангархар) мы столкнулись с большой бандой, прошедшей подготовку в Пакистане. Алексей оказался в гуще боя и был тяжело ранен. До сих пор в памяти его слова: „Мама, что со мной, мама?“». С этими словами он и ушел...»

«Очень хорошо помню тот день, когда к нам пришла рано утром женщина из местной администрации, еще были какие-то люди и врач. (Очень хорошо помню белый халат.) Сразу у порога они и сказали, что Алеша погиб. У мамы был, наверное, шок, потому что она не плакала, она просто не поверила. Всем ходила и показывала письмо, датированное 5-м января.

А пятого, они сказали, он и погиб. До сих пор помню эту ее фразу: „Вот видите, пятого он написал письмо, пятого, пятого...“ Как бы там ни было, но Алешки не стало.

Мама хоть и увидела Алешу погибшим, все равно ждет чего-то всю жизнь».

И. С. Шилдаева: «С ужасом вспоминаем тот день, когда пришла весть о трагической гибели Алексея. На дворе стоял обычный зимний день, светило солнце — и в один миг день превратился в ночь. Это страшное известие за короткое время облетело наш поселок и стало общим горем. В лице Алексея мы потеряли надежного и верного друга. Эта боль в сердце каждого из нас, одноклассников, останется на всю жизнь...»

Невозможно положить на бумагу слова, которые могли бы передать состояние матери, потерявшей своего ребенка. Нет таких слов. Не под силу никаким авторам. Понять это состояние может только Мать.

Единственное, что помогло вернуть Раису Федоровну в эту жизнь и заставило что-то делать, — это внуки. У сестры Алексея, Любови Михайловны, родился сын. Назвали его Алешей.

«Он очень похож на брата, мой Алешка Витальевич, но нам с мамой часто очень хочется сказать: Алексей Михайлович». Потом родилась дочь — Ольга. Забот у бабушки Раи прибавилось. И обе, и мама и сестра, очень уверены, что если бы жив был Алешка — Большой, он бы обязательно подружился со своими племянками.

«Жизнь идет своим чередом, — заканчивает свое письмо Любовь Михайловна, — но боль утраты кровоточит, и до сих пор мне снятся сны, что я спасаю своего брата, или кричу в пустоту: Алешка-а-а-а...»

Вся искренность чувств тех, кто знал Алексея Лобанова, звучит в стихотворении Андрея Чернышева. Не будем вникать в совершенство написанного и профессионализм автора, главное — написано оно от души.

«Был обыкновенным русским пацаном»

Так сказал о нем Лысов Анатолий Иванович, подыскивая слова, которые бы рисовали облик его младшего брата. «Пай-мальчиком не был, но и много хлопот не доставлял никому. Отзывчив был на все, ответственный, доброжелательный. Маленьким все к технике тянулся, очень равнодушен к ней был, в школе картингом занимался, да и в училище не оставлял это дело. Вечно ковырялся то в велосипеде, то потом с мопедами, мотоциклами. Стал заниматься в аэроклубе парашютом».

«Обыкновенный русский пацан» после трех месяцев «учеб-ки» в армии делился с сестрой Таней своими познаниями самого себя:

«Так что, Таня, я вообще хороший стал. Вступил с Вовкой Трубицыным в ВЛКСМ, вот только корочек пока еще не дали, фотографий нет... Мы с Вовкой на цветную сфоткаемся.

Сегодня мы с тоски тащимся. Идет дождик, а комбат приказал письма писать, пока не кончится. Если бы сейчас не было дождя, то бегали бы по горам на тактике или на стрельбище стреляли.

Вот как прикинешь, сколько на гражданке времени убил зря...»

«Я еще не так на своих одногодков обижаюсь, — скажет он по другому поводу, — то пьянка, то гулянка. Вот такие пироги». А теперь — никакой обиды на комбата, что гоняет их по горам в минуты вынужденного безделья.

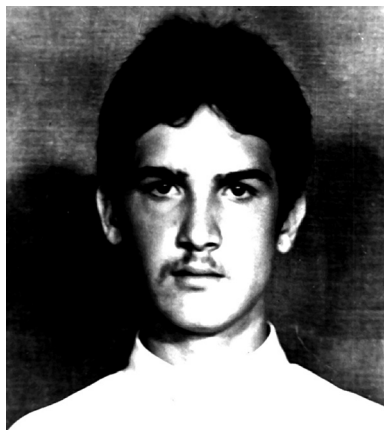
«Я здесь дурака не валяю, — это уже из письма брату. — Это не Союз и даже не такие войска, которые занимаются караулом, парадами и „бездельем“ Мы тут на одном месте долго не сидим. Сегодня опять выезжаем в „командировку“».

Ему везло на комбатов. Комбат Григорий Быков был его «батяней» в Афгане. Журналист «Правды» В. Верстаков отразил атмосферу боевой сплоченности и добротной нравственной основы солдат и офицеров этого батальона в очерке «Очень долгая ночь» (17 и 19 января 1986 года). Очерк появился ровно за три месяца до гибели Владимира Лысова. И хотя его имя не упоминается журналистом, мы знаем, что он был в этой «командировке», когда всю эту «очень долгую ночь» шел слепой бой в кромешной темноте. И в этой обстановке, ориентируясь по всполохам взрывов и огненным трассам пулеметов, слушающая четкие, «без посторонних примесей» краткие фразы в шлемофонах, весь личный состав боевой группы чувствовал себя единым организмом.

«Обыкновенный русский пацан» мужал там «не по дням, а по часам». Журналист в том очерке замечает: «Те неминуемые перемены, которые происходят в характере и личности солдата и офицера за год-два особо сложной, порою опасной жизни, размашистому обобщению не подлежат. По-моему, чем человеку труднее, тем он больше становится самим собой, а не кем-то другим».

Володя становился самим собой: «Я приду, буду тебе помогать по хозяйству, — пишет он брату. — Ведь я из армии приду не таким шалопаем, каким был до армии. Гонял только на мотоцикле, без всякой причины жег бензин, да шатался с друзьями или водку пил. Теперь у меня на это все взгляды другие».

Столько было наговорено и написано про «дедовщину» в армии, что брат Анатолий в одном письме тоже не удержался — напомнил, что в оставшиеся полгода службы Володя, наверное, стал «дедом».

«Ты пишешь об этих „дедовских“ полгода, — отвечает он. — Насчет этого ты не беспокойся. Я молодых не обижаю, они и без меня здесь узнают, что такое армия и что такое служба в спецназе. Тут и без этого есть много шансов залететь».

Вот так быстро повзрослел и помудрел наш «пацан».

Закончим это памятное слово о Лысове Владимире Ивановиче выдержкой еще из одного письма. Через год после его гибели комбат Григорий Быков узнает, что на его могиле нет памятника, а местные власти проявляют к этому бездушное отношение. И вот в адрес властей он пишет: «Мне непонятно, кто стоит у власти в городе Новотроицке, если подобным образом относятся к памяти павших воинов-интернационастов. Владимир Лысов погиб у меня на глазах. Он был отличным солдатом. Когда обкуренные душманы рвались к моему командному пункту и начали нас закидывать гранатами, он не стал отсиживаться за чужими спинами, бросился вместе со всеми в контратаку и погиб.

Я считаю, что такие люди достойны того, чтобы их имена носили самые красивые улицы городов. А у вас на глазах над их памятью надругаются охамелые обыватели, которые „кормят“ родственников погибшего только обещаниями.

Если этим чиновникам некогда лично заняться этим вопросом, то я обещаю вам найти время в своем отпуске, заехать на могилу Володи и разобраться на месте». (И разобрался.)

Побольше бы таких «батянь-комбатов»!

Он искал дело

К вышеприведенным кратким биографическим данным надо хотя бы так же коротко добавить: Виталий Репетей рос с трех лет в так называемой «неполной» семье, воспитывался мамой, Раисой Герасимовной, учительницей биологии; учился хорошо, увлекся биологией, поступил после школы в Дальневосточный университет, проучился три курса; преподаватели отмечали его дар исследователя, пророчили ему научное поприще, а он прервал учебу, добровольно ушел в Афганистан и погиб. Такова «добавочная» его краткая биография.

Личность неординарная. Недаром и сразу после гибели, и десять лет спустя и дальневосточные, и хабаровские газеты посвящали ему обширные очерки, пронизанные искренним журналистским восхищением обликом этого обаятельного хабаровчанина. Любой из этих очерков можно было бы целиком взять в нашу книгу. Но, поскольку все они основывают-

ся на письмах Виталия, представляем читателю сам первоисточник. Его письма маме, родным, друзьям, предназначенные для межличностного общения, сегодня читаются как глубокое философское осмысление мира, себя в этом мире, своего предназначения. Осмысление эпохи.

«Настоящий пессимист — человек убогий и жалкий. Разве про меня такое скажешь? Просто после бури я очнулся на высокой скале, почесал затылок и увидел, что все окружение — штука серая, поэтому со мной моим коллегам скучно. Теперь — четко. Со мной красивые и сильные люди, есть работа. Только отчего я не тороплюсь опять стать таким, как они — сытым и довольным? Стать спокойным, сильным и добрым — вот моя цель. Пусть чаще терзает голод до людей, до дела, до жизни».

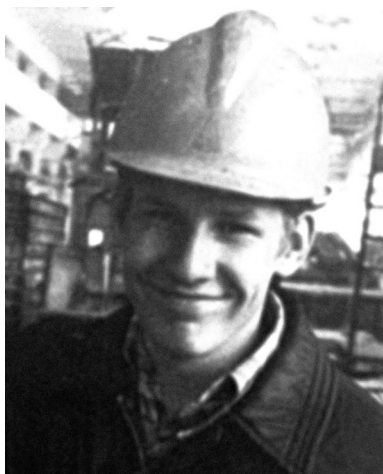
«Сейчас конхасы водлазов-профессионалов, подтягиваю „хвосты“ и прочее... Суеты — как всегда в университете...»

«Как служба? Связь в проводах не путается? Если кеды сносил, мы с Ткачом сбросимся, купим. Не мерзнешь там? Недавно нашел фото, где ты крупным планом сгущенку цедишь такой тоненькой струйкой. Сейчас, наверное, перловка крутлосуточно? Ну, да это еще не труба, труба, когда чужие пирожки кушаешь где-нибудь в „ученом“ обществе да еще жалуешься, что мяса мало, а повидло в другую дырку выдавилось».

«У меня тут, как у „маркизы“, — все хорошо, все хорошо! Стипендию получаю, не голодаю, учеба особо не донимает. Три дня по вечерам на мясокомбинате вкалывали. Мясо носил. Руки крепкие стали, болят только. Денег нет, но и нужды в них особой тоже нет».

«Почему для разных людей — разные границы равнодушия и подлости, справедливости и прямоты? У кого учимся таким вещам? Можно жить не только в грязи и нищете, но даже среди кучи импортного барахла и таких же душ, но при условии, что ты ориентирован так, как надо и — очень важное, но очень трудное условие! — умеешь ходить по объективной реальности. Самое главное — идти. И жить с пользой».

«Надо быть, вероятно, сильным, добрым и умным. Не спать, не жрать грамма лишнего, не перекладывать ни грамма своего груза на чужие плечи, пока не убедишься в их силе: глаза и душу держать как можно шире. И не расслабляться».

«Из всех дисциплин я признаю одну — основанную на осознании необходимости порядка, ответственности перед людьми. Вот тебе пример: грузчики с острова Шикотан. Народ, прямо скажем, не больно политически грамотный, зато на работу все приходят вовремя, трудятся все одинаково усердно, без перекуров, только на еду. При этом ни разу не было случая, чтобы один валялся или курил, а все работали. Почему так? Да потому, что если ты не унес свой ящик, то его понесет другой,

а это нечестно. Так что для дисциплины нужно не так много — дело. И обязательно общее. Вот тебе и коммунистическое отношение к труду».

«Дядя Толя, вы же разведчиком были? Я тоже разведчик, только радист и зеленый еще. Первый раз полезли в гору, еле доползли. Что с того, что никто столько не нес? Мне ведь 20, а не 18, как некоторым! И за плечами столько тренировок... А вот — схватил тепловой удар, когда другие не схватили...»

«Университет я бросил. Все. Причин тому куча, а в общем — не так много.

1. Надоело ломать зубы на том, что никому никогда не понадобится.

2. Почувствовал, что могу и хочу жить серьезнее и самостоятельнее пинать судьбу так, как мне надо.

3. Понял, что надо жить серьезнее и сильнее — так, как живут люди последние свои дни.

Это трудно. Не могу еще рассказать всего, чтобы ты понял, потому что сам еще не до конца... Хотя на занятия уже не хожу вообще: „добиваю“ курсовую на печатной машинке — пообещал. „Шеф“ надеялась».

«Это прекрасная страна: пальмы, цветы, красивое небо с большими звездами и закатами... Вокруг сады: апельсины, мандарины и тому подобное — субтропики. Удивляюсь здешнему народу — сколько труда с землей! Сколько камней! Хватает же терпения...» И тут же успо-

каивает маму: «Я мам, в связистах. Нести, если что, много, но воевать — другим. Я сижу на камнях и поддерживаю связь».

Но и это еще не скоро — пока не научусь чему нужно. Так что, дорогая моя мама, у твоего сына все в порядке, и занимается он делом». 30 апреля 1986 года. Через месяц он получит смертельное ранение.

«Здравствуй, мамочка! Со мной вышла небольшая история. Чтобы не морочить мозги, скажу прямо — получил в бою душманскую пулю. Вопреки моим протестам встаю редко и по какой-нибудь хитрой причине (буду проситься, чтобы утром водили к умывальнику). От этих лежаний в голове путаются всякие конкретности. Самое большое через месяц отправят в Ташкент. Приезжай и ты. Хочу увидеть Ташкент, его фонтаны, базары, бассейны. Я сейчас мечтаю выпить какого-нибудь сока, голубицы, скажем. Потом с разбегу плюхнуться в воду (непременно чтобы кто-то смеялся). И отфыркиваться под мощными волнами и струями. Потом на очереди мороженое с шоколадом.

Всех вас очень люблю. Пусть конверт подпишет другой человек — самая лучшая здесь медсестра Таня. Вообще все твердо идет на поправку. Два дня назад и написать бы не смог. Всем привет, дорогие мои!»

Да, сложную, недюжинную натуру сразила душманская пуля.

Можно только предполагать, какое Дело искал Виталий.

Признание в последнем письме, что он занимается «делом», — тоже не случайно: он почувствовал «самое мужское дело». Дело борьбы за жизнь.

И потом были последние героические дни его борьбы за свою жизнь, пока наконец не выдохнул: «Все, устал я, мужики». Это называется: «До последней капли...»

Не изучены свойства
Наших душ на войне.
Кто-то бредил геройством,
А мы пели про снег,
Про края, где родились,
Да про шорох берез,
И совсем не стыдились
С пылью смешанных слез.

«Погиб при исполнении служебного долга...»

Мама Игоря Сорокина Валентина Васильевна вложила в свое дитя всю нерастрченную любовь и доброту. Тяжело было, но подняла на крыло своего Игорька. Вырос он добрым, отзывчивым и ласковым человеком. А он просто боготворил маму и всячески старался ей помочь. Успешно закончив СПТУ, работал слесарем-электромонтажником в цехе № 325 механического завода. Активно участвовал в общественной жизни цеха. Друзья вспоминают его участие в смотре художественной самодеятельности, посвященном 40-летию Победы. Своей энергией он заражал других. А на сцене вместе с хором пел о смуглянке-молдаванке, о том, как «вдоль берега крутого шел солдат...»

Игорь увлекался историко-патриотической литературой. Целенаправленно готовил себя к армии. Занимался в Куйбышевском ДОСААФ в парашютной секции. Совершил 65 прыжков с парашютом. После 65-го прыжка инструктор похвалил его: «Молодец, Сорокин, быть тебе хорошим десантником». И действительно как в воду глядел — бывший слесарь механического завода надел военную форму десантника. Мечта сбылась, но не совсем. Он мечтал быть офицером, готовился, ездил сдавать экзамены в военное училище. Завалил, но духом не пал.

Игорь Сорокин все старался спланировать заранее, все разложить по полочкам. О планах нам поведала Ирина, которая «была невестой Игоря... а стала незамужней вдовой». Он мечтал вернуться в 1987 году, а в 1988-м, в «августе, сентябре, октябре», сыграть свадьбу. Очень любил детей. И всегда мечтал, чтобы у них с Ириной было много детей. Мечтал отдать им все, чего сам не видел от своего отца.

О его нежности, любви к людям, к маме и особенно, вернее, в первую очередь, к Ирине говорят его письма. Мы решили их не цитировать. Слишком они личные.

Не будем вторгаться в эту большую, трагически завершившуюся любовь.

«...Игорька я никогда забыть не смогу. Он был моей первой и большой любовью, которая сохранилась до настоящего времени. Это все хранится в отдельном уголке моего сердца и не доступно никому. Если бы он не погиб, я бы была самой счастливой женой и матерью. Но судьба распорядилась иначе», — так написала Ирина.

Наверное, единственный раз с момента их знакомства Игорь попросил помощи у Ирины. Впервые не смог самостоятельно принять решение. Это было в декабре 1985 года. Был выбор: или остаться в Чирчике электриком и спокойно прослужить два года, или отучиться шесть месяцев и в апреле попасть в ДРА.

«Не знаю, что делать, ведь в ДРА не курорт, могут и убить. Но Игорь, он же товарищ, оставить одного как-то не по-товарищески...»

Что может пожелать, посоветовать любимая? Это было ясно еще до получения ответа.

«...Я не боюсь, но я просто хочу прийти домой живым и здоровым, а там все может быть, там война. А может, попробовать себя и махнуть вместе с Игорем в ДРА. Эти дни хожу сам не свой... и домой хочу прийти живым, и Игоря бросать неохота. Сижу как в Бермудском треугольнике. Сижу и не знаю, что делать, ведь мне 18–19 лет, но я совсем как пацан, не знаю что делать и как быть. Я боюсь смерти, но друга в беде не оставлю. Не знаю, как быть, ведь со мной такого не было ни разу, все в первый раз».

«Я не знаю, но „смерти только дурак не боится“. Это не мои слова, но это так».

Игорь принял решение. Мы знаем об этом.

Уже из Афганистана он в своих коротких, как всегда, письмах писал: «Только верь, мама, верь, и я приду».

Валентина Васильевна верила и ждала. Но дождалась только цинкового гроба с телом сына, погибшего в бою с душманами...

«Погиб при исполнении служебного долга...»

20 мая 1987 года ему исполнилось бы двадцать лет... Не хватило 8 дней.

Он очень любил жизнь. А прожить удалось неполных двадцать лет...

Уральский герой

Он был обыкновенным парнем, очень веселым, жизнерадостным, но его всегда отличали человеческая порядочность и надежность во всем. Активно занимался легкой атлетикой.

Его классный руководитель М. М. Жингель вспоминает: «... Очень зрелыми были его суждения. С ним можно было говорить на равных обо всем...»

Он жил жадно, взахлеб, как бы предчувствуя свой короткий век. Ни одно интересное дело не обходилось без его участия: был активным членом политклуба школы, не мыслил себя без спорта, книг, увлекался радиотехникой. Это увлечение и определило его выбор — радиотехнический факультет Уральского политехнического института. До армии успел закончить первый курс.

Служить пришлось в Чирчике (Узбекистан). А с апреля 1987 года — в Афганистане. По отзывам боевых товарищей, Андрей Горячев проявил себя в боевых действиях смелым, мужественным человеком. «За надежность и выносливость его чаще других брали на самые ответственные задания, забрасывали в тыл к душманам», — вспоминает сослуживец Андрея А. Коробков. За мужество и отвагу он неоднократно поощрялся командованием части, был представлен к награде — медали «За боевые заслуги». По каким-то неведомым нам причинам награда так и не нашла героя в очередной раз.

Лишь в письмах к отцу он приоткроет завесу таинственности, расскажет, чем стал для него Афганистан.

«Здесь все не так, как в наших газетах и моих письмах к матери. Здесь идет война, и когда она кончится, неизвестно. За правду надо бороться. Я многое насчет этого понял здесь. Как много у нас еще подлецов, рвачей, проныр, которые человека ни в ком не видят, для которых главное — собственное благополучие. ...Ты за меня не волнуйся. Мы в атаку не ходим. Честно. И смертей у нас меньше всего. В основном по глупости ребята гибнут. Ты мои письма только маме не показывай. Чтоб не волновалась много...»

«Честно... в атаку не ходим». А что такое принять участие в 22 боевых операциях и 43 боевых вылетах досмотровых групп? Да, в атаку они не ходили. Но 65 раз Андрей был между жизнью и цинком. Это чего-то стоит.

24 октября 1987 года в 4 км севернее Кандагара, у кишлака Кобай, Андрей принял свой последний бой.

Разведывательный отряд специального назначения попал в окружение и принял неравный бой. О бое и обстоятельствах гибели Андрея отцу, Станиславу Сергеевичу, написал старший лейтенант медицинской службы Чекин:

«...Бой шел около пяти часов. Младший сержант Горобец погиб почти сразу. Андрей работал из его пулемета, положил немало „духов“. Когда у меня заклинило автомат (перегрелся), Андрей бросил мне свой, а сам, открыв банку с салом из сухпайка, быстро разобрал, смазал мой и вернул мне... Когда у нас закончились гранаты, Андрей некоторое время отпугивал „духов“ сигнальными ракетами, пуская их в упор, а у убитых „духов“ собирал гранаты и патроны, которых было уже немного... Ни Андрею, ни себе помочь уже нечем — санитарную сумку разорвало в клочья. Андрей, уже тяжело раненный, достает из кармана чудом сохранившийся шприц-тюбик с обезболивающим, протягивает мне: „Товарищ старший лейтенант, ведь вы ранены, уколите себя!“. Через некоторое время пришли наши бронетранспортеры. Одним из них командовал старший лейтенант Фомин. По-видимому, Андрей умер у него на руках... Все, кого я видел в том бою, вели себя достойно, но бесстрашие и хладнокровие вашего сына особенны».

Андрей жил достойно и погиб как герой. Он один из тех чернорабочих той необъявленной войны, кто выполнил свой долг и не запятнал чести.

Отдавая дань уважения и храня память о своем земляке, в 1989 году школе № 21 г. Первоуральска присвоили имя А. Горячева.

Живущие в Первоуральске и Екатеринбурге отец Станислав Сергеевич, вдова Светлана Сергеевна и дочь Юлия могут по праву гордиться своим сыном, мужем и отцом.

А закончить очерк мы хотим стихотворением, которое написал отец Андрея Горячева.

Сын двух народов

Говорят, дружбу народов не определяют межнациональными браками: там, мол, любовь «виновата». И это правда. Только надо понимать и то, что должна быть в обществе такая атмо-

сфера, которая «не замечает» ни пограничных, ни языковых барьеров, ни разреза глаз, ни цвета волос...

Ехал однажды в поезде узбекский паренек Верик Исламов, возвращаясь с армейской службы, познакомился с русской девушкой Любой Карякиной. И... не доехал до своего Оша. Задержался в уральском городе Талица.

Молодые люди поженились, уехали в Арслан-Боб, к отцу Верика. Там и родился Юрий Исламов.

После его гибели в Афганистане газета «Красная Звезда» опубликовала большой очерк подполковника А. Ладина «С мечтой и отвагой». Воспользуемся его текстом.

Случилось так, что несколько лет Юрий жил вдалеке от дома. Школы, находящиеся на территории Кировского сельсовета Базар-Коргонского района Ошской области, и теперь-то отстают от современных требований. А тогда про Арслан-Боб — небольшое селение у гор, — про его подрастающее поколение как будто вообще забыли. Работала лишь начальная школа. Иные родители смирились с такой участью. А у Верика Эргашевича Исламова была мечта видеть своих детей людьми образованными. И решил он, как бы ни было трудно для него самого, для матери, но послать поочередно своих ребят в Талицу, близ Свердловска, к бабушке Агриппине Никаноровне. И толк из этой затеи вышел. Взять хотя бы Юрика. Он за год не только подтянулся в учебе, но и стал спортсменом по лыжам и легкой атлетике. Пристрастился к чтению. Появились новые интересы.

Однажды приехал на каникулы и привез самодельный альбом. Прежде чем открыть его, с укоризной сказал матери: «Как же мы ничего про это не знали, мама?». Оказалось, что у бабушки Юра отыскал благодарственные письма Верховного главнокомандующего, которых на фронте был удостоен его дед — отец матери. Они, эти ветхие уже документы, говорили о том, что старший сержант Карякин Игнатий Никандрович храбро сражался, защищая Москву, в боях у реки Западный Буг, на берегу Вислы, участвовал в сражении за Берлин. Аккуратно вклеенная в альбом справка сообщала, что дедушка Юрия награждался орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу»...

С тех пор в их доме висели рядом портреты дедушки Игнатия и дедушки Эргаша, который тоже прожил славную жизнь. В годы войны возглавлял в Арслан-Бобе колхоз, много отдал сил сохранению реликтовых ореховых лесов, выучил немало молодых лесников.

После окончания школы Юрий поступил в лесотехнический институт не столько по своему желанию, сколько по воле

отца. Очень хотелось Верик у Эргашевичу увидеть сына в фуражке лесного инженера, продолжателем их трудовой династии. А Юрий мечтал об армии. Днями, когда свободен был от учебы, пропадал в парашютной секции. И вот — воздушно-десантные войска, спецназ.

Обстоятельства гибели Ю. Исламова хорошо известны. Это знаменитый бой у кишлака Дури 31 октября 1987 года. Разведывательная группа из 16 человек под командованием старшего лейтенанта О. Онищука, куда входил и Ю. Исламов, несколько дней сидела в засаде, ожидая караван мятежников с оружием из Пакистана. Когда была подбита первая машина, Онищук с пятью бойцами за 15 минут до ожидавшихся «вертушек» решил осмотреть подбитый «Мерседес». Но произошло то, о чем все задают вопросы, но ответов так и нет до сих пор: вместо прилета «вертушек» ровно в 6:00 началось массированное наступление «духов» на разведгруппу со всех сторон. Оказывается, за ночь они были окружены. Оставив Юрия Исламова и Еркина Салахиева прикрывать их у «Мерседеса», О. Онищук бросился на помощь оставшейся на высоте группе.

Окруженные озверелыми «духами», Юрий и Еркин дорого отдали свои жизни. Оставшись один, Юрий последней гранатой подорвал себя и семерых мятежников.

Вся разведгруппа, за исключением трех человек, героически погибла. «Вертушки» прилетели через 40 минут. Вокруг павших героев-спецназовцев лежали горы трупов.

За этот бой троим было присвоено звание Героев Советского Союза. Двоим посмертно, в том числе и Юрию Вериковичу Исламову.

Снова обратимся к тексту очерка А. Ладына.

74 письма получили Исламовы от сына из армии. Семьдесят пятого ждали долго, необычно долго.

Чтобы не вести с женой скучных разговоров, не слушать ее рассказы о снах да прочих каких-то приметах, лесничий затемно поднялся, оседлал коня и, сославшись на то, что надо побывать на дальнем участке, уехал из дому. Не хотелось ему покидать дом, не получив известия от Юрия, но там, в горах, наедине с лесом, он надеялся избавиться от невеселых мыслей. Он поехал теми местами, где часто бывал с Юрием. Вот тут, у водопада, сын у него на глазах поднял огромный валун. «Сильный-то какой!» — с гордостью сказал тогда отец. Дальше горная извилистая тропинка привела к могучему ореховому дереву, за которым находилась ложбинка. Тут Верик Эргашевич учил сыновей стрелять. У Юрика получалось лучше. Хо-

роший мог бы быть из него охотник. Отцовские уроки в этом делегодились бы.

Так думал лесничий. Он постоял на гребне хребта, откуда виден был весь Арслан-Бобский заказник. Вдохнул свежего воздуха с охлаждающим ароматом далеких ледников и повернул коня обратно. Домой.

А там — застал рыдающую жену с какой-то короткой, как выстрел, телеграммой в руках. Сердце замерло...

«Я должен так поступить»

«Творческих дерзаний тебе и высоких полетов! Иди вперед и выше, будь поистине прекрасным советским человеком» — вот такими напутственными словами прощались учителя школы № 177 г. Новосибирска со своим учеником Яковом Кайдалиним.

Тогда он еще не знал, что всем радостным надеждам и мечтам не суждено сбыться.

Осталось множество фотографий, писем и... воспоминания.

Рождение ребенка — всегда радость, тем более если ребенок желанный. 16 декабря 1966 года у Риммы Ивановны и Всеволода Ивановича родился сын Яков. Он был желанным для всех: сестры, мамы, папы и бабушки. Все его любили и лелеяли. И Яков отвечал любовью на любовь, добром на добро. Зерно, как говорится, упало в благодатную почву.

Перед школой, благодаря стараниям родных и собственным способностям, Яков хорошо читал, знал наизусть много стихов.

Когда пришло время, пошел в 177-ю школу, которую и окончил в 1984 году. Легко и непринужденно усваивал учебную программу. В учебе и во всех его делах помогала мечта. Он «заболел» морем. Эта мечта еще с младенческих лет наложила свой особый отпечаток на отношения отца и сына. Сказалась служба Всеволода Ивановича на флоте, на подводной лодке, о чем он постоянно и интересно рассказывал сыну.

Когда Яше исполнился год, отец стал брать его на демонстрации. Они вставали утром раньше всех, завтракали и, прихватив флаги и шары, уходили догонять заводскую колонну. Флаг несли всегда свой — военно-морской.

Естественно, что первые два-три года Яков «демонстрировал» на шее у папы или папиных сослуживцев. И так было много лет, невзирая на погоду. И самым главным в этом процессе был военно-морской флаг. Яков как бы равнялся на него.

«Наш сын любил играть в тихие игры, сидя за столом, на полу или на диване. Что-то разбирал, собирал, что-то лепил. Помним, как он слепил фрагмент Бородинского боя из пластилина. Все было выполнено маленькими пальчиками очень точно и миниатюрно. Жаль, что не сохранилась эта панорама. В работе был мечтателем, всегда что-то бормотал. Спрашиваем: „Что ты там бормочешь?“. Отвечает: „Не мешайте беседовать с хорошим человеком!“», — вспоминает Римма Ивановна.

«Когда Яше исполнилось шесть лет, ему подарили аккордеон. Начал учиться музыке в клубе „Светлана“. Смешно было смотреть, как на стульчике сидит аккордеон, а у малыша видна лишь макушка да пальцы на клавишах.

Музыку Яша любил. Бабушка, Анна Васильевна, с пяти лет стала ходить с внуком на детские симфонические концерты. Яша ходил с удовольствием. Ему было интересно. Ведь перед каждым произведением выступала ведущая и рассказывала о композиторе и его музыке. Если мы шли слушать оперу, то обязательно читали в книге об этой опере, и ему не было скучно. С удовольствием Яша с папой ходили на концерты органной музыки...»

Морская романтика настолько увлекла Яшу, что он записался в яхт-клуб «Атланты» при заводе имени Чкалова.

С удовольствием занимался теорией, а верхом удовольствия для него было лето, когда всем клубом они выезжали в Бурмистрово для практических занятий. Принимал участие в регатах в общекомандных зачетах. Параллельно Яша увлекся и спортом — был одним из сильнейших бадминтонистов среди детей Новосибирска.

26 июня 1984 года на выпускном балу в школе Яша вместе с пожеланиями и напутствиями учителей, изложенными в послании «Тебе, выпускник», получил дружеский шарж от одноклассников-мудрецов. Отразив в нем весь смысл его дум и стремлений, они как бы пожелали ему: «Семь футов под килем...»

В ноябре 1986 года Яков был призван в армию. Служба началась в «учебке» города Чирчик Ташкентской области. Получив специальность радиотелеграфиста, продолжил службу в роте связи. Приехав навестить сына, родители узнали, что его, как и многих других ребят, готовят для отправки в Афганистан. «Мы задали ему мучивший нас вопрос: „Хорошо ли он подумал о своем решении? Может быть, не поздно отказаться?“ На что Яков без промедления ответил: „Я должен так поступить“, — вспоминают родители.

В первых числах мая 1987 года Яков был уже в Афганистане. Письма от него приходили радостные. Каждое письмо на-

чиналось словами: *«Здравствуй, моя милая мамочка!»* или *«Папа, родной мой, папа!»* В одном из своих писем Яков написал: *«Кто здесь был, пусть гордится, кто не был — радуется!»*.

О том, что происходит там, не было ни слова. Лишь иногда нет-нет да и проскочит строчка, мол, скучаю, очень сильно хочу домой. И он вернулся... Спустя два с половиной месяца — в цинковом гробу...

Что бы там ни говорили, но очень мало людей, настолько увлеченных своей мечтой, каким был Яша Кайдалин. Он запоем читал книги о морях и морских путешествиях. С каким благоговением он внимал рассказам отца, которому после школы юнг и службы на флоте было что рассказать интересного. И решение о будущей профессии не было случайным: *«Хочу стать военным моряком, буду поступать в военно-морское училище во Владивостоке»*. Почему Владивосток? Может, потому, что именно во Владивостоке стоит оформленная под музей подводная лодка — аналог «С-56», на которой служил его отец. Видно, находясь далеко от родных, от отца, он хотел в то же время быть всегда рядом с ним. Но, как говорится, мы предполагаем, а Бог располагает... Поездка на восток не состоялась. Но Яша духом не пал. Подал документы в Новосибирский институт водного транспорта на факультет механика-судоводителя. Главное, что привлекало его в этом вузе, — будущая профессия предполагала выход в море.

Вступительные экзамены сдал легко...

«Я помню Яшу Кайдалина по школе, когда он учился в старших классах, — вспоминает учитель истории Евдокия Панфиловна Шатова. — Бросалось в глаза спокойное выражение его лица, казалось, что ничто не может вывести его из равновесия. Первое впечатление — равнодушный ко всему. Но лишь потом понимаешь, что основная черта его характера — уравновешенность. Добрый ко всем, внимательный, бесконфликтный — таким он был. Кучебе он всегда относился с интересом, на все моменты и темы Яша имел свою точку зрения, мог и поспорить, отстаивая ее. Всегда аккуратно одетый, подстриженный, вежливый и внимательный — таким он и запомнился многим из нас. Мы с ним очень дружили, Яша мне нравился своей житейской простотой, каким-то уютот веяло от него. Никогда не было проблем или суеты с этим парнем. Наверное, он и ушел из жизни со своими широко открытыми в мир глазами, пытающимися объять необъятное, все увидеть и запомнить...»

В армию призвали Яшу со второго курса института. И хотя просился на флот, попал служить в спецназ. Недюжинное здоровье и музыкальный слух решили его судьбу.

Корреспондент газеты «Воин России» старший лейтенант А. Широков в статье от 6 января 1987 года, так описывал обстоятельство гибели Якова:

«Детали и нюансы того боя, во время которого был смертельно ранен Кайдалин, неизвестны. Из рассказов офицера, сопровождавшего его гроб, и однополчанина, который до сих пор живет в Новосибирске, родители узнали, что Яков находился в составе группы на выносном посту, перекрывающем караванные тропы со стороны Пакистана. Ребятам предстояло в ближайшие дни смениться, передав пост другой группе. Но вернуться удалось не всем.

О караване разведка доложила заранее, поэтому небольшой отряд наших бойцов был готов к встрече „гостей“. Завязался бой. Помощь, которую успел вызвать по радиации Яков, пришла с небольшим опозданием, которое для Кайдалина стало роковым. Лишь после боя, когда при поддержке вертолетов и артиллерии удалось рассеять караван, командир группы с удивлением заметил Якова, который ничком лежал в стороне. „Вертушка“ доставила парня в госпиталь, но слишком уж тяжелым было ранение, слишком много он потерял крови».

Семь дней Яша боролся за жизнь. Врачи сделали все возможное и невозможное. 24 июля он скончался, не приходя в сознание, в Джелалабадском госпитале.

«Кто здесь был, пускай гордится, кто не был — радуется!». Это слова Якова Кайдалина легли в основу небольшого музея, который был создан в школе № 177, где он учился.

Девять граммов в сердце...

В своем письме мама Игоря Москаленко сразу объяснила, почему она так назвала сына: «Ребенка с этим именем грубо не назовешь, только ласково, бережно: Игореша, Игорек...» Таким образом, сложившаяся в семье атмосфера понимания, доброты, нежности и душевной теплоты даровала ребенку самое лучшее качество: любовь к ближним.

Защищая неизвестно от кого и неведомо для чего чужую землю и чужой народ, Игорь Москаленко, чье имя носит теперь его родная школа № 67, навсегда остался двадцатилетним.

Рос он в обыкновенной рабочей семье: мама Галина Сергеевна работала на железной дороге, отец Василий Евгеньевич — водителем автобазы.

Рос Игорек худеньким и маленьким мальчиком, казалось, что он не вырастет никогда. В пять лет любил играть в «мам-

люков», фильм такой показывали по телевизору, вот ему и понравились всадники. «Накинет на плечи пиджак, — вспоминает Галина Сергеевна, — вверху застегнет пуговку, в руке сабля и верхом на палке скакал по комнате как на коне и кричал: „За мной, мамлюки!“».

В первый класс Игорюша (так я называла его в детстве) пошел в 1974 году, в школу № 67 Кировского района. Учился неплохо: до седьмого класса был хорошистом, а потом, как водится, скатился — пошли „тройки“. Замечаний по поведению не было. В школе увлекался хоккеем, был в школьной команде нападающим. Научился играть на гитаре, пел песни, у него было много друзей, и Игорь был всегда душой коллектива.

К окончанию 8-го класса Игорь вытянулся, окреп. Несмотря на это, я все смеялась над ним, потому что у него друзья были не только ровесники, но и малыши: он играл с ними в хоккей и футбол. Никого никогда не обижал и сам не дрался. Любил животных. Однажды принес котенка и дал ему имя Ромка. Уж очень они любили друг друга, даже спали вместе.

Мы жили в бараке, то есть никаких коммунальных удобств. Отец у нас постоянно в командировках, и вся „мужская“ работа была на сыне. Не надо было повторять и напоминать, что сделать.

Он сам знал: вода, снег, уголь — его святая обязанность, а потом уже гулять. Никогда не жаловался что ему трудно или кто-то его обидел».

Получив восьмилетнее образование, Игорь решил покинуть школу и поступить в техникум.

— Я была против этого намерения, — говорит Г. И. Саренко, бывшая классная руководительница, — очень не хотела отпускать Игоря, но он был непреклонен...

Однако, расставшись со школой, одноклассниками, учителями, Игорь часто заходил проведать их, поделиться новостями. А в один из таких визитов огорошил всех сообщением о том, что уходит в армию. И не было при этом в его глазах ни боли, ни тоски. Лишь легкая грусть от предстоящей разлуки с родными и близкими ему людьми.

Наверное, не мог даже подумать этот юноша, только что закончивший техникум и не успевший толком поработать, что домой он вернется в цинковом гробу. До последнего боя, пока не прервалась молодая жизнь, он не забывал о своих друзьях. Писал им письма о себе, о своих тяжелых буднях. Не грустил он даже в армии, не унывал, верил, что они встретятся, что снова соберутся вместе, споют свои любимые песни.

Гитара в руках Игоря звучала божественно. Она помогала ему и его друзьям и в радости, и в горе. Способность понимать друзей, проникаться состоянием других людей — одна из самых главных черт в Игоре. Этот скромный, аккуратный, уверенный в себе паренек оставил о себе самые светлые воспоминания. Друзья Игоря по классу каждый раз, встречаясь, говорят о нем, ходят на кладбище к его могиле и там беседуют с ним.

В марте 1986 года он окончил техникум и получил диплом. А в мае 1986 года призвали его в армию. В военном билете было записано, что призывается он в морфлот. Вся родня подшучивала над ним, говорили: «Ну вот и все, Игорь, драить тебе теперь палубу и кушать одну кашу, похудеешь».

Матери он казался все еще маленьким, боялась — не справится с солдатскими обязанностями. Ведь все пролетело так быстро, и не верилось, что он уже взрослый. На проводах пел песни под гитару: «Не волнуйся, мама, я вернусь!». Мать слушала, украдкой вытирала слезы и просила почаще писать.

В первом своем письме Игорь сообщил родным, что часть в Бийске расформировывается и его вместе с другими ребятами переводят в город Чирчик (Узбекистан), в десантные войска. Обещание, данное матери, Игорь выполнял: писал каждую неделю.

Но однажды письма долго не было. Потом стало известно, что Игорь болел желтухой, лежал в госпитале. Сообщил, что скоро в Афган. Собрали отец с матерью гостинцы и поехали в далекий Чирчик.

«Сходили в городе на базар и купили все вкусненькое: фруктов, сладостей, наварила борща, — вспоминает Галина Сергеевна. — Хотелось сына накормить, думала, голодный, а он пришел после ужина и ничего не поел, говорит: я сытый, всего хватает, ничего не хочу. Отец ходил к командиру полка, спрашивал про Игоря, как он служит. Ничего плохого не услышал. Только слова благодарности за сына. В разговоре командир подчеркнул, что Игорь сам просился в Афганистан, хотя после его болезни полагается отсрочка.

Вечером мы стали разговаривать с Игорем, пытались убедить его не торопиться, окрепнуть, но он отвечал: „Мам, пап, я здоров, и не хочу, чтобы меня считали трусом, чтобы говорили, что я специально заболел, чтоб не поехать в Афган.

Пап, ты же знаешь, деда Женя был у нас разведчиком, и он учил меня никогда не уходить от трудностей. Как я смогу потом друзьям смотреть в глаза. Я поеду. Не переживайте, все будет хорошо“.

Как я ни просила, ни плакала — все бесполезно. Не смогли мы его переубедить, просили только писать чаще, беречь себя».

Письма приходили один раз в неделю. Во всех одно и то же: жив, здоров, все нормально, всех вас люблю, не переживайте, никому не верьте, у нас не стреляют...

Игорь Москаленко погиб осенью 1987 года. Он один из немногих награжденных орденом Ленина. Но он не держал в руках этой высокой награды, не принимал поздравлений и не отвечал на крепкие рукопожатия друзей. Ему уже не нужно было все это. В наградном листе в скобках стояло — «посмертно».

Последнее письмо Игоря родителям... По злой игре случая оно пришло в тот день, когда, вернувшись с работы на обед, Галина Сергеевна открыла дверь перед группой людей в военной форме. «Похоронку» не посылали — пришли сами. И еще кто-то из соседей случайно занес в дом свежую почту. В ней и было последнее письмо сына. Оно не отличалось от других: как всегда, короткое, полное ожидания встречи, такое привычное и обнадеживающее: «скоро я буду дома». Но были в этом письме три слова, раз и навсегда решившие судьбу Игоря: *«Ухожу на задание»*. С этого задания ему уже не суждено было вернуться.

Старая, как мир, истина: в разведку берут только самых надежных и проверенных. Перед последним заданием у разведчика Игоря Москаленко на счету было 18 боевых операций. В последний для себя и своих друзей выход командир разведгруппы старший лейтенант Олег Онищук взял и его.

Они были в самом пекле — всего в нескольких километрах от Пакистана. Только начинало всходить солнце последнего октябрьского дня. Но они уже не увидели его света.

«Выполняя боевое задание по уничтожению караванов и бандформирований мятежников, разведывательная группа старшего лейтенанта О. Онищука 31.10.87 в районе населенного пункта Дури захватила одну из трех автомашин мятежников, груженную оружием и боеприпасами. На рассвете группа была окружена мятежниками и вступила в тяжелый неравный бой. Игорь огнем из пулемета мужественно отражал натиск мятежников, прикрывая отход группы. Когда у Игоря кончились патроны, он отражал натиск гранатами, уничтожив при этом 6 душманов. Игорь погиб смертью храбрых...»

Официальное сообщение от командования. В нем сказано все и ничего. Хитрая политика недоговоренности, полуправды. Мы не определили и сейчас до конца свое отношение

к тому, что все эти годы происходило в Афганистане, к тому, что потом назвали грубой политической ошибкой... Еще долго, наверно, все те, кто знает об Афганистане по фильмам и книгам, будут видеть в этой войне своеобразное горнило, где закалялись настоящие мужчины.

В то октябрьское утро 1987 года огонь в горниле бушевал слишком жарко. Он не закалил — он сжег всех, кто попал в него.

Через несколько месяцев после этих страшных событий к родителям Игоря приехали его боевые друзья-«афганцы», которые всегда поддерживают связь с родственниками погибших. От них-то впервые и узнали Галина Сергеевна и Василий Евгеньевич Москаленко все неофициальные подробности этого боя у кишлака Дури. Потом было письмо с вырезкой из латвийской газеты от родителей погибшего вместе с Игорем сослуживца. Все яснее становилось, что гибель разведгруппы не случайна, что у нее есть конкретные виновники. Москаленко слышали, что родители других парней подали в суд на офицеров из части Игоря. Но сами ничего этого не делали. Они знали только одно: что у них нет сына и никакой суд не сможет его вернуть.

Что же в действительности произошло у кишлака Дури? Как погибли Игорь Москаленко и его боевые друзья? Чем объяснить, что почти вся разведгруппа оказалась разбитой, ведь ее вел старший лейтенант Онищук, которому всегда удавалось выполнить задание, не потеряв ни одного человека? Поговаривали даже о какой-то заколдованности, на которую была похожа небывалая удачливость Онищука. Ему завидовали.

Но оставим официальную версию и обратимся к свидетельствам очевидцев. Они были напечатаны в латвийской газете «Советская молодежь» 20 сентября 1988 года.

Майор Борисов, командир батальона:

«В гибели группы есть отчасти вина самого Онищука. Существует приказ: досмотр „забитого“ каравана производить по прибытии досмотровой группы в светлое время суток. Онищук этот приказ знал, но в этот раз не выполнил. И хотя приказа на досмотр никто не давал, несколько раз его запрашивали, желание узнать, что в машине, охватило Онищука. Вот он и пошел».

Младший лейтенант К. Горелов:

«Онищук все рассчитал. В пять тридцать выслал прикрытие из четырех человек. Задача группе: расположиться на близ-

лежащей господствующей высоте и в случае необходимости прикрывать досмотровую группу. В пять сорок Онищук с пятью бойцами двинулся к машине. Меня оставил с пятью бойцами на прежнем месте и поставил задачу наладить связь с батальоном, а в случае необходимости поддержать огнем. Идти до машины минут 15. В шесть ноль-ноль придет „вертушка“.

Пошли налегке. Взяли только по одному боекомплекту. Это на десять-пятнадцать минут хорошего боя. В шесть ноль-ноль мятежники атаковали. Казалось, они прут отовсюду. Мы подерживали огнем, как могли. „Духи“ шли в полный рост, несмотря на то, что наш пулеметчик рядовой Игорь Москаленко косил их пачками. Он им здорово мешал, и снайпер снял Гошу, ударив прямо в сердце. Прошло сорок минут боя, а „вертушек“ не было...»

Пуля снайпера не попала Игорю прямо в сердце. Она на излете задела его, ничего серьезно не повредив. Но болевой шок, временная остановка сердца, большая потеря крови сделали свое дело. Нужна была лишь срочная медицинская помощь... Но в горячке боя ее некому было оказать. До друзей — длинные метры под непрерывным огнем. Надежда была лишь на помощь вертолетчиков. Но ее все не было...

Капитан В. Ушаков:

«Гибели группы Онищука способствовали действия командира вертолетного отряда майора Егорова и бывшего командира батальона подполковника А. Нечитайло. Когда ночью Онищук доложил о „забивке“ каравана, Нечитайло отдал Егорову приказ о вылете „вертушки“ с досмотровой группой в 5:30 с прибытием в заданный район в 6:00 (бой у холма начался как раз в это время). Однако оба забыли расписаться в книге распоряжений».

Герой Советского Союза капитан Я. Горошко:

«Я со своей группой в 5:30 бегал по „взлетке“ в надежде найти запускающиеся „вертушки“. Потом бросились будить летчиков. Оказывается, команда им не отдавалась. Пока нашли Егорова, пока связались со штабом ВВС и получили разрешение на взлет, пока прогрели „вертушки“, время вылета давно прошло. Боевые „Ми-24“ вылетели только в 6:40. А эвакуационные „Ми-8“ — в 7:20. Когда моя группа десантировалась, мы бросились разыскивать ребят Онищука. Они лежали на склоне горы, цепочкой вытянувшись от „Мерседеса“ к вершине. Онищук не дошел до вершины каких-то тридцать метров. Он лежал истерзанный, исколотый штыками, зажав в руке нож.

Над ним надругались, забив рот куском его же окровавленного тела. Я не мог на это смотреть и ножом освободил Олега рот. Таким же образом эти сволочи поступили и с рядовым Мишей Хроленко и Олегом Ивановым».

Сержант М. Нафталиев:

«Когда „забили“ караван, из батальона к нам вышла группа. Но комбат ее почему-то вернул и приказал ждать „вертушки“ до утра. Если бы вовремя подошло подкрепление, то все они были бы живы».

После того боя у кишлака Дури погибших узнавали лишь по деталям одежды. Олега Онищука опознали только по носкам. Единственным, над чьим телом не надругались душманы, был Игорь Москаленко. Он лежал на самой вершине холма.

После того боя у кишлака Дури два месяца заикался друг Онищука Константин Горелов.

«Черный тюльпан» поднялся с афганской земли и полетел в сторону такого желанного родного дома со своим цинковым грузом. «Груз-200». Он нес его и в дом Игоря Москаленко...

Жизнь жестока и забирает у нас именно таких людей, сокращая биографию юных героев. В семье бережно хранится все, что касается Игоря: его фотографии, гитара — все, что хоть чуть-чуть напоминает о нем. У сестры Ольги растет сынишка, которому от дяди досталось только имя.

Но ничто не сравнится с болью матери. До сих пор не зажила в ее сердце рана от пули неприятельского снайпера. Девять граммов свинца, забравшие у нее сына, никогда не дадут ей покоя.

Есть такая профессия...

В семье Столяр бережно хранят все, что напоминает о Сергее. Часть вещей отдали в музей десантных войск «Крылатая гвардия», в том числе и шесть фотоальбомов. В одном из них, на семейной фотографии, Сергей Столяр написал: «Мечта сбылась. Я стал офицером. Есть такая профессия — Родину защищать!».

На фотографии он вместе с родителями. Красивая семья: отец — офицер, очаровательная мама и сын в новенькой офицерской форме. Тогда никто и представить не мог, что случится непоправимое. Сергей Владимирович погиб в чужом душном Афганистане. Мама Галина Арсентьевна часто приходит в музей, к своему сыну. Приходит к своему сыночку и молчит...

Боль не проходит и не пройдет. Говорят, что время лечит, но с каждым годом становится все тяжелее. «Эта рана будет болеть всегда, до тех пор, пока мы живы... — пишет Галина Арсентьевна в своем письме. — С отцом мы остались одни. Сережа был единственным сыном. И нет слов, чтобы выразить наше горе. Только работа дает нам немного сил, чтобы жить. Очень тяжело писать о сыне в прошедшем времени...»

Галина Арсентьевна ненавидит насилие. В любом его проявлении. Ее отец погиб на фронте в 1943 году. Он погиб вскоре после ее рождения, так и не узнав о дочери. Через 21 год на немецкой земле она родила сына. Еще через двадцать три года другая война, афганская, этого сына у нее отобрала. Она ненавидит насилие еще и потому, что очень любит детей. Всю свою жизнь она посвятила маленьким человечкам. И первым местом ее работы был детский дом, куда она пошла воспитателем, как только получила диплом учителя начальных классов. Но проработала в детдоме недолго. Ей, как и многим девушкам того времени, очень нравились офицеры. Человек в погонах был для молодой учительницы олицетворением всего лучшего, чистого. А потому, когда лейтенант Владимир Столяр предложил ей руку и сердце, она не отказалась. Вскоре молодая семья уехала в Германию. А еще через год родился Сергей.

Вернуться к любимому делу воспитанию детей Галина Арсентьевна смогла только через семь лет, когда мужа перевели в Свердловск. В этом же городе Сергей пошел в первый класс

школы № 106. Но седьмой ему пришлось заканчивать уже в Польше, куда перевели отца. Галина Арсентьевна даже не сомневалась в том, что сын пойдет по стопам отца. Сергей просто бредил военной службой. Хотел стать командиром. Поздравляя отца по праздникам, он часто любил повторять: *«Есть такая профессия — Родину защищать!»*. А как только позволил возраст, сразу поступил в Свердловское суворовское училище. Вот тут впервые пришлось маме расстаться с сыном. Потом Сергей подал документы в Киевское общевойсковое командное училище, которое закончил в 1985 году, получив квалификацию переводчика-референта английского языка.

О том, что сын после училища выбрал Афганистан, Галина Арсентьевна узнала лишь через полтора года его службы там. Все это время он писал ей в письмах, что служит в Монголии. Но фотографии, приходившие в письмах, порой рождали в материнском сердце тревогу. Однажды она даже поделилась сомнениями с воспитательницей из их детского сада, которая бывала в Монголии. Та предложила Галине Арсентьевне спросить у сына, в каком городе он служит. На этот вопрос матери Сергей ответил, что у этого города еще нет названия, он только строится... Уже после смерти сына Галина Арсентьевна узнает, что супруг знал, где служит сын. Сергей слал отцу письма до востребования...

Сергей часто писал и матери. И все в письмах было хорошо. А то, что это была далеко не вся правда, Галина Арсентьевна узнала, увидев сына через полтора года. Он вошел в комнату и сразу сказал: «Мама, не трогай меня, я очень болен». Родители тут же отправили сына в госпиталь. Врачи удивлялись, как офицеру вообще удалось добраться до Свердловска. У него был гепатит.

Почти два месяца Сергей пролежал в госпитале. Галина Арсентьевна часто навещала сына. Она как бы сама взялась выходить его и еще двоих парней, находившихся в палате. Носила им в термосе еду.

Когда закончилось лечение, Сергей сразу засобирался обратно в Афганистан. И хотя врачи советовали взять дней двадцать для укрепления здоровья, Сергей, даже слышать об этом не хотел. Мольба матери тоже не возымела никакого действия.

В Афганистане его прозвали интеллигентом. Он даже в полевых условиях пытался есть ножом и вилкой. Никогда не перекладывал свой груз на подчиненных. Последние капли воды делил с ними. И за эти качества его в подразделении все уважали.

К концу службы Сергей стал чуть реже писать домой. И как-то, рассказывала Галина Арсентьевна, от него долго не было писем. И тут вдруг сообщают на работу, чтобы срочно бежала домой. И она побежала, не чувствуя под собой ног. А в голове лишь одна мысль: «Только бы не с Сережей». У подъезда стояла милицейская машина и толпились зеваки. Когда же выяснилось, что весь шум из-за ограбления, Галина Арсентьевна облегченно вздохнула. А молодой милиционер, рассказавший о том, что произошла кража, никак не мог понять, почему женщина, квартиру которой ограбили, постоянно улыбается, будто это совсем не к ней относится. Только потом Галина Арсентьевна поняла, что украдено и впрямь много. Унесли и аппаратуру, и одежду, вплоть до нижнего белья.

Последнее письмо пришло от сына на 8 Марта. Через несколько дней военком принес известие о смерти Сергея. Она плохо помнит, что было потом, а в тот день ее лучшая подруга, которая заботилась о Сергее, когда он учился в суворовском училище, зная о трагедии, позвонила Галине Арсентьевне на работу. Но она так и не смогла сказать правду. Думая, что подружка не в настроении, Галина Арсентьевна со спокойной душой пошла домой. Она еще издали увидела, что у дверей стоит муж. Он подошел, обнял ее и тихо сказал, что сына больше нет...

Четверо суток Галина Арсентьевна ничего не видела и не слышала. Приходили люди, приносили венки.

Цинковый гроб открыть не разрешили. Сын погиб 23 марта, а хоронили уже 31 марта. Но краску с окошка все же удалось соскоблить.

— Да, там лежал наш сын, — говорит Галина Арсентьевна, — я его видела. И сегодня вижу. Он с открытыми глазами. Подушка вся в крови. Так мы убедились, что это он...

Лопасті вертолета медленно вращались. Они еще не набрали сил, чтобы поднять в воздух десант. Перед открытой дверью машины замер на миг полностью экипированный командир группы. Эта фотография тоже есть в альбоме. Тогда, в душном Афганистане, никто, даже фотограф, сделавший это фото, не знал, что больше никто не увидит живым лейтенанта Сергея Столяра. Из пятерых разведчиков, ухившихся на задние, уцелеет только один...

У группы лейтенанта Столяра все шло хорошо: нормально десантировались, выполнили задачу и теперь ждали «вертушку», которая должна была прилететь через два часа и унести их в расположение. Но тут вдруг в ущелье появился караван. Командир определил, что караван с оружием. В таких случаях решение всегда одно: «Уничтожить!». Позиция у группы была очень удобная, и Сергей решил атаковать.

Бой закончился удачно. У разведчиков потерь не было. Караван был «забит». Теперь необходимо было проверить поле боя и забрать трофеи. Когда группа спустилась вниз, из-за бочек неожиданно выскочил окровавленный душман, вскинул гранатомет и выстрелил. Увидев стреляющего врага, сержант бросился вперед и закрыл грудью своего командира. Но расстояние было очень маленькое, а оружие очень мощное... Из пятерых человек только один уцелел...

Сергей не должен был лететь в горы. Он собирался ехать в Кабул. Уже был упакован нехитрый офицерский багаж, уже простился с подчиненными, готовившимися к очередному заданию, уже известно было и новое место службы — Рига.

Однако он поступил так, как поступает настоящий человек, настоящий офицер, чтобы другим, окружающим было лучше. Он поступил так, как учила его мать, — помог людям.

Собираясь в Кабул, Сергей узнал, что в тот же день туда необходимо попасть и другому офицеру из их подразделения. Но тому через несколько часов предстоит вылететь на задание. Тогда Сергей и предложил офицеру поменяться, тем более группа состояла из его бывших подчиненных. Комбат не стал возражать и дал добро...

Похоронили Сергея Владимировича Столяра на Восточном кладбище. Каждый день в течение пяти лет мать и отец приходили навещать сына. Потом у Галины Арсентьевны ухудшилось здоровье, стали реже ходить на кладбище. Но и сейчас каждую субботу или воскресенье, все праздники и дни рождения супруги Столяр проводят на могиле сына. У них еще заведено, что как только в семье появляются цветы, они несут их сыну. Сергей очень любил цветы, и в особенности розы. Если случалось появляться ему у матери на работе, то он обязательно приходил с букетом роз. Двадцать лет Галина Арсентьевна принимала от сына цветы. И вот уже больше двадцати лет, как она их носит ему.

Памятник погибшим в Афганистане «Черный тюльпан» находится недалеко от работы Галины Арсентьевны Столяр. Она часто приходит к мемориалу. И отыскав на камне строчку «Столяр С. В.», подолгу стоит, вспоминая прошедшую жизнь, вспоминает сына, свою кровинушку...

Нежная душа

Какая же нежная душа скрывалась за спецовкой этого слесаря-газовика, а потом — за тельняшкой десантника-спецназовца! Все, кто знал Сашу Аболика, подчеркивают его скром-

ность, деликатность. Мама Лариса Илларионовна, вспоминает его детские страдающие глаза, если ей приходилось показывать, что он ее огорчил. Хотя таких моментов было немного.

Как он любил своих родителей и брата Гену! Гордился, что и мама, и отец, Иван Иванович, работают на прославленном Минском тракторном заводе. Вдали от дома он всегда носил в кармане упрятанную в целлофан от пота и непогоды, обшитую нитками по краям фотографию счастливых и еще молодых папы и мамы. Он, нежный и любящий сын, сделал из фотографии родителей свой драгоценный талисман.

А в письмах к брату, наряду с юношеской бравадой и юмором («чистые погоны — чище совести», «не рвусь я в командиры») сквозит такая пронзительная доверчивость, какая может быть только между настоящими братьями, — братская. Саша присылал Геннадию из Афганистана разрисованные и исписанные стихами листки из записной книжки. В их не только записи известных песен модной в то время группы «Машина времени»: «Но верил я — не все еще пропало, пока не меркнет свет, пока горит свеча». Там же записи песен, которые сочинялись и исполнялись солдатами и офицерами:

Вот машины идут
По дороге крутой.
Может, кто-то из них
Не вернется домой,
А придет лишь домой
Телеграмма в пять строк...

Тут и рисунок разваленных сапог, которые протопали по Афганистану 730 дней. На другом листочке подсчеты: «2 года — 24 месяца — 104 недели — 730 дней — 17 520 часов — 1 051 200 минут — 63 072 000 секунд».

«26 марта 1983 года часть перебросили в другое место, в долину Чирикара. Нашему взводу досталась „горочка“ раз в четыре выше, чем в Панджшере».

Житель равнинной Белоруссии, Саша Аболик не мог привыкнуть к афганским горам, и душа его тосковала по родному Полесью.

Вернулся он на родину в цинковом гробу, который не решились вскрывать. В сопроводительных документах было написано, что он разрублен с головы до пояса.

Погиб так. Группа в составе четырнадцати человек прикрывала отход роты. Выполнили задание, но ценой жизни всех четырнадцати.

Помощь пришла поздно. Среди погибших было тринадцать сибиряков и один белорус.

«Когда бываю на могиле своего сына, — пишет Лариса Илларионовна, — он смотрит с портрета на меня, невольно слышу, как он шепчет мне:

— Мама, милая, родная,
как же постарела!
Стала ты седая.
Если б только стара и седа!
Схоронив меня,
Ты ведь не живешь, хотя жива».

Своему сыну брат Геннадий дал, конечно, имя Александр. Растет новый Александр Аболик.

«Я никогда не состарюсь...»

Это действительно был праздник со слезами на глазах. Славочка, как его называли дома, родился в День Победы в 20 часов 20 минут.

В четыре месяца уже имел два зубика и хорошо сидел, а в 9 месяцев уже уверенно ходил и даже бегал, иногда падая. Но не плакал, быстро вставал и несея дальше. Действительно, мужчины не плачут, они огорчаются.

Рос энергичным, смышленным, смелым, веселым ребенком. Очень любил слушать сказки и отгадывать загадки, интересовался техникой.

Однажды по дороге в садик, он попросился проехать на тракторе. Потом сказал: «Очень шумит, когда я вырасту, я придумаю такой трактор, чтобы ездил тихо, без шума».

Когда Славику исполнилось пять лет, стал просить маму рассказать, как жили люди раньше. И теперь вместо сказок мама, Галина Яковлевна, стала рассказывать сыну о Великой Отечественной войне, как и за что немцы расстреляли его дедушку, а бабушку избили до полусмерти, какое тяжелое ей самой досталось детство. Славик слушал очень внимательно, не по-детски серьезно и часто просил рассказать какие-нибудь истории еще раз.

В шесть лет уже хорошо читал, записался в детскую библиотеку. Любил читать книги военной тематики: о полководцах, о разведке, о партизанах.

Когда пошел в школу, появились новые увлечения. Стал заниматься баскетболом, плаванием. Увлёкся рисованием, выжиганием. С удовольствием играл в шахматы, не расставался с фотоаппаратом. Любил ходить в кино, особенно на военные фильмы.

Его душевная доброта выражалась в отношении к природе, к животным. Всегда пе-

ред зимой мастерил кормушки для птиц. Воспитывал щенка овчарки, свою любимицу Дези.

Чутко и внимательно относился к матери и бабушке. По дому умел делать все. В старших классах стал мечтать о десантных войсках, о военном училище. Ему нравилась эта мужественная профессия: Родину защищать. Начал готовиться к армии. Мать в душе надеялась, что он не попадет к десантникам из-за травмы рук. Еще в шестом классе Славик неудачно упал на руки. Отсидел до конца все уроки, к вечеру руки распухли, а наутро, когда сделали рентген, оказалось, что обе руки поломаны. Помня об этом, он заявил: «Я сделаю так, чтобы руки у меня были крепкими».

Стал заниматься боксом, дома оборудовал спортивную площадку, сделал перекладину, зимой и летом купался. Матери было жалко его, но в душе она гордилась им.

После школы пошел работать на завод. Все говорил матери: «Я поработаю до армии, а ты, мама, рассчитайся и отдохни». Работал в цехе по производству магнитных пускателей, наладчиком технологического оборудования 4 разряда. Параллельно приобрел профессию автослесаря. Но это все было ничто по сравнению с его мечтой. Он планировал во время службы поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. Говорил матери: «Я хочу пройти школу рядового солдата, тогда я буду настоящим офицером».

Уходя в армию, Славик не обещал писать часто. Но... как только появлялась свободная минута — писал маме, сестричке

Свете, бабуле, друзьям. Никогда не писал о трудностях армейской жизни, не жаловался, а наоборот, писал, что все хорошо, нет проблем. В письмах интересовался всем, расспрашивал о любимых племянниках Димочке и Максимке. Не было ни одного письма, где бы он не говорил о своей Дези. К своей собаке он обращался как к человеку.

Галина Яковлевна бережно хранит все 59 писем Славика. Хранит, как реликвию. Читает и перечитывает их вечерами, хотя почти все знает наизусть.

«Здравствуйте, мои дорогие и родненькие мамочка, Света, Андрей, Димуля, Максик и Дезик!!! С огромным приветом и самыми наилучшими пожеланиями к вам всем я.

У меня все нормально, здоровье хорошее, кормят хорошо. Поправляюсь. Погода хорошая, здесь еще не было ни одного дождя. Днем загораем, целый день солнце, а ночью морозец. Очень хорошо с нашей части виден Кабул. Здесь, где мы живем, целый советский городок. Везде много-много воинских частей. В основном здесь строители, много строек.

Как вы там поживаете? Как у всех здоровье, и особенно у тебя, мамочка? Где сейчас бабуля, куда ей писать? Как племяннички, чем занимаются? Как Дезик, кормите ее получше. Кого встречали из моих знакомых?

Передавайте всем приветы: т. Вере, т. Лене, т. Шуре, д. Вите, д. Ване и всем знакомым и друзьям.

Письма здесь часто задерживаются, так что, если долго не будет, не волнуйтесь. До свидания. Жду писем.

12.11.1983 г.»

Во всех письмах — забота о матери, о родных. Вот еще одно письмо.

«...Вот есть немного времени, и я решил вам написать. Света, большое спасибо тебе за письмо, которое я получил. Дела у меня идут нормально, служба тоже. До года осталось 28 дней...

Получил письмо из Одессы и от Игорька.

Мамочка, как там у тебя здоровье? Отдыхай побольше и летом обязательно езжай на море, в санаторий.

За меня не волнуйтесь. Пишите, как племяннички кушают. Купите им чего-нибудь от меня. Как там поживает собачка?

...Пишите, кого видели из моих знакомых и одноклассников. До свидания. Жду писем.
28.2.1984 г.».

Это письмо пришло 16 марта 1984 года. На этом переписка прервалась...

Военная судьба бросала Славу Лазаревича в различные уголки Афганистана. Неоднократно принимая участие в боевых операциях, он прошел с боями провинции Кабул, Кандагар, Нангархар, обеспечивая надежную связь командира группы с командованием отряда.

12 марта 1984 года разведывательная группа специального назначения, в которой действовал радиотелеграфист Станислав Лазаревич, на трассе Кабул — Джелалабад обнаружила мятежников и вступила с ними в бой. Во время ожесточенной схватки Славик был несколько раз ранен. Поле боя не покинул.

Сохраняя самообладание, продолжал вести меткий огонь. Только получив тяжелое ранение, потерял сознание и 13 марта 1984 года скончался.

«За меня не волнуйтесь...»

Не стало высокого, белокурого, голубоглазого юноши, мечтавшего стать настоящим офицером-десантником.

«...Вот какой у меня сыночек. Я им гордилась с самого дня рождения, — пишет Галина Яковлевна. — Я жила детьми и мечтала внучат нянчить. Для меня теперь нет солнца на земле, я живу как во тьме. В каждом юноше вижу своего сыночка, каждый день его вспоминаю и думаю о нем, и плачу... Мое сердце никак не может смириться с тем, что его уже нет. Мне так тяжело, просто невыносимо терять его. Я бы не задумываясь умерла б, лишь бы он был жив...»

Славика помнят все его друзья, боевые товарищи. Собираясь вместе, они всегда вспоминают Славу. В редакцию Книги памяти пришли письма-воспоминания о Славе от его школьных друзей. Мы благодарны «афганцу» Сергею Анатольевичу Мовляву (спасибо, шурави!), С. Авериной и Т. Козловской за их письма.

«Очень уж тяжелые воспоминания. Тяжесть от потери одноклассника, друга, но мы знаем: он — Герой. Мы с ним дружили с 1-го по 10-й класс. Мы до сих пор не можем поверить в его гибель. Мы гордимся им.

Славик никогда не боялся трудностей и с юных лет мечтал быть десантником, его всегда привлекала эта мужественная, рискованная профессия. Он осознанно готовил себя к службе в десантных войсках, учился прыгать с парашютом.

Перед окончанием школы мы часто всем классом собирались у него дома: веселились, пели песни под гитару, мечтали

о будущем, представляли, какими мы будем через 10–20 лет. И Славик говорил: „Я никогда не состарюсь. Я всегда буду молодым“.

Таким он и остался в нашей памяти... Мы его не забудем».

В школьном музее есть экспозиция, посвященная С. Лазаревичу. Здесь альбом, письма, воспоминания друзей, рисунки, спортивные дипломы...

На здании школы № 15 города Александрия установлена мемориальная доска с его именем.

Переулок Брикетный, где жил Славик, переименован и называется «Переулок С. Лазаревича».

Выпускник школы, поэт Вячеслав Чебышев одно из своих стихотворений посвятил Славе.

ВИНА

В моей душе зияет рана.
Я чувствую свою вину
За ту войну в Афганистане,
За ту проклятую войну.
Ну почему же мы молчали,
Стыдливо отводили взгляд,
Когда на смерть их посылали,
Таких молоденьких солдат?
Во всем тут трусость виновата.
«Афганцам» не смотрю в глаза.
Ведь я молчал. Молчал, ребята,
А надо было бы кричать!
Не повернуть назад мне время,
Их из могилы не поднять...
Нести всю жизнь я буду бремя,
И оправданию — не бывать.

«Не поминайте лихом...»

Как вам живется, мамы, на земле,
Среди метелей отчих и туманов?
У нас в морозной, ясной, чистой мгле
Ни выстрелов, ни крови, ни душманов.

В. Агушев

В квартире пенсионеров Ларисы Николаевны и Михаила Ивановича Мирошниченко целыми днями царит тишина, которую лишь слегка нарушает «разговор» их любимца по-

пугайчика Кеши. Иногда забегает на обед младший сын Саша, майор милиции. Иногда он приезжает к родителям с женой и двумя дочурками — Аней и Юлей. Девочки любят своего дядю Сережу, хотя и никогда его не видели и никогда не увидят.

Есть в этой семье обычай, который соблюдается свято. Дважды в год — 14 октября и 14 января — три поколения семьи Мирошниченко всегда вместе отмечают день рождения и день смерти своего сына, брата и дяди Сережи.

Волею судьбы он родился и похоронен в Луганске (бывший Ворошиловград), хотя всю свою сознательную жизнь прожил на севере Рос-

сии — в Северодвинске и Ленинграде.

Он был старшим братом в семье, очень самостоятельным с детства. Пользовался непререкаемым авторитетом у своего младшего брата Саши, непоседы и шалуна. Чтобы уехать на все лето в село Войково, что неподалеку от Чеботовки, братья отработывали практику в школе зимой, делая вдвоем косметический ремонт класса и лаборатории. В Войкове у деда и бабушки, опять же под руководством Сережи, косили сено, кололи дрова и носили воду на радость старикам и на зависть соседям.

Уже тогда на плечах братьев лежала вся мужская работа по дому, так как их отец Михаил Иванович был морским офицером и по шесть месяцев отсутствовал, а мать Лариса Николаевна работала в две смены. Большая часть работы и ответственности, в том числе и за воспитание младшего брата, ложилась на хрупкие плечи Сережи. И вполне естественно, что оба сына решили стать военными, как и отец. Причем Сергей хотел стать военным моряком, но не прошел медкомиссию по зрению и поступил в Ленинградское общевойсковое командное училище имени Кирова.

Сразу после окончания училища, в 1980 году, Сергей попал в Термез, затем в Теджен, где готовил новобранцев для пере-

броски в Афганистан, а в 1983 году был переведен туда и сам в качестве командира разведывательной группы специального назначения, в район Газни. Жил он там, как и все его товарищи, в палатке. И это еще один повод задуматься для тех, кто считает солдат банальными захватчиками. Захватчики, как известно, живут в домах тех, чью землю они захватили.

Война быстро сближает и даже роднит людей, часто рискующих жизнью. Вот уже не одна боевая операция на счету разведчиков Сергея Мирошниченко. Командир знал своих солдат и был уверен в каждом из них, как в себе.

Домой из Афгана Сергей писал такие письма, что Лариса Николаевна долгое время не понимала, что ее сын находится на войне. Но брату в Ташкентское общевоинское училище он писал правду. Александр показал эти письма матери только после гибели брата.

14 боевых операций на счету разведгруппы Сергея Мирошниченко. Вот только один эпизод боевого пути героя-разведчика. 10 октября 1983 года на боевое охранение наших войск мятежники совершили нападение. Методично и уверенно они вели огонь по позициям разведчиков, рвались гранаты, свистели пули, но спецназовцы не дрогнули. Сергей был ранен, но не покинул поле боя и, используя все огневые средства, организовал оборону, и бандиты, неся большие потери, отошли.

После лечения Сергей снова вернулся в родной отряд и приступил к выполнению своих обязанностей. Солдаты радостно встретили своего командира, обнимая его по-братски. Это не панибратство, как могут подумать некоторые, это — выражение истинного уважения и любви к своему командиру, боевому товарищу. Но не успели отгреметь праздничные салюты в честь нового 1984 года — снова подготовка, снова рейды.

В январе 1984 года старшего лейтенанта Сергея Мирошниченко назначили командиром роты специального назначения. А уже на следующий день после назначения на новую должность в их часть пришел приказ командарма Б. В. Громова — проверить обстановку в кишлаке Ваха провинции Кабул, где, по агентурным данным, душманы собирались устроить что-то наподобие регионального съезда, и заодно установить наличие склада с боеприпасами и уничтожить его.

Сергей отобрал 14 наиболее подготовленных разведчиков. Вооружились, что называется, до зубов. Каждый имел по две дюжины гранат и несколько автоматных рожков. Поднялись в горный кишлак, который встретил их тишиной, нашли представителей «братского народа», опросили, нет ли «духов». Кре-

стыняне в один голос уверяли разведчиков, что в кишлаке нет посторонних.

Вряд ли опытный командир Мирошниченко поверил им — уж очень зловещей, звенящей была тишина в кишлаке. Но не стал он проверять дувалы и задерживаться в Вахе, слишком невыгодная была позиция у разведчиков. Сделал вид, что поверил крестьянам, и попытался вывести бойцов из кишлака, чтобы вернуться с подкреплением. Однако как только группа стала спускаться в долину, по ней из кишлака заработал пулемет. И тут же из всех дувалов выбежали сотни «духов».

Загудело со всех сторон. Душманы явно превосходили разведчиков в силе. Завязался неравный бой. Командир подразделения, в которое входили разведчики Сергея, приказал отходить. Нужно было прорваться к бронегруппе. Но как это сделать, когда вокруг сплошная стена огня? Нужно прикрытие. И этим прикрытием стали разведчики Сергея. Они заняли высоту и прикрыли отход основных сил. Но сами не смогли оторваться от огромной банды «духов» и были окружены.

Описывать героическое отражение атак разведчиками тяжело, да и как передать словами грохот боя, стоны раненых? Мирошниченко пытался вызвать по радиостанции вертолеты — безрезультатно... Все смешалось в сплошном гуле. Сергей просил подкрепления, но пройти к ним было невозможно. Шквальный огонь сметал все на своем пути. Сергей вызвал огонь артиллерии на себя...

Ударил «бог войны». Дальнобойная артиллерия с ювелирной точностью отрезала окруженных разведчиков от обезумевших от злобы душманов. Снаряды ухали, поднимая к небесам вместе с землей и камнями разорванные в клочья тела бандитов. Неравный бой шел уже несколько часов. Сергей, уже дважды раненный, продолжал руководить боем. Заканчивались боеприпасы и таяли силы. Оставшимся в живых разведчикам он дал команду прорываться к своим, а сам остался прикрывать своих бойцов. И вот настал тот миг, перейдя который, воин уходит в бессмертие. В эфире прозвучали последние слова разведчика, героя, старшего лейтенанта Мирошниченко: «Я тяжело ранен. Не поминайте лихом...»

Помощь пришла только на следующий день, поздним вечером. Удалось отбить поруганные и изувеченные тела разведчиков, вынести их с поля боя и на вертолетах отправить в Кабул. В этом неравном бою 14 отважных разведчиков, во главе с командиром С. М. Мирошниченко, уничтожили около трехсот «духов»!

Об этом бое в том же январе 1984-го сообщила программа «Время». Вот тогда, после этого сообщения, и почуяло материнское сердце Ларисы Николаевны неладное. Михаил Иванович только пристыдил ее. Однако через неделю, несмотря на то что недавно от Сергея пришло письмо, заволновался и он. А когда к нему на службу пришли начальник особого отдела с замполитом и попросили его сдать табельное оружие, Михаил Иванович понял все. На фабрику к Ларисе Николаевне они поехали с машиной «скорой помощи»...

Только через две недели после того боя в Северодвинск прибыл «черный тюльпан» с телом их сына. Прямо из аэропорта гроб был переправлен в Луганск. В мае того же 1984 года, после демобилизации Михаила Ивановича, семья Мирошниченко переехала на постоянное место жительства в Луганск, к своему двадцатичетырехлетнему Сереженьке.

Подвиг Сергея Мирошниченко, по единому мнению его афганских сослуживцев, заслуживал наивысшей по тем временам воинской награды — звания Героя Советского Союза. Но золотую звезду Героя за сына семья Мирошниченко так и не получила. Командование части после возвращения представления на Героя оформило наградные документы на орден Ленина, но через несколько месяцев пришла выписка из Указа о награждении Сергея... орденом Красного Знамени. Высокая награда, но...

Вот как объясняет эту несправедливость Книга памяти «Афганская голгофа», изданная Луганским областным отделением Союза ветеранов Афганистана в 1995 году.

«Командование части представило старшего лейтенанта С. Мирошниченко к званию Героя Советского Союза, но через несколько месяцев из Кабула пришла выписка из Указа Верховного Совета о награждении его орденом Красного Знамени — высокой наградой, но, видимо, Звезду Героя в очередной раз повесили кому-то гражданскому на пиджачок. Офицеры и солдаты были возмущены такой несправедливостью, но... Возмущение и горечь преследовали нас все десять лет афганской войны».

Возможно, тот пиджачок принадлежит политруку, который в 1992 году описал в «Красной Звезде» бой у кишлака Ваха совсем по-иному, сделав себя главным героем, хотя его там и близко не было.

Звезды «героев» сияют и сейчас с экранов телевизоров, ошметинив свои лучи с гражданских пиджачков обрюзгших политиков, а настоящим героям вырезали звезды кинжалом на груди.

Афганистан со всей жестокостью перемалывал человеческие жизни и, словно ненасытное чудовище, требовал, еще и еще... Разрывы мин и снарядов, пулеметные очереди и неистовые крики обезумевших от боли людей с оторванными ногами и руками, все залито кровью... Как все это ни страшно, но это было так, это была война.

Родители Сергея, Лариса Николаевна и Михаил Иванович, если бы жили в России, получали бы двойную пенсию за погибшего сына, в Одессе — 100 гривен ежемесячно, а в Луганске они получают за сына 50 гривен в год...

Угасла его весна...

В центре Новомосковска есть памятник воинам-«афганцам». На обелиске высечены имена 426 ребят из Днепропетровской области, и среди них имя младшего сержанта Шульги Сергея Викторовича.

Ему было девятнадцать лет, когда зашаталась земля под ногами, афганская земля, и ушел он в вечность.

В то время в Новомосковске, родном городе, цвели сады. В уютном домике на тихой улочке ждали вестей от солдата, веселого парня, который даже в письмах к родным всегда старался подбодрить, пожелать спокойствия. Ждали и верили, что сын и брат вернется и все будет хорошо.

«Здравствуйте, мои родные! С огромным солдатским приветом к вам ваш Сережа. Сегодня у нас 5 июня, ровно месяц, как я не был дома...

Вы знаете, какой у меня последнее время большой аппетит. А в первое время, как только сюда приехал, я не мог даже смотреть на эти каши и рассольники. Ты знаешь, мамка, с каким аппетитом я поел бы твоего супа или домашнего борща с рыбой. Вышли мне конфет и печенья побольше...

Ваш сын Серега.

5.6.83 г.».

«Здравствуй, моя родная сестренка Таня!

После окончания „учебки“ я служу теперь в Афгане. Получил младшего сержанта, скоро должен получить сержанта. Дела идут нормально, здоровье тоже. Попал я в Воздушно-десантные войска, в спецназ. Пока живем в землянках. Здесь — не в Союзе. Если в „учебке“ я автомат

всего два раза держал в руках, то тут не расстаюсь с ним. Обстановка напряженная. „Духи“ от нас в 700–900 метрах. Пули долетают и перелетают над нашими головами. Скоро буду ездить на операции. „Духов“ буду бить...

Пришли, сестренка, пожалуйста, свою и племяша фотку, я буду очень рад.

Крепко целую, твой братан.

8.12.83 г. Буль — Бахор».

«Здравствуйте, мама и папа! С огромным приветом и массой наилучших пожеланий к вам ваш сын Серега. В первых строках своего письма хочу поздравить вас с наступающим 1984 годом, хочу пожелать вам, чтобы в этом году сбылись все ваши мечты.

Я жив-здоров, чего желаю и вам. Служить с каждым днем становится все меньше и меньше... Как там вы живете, все ли у вас хорошо. Как там мои бабушки, привет им от меня. Как встретили Новый год, как всегда, наверное, дома, или были у Люды с Витей? Ходит ли батя на рыбалку?.. Передавайте всем огромнейший привет.

Крепко вас целую. Ваш сын.

18.1.84 г.».

«Привет из ДРА. Здравствуй, братан Игорь! С огромным приветом и массой наилучших пожеланий к тебе я — Серега. Сегодня у нас 1 апреля, воскресенье. У нас отдых. Уже второй день не можем выйти на операцию из-за погоды. Тучки, дождик идет и вообще „вертушки“ не летают. Дела у меня, как всегда, хорошо идут, на здоровье не жалуясь. Как там мой племянник, большой, наверное, приеду — не узнаю его...

Всем привет. Держи краба. Серега.

1.4.84 г.».

«...Сережа пошел ножками в семь месяцев. Мой муж сделал манеж, и Сережа, поднимаясь на ручках, быстро научился ходить, — вспоминает мама Тамара Ивановна. — Когда немного подрос, все бегал по улице с палкой, представляя, что в руках сабля, и говорил, что он военный солдат... Помню эпизод из жизни, когда я пришла с работы, а Сережа сидел и плакал. Я его спрашиваю: почему ты плачешь? А он говорит: „Моя очередь мыть посуду, а я разбил тарелку“. Он был очень чувствительным ребенком...»

Но однажды вместо письма от сына пришла похоронка.

«С прискорбием извещаем о том, — писали командир и замполит подразделения, — что ваш сын, младший сержант Шульга С. В., выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 23 мая 1984 года».

Угасла преждевременно весна, его весна...

В то время не принято было громко говорить о войне, а тем более рассказывать о гибели. Но очевидцы, боевые товарищи Сереги, рассказали о его героической гибели, о его последнем шаге по земле.

23 мая 1984 года разведывательное подразделение при выполнении боевой задачи на шоссе Газни — Кандагар столкнулось с группой противника. Завязался бой. Моджахеды подбили БТР. Вот здесь и проявились стойкость и мужество Сергея. Прикрывая эвакуацию раненых товарищей, он получил смертельное ранение. Бой продолжался 4 часа, и не было возможности эвакуировать его в госпиталь. Когда его нашли, он был без сознания, истекал кровью. В бреду просил сигарету. Уже по дороге в госпиталь он умер, не приходя в сознание, на борту вертолета.

Очень мало успел сделать в жизни, которая только начиналась. Учился в средней школе № 6, в которой сейчас на стенах висят его фотографии. Окончил профтехучилище, получил профессию слесаря-ремонтника. До службы в армии успел поработать.

После похорон сына родители Виктор Федорович и Тамара Ивановна переехали в новую квартиру. Жить бы им и поживать в новом, светлом доме, но не было и нет настоящей радости.

На видном месте в квартире — цветная фотография сына. Остались его награды, фотографии, их много: детские, юношеские, афганские. Вот Сергей среди боевых друзей — обнялся с товарищами, лица у всех веселые, они верят, что вся жизнь еще впереди.

Теперь это память. Вечная и не проходящая.

Теперь Тамара Ивановна всю свою нерастрченную любовь и ласку отдает внуку Саше. Он сейчас служит в Одессе.

Саша, так же как и его дядя, принял присягу 26 июня.

Воины-«афганцы», друзья Сергея, приходят в гости к солдатской матери, на Новый год всегда приносят елку.

Вот так и живет с постоянно влажными глазами и кровоточащим сердцем смертельно раненная мать солдата.

«Настоящее мужское дело»

Софья Федоровна Науменко, которая учила Сережу в 1–4-м классах, как сейчас помнит его на первой линейке. Он читал стихи:

У каждого в жизни бывает лишь раз
Свой первый хороший и памятный класс,
И первый учитель, и первый урок,
И первый школьный звонок.

Был он подвижным, нетерпеливым, даже озорным в младших классах, а потом — в старших — словно подменили парня: стал задумчивым, спокойным, очень внимательным. Но учился всегда только на отлично.

«Очень внимательный и сосредоточенный на уроках, и душа-человек, любимец класса — вне урока», — это уже из воспоминаний другой учительницы, Евгении Витальевны Трофименко, которая преподавала историю в 10-м классе и была воспитателем в пришкольном интернате, где жили ученики из отдаленных сел.

Десятиклассник Сережа Лемишко часто после уроков забегал в свой интернат, потому что там жила «хорошая девочка Лена». Евгения Витальевна была свидетелем зарождения любви молодых людей. Зарождения будущей семьи.

А учительницу русского языка и литературы Андрееву Надежду Дмитриевну, человека глубоких эмоций и возвышенных мыслей, образ Сергея вдохновил на воспоминание-эссе, которое она озаглавила «Окрыленность души». Вот некоторые выдержки из него:

«Есть люди, которые помогают жить: рядом ли они или на расстоянии — не имеет значения. Ты настолько сроднился с таким человеком, что само воспоминание о нем действует успокаивающе.

В наших отношениях было полное доверие, в душевных разговорах всегда присутствовала искренность. Такие ученики, как Сергей, были для меня источником радости, вдохновения. Именно для них, любознательных, умных, доверчивых, хотелось проводить уроки на высшем педагогическом уровне. Такие, как Сережа, впитывали в себя светлые зерна духовности.

Ему была присуща мечтательность в душе. Главное — духовная работа человека над собой, он сам отвечает за свои по-

ступки. Сергей Лемишко серьезно относился к жизни. У него было столько планов...

В нем чувствовались исключительная честность и доброта, спокойная доброжелательность, распространявшаяся на всех. Он был душой компании, его любили учителя, одноклассники, соседи. У него было много друзей. Серезу радовало все: работа, люди, цветы, солнце, родные, друзья. Надо учиться у таких людей жить. Тогда станет больше в мире счастья.

Сергей Лемишко — это яркая, вдумчивая и чистая индивидуальность. Остались нераскрытыми, нереализованными полнотой его возможности, его способности. Но он всей своей короткой жизнью доказал, что в нем начисто отсутствовал эгоизм, что он был в высшей степени патриотом, человеком долга, он готов был идти во имя товарищества, братства на любое самопожертвование. У настоящих людей в жизни всегда есть место подвигу.

Я обращаюсь ко всем, знающим и помнящим дорогого Лемишко Сергея: поклонитесь ему — он Человеком был».

Эссе Надежды Дмитриевны Андреевой звучит как реквием Сергею.

Но есть еще письмо от близкого ему человека, которое невозможно здесь не процитировать. Это письмо в редакцию Книги памяти от сестры — Натальи Николаевны Марченко.

«В августе 1984 года Сережа прибыл в отпуск из Афгана. Я прекрасно помню его настроение: он был доволен и говорил, что это «настоящее мужское дело». Сергей рассказывал, как ему повезло с друзьями по оружию, какие прекрасные ребята там служат. Человек по натуре общительный и открытый, он тонко чувствовал фальшь. А как он рассказывал о боевых операциях, заслушаешься! Да, ему нравилась война. „Давить «духов», — говорил он, — это хорошая школа для настоящего военного“. Сергей ведь с детства не мечтал ни о чем ином — только стать военным.

Отпуск закончился. Брат снова уехал в Афган. А 2 октября 1984 года родился его сын Женя. Когда отцу сообщили о таком радостном событии, он написал, что при желании мог бы взять краткосрочный отпуск... Да что те три дня, которые будут у них с сыном! Стоит ли? Вот через два с половиной месяца у него будет нормальный очередной отпуск, вот тогда они все время и будут вместе все втроем: жена, сын и отец. Не судьба... Сына мой брат так и не увидел.

11 февраля 1985 года он погиб.

Я высылаю вам краткое письмо за подписью командира части, адресованное жене Сергея, Елене Николаевне. Сухие, казенные строки. Но ничего не поделаешь — война! Сначала это письмо, а потом гроб, тяжелый, цинковый, и окошечко, а там он... всеобщий любимец, весельчак, оптимист, сын, брат, отец, муж, внук...

Первые годы нашу семью сильно поддерживали друзья Сергея, с которыми он служил в ДРА: Маркелов Сергей Иванович, рядовой; Портнягин Владимир Павлович (ребята называли его „комбат“, человек-легенда); Ветров Александр (отчества не помню); а также Ермаков Алексей. С Алексеем они вместе учились в военном училище и были большими друзьями. Наша семья очень благодарна этим людям. Сейчас мы не знаем, где они и что с ними, ведь 15 лет — это время, но тогда, в те тяжелые для всей нашей семьи времена, присутствие этих людей, их редкие письма, звонки были зримой связью с нашим Сергеем. Особенно когда через год с небольшим, 9 мая 1986 года, ушел из жизни наш отец Лемишко Николай Александрович. Ему было 49 лет, он не выдержал потери своего старшего сына.

Фамилию Лемишко носит улица, где он вырос, где сейчас живет наша мама, Лемишко Лидия Ивановна.

Сын Сергея, Евгений Сергеевич Лемишко, уже закончил школу. Хороший, умный мальчик, отличник. Отец был бы им доволен».

Славка из мараварского ущелья

Когда на работу к маме Вячеслава Марченко пришли трое военных, она трясущимися губами прошептала: «Нет, нет...»

Есть ли большее горе, чем потерять сына, первенца?..

Проходя улицами Киева, слыша детский смех, Зинаида Григорьевна вспоминает своего Славу. Как он родился, рос, учился ходить, произносить первые слова, как готовила его в

первый класс, сдувала пылинки со своего первенца. Как водила его в Клуб юных моряков, что на Подоле.

Вот здесь, на улице Ярославской, получил Славочка первую грамоту за свою работу во время морских походов. Слава бредил морем. Но для начала решил освоить теоретическую сторону своей мечты — поступил в СПТУ-10. Поначалу учеба давалась трудно, но окончил училище на «четверки» и «пятерки». Пошел работать на завод «Ленинская кузница». Это, конечно, не море, но все же был связан с ним: строил корабли.

Строил, был, учился, ходил, мечтал... Тяжело и как-то неестественно писать о двадцатилетнем парне в прошедшем времени, но...

Мечты — мечтами, а военкоматские работники, глядя на этого статного парня, вынесли вердикт: служить будет в парашютном десанте. И начал Слава осваивать воздушный океан.

Шесть месяцев «учебки» в городе Печоры Псковской области, служба в соединении специального назначения в городе Изяслав, и... Афганистан.

Письма писал нежные, не указывая, где служит, чтобы не волновать мать лишний раз.

«Мамочка, тут все хорошо. Не волнуйся, родная.»

«Мама, поздравляю тебя и бабушку с праздником 8 Марта. Поздравляю вторично на тот случай, если не получишь первое поздравление...»

«Витю обязательно отдай в спортивную секцию. Как тяжело служить ребятам, которые не занимались спортом!..»

Славе Марченко оставалось служить совсем немного. Все чаще звучало в письмах: «Как только отслужу...» И мечты, мечты...

«Во время ведения разведывательно-поисковых действий в Мараварском ущелье, кишлак Сакгам провинции Кунар, 23 апреля 1985 года группа лейтенанта Кузнецова Н. А. была отрезана. Отделение, которым командовал младший сержант Гавраш Юрий Чеславович, прикрывало отход своих боевых товарищей. Окруженные мятежниками, разведчики отстреливались до последнего патрона, а когда в дувал ворвались душманы, воины подорвались миной ОЗМ-72. Смертью храбрых пали:

младший сержант Гавраш Юрий Чеславович,
рядовой Музыка Василий Николаевич,
ефрейтор Вакулюк Александр Сергеевич,
рядовой Мустафин Наиль Маратович,

рядовой Бойчук Владимир Васильевич,
ефрейтор Марченко Вячеслав Валентинович,
младший сержант Кухарчук Василий Федорович.

Во время боя разведчиками отделения младшего сержанта Гавраша было уничтожено более тридцати мятежников...»

В каком невыгодном положении ни оказались десантники, вошедшие в ущелье, как ни старались мятежники напасть на них внезапно, — быстро уничтожить боевые группы им все-таки не удалось. Видно, не так просто убить человека, жаждущего жить, даже если он застигнут врасплох. Позже замполит роты Игорь Семенов подсчитает, что из всех павших в этом бою семнадцать человек погибнут не от пуль, а взорвет себя сами от безысходности того положения, в котором оказались. Взорвет себя окруженный «духами» лейтенант Кузнецов, Коля, Кузнечик... Ему будет посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Рядом с ним, на его глазах, будет ранен Игорь Бахмутов. Он оттащит его за какую-то скалу, вернется на прежнюю позицию и, видимо, оставшись без патронов, подорвет себя гранатой.

Подвиг отделения младшего сержанта Юрия Гавраша станет позднее предметом постоянных обсуждений среди солдат и офицеров. Словно веря и не веря, что так может быть, они будут пересказывать его снова и снова, выискивать такие подробности, которые позволили бы поверить в происшедшее.

«Для меня же до сих пор остается тайной, психологической загадкой, как семь человек в какие-то, может быть, секунды могут договориться на одновременную добровольную гибель, — пишет писатель Петр Ткаченко, долго и кропотливо изучавший подоплеку этого трагического боя и написавший по материалам исследования повесть „Слово о Мараварской роте“, издание которой готовится в Екатеринбурге. — Люди ведь умирают так же, как и рождаются, — в одиночку. И иной порядок противоестественен их природе...

С этой тайной не справится наше бедное сознание. И тогда для удобства понимания придумывают самое простое и, как думается, самое неверное объяснение происшедшего. Видимо, для того, чтобы не мучила душу тайна этой драмы. Я найду это объяснение в машинописной рукописи, подготовленной политотделом для распространения среди солдат и офицеров боевого опыта и воспитания патриотизма. Если даже само описание случившегося в этой рукописи и относительно верно, все равно оно далеко от той правды, которой были

исполнены солдаты. Ведь суть совершенного человеком подвига состоит не только и не столько в том, что и как происходило, в какой последовательности, но и в том, какая душевная драма при этом разыгралась. Но этой-то драмы, то есть существа подвига, его тайны, в этой методичке я не нашел.

Делалось, кажется, все возможное для того, чтобы действительный подвиг превратить в этакую схему, далекую от действительного события, в которую бы все равно никто не поверил. В самом деле, ведь и в этой надписи: „Передайте на Родину. Погибаем как герои“, нацарапанной на стене дувала и найденной после гибели разведчиков, чувствуется спокойная кабинетная рука, а не дрожащая рука человека, которому через минуту предстоит умереть. Такие слова о собственном героизме нормальными людьми, а тем более в состоянии наивысшей ясности, напряжения всех телесных и духовных сил, не произносятся... Не знаю, какие слова могли быть произнесены в тот момент, но в эти — не верилось.

Говорили, что о подвиге солдат отделения Гавраша стало известно из неких агентурных данных, то есть от кого-то из мятежников, побывавших в том бою. Допускаю, что кто-то из мятежников мог позже рассказать о подробностях гибели героев, но мало верится в то, что он прочитал и запомнил надпись на чужом для него языке. И если стоит чему удивляться, то только тому, что как люди ни старались подменить подвиг тем, что им не является, как ни придумывали нелепицы вместо него, все-таки несмотря ни на что рождались и рождаются люди, способные к подвигу...»

Через два года на месте гибели десантников побывает капитан Андрей Колесников. Будет найден разбитый проржавевший автомат. Никакой надписи найдено не будет...

Андрей Дорогин так вспоминает о том подвиге.

«Разговор о том, что отделение Гавраша в полном составе погибло от собственной мины. Я этих ребят не видел павшими, как не видел и надписи на дувале, про которую тоже говорили. Быть может, надпись была несколько другой, сейчас не помню, но слово „Родина“ и „погибаем“, судя по тем разговорам, которые ходили, там были. От какой мины погибли? ОЗМ-72, выпрыгивающая из грунта. Перед выходом в Сангам было отдано распоряжение приготовить эти мины в качестве гранат. Делалось это очень просто — отстреливался стакан, в котором находится боевой заряд и начинка из „роликов“ — осколков. Вкручивался обычный детонатор — и граната большой мощности готова. Использоваться она должна

была при штурме дувалов. Ее перебрасывали через стенку, и там она взрывалась. На поле, на открытом месте ее не применить — она весила порядка четырех килограммов. Наверное, этот шаг, на который пошли ребята, сознательный. Хотя сейчас, прокручивая все в памяти, кажется, что им еще можно было держаться. Но... первый бой, противник — настоящий, стресс, гибель друзей... могло привести к тому, что ребята быстро расстреляли свои боеприпасы и остались с голыми руками. Возможно, это не групповое решение. Возможно, решились не все, может, кто-то один, но... Мина ведь была большого радиуса поражения...»

Кто расскажет теперь об их подвиге? Остается прокрутить, как ленту кинохроники, воспоминания оставшихся в живых. Может быть, в них и отыщутся те подробности, которые позволят поверить в происходившее?

Из воспоминаний Юрия Филипповича:

«Двадцатого апреля 1985 года была получена задача на Маравары. По плану комбата первая рота должна была прочесать кишлаки в ущелье, две остальные — на горах слева и справа прикрывать нас. Переправу начали в десять вечера и закончили к часу ночи. Часа в три были в кишлаке Маравары, а в четыре начали прочесывать кишлаки. Прочесав первых два дома и не обнаружив никого, Коля Цебрук разбил нас на две группы. Меня с Кистенем и Тараном пустил по краю кишлака, а сам с двумя группами пошел в кишлак. Вместе с ротным был сержант Кульнис, командир отделения управления. Хороший, исполнительный сержант. Первая группа во главе с Кузнецовым и вторая группа во главе с Котенко. И были братья двоюродные, как мы их считали, Витя Тарасов и Туркин. В пять тридцать утра завязался бой, и ротный подал команду отходить группам Кузнецова и Котенко, а нам, Кистеню и Тарану — прикрывать отход.

Расстреливали нас, как зайцев в тире. Рота на боевых выходах до этого не была. Боевого опыта и слаженности не имела. Командиры все „зеленые“. При команде „отходим“ все стали отходить хаотично. Сержант Матох погиб, прикрывая Цебрука. Мы отсекали ротного от „духов“ огнем, но и он был убит пулей в шею. Первая группа централизованно отходила. Кузнецик тащил раненого Игоря Бахмутова. Потом побежал за другими ранеными, там был окружен и подорвался на гранате. Отделение сержанта Гавраша отстреливалось за дувалом, а потом подорвали сами себя. Мы с Кистенем, как могли, отсекали „духов“ от ребят, а они шли в полный рост. Как потом гово-

рили, это были „черные аисты“. Потом нас тоже начали обходить, и мы стали откатываться. Поняли, что если не отойдем, то и ребят не спасем, и сами поляжем. При отходе нашей группы погиб Володя Некрасов — пулеметчик. В это время прорвалась одна боевая машина с Семеновым, и только благодаря ей мы смогли выйти.

Группа Кузнечика, пройдя Сангам и Даридам, вышла даже в Чинау. Цебрук по рации Кузнечнику говорил, чтобы не увлекались, но те в Чинау, в начале кишлака, увидели двух „духов“, об этом Кузнечик доложил ротному, и погнались за ними. А это была приманка. Ведь там нас уже ждали...»

В этом ущелье оборвалось более тридцати жизней. Не стало и Славы Марченко. По некоторым данным, он и нес эту мину, ОЗМ-72...

Хранятся дома его грамоты «За самоотверженный труд», лежит орден Красной Звезды, письма, солдатская форма, фотографии, с которых он внимательно смотрит на окружающий мир. Смотрит глазами малыша, юноши, воина. Вещи пережили его...

«Вот и все...» — говорит его мама. Она живет памятью о сыне и благодарна людям, которые помнят, не забывают Славу. Память о нем хранят экспозиции в школе № 169, где он учился, в Клубе юных моряков, в СПТУ-10, на заводе.

И мы помним и низко кланяемся всем матерям, потерявшим своих сыновей. У них ведь не только волосы поседели от горя, у них — глаза стали седыми от слез...

Постой мой сын, еще чуть-чуть
Со мной на сумрачном перроне.
Я уезжаю в дальний путь
В гремящем стареньком вагоне.
Поверь, мой сын, часы не ждут,
Судьбы промчалась колесница.
И вот теперь на страшный суд
Я должен к Господу явиться.
Пусть я грешил и страшен грех,
Но только кровью в оправданье
Уж расписался я за всех
На серых стенах мироздания.
Пойми, мой сын, страшней всего
Назад в итоге оглянуться,
И, не увидев ничего,
Уйти и больше не вернуться.

Наивысший миг бытия

Слова, вынесенные в заголовок этого очерка, принадлежат майору А. Поповичу, который в газете «Молодь Украины» за 5 июня 1986 года, через два месяца после гибели Сергея Алхимова, поведал миру о его подвиге. «Еще миг — и рядовой Сергей Алхимов накрыл гранату собой. Наивысший миг в жизни парня с Николаевщины. Он умер на руках тех, кому сберег жизнь...» — писала газета. Это случилось 18 марта 1986 года при взятии кишлака ротой Павла Бекоева. Группа во главе с командиром роты, в которой был и Сергей Алхимов, приблизилась к дувалу, из окна которого открылась стрельба. Группа забросала двор гранатами. Но поскольку дувал был высоким, одна из гранат, не перелетев его, отскочила к ногам наших ребят...

Вот он, этот наивысший миг! А. Попович изображает его так. Командир крикнул: «Граната! Ложись!». Десантники мгновенно упали на землю, лишь рядовой Сергей Алхимов «ослушался», не выполнил приказа... В это остановившееся мгновение он навечно запечатлелся в памяти склоненным над смертельной гранатой...

Находившийся в той же группе солдат Сергей Н. это мгновение запомнил немного по-другому: Сергей крикнул «Бегите!», схватил гранату, хотел бросить ее обратно, но не успел. Как бы то ни было, факт «наивысшего мига», когда рождается героизм, когда жизнь отдается ради жизни, когда смерть попирается смертью, — такой миг венчает судьбу Сергея Алхимова огромным восклицательным знаком.

Сергей Н. в своем письме говорит о том, что роковая граната якобы была именно той, которую бросал сам

Сергей. Трудно сказать, насколько это достоверно, потому что гранат бросалось несколько, но если сам Сергей знал, что вернулась именно его граната, то этот факт придает эпизоду особую трагичность: он совестливо «исправлял» свою «оплошность».

«Наш командир роты Павел Бекоев просто вышел из себя после смерти Сергея, — пишет тот же Сергей Н. из Донецкой области. — Другие офицеры говорили ему, что надо уходить, но он поклялся убить тех, из-за кого погиб Сергей. Когда он забежал в дувал, то очередь из автомата срезала и его...»

Смерть на войне, к сожалению, явление не исключительное, и «вывести из себя» командира могла смерть неординарная, героическая.

«Вы крепитесь, мама! — пишет Сережиной маме, Надежде Петровне, из Хабаровска еще один из той группы, Олег. — Здесь, на Дальнем Востоке, у нас в Хабаровске уже все школьники знают о героическом подвиге вашего сына».

В памяти оставшихся жить смерть Сергея Алхимова воспринимается не просто как трагическая случайность, от которой никто не застрахован, особенно на войне, а именно как героический наивысший миг бытия, вдруг показавший людям в ослепительной вспышке весь могучий потенциал неизрасходованной жизненной энергии, предназначенной для большой, красивой, доброй и счастливой жизни.

«Дитя — золото», — так называет Сергея воспитательница детского сада Валентина Васильевна Бочковая, вспоминая его самые нежные годы. Однажды он принес домой пораненного журавлика. Очень сдружился с птенцом, но когда тот окреп, выпустил на волю и долго махал ему вслед: «Прощай, журавлик!». Что заставило воспитательницу запомнить один из многих случаев ребячьей жизни? Зарождение доброты в сердце, которое уже готовилось к своему «наивысшему мигу».

Многие ли ученики бывают так привязаны к своим бывшим учителям, как был привязан Сергей к своему классному руководителю (до 8-го класса) Асе Васильевне Слюсарь? Ведь письма из Афгана от Сергея получали не только родители, друзья, но и Ася Васильевна. «Начинаешь понимать, — писал он ей, — как велика наша Родина и в то же время маленькая. Проезжая Воронежскую область, любовались березами, заливными лугами. Потом были Астрахань, Казахстан. Степь, тюльпаны, немного пустыни и барханы... Делимся с ребятами рассказами о своих краях. Наша рота — многонациональная. В ней служат узбеки, украинцы, русские, казахи, туркмены, армяне, грузины, азербайджанцы. Стараемся жить дружной семьей».

Вот еще один сгусток энергии, потенциально заложенный в Сергее, который чувствовали все эти разноликие «хлопцы»: энергия дружелюбия, многонационального братства, идущая от школьной учительницы (недаром именно ей описывает эти чувства Сергей). Такая энергия способна вывести человека на «наивысший миг».

Ася Васильевна «как сейчас» видит «высокого, стройного, голубоокого, допытливого Сергийку», все время сидевшего на задней парте: и потому, чтобы не загораживал своим ростом, и потому, что на задней парте было удобно украдкой от учителя читать романы. Ах, сколько их он прочитал! И это тоже была подготовка к «наивысшему мигу».

Любовь к Родине, родной земле — чувство высокое. Но для Сергея оно естественно; он в письмах к родителям пишет об этом как о насущной потребности: «Если бы мне кто-нибудь дал хотя бы горстку нашей советской земли, я бы целовал ее...» И еще: «Стою на боевом посту. Высоко в небе курлычут журавли. Летят они прямо в наши края. Как мне хочется стать журавлем, чтобы вместе с клином побывать на родной земле, в своем селе...»

Прилетел Сергей на родную землю, в свое село. Навсегда... Два года комсомольцы Казанковского района на субботниках зарабатывали деньги для гранитного памятного знака. И поставили его недалеко от родного села Сергея, на поле его имени.

Всякий, кто проходит или проезжает мимо села Неудачного, видит этот конус из гранитных плит с портретом Сергея Алхимова и орденом Красного Знамени.

Цветов он не дарит девочкам,
Они ему дарят цветы...

Чести не уронил

В центральной части Украины находится Кировоградская область — Кировоградщина. Прославленный край. Прославленный своими трудовыми победами и людьми. Люди — главное богатство.

Вот на такой земле и родился герой афганской войны и нашего очерка.

Начиная с 1976 года Александр вместе с родителями Валентиной Ивановной и Борисом Дмитриевичем жил в поселке Молодежный. Стрехлетнего возраста в его воспитании и

подготовке к самостоятельной жизни приняли участие воспитатели детского сада П. Л. Хоменко и К. И. Каленкская.

Саша был очень спокойным ребенком. Из игрушек больше всего любил машины и оружие.

В 1973 году Саша идет в школу, где учительница Людмила Михайловна Орлова поведет его вместе с другими «первоклашками» в непознанный мир знаний. Так начиналась жизнь в новом коллективе. Первые радости от правильно написанной буквы, названной цифры. Быстро сдружился со своими ровесниками. Дома с увлечением рассказывал о своих впечатлениях младшей сестренке. Они с ней были очень дружны. Вместе помогали родителям по хозяйству. С милой детской непосредственностью Саша дарил маме цветы и никогда не забывал поздравить ее с праздниками.

Шли годы...

Саша вырослел с каждым годом. Переходя из класса в класс, все больше задумывался о будущем. Во время страды активно помогал взрослым убирать урожай. Как прекрасно работать вместе с друзьями на воздухе теплой осенью, когда «бабье лето» будит первое чувство! В эту пору хорошо мечтать. Первыми несмелыми порывами приходит любовь.

В 1983 году закончились бурные, незабываемые школьные годы, и настало время выбирать жизненную дорогу. Какой она будет? Чего достигнешь в жизни? Как проявить себя, утвердиться?

После долгих раздумий Саша поступает в Кировоградское техническое училище № 1, собираясь получить специальность радиомеханика. Два года учебы пролетели незаметно. По результатам выпускных экзаменов в 1985 году Саше присвоили 4-й разряд радиомеханика. Первая ступенька жизненной лестницы пройдена!

Окрыленный успехом, Саша возвращается в родной поселок и начинает работать телерадиомехаником.

Саша никогда не огорчал своих близких. За время учебы в школе и училище он слыл скромным, трудолюбивым, отзывчивым. Преуспевал в спорте. Готовился к службе в армии. Возвратился с призывной комиссии сияющим от радости. Его мечта сбылась — его зачислили в воздушно-десантную часть специального назначения.

Наконец наступил незабываемый день в жизни молодых солдат — они принимали присягу на верность Родине. Родители и сестренка Таня не могли оторвать глаз от сына и брата. Гордостью светились глаза матери. Отец сделал фотоснимок. «Добре, сынок! — хлопнул отец ладонью по атлетическим

плечам Александра. — Теперь все от тебя зависит. Уверен, не уронишь нашу фамильную честь...» Эти слова сын воспринял как родительский наказ. В то время еще никто не знал, что это последняя их встреча при жизни...

Боевая подготовка в Чирчикской «учебке» была насыщена марш-бросками, кроссами, боевой стрельбой, прыжками с парашютом из различных транспортных самолетов и вертолетов. Занятия шли днем и ночью. Это был своеобразный экзамен на выживание в сорокаградусную жару.

Но со временем, как писал Саша родителям в одном из писем, и к этому привык. Он радовал маму и папу добрыми весточками, поскольку служба действительно шла нормально. Но по прошествии нескольких месяцев они получили от Саши письмо... из Афганистана.

О коварных повадках душманов Саша многое узнал из армейской прессы, рассказов бывалых «афганцев», офицеров части. А вскоре, участвуя в выполнении специального задания, не только ощутил запах пороховой гари, но и удары мин и снарядов. Благо боевое крещение прошло благополучно. Тогда, благодаря своевременной поддержке мотострелков и авиаторов, разведчики вернулись на базу без потерь. Но этот бой для Александра Гордиенко и его сверстников явился настоящей школой мужества и психологической закалки. Суровая действительность службы в Афганистане за короткое время делала из новобранцев настоящих бойцов.

В дальнейшем в знойные летние дни и ночи 1986-го рядовому Гордиенко, зарекомендовавшему себя хорошим разведчиком, довелось участвовать в нескольких операциях по захвату «языка» и уничтожению тыловых баз вооружения моджахедов.

О службе наших ребят в Афганистане можно судить из письма Саши своим братьям.

«Здравствуйте, братишки Валера и Вова! Получил от вас письмо, за которое большое спасибо. Живу я нормально. Воюю. Хожу на выходы, стреляю душманов. На выходы летаем на вертолетах или ездим на бронетранспортерах. Вот такая служба. В общем, тяжелая, потому что на каждый выход берем запас патронов, гранат, сухпай. Все это укладывается в РД (ранец десантника) и весит около 40 кг. И с этими 40 кг ходим по горам. Знаешь, Валера, как трудно, когда физически не подготовлены? Ведь ходить приходится очень много, а отдыхаем мало. Так что занимайся спортом, не ленись, где бы ты ни служил — это тебе пригодится в любых войсках. Я сейчас уже привык. Не так трудно, как сначала. Правда, говорят, что человек ко всему привыкает. Я уже привык к тому, что стреляют, что пули свистят, рвутся гранаты и снаряды. Не дай Бог, Валера или Вова, вам попасть сюда служить! Лучше уж в Союзе самая трудная служба, чем здесь в Афганистане самая легкая.

Ну вот и все. Пиши, что тебя интересует, какие есть вопросы — спрашивай, не стесняйся. Я тебе на все отвечу. Ты только пиши мне! Буду ждать!

Берегите и не обижайте бабушку. Скажите — пускай не плачет. Если все будет нормально, то в ноябре 1987 года буду уже дома. Передавайте привет мамке и дяде Вите, а также мой горячий привет бабушке. До свидания. Пишите.

Ваш брат Саня»

Саша сполна проявил бойцовские качества. И, пожалуй, самой опасной, предельно напряженной была схватка с противником на горной дороге близ кишлака Гумалькалай. Тогда рядовой Гордиенко меткими автоматными очередями подавил две огневые точки, благодаря чему разведчикам удалось захватить две машины с оружием и боеприпасами.

Шел ноябрь 1986 года.

Об этом бое написал друг Саши Александр Костенко.

«...и вот не знаю, с чего начать и что писать. Напишу все, как было. Высадили их, как всегда, с вертушек. Но высадка прошла неудачно, их вычислили „духи“. Заняли они оборону на сопке. Просидели там сутки. Хотели сменить место, выстроились: головной дозор, основная группа и тыловой дозор. Саша попал в головной, и они пошли первыми. Только спустились с сопки, и тут „духи“ их встретили огнем. Они сразу приняли удар на себя. Началась перестрелка. Потом поступила ко-

манда отступать. Они начали отходить перебежками, и в это время, когда Саша приподнялся и начал бежать, в него попала очередь разрывных пуль в таз. Потом его вынесли ребята в укромное место. С ним были еще двое ребят. Их ранило. Один из них — Сашин земляк, с Кировоградской области, с Александровки... Саша держался мужественно, как и подобает десантнику. Он остался бы жить, но плохие погодные условия и „духи“ не давали садиться нашим вертушкам. „Духи“ постоянно вели шквальный огонь. Саша погиб в результате потери крови. Ведь в этих боевых условиях медики сделали все возможное, но этого оказалось недостаточно. Слишком большими были раны...»

...Хоронить Сашу вышли все жители поселка, много приехало из соседних сел. Отзвучал прощальный салют. На могиле стоит монумент из горного лабрадорита, с которого зорко выглядывается вдаль молодой десантник Александр Гордиенко. Он навеки остался двадцатилетним солдатом Отечества.

Он мечтал о многом. Воюя с душманами, надеялся на встречу с родными и близкими после демобилизации. Не раз представлял минуты встречи. Он верил в нее. Про это писал в своем последнем письме родителям.

«Здравствуйте, мои родные мама, папа, Таня и Саня! Наконец-то нашел время написать вам письмо. Сразу пишу, что я жив-здоров. Письма ваши получаю. Вы уж извините, что так долго не писал. Все некогда. Ведь служу не в Союзе, это там после года намного больше свободного времени. Живу я нормально, очень скучаю за вами. Знаешь, мам, когда я приеду домой, мне надо обязательно съездить на море. Потому что мы ходим на боевые выходы в горы и там бываем по двое суток и, как сама понимаешь, спим на камнях. Хотя и одеваюсь хорошо, но все равно, когда холодно, все тело сводит. Так его надо отогреть, отогреть свои старые косточки. Ты спрашиваешь, воюем ли мы с „духами“? А как же, это наше основное. Ну все! О службе больше писать не дубу. Погода здесь еще нормальная, днем жарко, а вот ночами прохладно. Уже начинают увольнять дембелей, так что скоро к нам придет новое пополнение. Со мной, мам, служат, в основном в моем взводе, кировоградские ребята, то есть с Александровки, Знаменского, Головановского районов. Мы уже переходим на зимнюю форму одежды. Мам, мне самому так хочется прийти домой, отдохнуть от всего этого. От этих подъемов, тревог, этой стрельбы. Знаешь, мам,

меня от этих „духов“ уже тошнит. Стрелял бы всех подряд! Здесь такие багача (то есть пацаны по-афгански), по 14–15 лет, ходят с „бурами“, то есть такая винтовка английского производства. Знаешь, вообще борзая вещь. Ну, у меня пока все. Все, что мог написать о службе, написал. Больше писать нельзя.

Большое спасибо Танюшке, она мне пишет больше всех.

Бабушке передавайте привет и напишите, получила ли она мою открытку с днем рождения?

Желаю вам счастья, крепкого здоровья, успехов в работе, а также дожидаться меня.

Целую всех крепко-крепко.

Ваш сын Саня.

Всем передавайте привет.

Ноябрь, 1986 год».

К родному дому никогда не спрашивают дорогу. Ее помнят всегда. Ее видно отовсюду. В родительском доме навечно остается наше детство, чтобы нет-нет и возвращаться туда мысленно в часы радости и невзгод. Родная сторона живет в памяти просторами, веснами, зимами, верными друзьями.

Когда на земле существует добро и мир, далекая родная улица приходит во снах, вызывая наилучшие мечты и надежды. Во время невзгод все душевно близкое становится еще ближе, и мы стремимся к нему и наяву, и в воспоминаниях, и в мечтах. Пока с нами наше детство, наша юность, мы будем стремиться к родительскому дому, побеждая врагов, раны и даже саму смерть.

Все эти чувства, воспоминания об отчем крае, вера в добро и справедливость вели Сашу на боевые задания и помогали в боях с душманами.

В короткие минуты отдыха он мечтал о том часе, когда, выполнив свой воинский долг, он пройдет знакомой дорогой к отчему дому. Но... Надеждам и мечтам не суждено было сбыться. Подлая пуля оборвала дыхание...

Шаг в бессмертие

Память, как ни горько это констатировать, прихотливая дама: кому-то дарит забытье, а кто-то несет в себе незаживающую боль. Одни стараются стереть воспоминания о словах «воин», «интернационалист», а другие...

Несмотря ни на что, мы должны помнить о том, что это наша боль, наша память, наша скорбь.

15 февраля каждого нового года мы отмечаем очередную годовщину окончания Афганской войны. Через себя она пропустила около 160 тысяч украинских ребят, убив 3280 из них и оставив без вести пропавшими 80. Она сделала безутешными почти 2000 родителей, 505 вдов, 711 сирот. Результатом той войны являются около 4 тысяч инвалидов.

Скорбная статистика той безумной войны, облик которой олицетворяли «черные тюльпаны», и сегодня пополняется новыми именами. Уходят из жизни, по разным причинам, вернувшиеся живыми «афганцы».

Ежегодно 20 апреля в городе Здолбунов Ровенской области отмечается день рождения украинского «афганца» Анатолия Кушнирова. Отмечают очередное N-летие без него. Отмечают родители, родственники, местная средняя школа № 1, отряд 4-го «Б» класса, носящий имя воина-интернационалиста Анатолия Кушнирова, который героически погиб в бою на далекой каменистой земле Афганистана.

Деятнадцатилетним он шагнул в бессмертие. Он был третьим ребенком в простой рабочей семье. Рос здоровым. В 1973 году пошел в первый класс. Анатолий, как и большинство его ровесников, был веселым, уважительным, любил побаловаться. Ну как же без этого? Богатая, неумная фантазия толкала его на необдуманные поступки, мечты сделать что-то героическое не всегда сопровождалась похвалами учителей. Может, поэтому и занялся серьезно спортом, чтобы с пользой использовать свою бурную энергию. Спорт полюбил до фанатизма. Занятия спортом повлияли не только на его физическое развитие, но и на формирование таких качеств, как целеустремленность, требовательность к себе, дисциплинированность. Но вместе с тем он был добрым и чутким парнем.

Мама Анатолия Мария Ивановна не раз вспоминала, как он помогал по хозяйству, бережно относился к отцу, а когда тот тяжело болел и не вставал с постели, участливо заботился о нем.

Толя был лидером в классе, за ним тянулись, с его мнением считались. Может, поэтому ребята и избрали его старостой класса. Он был любимцем не только ребят своего класса, его любили большинство школьников. Серьезно занимаясь вольной борьбой, достиг немалых успехов — стал призером областных, районных и республиканских соревнований.

По окончании школы мечтал поступить в военное училище. Но, закончив в 1983 году школу, продолжил учебу в ПТУ-

3 города Здолбунов, откуда в 1985 году и был призван в армейский строй. Служба началась в учебном подразделении города Чирчик, где вместе со своими ровесниками он начал познавать азы службы в воздушно-десантных войсках.

Подразделение специального назначения, в котором служил Анатолий, было направлено на помощь афганским воинам для освобождения кишлака Кулала от банды мятежников. Группа, в которую входил и Анатолий, захватила ближайший дувал и стала прикрывать подход остальных бойцов. Действо-

вали наши ребята, как всегда, слаженно и четко, освобождая от душманов один дувал за другим. Возле одного из них, похожего скорее на крепость, чем на глиняный дувал, были ранены несколько наших воинов. Туда кинулся санинструктор, но душманские пули достали его прежде, чем он успел помочь товарищам. Тогда к раненым, отстреливаясь от душманов, кинулся Анатолий с товарищами. Он помогал выносить раненых, а потом огнем из автомата и гранатами прикрывал отход наших бойцов с ранеными. Тут душманская пуля и оборвала его жизнь...

В письме к матери товарищи Анатолия написали: «Вы, уважаемая Мария Ивановна, вырастили смелого, честного, доброго сына. Его подвиг, его жизнь будут примером для нас.

Мы клянемся, клянемся перед Вами, мама, перед всеми, кто знал Толю, что честно будем выполнять свой воинский долг. Память о вашем сыне навсегда останется в наших сердцах».

Вот еще одно письмо. Оно написано товарищами Толи для его подружки. Его нельзя читать без волнения.

«Мы вместе постигали нелегкую службу десантника. Конечно, было нелегко, но мы не плакали, а смеялись, потому что с шутками и смехом легче переносить трудности. Толя очень любил спорт, мы с ним часто занимались вместе. У него было замечательное качество: это упорство, которое зависит от силы воли человека, а сила воли у него была железная...»

Они часто собирались вместе в свободные от службы минуты. Вместе мечтали о будущем.

Толя рассказывал, что хочет после службы поступить в юридический институт. Его друг Сергей Реззов звал его к себе в Куйбышев. Толя приглашал приехать на Украину. Это было еще на родной земле, когда они еще только осваивали солдатское ремесло. А потом все написали рапорты с просьбой направить в Афганистан...

«Было трудно, но от осознания, что мы не прячемся за спины, а всегда там, где тяжело, помогаем бедным афганцам, становилось легче на сердце...»

Да, им было тяжело, но домой, своим родным они никогда не писали про это. Они написали про это только ей, подруге Анатолия, чтобы она знала все, знала, каким он был...

«Мы никогда не писали и не будем писать, что воюем. Обычно мы пишем о том, что здесь море апельсинов и бананов, что здесь жаркое солнце, а мы под ним загораем. Ты, наверное, первая, кто чуточку узнает о службе своего друга...»

Там, на земле Афганистана, болел Серега Реззов, и Толя ежедневно приходил к нему с гостинцами. Потом было наоборот. Вместе они переживали и смерть друзей. И тогда Анатолий вместе с друзьями писал письма родным, чтобы поддержать, разделить с ними несказанное горе.

Они любили друг друга по-настоящему, по-мужски, готовы были отдать друг за друга жизнь. И отдавали, когда приходила та наиважнейшая минута испытаний.

А им же было всего-то по девятнадцать, и они, кроме своих друзей, любили еще и кареоких, голубоглазых подруг, с нетерпением ждали возвращения домой, чтобы предстать перед ними настоящими мужчинами, такими, какими их не знал еще никто.

«Толя любил шутить и смеяться. Его слова часто поддерживали нас. Он постоянно следил за чистотой и порядком. Его называли по отношению ко мне мамой, он отнимал у меня сигареты и мял мне бока, чтобы бросил курить...»

Это тоже строчки из письма. Штрихи к портрету Анатолия Кушнирова. А вот строчки из письма Толиной подруге: «...Толя тебя любил, а еще он очень любил жизнь. Поэтому тебе придется удвоить любовь к жизни — за себя и за него... Не забывай ту тропинку, которая ведет к его обелиску...»

Эти слова относятся и к нам. Мы обязаны помнить, беречь в своих сердцах память о тех, кто в наши дни совершил подвиг во имя жизни, свято выполнив свой воинский долг.

«Мой сынок...»

Воин-интернационалист... О многом говорит это звание. И о том, что человек, хотя и молод был, а повидал и пережил многое. На войне как на войне. И о том, что отважен, закален в невзгодах, честен. Познакомимся и мы с одним из таких воинов-героев, навсегда оставшимся молодым...

Маленький дворик конусом уходит вниз, в овраг. По склонам конуса, укрепленным кирпичной кладкой от оползней, выются колокольчики, плющ, виноград. Прямо тебе Швейцария.

Дом, приземистый, крепкий. Сюда не долетают городские шумы, и просто не верится, что весь этот рай — рядышком, на улице Краснофлотской, где Коля провел свое детство и юность, откуда ушел в армию.

От домика вверх — каменные крутые ступеньки. Бывало, вспоминает Антонина Константиновна, уходил Коля на занятия, сначала в школу, потом в техникум. Непременно остановится на верхней ступеньке, улыбнется, рукой помашет:

— До вечера, мама!

— Счастливо, сынок! Приноси пятерку!

Последнего можно было и не говорить. Других оценок он не приносил.

«Коля был старшим в семье, — пишет Антонина Константиновна, — и весь спрос за дом и братишек был с него. Он это хорошо понимал, и все в доме у нас было в порядке. Они дежурили по неделе, наводили чистоту в доме и во дворе, ходили в магазин и т. д. Но в субботу, когда передавали смену, это было так интересно, придирались к каждой мелочи, отодвигали кровати, смотрели, чтобы не было пыли или мусора. В качестве жюри были мы: папа и мама».

У Коли были золотые руки, в отца пошел. Тот тоже был на все руки мастер. А доброта — это от матери. Антонина Константиновна всю жизнь проработала поварихой в детских домах и школах-интернатах. Еще раньше, до Днепропетровска, за доброе сердце неоднократно избиралась в депутаты. Дома — только и разговоров, что о детях, лишенных родительской ласки. Вот откуда у Коли такое. Он писал маме из Афганистана:

«...В прошлое воскресенье мы ходили к афганским детям в детский дом. Построили им турник, подарили конфеты, открытки. В этом детском доме находятся дети, родители которых ушли в банду или которых убили душманы. Детей мало, всего 16 человек, они учатся писать и читать. Потом эти дети

стали просить у нас звездочки, комсомольские значки, парашютики-эмблемки. Мы им все это отдали...»

Они все им отдали. Все, что могли...

Обыкновенная ученическая тетрадка. Ее прислала нам в редакцию Антонина Константиновна. Красноватый переплет. Под обложкой воспоминания друзей Николая. Здесь и материнские записи. Это, конечно, самая дорогая теперь семейная реликвия. Двенадцать страниц памяти.

Как сказать про друга, своего ровесника, в прошедшем времени «был»? Как сказать то же самое про сына матери? Пусть даже еще двое парней растут в семье — надежных, веселых, крепких. Спросите своих матерей: каждый из нас неповторим для них.

Давайте вместе прочтем некоторые странички из школьной тетрадки.

*Олег Петруша, одноклассник и друг детства,
выпускник военного училища:*

«Коля был моим самым близким другом. Не был, а и сейчас я его считаю самым близким, вместо брата. На него можно было положиться во всем. Знаешь, что он никогда не подведет. Не оставит в беде. Все его считали самым близким. Коля какой-то особенный был. Ни злости в нем не было, ни жадности. Умел поговорить и с другом, и с недругом.

Иногда в парке (всякое бывало) страсти накалялись и до драки. Коля же, рассудительный и спокойный, подойдет к ребятам, успокоит, поговорит с ними, отведет беду. Когда я еще курсантом приезжал домой, Коля уделял мне очень много времени. Мы с ним ходили везде.

Серьезный, рассудительный, добрый парень. У него все было хорошо. Не могу поверить, что его уже нет. Не знаю, будет ли у меня еще такой друг, каким был Коля. Пока я живу, со мной будет жить и память о нем».

Виктор Бондаренко, одноклассник, друг детства:

«С Николаем мы сидели за одной партой. В школу и из школы мы вместе ходили. Закончили восемь классов 82-й средней школы и поступили в техникумы. Коля в сварочный, а я в радиоприборостроительный.

Мы до 8-го класса втроем дружили: я, Коля, Олег Петруша. Потом к нам присоединился мой брат Виталик. Всем было легко и радостно рядом с Николаем.

Это был такой друг, который завоевывал симпатии и взрослых. Мама моя и сейчас все плачет, как за своим сыном, очень

он ей нравился. Несправедливо, что мы теряем таких ребят. Умный, открытый и ненавязчивый. Таким был мой друг.

После гибели Николая мы, его друзья, часто навещаем его родителей. Стараемся чем-то помочь, порадовать.

Если мы, его друзья, живем, значит, и Коля живет вместе с нами, в нашей памяти, в наших сердцах. А сыновья у нас будут, значит, будем называть в честь нашего друга — Николаем. Нам его не хватает».

Таня Старошук, одноклассница:

«Мы учились в одном классе, сидели с Колей за одной партой и жили почти по соседству. С ним было легко разговаривать, смеяться, быть рядом. Интересный был парень. Всегда был с улыбкой, веселый.

Вот однажды был такой случай. Сидим мы в классе, поем. У меня что-то не так получается. Мне говорят: „Таня, ты поешь не так“. Коля против: „Неправда, Таня, ты поешь просто чудесно“.

— Правда?

— Да, пой, Танечка.

— А тебе нравится?

— Да.

И мы пели и пели. Таким он был, наш Коля. Пошел служить в Афганистан, а маме про это не писал. Не хотел ее волновать.

Прислал мне фото. В форме десантника принимает присягу. „Только, — писал, — Танечка, не показывай маме“. Я не говорила. Не показывала фотографию. Отдала только после гибели Николая, ведь у них не было такого фото. Мама долго не знала, что он десантник-минер».

Просыпаются мамы в ночи:
Тихо в доме, хоть криком кричи.
Но слышны им во мраке густом
Посвист пуль и разрывы, и стон...
Там «афганец» жаркий жжет сердца,
Там — с лихвою жажды и свинца,
Волчьими зрачками
Смотрит каждый склон
И под каждым камнем —

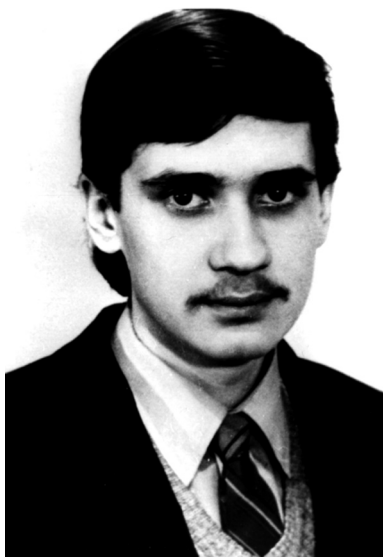
скорпион.

Ночью, 18 декабря 1986 года, Антонина Константиновна проснулась в холодном поту и разбудила мужа: «Что-то случилось с Колей!».

Мистика? Вряд ли. Скорее всего — сердце. Сердце матери. Это явление нельзя изучить. Это сердце матери. Это сверхъестественное чувство присуще только им — нашим мамам...

Наверное, Антонина Константиновна просыпалась так же и 17 декабря, и 16-го, и еще много-много раз. Но именно 18 декабря маленький советский гарнизон окружила банда душманов, второе превосходящая его по численности. Тайком спустилась с гор...

Накануне Николай писал домой:

«Служу — как могу.

Недавно на батальонном подведении итогов мне за службу вынесли благодарность. У командиров я тоже на хорошем счету. Так что все хорошо. Избрали меня секретарем комсомольской организации роты. А сейчас комсомолу даны большие права. Вот еще съезд скоро будет — пересмотрим Устав комсомола. Построже бы надо...

Разговаривал с замполитом батальона, он сказал, что в партию мне пора поступать — кандидатом. Нас на батальон всего семь человек таких. Насчет училища военного я не передумал, но еще послужу, поднаберусь опыта, а потом буду учиться... Посмотрю, как пойдут дела...»

Как пошли дела?

...Под перекрестным огнем крупнокалиберных пулеметов, от разрывов мин и гранат немало полегло наших ребят, но и «духи» откатились с огромными потерями. Подробности того ночного боя до сих пор в деталях неизвестны. Известно только, что одну из контратак возглавил комсорг роты Николай Савко...

Осталась стопка писем: завещание, наставление братьям — Сашке и Алешке. Он писал им обоим и каждому в отдельности — вот такие письма:

«Здравствуй, браток мой Сашка. Большое тебе спасибо за письмо — от тебя они так редко приходят! Мама пишет, что ты там молодец, серьезный хлопец, слушаешься. Правильно, так и надо. Помогай папе с мамой, не думай, что они тебе дают много работы. Я дома тоже думал, что меня загружают всякими делами, иной раз лень было даже в магазин сходить. А попал в армию — сразу понял, что все то, что я дома делал, — и работой-то назвать трудно. Это не то что порядок наводить в квартире. Ты и Алешке это объясни: он парень уже большой, все понимает. В армию придешь — вспомнишь мои слова!..

Ну, а как ты там в колхозе работал? Напиши. Мне это будет очень интересно...»

И еще строки:

«Скоро ли у нас поспеют сливы и виноград? Я здесь уже ел груши и виноград... Я вам уже писал, чтобы вы побольше наварили варенья, а то я приеду на следующую осень, так я его много съем! Особенно — из вишни, клубники, черешни...»

В сущности, он оставался мальчишкой. Но в этих письмах — не детское сочувствие к афганской бедноте, сочувствие и сострадание: «...люди живут в глиняных домах, дома не белятся, не красятся, а так, как сделали из глины, так и стоят. Работают они на своих полях с раннего утра, покуда жарко не станет...»

Вот и написан очерк о Николае Савко — десантнике, разведчике.

Чтобы помнили...

«Я, конечно, вернусь...»

Так кричал Гена отцу, Николаю Ивановичу, уезжая из Никополя.

Долгие годы, пока шла кровавая война в Афганистане, мы знали о ней до обидного мало. Письма от сыновей родители получали в конвертах с пометкой «Полевая почта». Некоторые строки, а порой и целые абзацы — тщательно зачеркнуты. Письма были успокаивающие. Что происходило на самом деле, мы узнавали только тогда, когда возвращались искалеченные, но выжившие сыновья, братья, мужья. А многие из

них не вернутся уже никогда, оставшись в памяти молодыми, навеки моложе сверстников своих...

О чем думали они, вчерашние мальчишки, оказавшись в военных условиях, постоянно рискуя жизнью? Многие уже никогда не смогут рассказать об этом. Но остались письма. Остались они и после гибели Гены Антипенко. Письма его из Афганистана были короткими, да и писал он редко, ссылаясь на занятость. Но все же и за этими скупыми строчками можно прочитать многое...

«...Здравствуйте, мои дорогие папа и Светочка. Большой и горячий привет всем из Афганистана. У меня все хорошо. Здоровье в порядке, настроение хорошее, живу не тужу... Вернулись со стрельбища, получили сухпак. Осваиваю технологию приготовления супа из концентрата. Получается вкусно...»

«...Месяц как в Кандагаре. От ребят еще не получил ни одного письма. У вас уже, наверное, началась зима. А у нас зимы не видно, днем температура от 25 до 30 градусов тепла, а ночью до 5 мороза. Снега как такового здесь нет.

Папа, конечно, жаль, что ты не застал меня в Чирчике, но это не беда — мы еще увидимся. Правда, эта встреча будет позже, но зато гораздо длиннее.

«...Через несколько часов встретим Новый год. Сейчас накрыли в одной из палаток стол. С утра съездили за елочкой, она почти не пахнет. Разукрасили мы ее фантиками от конфет, пачками от сигарет, разными этикетками. Принесли в палатку телевизор. Очень хочется в этот день быть дома, ведь Новый год — мой любимый праздник...»

«...Извините меня за то, что редко пишу. Часто не хватает времени, а когда есть время, то нет желания. Хочет-

ся просто поспать. Кормят здесь хорошо, нам хватает. Поправился на 7 килограммов, вытянулся в росте. В горах появились подснежники. Здесь зимуют наши скворцы. Встретимся через 399 дней...»

«Здравствуй, Светик. Сейчас я нахожусь в Кабуле в госпитале. Но причин для беспокойства нет, уже все в порядке. Ты только папе не говори, что я ранен, а то будет очень волноваться... Мне попал осколочек в глаз. Сейчас глаз видит хорошо, скоро вернусь в роту...»

Геннадий был ранен во время боевой операции. А вскоре за мужество и героизм, проявленные в бою, был награжден орденом Красной Звезды.

«Не верится, что скоро домой. Уже привык к армейской жизни и не знаю, как дома буду жить. Если говорить в шутку, то Света, наверное, будет в наряде по столовой, а ты, папа, дневальным по роте...»

Мне сейчас кажется, что я приеду домой и буду замерзать. В апреле в Афганистане температура 40–45 градусов, а в Никополе в это время еще холодно. Даже трудно представить, как можно летом купаться в море, если на улице всего 25 градусов тепла...»

«Вот и прошел долгий 86-й год. Был снова в командировке. События разворачиваются интересные. Я уже писал вам на счет моратория. Афганцы — народ хитрый. Мусульманин не будет воевать с мусульманином. Пусть воюет русский Иван. Вот мы и воюем. Только не понятно, за чьи интересы. С нетерпением жду апреля. Скоро домой...»

«...Ура! Вышел приказ об увольнении. Через месяц буду дома. Мечтаю съездить в Крым. Походить по знакомым местам...»

«...Стукнуло 21. Через несколько недель буду в Союзе. Приготовил вам подарки. Писем, наверное, от меня больше не будет, увидимся дома. Целую, Геннадий...»

Отец Геннадия Николай Иванович прислал нам фотографии из семейного альбома. Семейный альбом является как бы хранителем наших маленьких историй, радостных и груст-

ных, позволяет проследить за ними в обратном порядке. Вот у новогодней елки маленький Гена. Он в детстве посещал студию. В художественном отношении Гена был одаренным мальчиком, но недолго развивал свои способности, по какой-то причине студию закрыли. В дальнейшем много увлекался спортом: баскетбол, борьба, плавание, бокс. Но по иронии судьбы обязательно эти секции переставали работать. Хорошую физическую закалку он все-таки получил. А перед армией прошел школу ДОСААФ, имел водительские права на автомобили всех категорий.

Апрель 1985 года. На снимке — четыре юношеских лица. Уже не мальчишки, воротники рубашек подобраны галстуками. Только отблеск в глазах да тронутые улыбкой губы. Сейчас мгновение остановится в кадре, а они продолжают заниматься своими делами, решать проблемы девятнадцатилетних.

«Здесь снят Гена со своими товарищами, когда учился в техникуме, — пишет Николай Иванович. — В. Шеремет, В. Евтушенко, Носов Гена, а внизу справа с аккуратно уложенными волосами сидит симпатичный парень — это мой Гена...»

«А это вся наша семья, — пишет Светлана Николаевна, сестра Геннадия, — отец, я, Гена и мама, Роза Ивановна. Я была старше на два года и поэтому верховодила. Разумеется, без особой охоты, но слушать меня ему приходилось. А вообще-то по-разному бывало, и спорили, и дрались. С возрастом, конечно, все прошло. Стали больше понимать друг друга, он мне помогал по дому. А дел дома хватало. Ведь рано умерла от болезни мама...

Договориться с ним по-хорошему всегда можно было, — продолжает Светлана Николаевна, — по натуре он был добрым. А повзрослев, стал больше следить за собой, старался не отставать от моды. Ведь настала пора, когда так хочется хорошо выглядеть и кому-то нравиться. Иногда делал замечания по поводу моего гардероба или внешнего вида, любил порядок во всем».

А вот что говорит о Гене бывший преподаватель техникума Юрий Иванович Калинько: «Очень хороший парень был. Сейчас трудно вспоминать подробности, но с ним не случалось ничего из ряда вон выходящего или особенного, только была в нем какая-то надежность. Ни подлости, ни трусости не было заложено в крови. Дисциплинированный, трудолюбивый».

Скупая, на первый взгляд, характеристика, но чего стоят эти «ничего особенного» и «какая-то надежность»? При всем разнообразии интересов, увлечений, способностей он умудрялся не выделяться среди товарищей. Наверное, Гена из та-

ких людей, для которых ради самоутверждения нет необходимости проявлять себя на каждом шагу, все равно в жизни рано или поздно обязательно наступает ответственный момент. А для этого нужно, не растратив сил, не размениваясь по мелочам, сохранить себя. Вот таким собранным, уверенным в себе он и выйдет на последней, сделанной перед армией фотографии, где он вместе с сестрой и отцом.

Армейский снимок. Немного осунувшееся, загорелое лицо, чуть прищурены глаза от яркого солнца, на груди орден Красной Звезды. Коротко острижены волосы, расстегнут ворот кителя, над левой бровью едва заметный шрам, плотно сжаты губы. За всем этим — изнурительные тренировки под палящим солнцем, марш-броски, непреклонные требования командира, бои, кровь... Таким он остался навсегда.

Когда Николай Иванович и Светлана приехали в город Чирчик навестить Геннадия, им с трудом удалось отпросить его на несколько часов. За это время «успели много поговорить, покушать и постирать его обмундирование, так как оно было пропитано потом и солью», — вспоминает Николай Иванович.

Да, многое было переговорено, а еще больше — недосказано. Трудно было в «учебке», казалось иногда, что все, больше нет сил, не выдержать таких физических нагрузок. Но знал Геннадий, что никуда не денешься, что нужно, придется выдержать.

Потом были Шерабад... Термез... Афганистан... Гена был ранен 28 февраля 1986 года. В медицинской книжке, которую прислала отцу медсестра Светлана Гладчук, был диагноз: проникающее ранение левого глаза. Только после госпиталя и возвращения в роту он напишет об этом сестре, и ни слова отцу.

«Вернулся в роту, а мог бы дослужить и где-то в другом месте, более спокойном... Он был настоящим другом. Делился последним куском хлеба и банкой консервов, последним глотком воды. В наших условиях вода — это жизнь... Гена просто был создан для добра... Он был настоящим другом, на него всегда можно было положиться — как в бою, так и в повседневной солдатской жизни.

Геннадий всегда любил правду. Не было случая, чтобы он сделал что-нибудь не по совести или испортил кому-нибудь настроение. А в бою это был смелый, находчивый, инициативный разведчик...» — напишет потом отцу Николаю Ивановичу Антипенко служивший с его сыном в одной роте Игорь Скоков из Белоруссии.

В роте Гену любили за доброту, за умение сочувствовать, за справедливость и за песни. Здесь как нигде нужна была гитара. Жалел, что не отдал в детстве в музыкальную школу. После службы решил серьезно заняться музыкой и поступить в институт культпросветработы в Симферополе.

22 апреля 1987 года Николай Иванович получил от сына письмо, в котором тот писал, что отметили его день рождения 14 апреля скромно и что их уже собираются отправлять домой. Написал сестре, что заедет к ней в Запорожье, а потом вместе — к отцу. Но судьба распорядилась иначе.

Он погиб утром 21 апреля, уже после выхода приказа Министра обороны № 93 от 25 марта 1987 года об увольнении в запас отслуживших... Погиб за 12 дней до отъезда домой.

Перед батальоном была поставлена задача высадиться на афганском аэродроме и принять его под охрану и оборону, для того чтобы обеспечить доставку и выгрузку продуктов и боеприпасов. Они вылетели в половине четвертого утра. Через полчаса их обстреляли душманы. Прошли только первые четыре «вертушки». Две машины были сбиты. Геннадий был в последней. Почти всего второго взвода не стало...

Николай Иванович был в заводской медсанчасти, когда за ним прибежали и позвали к начальнику. Зашел в кабинет, увидел военных — и ноги подкосились: все сразу понял...

— Похороны завтра, — сказали ему.

Бригада краностроителей завода имени В. И. Ленина, которую возглавлял А. В. Педенко, зачислила Геннадия Антипенко в свой коллектив, заработала деньги, еще собрали и отнесли отцу, на памятник сыну. Зашли... Мужчины все, а онемели от царящей в этом доме скорби: открытый «дипломат» так и стоял, с личными вещами солдата. А отец молчал. Помолчали и они. Разве мыслимо, чтобы так рано погибали сыновья?

Николай Иванович до сих пор не может смириться с мыслью, что нет больше Гены. Вся семья теперь для него — дочь Светлана и внуки. Для них он готов сделать все, чтобы не повторились Афганистан, Чечня, Дагестан...

...Маленького непоседу Алешу привлекает открытый дядин «дембельский дипломат». Малыш старается вынуть из него все вещи, примерять голубой берет и солдатский ремень. Он начинает понимать жизнь и гордится своим дядей.

По просьбе Николая Ивановича Геннадия похоронили не на Аллее Славы, а на городском кладбище, рядом с мамой. Им лучше вместе.

А мы вместе с Николаем Ивановичем поклонимся могиле Геннадия... Поклонимся...

Кандагар, ребята, вам не шутка.
ВДВ — не просто ровный строй.
Люди жизни здесь свои теряют
И на дембель едут с сединой.

«Белочка, белочка...»

Он был поздним, желанным ребенком. Мама Антонина Трофимовна родила его в 39 лет. А двумя годами раньше появилась Ирина, старшая сестра Димы. Вот эта сестричка Ирина и сообщила нам краткие сведения о своем погибшем брате. Написала тепло, просто и кратко, но с любовью.

«Дима рос крепким, болел редко. Друзей всегда было много, был заводилой, любил всегда быть первым. Очень любил спорт. С детства любил коньки, лыжи. Потом были соревнования в школе, районные, областные. Был шустрый, быстрый, на месте никогда не сидел. В девятом классе сам собрал мопед из разных запчастей, которые находил на свалке. Играл на гитаре, делал и запускал ракеты, какие-то самолеты. Мальчишка, одним словом. На турнике вытворял такое, что только он мог сделать. Это не хвастовство, не подумайте. Его друзья до сих пор помнят об этом, часто вспоминают.

Дима был еще и заядлым рыбаком. Вставал очень рано и шел на рыбалку. Рыба была большая: ловил щук, карпов, карасей сомов. Самую большую рыбу относил Тане.

Еще любил рисовать. В каждом письме из армии была какая-нибудь карикатура и подпись: „это я“, или „это Ирчик“, или какой-нибудь солдат. Были портреты Тани, много. Я видела их... Успевал везде: и дома по хозяйству, и на соревнования, и в школу, и на свидания.

Первый шрам у Димы появился в годик, когда он учился ходить. Этот случай помню до сих пор, мне тогда здорово досталось. Ходить он не умел. Поставишь на землю — сразу начал бежать. Надо было вовремя поймать. Я зазевалась, а он врезался лбом в машину, стоящую во дворе. Крови было море, мне попало, а у Димки остался шрам на всю жизнь на правой брови. По этому шраму я его и узнала, когда привезли из Москвы...

В армию Диму забрали зимой, в декабре, как только ему исполнилось 18 лет, спецнабором. Учебку проходил в городе Чирчик. Из Диминых писем знаю, что ему предлагали остаться в учебке инструктором. Потом на письмах появился штамп „Полевая почта“. С февраля по апрель 1987 года писем вооб-

ще не было. Потом получили письмо из Ташкентского госпиталя. Почерк изменился. На наши подозрения он ответил, что „слегка задело“».

...Их десантировали недалеко от караванной тропы мятежников. Разведывательной группой специального назначения, в которую входил и Дмитрий Белых, командовал лейтенант Чихирев Александр Васильевич, на пару лет старше Димы. Разведчикам было поручено организовать наблюдательный пост на одной из высот со стороны возможного нападения противника. В 14:20 по рации Чихирев передал сообщение о выдвигении группы мятежников. В 15:00 завязался бой...

Когда к душманам подошло подкрепление, они пошли огромной толпой на наших бойцов. Основной удар приняла на себя шестерка разведчиков лейтенанта Чихирева, ведь она была впереди, на своем НП. Ребятам приказали держаться до подхода основных сил десанта. Когда командир роты провалился к высоте, лейтенант и еще один боец его группы уже погибли. Трое были ранены. Высоту, с которой можно было держать под огнем всех десантников и оборвать десятки жизней, душманы не взяли. Не взяли, и всё. Недаром этих ребят «духи» называли «полосатые черти».

«В московский госпиталь к Диме ездил папа, Михаил Михайлович, в конце апреля, видел его живого, разговаривал с ним, — продолжает вспоминать Ирина Михайловна. — В палате лежало несколько ребят. Папа рассказывал, что было очень жарко, но окна открывать не разрешали. Дима лежал в одних плавках с перевязанным животом. Был весел, говорил, что скоро домой. Когда еще был в Ташкенте, в госпитале, писал нам, чтобы ждали его в гости летом вместе с Татьяной, его девушкой. Писал, что ему уже лучше, начал вставать. Мы, конечно, радовались этим новостям, потихоньку успокаивались. Потом письмо из Ташкента с просьбой не писать, так как переводят в Москву, в госпиталь, для полного выздоровления. Мы сразу забеспокоились. Еще больше беспокойства добавило письмо из Москвы, написанное не Диминой рукой, но от него. Сообщал, что была еще одна маленькая операция, писать пока тяжело, но чувствует себя хорошо. В начале мая пришло письмо, написанное им самим, в котором сообщал о хорошем самочувствии, приглашал к себе в госпиталь и обещал скоро приехать лично. Юра, мой муж, собрался и поехал в Москву.

14 мая, в день смерти брата, Юра приехал в госпиталь. Самому пришлось одевать Диму, ушивать форму: Дима сильно похудел. Юра съездил в город, купил знаки различия, прикрепил все на форму, положил его в гроб, и поехали они домой...

Последним с Димой виделся папа в конце апреля. Был он и 12 мая в госпитале, но его не пустили в палату и, ничего вразумительного не добившись, он вернулся домой с плохими догадками...

Родителей наших уже нет в живых. Лежат недалеко от Димы. Наш сын Димка, названный в честь дяди, которому уже 11 лет, внешне похож на брата. А дочь Марину Дима успел по нянчить, когда та была совсем маленькой. Он и с роддома нас забирал, и молоко носил, и рыбу нам ловил...

Есть улица, названная в честь Димы Белых, есть сельский музей, в котором есть экспозиция о Диме, в бывшем колхозе было поле, названное в честь Димы. Поле осталось, колхоза нет, табличка стерлась.

В 1988 году наш дом был ограблен, унесли все ценное, Димины награды. Документы остались. Искали два месяца, потом закрыли дело, а нам официально не сообщили. Узнали случайно, недавно. Хотелось бы конечно, чтобы награды нашлись, это большая память для нас и наших детей. Но в нашем военкомате нет даже документов, что они были у Димы.

Остались книга А. П. Чехова „Скучная история“, бритвенный станок, письма, несколько фотографий. Вот и все...»

Димка был тенью своего командира, лейтенанта Чихирева, его бессменным помощником во всех выходах. Вот и в том последнем бою командир передал ему по радиостанции: «Белочка, Белочка, я ранен...» Дима с пулеметом бросился к нему, но сам был ранен в живот с повреждением позвоночника и умер в госпитале...

Дима Белых перед смертью вспоминал своего друга и боевого командира Сашу Чихирева. Между собой они даже полным именем называли друг друга редко, а по отчеству — тем более. Они были еще совсем молодыми, двадцать с небольшим, но сколько мужества, такта...

«Так и не успел спасти Сашу!» Об этом писал отец Димы Нине Борисовне Чихиревой. Вот эти строки: «Дима в каждом письме восхищался Сашей, сказал мне, когда я посетил его в госпитале в Москве: как жаль, что погиб командир, хороший был человек... Все его в роте любили. Иногда так шуткой подержит — никакого привала не требуется. А рассказчик великолепный».

Какое душевное мужество и благородство нужно иметь, чтобы перед смертью жалеть о том, что не удалось спасти друга даже ценой собственной жизни.

Спи спокойно, Белочка... ты выполнил свой долг, как Герой.

Когда мы читаем письма этих ребят, присланные их родителями, то поражаемся трогательной нежностью, которая проскальзывает между строк о боях, душманах, десантах, караванах. Да, они нежно любили своих матерей и старались не огорчать их. Дима Белых писал бодрые письма из госпиталя, даже не сообщал, что тяжело ранен. На обратных сторонах листов рисовал небольшие карикатурки, чтобы рассмешить мать. А рана была смертельная...

Влюбленный в жизнь

...Мягкий пушистый снег стелился под ноги, искрился в лунном сиянии. Ярко светили звезды. Валерий звал в дом ребят, брал в руки баян — и звонкие задушевные мелодии звучали почти до утра, возвещая рождение Нового года...

«Никогда не думал, что так, до мельчайших подробностей, вспомню ту новогоднюю ночь, находясь далеко от дома. Так хотелось поговорить с вами. Друзья уже зовут смотреть „Голубой огонек“».

Это письмо Валерий Гричак дописывал уже утром первого дня 1987 года.

«Дорогие мама и папа! С большим и горячим приветом!

Я живой и здоровый, а еще лучшего здоровья желаю вам. Сегодня 1 января 1987 года. Новый год встретили нормально. Передачу „Огонек“ смотрел, но недолго, так как заснул. Больше не о чем писать, скоро вышлю свою фотографию. Извините за почерк, просто разбил два пальца и не очень удобно писать. Крепко всех целую.

Ваш Валерий».

Не знал он, что до смерти оставалось всего четыре дня. Это письмо пришло в родной дом через неделю, и счастливая мать, еще не ведая правды, тут же села писать ответ сыну...

С малых лет Валерий привыкал к работе, старался помочь отцу и матери.

«Всегда просил нас, — вспоминает мама Валерия Мария Михайловна, — дать ему какую-нибудь работу. Когда мы с мужем возвращались вечером с работы, он отчитывался обо всем, что сделал. Загибал пальчики на ручке и перечислял. Не

мог сидеть без дела, все хотел успеть. Как будто знал, что короток век его».

Как-то отец Петр Дмитриевич, в то время заведующий фермой, высказал за ужином досаду, что некому пасти телят. И тут только заметил в комнате сына: «Не расстраивайся, папа, я помогу. Сумею, ведь я уже в шестом классе».

Не ленился рано вставать, запомнив как-то услышанную от стариков поговорку: «Кто рано встает, тому бог подает». Старался все делать наилучшим образом. Тем более если обещал не подвести. На свою первую в жизни зарплату купил мопед.

...Бой не утихал. Нестерпимо пекло солнце, камни трескались от жары. Автоматы душманов «поливали» наших бойцов свинцовым дождем. Но ребята держались. Санинструкторы перевязывали раненых, которые, преодолевая боль, продолжали отстреливаться и не покидали своих позиций. Позади себя Валерий услышал голос санинструктора, который говорил, что без хирургического вмешательства тяжелораненый боец не выживет. Оглянулся. Товарищ лежал на земле и истекал кровью. Дорога к вертолетам простреливалась «духами». Ехать было рискованно. Приказать у командира язык не поворачивался. Валерий схватил раненого и потащил в машину...

Он выжимал из машины все. Они неслись по горным склонам, пули и осколки прошивали борта... Страха не было. Лишь слышался голос матери: «Все будет хорошо, сыночек...»

Об этом эпизоде Петр Дмитриевич узнал из письма командира отряда С. К. Бохана уже после смерти сына.

«...Благодаря Валерию, один наш тяжелораненый боец был спасен. Это он на своей боевой машине под сильным обстрелом довез товарища до вертолетов. За это представлен к награждению медалью „За отвагу“».

Тут нужно сказать, что ни Валерий, ни его родные медаль эту так и не получили. Затерялась...

С детства Валерий любил село. Потому никаких, кроме исконно сельских, профессий не признавал. Сначала хотел быть экскаваторщиком, как муж сестры Даруси. Потом решил поступить в Борщевский техникум на отделение механизации. Техника ему нравилась, учился с удовольствием. Да и с учителями и наставниками ему везло.

Диплом получил за три месяца до призыва в армию. Вернулся в родное село. Отказался от должности заместителя бригадира тракторной бригады и сел за рычаги мирной «боевой» машины.

Валерий Гричак был механиком-водителем боевой разведывательной машины. Всегда помогал другим механикам в ре-

монте. Всегда находил нужные слова, чтобы поддержать товарища. Любили его за обязательность, готовность прийти на выручку.

А в родное Устье летели письма, в которых было столько сыновнего тепла и, главное, успокоения: «Моя машина всегда исправна, никогда меня не подводит».

Родители верили этим искренним словам сына.

...Валерий возвращался с боевого задания. Радовался выигранному бою и тому, что все живы-здоровы. Мысленно хвалил себя за действия в бою. Даже командир группы пообещал представить к награде. Вдвойне приятно. Год начинался хорошо.

Письмо домой отправлено. Скоро получит весточку от родных.

И тут он почувствовал сильнейший толчок. Все закружилось вокруг...

Командир роты Н. И. Дядюшкин писал Марии Михайловне: «Мы выходили из боя. Его машина наехала на мину. Спасти не могли. Ранение было тяжелым. Валерий был надежным парнем, смелым и добрым. ...Валерий представлен к награждению орденом Красного Знамени. В память о нем одной из боевых машин присвоено имя Вашего сына...»

В комнате Валерия все вещи лежат на своих местах. Кажется, что хозяин вышел на минутку, бросив на спинку кресла красную рубашку, не закрыв «дипломат», в котором полотенце, десантный «тельник», документы. Рядом китель, голубой берет. На столе десятки фотографий.

На видном месте, возле портрета сына, лежит высохший красный цветок. Это подарок матери на день рождения, присланный Валерием из Афганистана.

Вот лишь несколько штрихов из жизни Валерия Гричака, своей честью и достоинством, любовью и бескомпромиссностью заслужившего бессмертие.

Даже за двадцать лет можно познать жизненную истину и сделать столько, на сколько другому и ста лет не хватит.

Человек может жить и после смерти.

Кто виноват?

Этот бой у кишлака Дури 31 октября 1987 года описан в подробностях. В официальных донесениях, в представлениях к наградам, в журналистских статьях и даже в книгах. Но, как и каждая операция с трагическим исходом (погибла вся группа), вызывает противоречивые суждения о причинах тра-

гедии. Почему «вертушки» появились поздно? Почему О. Онищук разделил группу? Наш вечный вопрос: кто виноват?

Вот эта разведывательная группа под командованием Олега Онищука, которая около двух суток, скрываясь в складках местности, «дежурила» там, где ожидался караван: сержант Юрий Исламов, лейтенант Константин Горелов, рядовые Абдухаким Нишанов, Роман Сидоренко, Михаил Хроленко, Игорь Москаленко, Еркин Салахиев, Марат Мурадян, Александр Фурман, Ямар Мурадов, Таир Джафаров, Олег Иванов, Михаил Дервянко, Николай Окинский.

Что произошло, когда была обнаружена первая машина каравана? Это был большой трехосный грузовик «Мерседес». Вторая виднелась в километре от первой, и еще в километре — третья. Сразу весь караван «забить» невозможно. Онищук принимает решение ударить по первой. Доложил в штаб.

— Что «забил»?

— «Мерседес».

— А что в машине, не знаешь?

— Нет.

— А начальство беспокоится. Ну ладно, утром придут «вертушки», заберут.

В этом месте возникает первый вопрос «кто виноват?». Инструкции предписывали, чтобы «забитый» караван досматривала специальная досмотровая группа только в светлое время суток. А Олег Онищук был склонен к азарту и сам решил проверить «свой» «Мерседес». Как потом окажется, в машине был богатый «улов»: безоткатное орудие, крупнокалиберный пулемет, минометы и боеприпасы к ним. Но ошибка была не в самом досмотре, для чего О. Онищук грамотно разбил всю группу на три части: одну разместил на соседней высоте для прикрытия, вторая осталась на месте засады, с третьей пошел сам к машине. Просчет был в том, что караван из трех машин был только передовым отрядом большого подразделения душманов, которое за ночь окружило всю разведывательную группу Онищука. Сил у противника оказалось в 20 раз больше — и в этом вся причина: группа оказалась обреченной.

И все же вопросы остаются. «Вертушки», которых ожидал О. Онищук, должны были появиться в 6:00 утра. Поэтому пошли к «Мерседесу» налегке, захватив всего по одному боекомплекту. Но в 6:00 вместо прибытия «вертушек» началась массированная атака мятежников. Сорок минут длился этот неравный бой. С высоты Игорь Москаленко косил из пулемета наступающих в полный рост «духов», пока пуля снайпера не остановила его сердце.

Оставив около машины Исламова и Салахиева прикрывать отход, О. Онищук бросился с бойцами на выручку оставшимся на высоте. А там уже прямым попаданием из гранатомета были убиты рядовой Михаил Хроленко и младший сержант Роман Сидоренко. Пулеметчики Ямар Муратов, Марат Мурадян, расстреляв все ленты, отбивались гранатами. Они были расстреляны в упор занявшими высоту «духами», которые после этого перенесли огонь на карабкающихся Онищука и его бойцов.

Прилетевшая в 6:40 на «вертушках» группа Я. Горошко увидела страшную картину. Вот что рассказывал он сам: «Когда моя группа десантировалась, мы бросились разыскивать ребят Онищука. Они лежали на склоне горы, цепочкой вытянувшись от „Мерседеса“ к вершине. Онищук не дошел до вершины каких-то тридцать метров. Он лежал истерзанный, исколотый штыками, зажав в руке нож. Над ним надругались...

Не могу утверждать, что Олег подорвал себя последней гранатой. Возможно, швырнул ее в этих гадов, может, пуля срезала раньше...»

Не будем вдаваться в дальнейшие перипетии споров, кто виноват. Они дорого отдали свои жизни. В этих условиях все были героями, хотя звания Героев Советского Союза присвоены двоим — Олегу Онищуку и Юрию Исламову, оставшемуся

у «Мерседеса» и подорвавшему себя вместе с нападавшими последней гранатой. В живых осталась группа прикрытия на соседней высоте, метрах в восьмистах от места засады: Константин Горелов, Абдухаким Нишанов, Михаил Деревянко и Николай Окинский.

В 1990 году хмельницкий журналист П. Малиш напишет и опубликует книгу, посвященную землякам О. Онищуку и А. Фурману, в которой взволнованно и поэтично касается этого трагического финала боя: «У Олега Онищука закончились патроны. „Духи“, вероятно, поняв, кто он, приближались к нему и отступали в злорадстве. (Остановись мгновение! Не отнимай безжалостно секунды молодой жизни. Дай ему перед тем, как ступить в бессмертье, в огненную безысходность, тихо промолвить: крепко обнимаю тебя, до срока поседевшая моя мама. Прощай, отец и брат. Целую тебя, любимая жена, и Светланочку. Целую не целованную еще ни разу доченьку Наталку.)

Старший лейтенант, крепко стиснув в правой руке рукоять штык-ножа, а в левой гранату Ф-1, кинется на врага. С неба долетал гул вертолета. Но почему так поздно? Почему? По-че-му?...»

Как ни отмахивайся от «проклятых» вопросов, они липнут, как осенние мухи. Ну почему?..

В заключение приведем еще два отрывка из книги П. Малиша, не переводя с украинского:

«Увечері гавкне собака, — плаче Марія Іванівна, — а я онімію: може, Олег? Він мав звичку з'являтися неждано-негадано. Прислухаюсь, у вікно гляну — нема... Якби його бачила у труні, тоді, може, повірила б...»

«Ми прожили з Олегом п'ять років, — розповідає дружина О. Онищука (Галина). — Більше половини з них — разом. Якби я його не мала, не вірила б у велику любов... Він ніколи не підвищував голосу (це він зовні був суворим, а душею — добрим, ніжним), завжди допоможе, заспокоїть».

Еще древние греки заметили: прошедшие через испытание трагедией нравственно очищаются. Если это справедливо, сколько же у нас святых?!

А нам с тобой не повезло,
К любимым нам не возвратиться,
Но матери всему назло
В толпе все ищут наши лица.

Все ждут, что мы придем домой,
Привычно постоим у двери.

Что мы убитые с тобой,
Они до смерти не поверят.

Не верьте, мамы, мы живем,
Совсем вы нас не хороните,
Мы в добрых снах домой придем,
Вы только ждите,
 ждите,
 ждите...

Придем, обнимем нежно вас,
И слезы радости прольются.
Пускай не сами в этот час,
Пусть души наши к вам вернутся.

«Ах, какого дружка...»

Его именем названа улица в родном поселке и школа, где он учился. У входа в школу стоит бюст героя. На доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска. О Косте Прокопчуке написано много. О таких людях просто необходимо писать, рассказывать, на примере жизни таких парней надо учить молодежь сегодняшних, 2000-х годов. То, что совершили они, наши друзья, боевые товарищи, неподвластно времени. Слава их будет жить в веках.

Из множества публикаций о капитане К. В. Прокопчуке мы выбрали несколько статей, напечатанных в газетах «Комсомольское знамя», «Красная Звезда», «Смена», «Вестник Дубенщины», авторами которых являются Г. Корж, Л. Шевчук, О. Лагодзинский. Мы постарались обобщить этот материал и показать в своем очерке, каким был офицером и человеком Константин Васильевич Прокопчук.

Он всегда любил литературу. На его книжной полке и сейчас стоят Пушкин, Шевченко, Франко, Шекспир, Гейне... Особенно любил Есенина. Он мог бы стать учителем. Только судьба распорядилась иначе.

Для пацанов обычно самый близкий, самый дорогой человек — отец. Об этом как-то не задумываешься, пока не вырастешь сам и не увидишь, как папка постарел. А в то беззаботное время отец, его работа так же естественны, незыблемы в жизни, как, скажем солнце. Кстати, о солнце чаще всего вспоминают в пасмурные деньки. Костя учился во втором классе, когда

трагически погиб его отец Василий Филиппович (он был военнослужащим сверхсрочной службы).

Возможно, Костя еще и потому стал военным, что сыновья должны продолжать дело отцов. Отцы всегда остаются с нами. Спустя годы Костя писал младшему брату: *«Отца я вспоминаю часто, иногда он даже снится мне — тогда я тихо (ночью) плачу в постели. Да, твой брат может быть совсем мягким, как мячик, несмотря на то, что служит в „голубых беретках“»*.

Нет, он отнюдь не был слабым. Просто там, в далекой и чужой стране, невообразимо близким становится все то, что оставил «за речкой». Вот еще строчки из письма брату:

«Я часто вспоминаю тебя маленьким, пионерлагерь: все наши походы, а особенно футбол. Да, это была действительно лучшая пора нашей жизни, когда все было как во сне. Сейчас жизнь совсем не такая: это уже заботы, и не только о себе».

Заботы... Этим он очень похож на маму Анну Нестеровну, что и сама поседела в хлопотах. И больше всего, конечно же, волновалась за детей, оставшихся без отца. Потому, видимо, и замуж второй раз не пошла. Потому как можно раньше стала развивать в сыновьях тягу к чему-нибудь полезному. Однажды прямо спросила Костю: «Кем хочешь стать?». «Суворовцем», — последовал лаконичный ответ.

Только поступить в Суворовское оказалось непросто. Оказалось, что и требования в сельской школе не те, и язык обучения в училище — русский. Словом, результатами на экзаменах Костя не блеснул. Стал собираться домой, но один из офицеров подсказал: «Не торопись. Может, еще и примут. Вот если в баню поведут, переоденут — считай, что суворовец».

Офицер знал, что говорил. Стал Костя суворовцем. Здесь, в Калининском суворовском военном училище, увлекся немецким. Да так, что однажды во время встречи с курсантами из ГДР занял первое место по военному переводу. С гордостью написал об этом матери. Потом было Киевское высшее общевойсковое дважды Краснознаменное командное училище им. М. В. Фрунзе. Здесь стал мастером спорта. Пронеслись незаметно годы учебы.

И вот выпуск. Какое торжественное время, когда, кажется, все цветы, улыбки всех женщин принадлежат именно им — новоиспеченным лейтенантам. Они стояли на плацу родного

училища — подтянутые, серьезные, в парадной форме. Вышибал слезу духовой оркестр.

«Где будешь служить, сын?» — не выдержав, спросила Анна Нестеровна. «В десанте, мама».

Сначала взвод, а потом роту вывел в лучшие. Командиром роты стал еще в звании старшего лейтенанта.

Из письма офицера-политработника Тимофеева: «Главная его черта, на мой взгляд, — неутомимость и неуспокоенность. Костя не останавливался на достигнутом, постоянно был в поиске и всегда достигал намеченного...»

Потом было назначение в Афганистан. Тут же прислал домой телеграмму: *«Отпуск отменяется, подробности письмом»*. В отпуск приехал, пройдя дополнительную подготовку.

«Куда же ты едешь, сынок?» — плакала мать.

«Что ты, мама, я же маленький, в меня попасть трудно», — отшучивался Костя.

«Может, женишься?» — «Лучше когда вернусь. Разве будет меня кто так, как ты, ждать?»

Настал последний день отпуска. Перед самым отъездом помог соседке разгрузить дрова. Потом попрощался с мамой, пошел к калитке. Весь день Анна Нестеровна сдерживала слезы. Сейчас это оказалось выше ее сил. Упала на колени, запричитала: «Больше тебя не увижу». Костя поднял маму, обнял ее, шагнул за калитку. Негромко лягнула щеколда...

Он возвращался в Чучково, чтобы передать сменщику свое подразделение. Ехал и мучился: если мои предчувствия совпали с материнскими — значит, смерть неминуема...

При малейшей возможности Костя писал из Афганистана письма маме. Да и Анна Нестеровна все свое существование замкнула на письмах из Афганистана. Вот так и поддерживали друг друга.

«Знаю, Костя чувствовал свою гибель, — написала нам Анна Нестеровна. — Недаром на всех фотографиях он какой-то не такой. Один снимок долго вертела в руках, вглядывалась, пока не прикрыла сыну пол-лица. И тут на меня взглянули очень печальные, очень тоскливые, очень мудрые его глаза». Может, и вправду предчувствовал Костя свою гибель? Вот строки из письма, которое он писал 1 апреля: «Сегодня — день смеха, но у меня что-то плохое настроение, и совсем не до смеха. Вроде и все в порядке, и подчиненные все мои живы, и в роте порядок лучший, чем в других, но что-то очень грустно сегодня. Думаю, пройдет».

Анна Нестеровна тут же написала в ответ: «Держись, скоро домой, отдохнешь. Перемирие будет...» Но это письмо капитан Прокопчук уже не прочитал.

Он пробыл в Афганистане всего семь месяцев. В неполных, точнее, семь «афганских месяцев», в такой короткий промежуток он сумел вложить все свои знания, опыт, мастерство. Был представлен к награждению тремя боевыми орденами. При жизни так и не получил ни одного из них. Лишь успел пришить к куртке знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть»...

Получив назначение в Афганистан, он сразу подумал о своих друзьях, уже уехавших туда, — Сереге Бохане, Саше Чубаре. «Вот бы с ними оказаться», — мечтал Костя и в Ташкенте, и в самолете, и уже на той стороне, на «пересылке», где провел почти две недели. Вспоминал, как прощался с друзьями в Чучково. Девчата помогли собрать на стол, а потом его провожали. Люда Бохан и Светлана Чубарь пришли с детьми. Прощаясь, женщины не обошлись без слез. Игорь Ситников подхватил чемодан... «Вдруг к нашим попадешь...» — сказала Светлана. Она ждала третьего ребенка. С какой-то завистью смотрела на Костю — ведь он скоро будет там, где Саша, а может, и увидит его.

Костя все же попал к Бохану, увидел Чубаря. Вдвойне повезло: ребята свои, и город под боком. Рота Константину досталась боевая, многие уже имели награды, а то и по несколько.

Требования нового «ротного» смутили офицеров. Дело в том, что Костя на первых порах оперировал книжным, так сказать, опытом. Но потихоньку набирался опыта житейского, боевого, и исчезала «кавалерийская лихость».

В самом же первом бою его группе удалось захватить кассира бандитов. Он вез с собой три миллиона афгани. Сопровождение было слабым, всего три человека. Они наскочили друг на друга внезапно — БТР Прокопчука и мощный мотоцикл мятежников. Кстати, за эти три миллиона можно было купить десятка три автоматов.

На следующий день Прокопчук пойдет в засаду на караван. И тут группа захвата сработает блестяще и результативно: гранатами подорвет автомобиль «Симург», загруженный оружием и боеприпасами, уничтожит 15 душманов. Потом разведчики захватят еще две машины. За эти два боя капитан К. В. Прокопчук будет награжден орденом Красной Звезды.

Вспоминает Валерий Лобов: «Он был необыкновенным человеком. Не только в роте, но и в батальоне. Уважали его как умного и порядочного офицера все. Прокопчук никогда не сторонился солдат. У него не было любимчиков, ко всем относился ровно. Может, немного больше уделял внимания землякам: постоянно спрашивал, пишут ли домой, внимательно выслушивал новости, подбадривал, успокаивал... Особенно для меня капитан был как старший брат, который учил мудрости

младшего...С удовольствием играл с нами в футбол, ужасно болел за киевское „Динамо“, любил читать стихи. Ребята очень переживали за Прокопчука. Когда в часть приехал Розенбаум, ему рассказали про капитана. Он запел „Черный тюльпан“. Все сразу поняли, что это песня про тех, кто погиб 21 апреля... и мы плакали, не скрывая слез. Он любил солдат и понимал их. Мы платили ему тем же».

Словом, по привычке капитан и к этим непростым условиям службы, втянулся. К одному только никак не мог привыкнуть капитан — к потерям.

«У меня погиб солдат, водитель БТР, — писал он брату. — Подорвался на минах. Это было очень страшно. Классный был водитель, всего девятнадцать лет. Я несколько дней ходил сам не свой, все не мог поверить. Вот такие наши суровые будни». В другом письме: «Парни здесь служат в основном хорошие, которые могут закрыть тебя грудью. В нашей роте был солдат, который погиб, закрыв собою ротного. Ему присвоено звание Героя Советского Союза (речь идет о В. В. Арсенове. — Ред.). Вот такие ребята не перевелись у нас».

Бои перемежались боевой учебой. Костя считал дни до отпуска. Но не суждено было...

Майор В. Ковтун, капитан К. Прокопчук, старший лейтенант Ненно. Шестеро десантников должны были вот-вот демобилизоваться. В последнем письме Кости, датированном 15 апреля 1987 года, читаем: «Через 20 дней уже поедут домой мои „старики“ — хорошие ребята, много с Украины. Они ждут этого дня не знаю как». Не дождались...

Из письма друга и командира Кости Сергея Константиновича Бохана:

«...Нам была поставлена боевая задача. Чтобы ее выполнить, надо было вылететь на вертолетах. Вечером мы еще сидели втроем — с Костей, Сашей Чубарем, разговаривали, вспоминали дом, родных и близких. Незадолго до этого моего замполита перевели в другую часть. Я отправил документы для назначения на эту должность Кости. И не потому, что он был моим другом, а потому, что он действительно был лучшим офицером части. Утром мы выехали на аэродром. Я летел в первом вертолете Костя в среднем, потом Саша. Как сбили Костин вертолет, я не видел, видел Саша, он потом рассказывал. Его вертолет сразу приземлился на месте падения Костиного. Погибших ребят подобрали. Саша сразу отыскал Костю, но помочь

ему уже ничем не мог. Единственное, что сделал, — укрыл тело Кости от душманов. Анна Нестеровна, я не прошу у Вас прощения. Я сам себе не могу простить. Ведь это я добился, чтобы Костю направили к нам в часть. Потери у нас раньше были минимальные... Думал, уберегу, а получилось наоборот...»

Вот последний абзац из официального донесения командования части: «При подлете к району боевых действий вертолет, в котором находился капитан Прокопчук К. В., был сбит мятежниками. Пренебрегая смертельной опасностью, капитан Прокопчук К. В. принял все меры для спасения личного состава и погиб смертью храбрых, до конца выполнив свой долг офицера, не успев выпрыгнуть сам».

Вот так, был человек — и нет. Храбрец, отличный офицер, с честной и открытой душой. Почему гибнут лучшие? Вряд ли кто-нибудь ответит на этот вопрос.

Был человек — и нет. Ничего не осталось. Хотя нет, осталось. Осталась память. Наши павшие навсегда остаются с нами!

А еще осталась песня. Говорят, Александр Розенбаум написал ее ночью, после того, как ему рассказали о гибели Кости. Раньше ее называли по первой строчке — «Ах, какого дружка потерял я в бою...» Теперь есть новое название — «В горах Афгани». Но текст остался прежний:

Песок да камень,
Печальный свет луны
Над головами.
Равняйсь на знамя...

Оборвем здесь строчку. Так, на полуслове, оборвалась и жизнь Константина Прокопчука. Человека, который сражался до конца.

Обыкновенный мальчик

Все девятнадцать лет, которые выпали на долю Александра Матвиенко, были трудными. Рос в «неполной семье» — есть такое выражение у социологов. Проще — без отца. Мама Тамара Федоровна, работница завода «Луцккоммунмаш», тянулась из последних сил, чтобы ее ребенок не чувствовал себя обделенным по сравнению с другими. Старалась и чем-то вкусеньким побаловать, и какую-то игрушку или книжку купить. И в школе ни в чем не нуждался. А вот замечала мама, что в род-

ных глазках сына вдруг появилось такое недетское понимание-сочувствие, что слеза даже прошибала.

«О сыне хочу сказать, — пишет сегодня Тамара Федоровна, — что был он обыкновенный мальчик, каких тысячи. Но для каждой матери свой ребенок неповторим. На каждого мать возлагает какие-то надежды. А у меня теперь надежд нет!..

Одно хочу сказать: что был бы неплохим сыном, я в этом уверена, и был бы мне опорой в моей старости».

Никакого сомнения! Он ведь успел в своей короткой жизни доказать матери, что подрастает настоящей мужской опорой для нее.

Окончив восемь классов, он твердо решил идти работать и продолжать учебу в вечерней школе. Мама помогла только своей «протекцией» устроиться на свой завод в сувенирный цех, учеником резчика по дереву. К моменту призыва в армию он был уже не учеником, а мастером.

Учебное подразделение, которое проходит солдат, для всех трудное (чтобы легче было в бою), а у солдат спецназа — тем более. Но как бы трудно в «учебке» ни было, мать не беспокоится: там стреляют только по мишеням.

«Потом его перевели служить в Афганистан, — пишет далее Тамара Федоровна. — Получала от него письма, в которых он описывал свои тяжелые солдатские будни. Я сердцем чувствовала, что ему очень тяжело. Ведь мальчик он был еще!.. Просил меня не волноваться, ждать, что обязательно вернется...

И я ждала, верила, надеялась.

В последнем письме сын успокоил меня, что уже служит в самом Кабуле, что уже немного легче, можно отдохнуть и помыться...»

А на самом деле «одни холодные горные звезды видели драматическую схватку десятка советских воинов с полуторасотенной бандой, да где-то в затемненных кишлаках люди тревожно прислушивались к далекой стрельбе», — как писал

корреспондент «Красной Звезды» о том бое, где погиб сын Тамары Федоровны.

Было много публикаций об операции, в которой погиб Саша, и во всех авторы оставляли его живым. В газете «Красная Звезда» за 27 сентября 1984 года в статье под названием «На афганских высотах» есть такие строки:

«Лежали в одной цепи старший лейтенант Борис Ковалев, младший сержант Андрей Шкаленов и Александр Матвиенко, прапорщик Сергей Чайка и рядовой Алексей Афанасьев, старший лейтенант Ян Кушкис и сержант Виталий Стратьев, прапорщик Виктор Строганов и рядовой Евгений Калягин, точными выстрелами пресекая новые попытки бандитов прорваться к позиции. И вдруг...» — так описывал корреспондент ночь на 6 июля 1984 года. «И вдруг... — это далекий гул вертолетов, которые шли на помощь отважной горстке советских разведчиков, окруженной врагами вдали от своих, на безымянной высоте».

Помощь пришла. Вывезли всех перечисленных в корреспонденции. Живых, раненых и мертвых.

Это литературное изложение обстоятельств боя и гибели разведчиков. По просьбе сестры Александра Натальи Юрьевны Глазовой («Прошу, если будете писать о Саньке, напишите правду...»), мы приводим воспоминания очевидца этого боя.

«...5 июля 1984 года нашу разведгруппу высадили примерно в 30 км западнее Кабула на точку Чауни с задачей выдвинуться в район города Куза-Шора и перекрыть караванную тропу, а при прохождении каравана — уничтожить его. Саша постоянно находился в головном разведдозоре, так как в него входили наиболее опытные разведчики. Саша был пулеметчиком и ходил с ПКМ. На заданный рубеж мы вышли вовремя. Оборудовали бойницы, разместились. Ночь прошла спокойно. Саша лежал рядом с прапорщиком Виктором Строгановым, прикрывал тыл группы. Утром, около 5 часов, пошел караван. Командир группы Борис Ковалев принял решение досмотреть караван. На досмотр пошли прапорщик Сергей Чайка, Саша и еще несколько разведчиков. Караван оказался мирным.

Командованию в Кабуле доложили обстановку: группа засвечена, и наиболее разумным было бы ее снять с задачи. Днем, около 12 часов, нас проверил мальчик-пастушок. „Духи“ иногда используют детей в качестве разведчиков. На повторный запрос от командования последовал отказ. Приказано было выполнять ранее поставленную задачу. Около 18 часов по месту, где была бойница Сергея Ковалева, Яна Куш-

киса, сержанта Зайцева, начал работать крупнокалиберный пулемет. Командир лежал непосредственно над караванной тропой. Сначала „духи“ ударили из стрелкового оружия, а потом пошли на штурм. Основная масса поперла как раз с Сашиной стороны. Огнем из пулемета Саша сдерживал „духов“. В это время Борис Ковалев по радио передал сообщение, что его отрезали от основной группы, и приказал командовать Сергеем Чайке.

К „духам“ подошли новые силы, подключились гранатометчик, миномет. Обложили нас со всех сторон. Подключилась агитация, в микрофон призывали, уговаривали группу сдаться, сложить оружие, прекратить сопротивление, выдать командиров. Ситуация накалялась, появились первые раненые. Центр оказать помощи не мог: вторая половина роты вышла по тревоге на оцепление места падения подбитого вертолета „Ми-6“. Вертолетчики на аэродроме поминали своих. Ситуация, казалось бы, безвыходная, но никто не дрогнул. Бой продолжался 6 часов. Натиск был такой, что мы не успевали перезаряжать магазины. Раненые помогали набивать магазины патронами. Боеприпасы таяли на глазах.

Чтобы выиграть время, командир приказал Сергею Чайке вместе с Сашей, Михаилом и переводчиком совершить маневр. Во время одной из перебежек Чайку и Александра прошило очередями из трех пулеметов с 40 метров. Сашу смертельно ранило в живот, грудь, ноги. Сергеем перебило ноги. Под огнем товарищи вытащили Сашу, он был без сознания. Вкололи промедол, перетянули, перевязали тельняшками раны, бинты к тому времени уже кончились. В это время подошли «вертушки». Личным приказом начальника штаба армии было поднято в воздух звено. С 4 тысяч метров они поддержали нас, подавили несколько точек. Боря Ковалев обошел „духов“ и выбил их с последней позиции. Как только „духи“ услышали звук вертушек, они начали отходить.

Ян Кушкис умолял сесть, забрать раненых. Один согласился, попросил обозначить свое место. Сожгли все пирофакелы, из одежды сделали костер, но он так и не сел...

Под утро подошла броня. Саша, не приходя в сознание, скончался. Фактически своим маневром Сергей Чайка и Саша спасли группу, выиграли время, выбили у „духов“ основную ударную силу — гранатометчиков.

Из боя „целыми“, способными самостоятельно двигаться, вышли шестеро. За этот бой, как нам потом сообщили осведомители, мы уничтожили 67 „духов“ из 400, атаковавших нас...»

Вся жизнь — подготовка к подвигу

Детство Андрея прошло в селах Западной Сибири, края с морозными, снежными зимами, богатой природой. Рос любознательным, общительным, жизнерадостным.

Как и все мальчишки, Андрей любил играть в военные игры, строить снежные крепости. Особенно нравились ему «казаки-разбойники». Он умел так ловко спрятаться, что поиски не приводили к успеху. Друзья, отчаявшись найти хитреца, сдавались. И тут-то Андрей появлялся, словно вырастая из-под земли, порой из самых неожиданных мест.

А зимой на окраине села Венгерово, в котором жила тогда семья Казаковых, разворачивались настоящие снежные баталии. На ровном месте вдруг возникали крепости из снега и льда, и шумной ватагой одна часть мальчишек дружно «штурмовала укрепление врага», а другая — «стойко оборонялась».

«Бой» шел до «последнего снаряда», а когда снежки у обороняющихся кончались и наседавшие врываются в крепость — начиналась рукопашная. Андрей любил такие минуты, когда можно было от души помериться силами со сверстниками, попробовать, кто кого.

Летом настоящими праздниками были поездки в лес, где он радовался каждому цветку, изучал виды растений, наблюдал сложную жизнь животного мира. Часами мог стоять с удочкой на реке.

С малых лет отличался трудолюбием, унаследованным от родителей. У отца Владимира Ивановича, офицера Советской армии, служба была как служба: напряженная, беспокойная, требующая высокой организованности, разносторонних знаний.

Мать, Галина Сергеевна, учительница, часто приходила с уроков утомленная и принималась за домашнюю работу, а вечерами сидела над тетрадками своих учеников.

Андрей своим детским умом постигал, что отцу и ма-

тери его помощь придется кстати. Однажды он предложил: «Мама, посуду я сам помою». Потом научился мыть полы. Внимательно приглядывался, как гладится белье, а вскоре решил, что у него получится и эта работа. Выбатывал в себе самостоятельность, брался за любое дело.

Однажды родители уехали в отпуск, а возвращаясь, беспокоились: поздняя осень, а урожай с приусадебного участка не убран. И были приятно удивлены — сын сам убрал овощи и картофель. Было ему тогда 13 лет.

Энергия была через край, не боялся никакой работы, дружил со многими. Дом был всегда полон друзей. Его готовность прийти на помощь, трудолюбие, мастерство «на все руки» удивляли многих и вызвали уважение. Подвижный и жизнерадостный, жадно стремящийся к знаниям, он и интересовался многим. Увлекался спортом: борьбой, лыжами, волейболом. Коллекционировал значки и мог с увлечением часами рассказывать историю каждого. Посещал факультативы по химии, физике. Серьезно занимался фотографией, музыкой, изобразительным искусством. Все ему хотелось знать, и многое удавалось.

При выборе профессии колебаний не было. Еще в начальных классах Андрей решил стать офицером. И с тех пор настойчиво стремился к цели, вырабатывая в себе качества, необходимые для будущей службы.

...Последний год учебы в школе был таким же беспокойным, как и все предыдущие. Дни были расписаны по часам и загружены до предела: учеба — тренировка — опять учеба (подготовка к поступлению в военное училище шла полным ходом). Дома Андрея застать было трудно. Бывало, после школы он только забегал домой, крича с порога: «Мам, поесть!» — и опять убегал на тренировки...

С волнением подходил Андрей к КПП Новосибирского военно-политического общевойскового училища. Перед входом приостановился. Поставил издававший виды «походный» чемодан отца на землю. Осмотрелся. Подхватил свою нехитрую поклажу и зашагал вслед за такими же, как и он, абитуриентами.

Все экзамены Андрей сдал уверенно, без сбоев, на «хорошо» и «отлично». Радость переполняла мальчишеское сердце. Первым поздравил его с зачислением в ряды курсантов Александр Демаков, его земляк, перешедший на второй курс.

Всякое было за четыре года учебы в училище — и радости, и огорчения. Здесь же он познакомился с будущей своей женой — Леной, когда возвращался из летнего отпуска после третьего курса. За годы учебы появилось много новых друзей,

поддерживал связь и с Сашей Демаковым, теперь уже лейтенантом. Саша служил в Афганистане, часто писал о службе, о необыкновенных ребятах. Но незадолго до выпуска страшное известие потрясло Андрея — погиб Саша! Он не мог в это поверить...

Вот тогда и созрело у него решение: службу свою начать там, заменить друга. Поэтому на вопрос: «Где бы вы хотели служить после окончания училища?» — ответил коротко: «В Туркестанском военном округе».

Но... военный человек предполагает, а кадры располагают. Попал служить в Киевский военный округ, в учебную часть.

Мысль об Афганистане не покидала его. Из письма матери Саши Фаины Егоровны Демаковой узнал, что ее сыну посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Пройдя все препятствия, Андрей все же добился перевода в ТуркВО. Родители узнали о решении сына всего за четыре дня до отъезда. В ответ на укоры он ответил твердо: «Я должен проверить себя в бою». И уже совсем иным голосом, успокаивающе закончил: «За меня не волнуйтесь, все будет как следует». Для тех, кто прошел суровую школу Афганистана, какие бы испытания ни выпадали, памятным остается первый бой. Лейтенант Казаков первый экзамен выдержал с честью, потому что твердо знал, куда и зачем едет.

Андрею не пришлось объяснять жене, почему он меняет тихий благополучный гарнизон на неизвестность и постоянную опасность. Понимала: иначе он не может. «Надо — значит, поезжай. А я буду ждать».

И понесли самолеты, боевые вертолеты, задымленные бронетранспортеры, меченные пулями и осколками, сумки почтальонов с письмами в двух направлениях. Аленкины — наполненные мирными заботами, любовью и нежностью. А от Андрея — краткие, в несколько строчек, писанные на сумке или на прикладе автомата. В них он рассказывал о жизни афганцев, о природе, о товарищах по службе. И абсолютно ничего — о страшной, кровавой войне, вырывающей из шеренги боевых товарищей и дышащей смертельным холодом в лицо. К тому времени Андрей Казаков имел уже ранение и две контузии, был награжден орденом Красной Звезды.

«Обо всем этом мы узнали только после гибели Андрея, — говорит его отец. — А тогда, получая письма от сына, так хотели верить его святой неправде...»

Легкой службы в Афганистане не было, а тем более в спецназе. Бойцов и командиров этих подразделений называли «караванщиками» — именно они перехватывали караваны с оружием и боеприпасами для душманов. Вот в одном из таких

подразделений — в отряде специального назначения, попасть в который считалось особой честью и ответственностью, — и служил Андрей Казаков. А как служил, рассказывают лаконичные строки боевых донесений и наградных листов.

15 ноября 1983 года. «Группой лейтенанта А. Казакова проведен успешный рейд в район кишлака Кухандек».

14 января 1984 года. «Успешно отбито нападение душманской банды в районе Суруби. Отличился лейтенант А. Казаков».

16–17 марта 1984 года. «Уничтожен караван с оружием для душманов. Отличилась группа под командованием лейтенанта А. Казакова».

1 июня 1984 года. «Лейтенант А. Казаков, используя местность, рискуя собственной жизнью, сохранил своих подчиненных. Опираясь на свою физическую подготовку, подобрался к пулеметному расчету душманов, неожиданно открывшему интенсивный огонь по вверенной ему группе, и уничтожил его... За проявленные мужество и героизм при исполнении интернационального долга наградить лейтенанта Казакова А. В. орденом Красной Звезды».

25 июня 1984 года. «В бою у горы Шарали-Хамар разведотрядом в составе 25 человек под командованием лейтенанта Казакова А. В. захвачен душманский караван. Потерь с нашей стороны нет».

20 декабря 1984 года. «...Старший лейтенант Казаков А. В. так расставил вверенный ему личный состав, что неоднократные атаки душманов срывались, они несли большие потери... результат боя окончился ликвидацией банды... В неравном рукопашном бою с 4 душманами ст. лейтенант Казаков А. В. вышел победителем».

«За умелое руководство подчиненными, личное мужество и героизм наградить старшего лейтенанта Казакова А. В. вторым орденом Красной Звезды».

Полностью понять, что стоит за этими скупыми строчками, сможет лишь тот, кто сам слышал над головой свист пули.

Вернувшись в родную часть из последнего рейда, 12 марта 1985 года Андрей написал родителям: «У меня все хорошо. Не волнуйтесь. На меня пришел приказ по поводу замены. Возможно, скоро приеду домой. Распределение получил в Киевский военный округ».

В последний день своей жизни он отвезет в Газни в детский дом для афганских детей, чьи родители погибли в братоубийственной войне, собранные солдатами и офицерами его роты подарки. Купит в книжном магазине войсковой части неизвестно каким ветром занесенную в пылающий Афганистан

книжку «Здоровье вашего ребенка», аккуратно уложит между подарками родным бутылочки для кормления грудных малышей — через несколько месяцев Аленька готовилась подарить ему сына или дочку. А вечером соберет боевых товарищей на прощальный ужин. И будут скупые на слова, но искренние пожелания, и мечты, и хорошие песни под гитару...

...Смерть настигла его в воздухе, когда, казалось, прошел все круги испытаний и возвращался домой. На высоте две тысячи метров вертолет разметало страшной силы взрывом, и Андрей Казаков навсегда стал частью того неба, тех гор и той истрадавшей земли, которой желал только добра...

Третьим орденом Красной Звезды Андрея наградили посмертно.

Подросла Оля Казакова, и мама рассказывает ей о том, каким был ее отец, показывает альбом, заботливо оформленный собственными руками. Обязательно обращает внимание дочери на записи, сделанные руками сослуживцев отца: «...Обидно, что так рано оборвалась молодая жизнь, так и не успел он до конца раскрыть свой военный талант... Память об Андрее останется в наших сердцах на всю жизнь. Ольга! Гордись своим папой, всегда помни о нем, будь всегда достойна его, проноси память о нем через всю жизнь!..»

Вот другая запись, сделанная Виктором Швалюком: «С уходом Андрея от нас в бессмертие человечество обеднело на честного, смелого, мужественного, веселого человека. Человечный человек. Хотя и его сердце больше не бьется, но его душа где-то всегда рядом, и кажется — вот-вот мы будем вместе. Он хлопнет своей ладонью меня по спине, и мы забудем про все неудачи, невзгоды.

Нет, таких друзей, как Андрей, не теряют! Они всегда с нами. С такими людьми мы богаче, искреннее, сами стремимся быть полезнее обществу. Я преклоняюсь перед светлой, вечно горящей жизнью Андрея».

Именно таким и был старший лейтенант Андрей Казаков. Был... Это страшное слово, тем более что речь идет о двадцатитрехлетнем — прожившем так мало, успевшем так много!

Оставалось 38 дней

Погожим сентябрьским днем 1985 года над небольшим украинским селом Судачевка раздались ружейные выстрелы салюта. Холодный цинковый гроб опустили в землю под звуки военного оркестра. Это последний штрих в жизни молодого, крепкого парня Коли Карплюка.

Он прожил короткую жизнь. Его и сейчас помнят жители Судачевки. После окончания Киевского ПТУ-36 стал студентом. Толком и поработать не успел. Осенью 1983-го ушел в армию.

Александр Стомба, вошедший в легенду АИСТ, также погибший на обожженной войной земле Афганистана, писал в своих стихах:

Ты знаешь, как словарь толкует слово «смерть»?
Естественный процесс дряхленья тела...
Вот почему я тороплюсь успеть
Себя не пожалеть во имя дела.

Наверное, все они торопились жить, чтобы успеть оставить свой след на земле, совершить хоть один подвиг за свою короткую жизнь, не сознавая того, что вся она уже стала легендой, легендой о той земле, где шла страшная война, унесшая столько юных жизней. Они оставили нам огромное чувство вины перед ними за то, что мы не сумели им помочь, за то, что верили, как и они, в необходимость этой войны, за то, что не понимали ее бессмысленности...

Коля был как все, рос веселым, трудолюбивым, жизнерадостным пареньком. Любил жизнь, мечтал о подвигах, любил близких. До школы бегал вместе с братом Виктором в детский садик. Любил и слушался маму, Галину Алексеевну. Понимал, как тяжело ей растить троих. Очень любил свою сестру Людмилу. Она и сейчас вспоминает, как брат привозил ей из Киева гостинцы. «Он брал ее на плечи, — пишет Галина Алексеевна, — и она кричала: „Отпусти меня, я уже большая на шею сидеть!“». Коля при этом отвечал: „Будешь помнить, как тебя я любил!“. То ли он чувствовал, что умрет... Девчонки, которые с ним учились, рассказывали, что цыганка ему нагадала смерть в 20 лет. Так оно и есть».

Служить Коля попал сначала под Псков, потом в Кировоград. И везде его уважали за любовь к труду, за умение хорошо выполнить свою работу, за веселый нрав. Но никто не подозревал, что пройдет совсем немного времени, и он, как и многие его сверстники, войдет в легенду о своем поколении. Поэтому когда в ноябре 1983 года он был призван в ряды Советской армии, друзья пожелали ему легкой службы и скорейшего возвращения, не догадываясь о том, что совсем скоро они будут возлагать цветы на могилу друга. А потом придут на улицу, где он жил, чтобы сказать теплые слова его матери, брату и сестре и хоть чуть-чуть скрасить их скорбь и одиночество.

Ему предлагали остаться младшим командиром в учебном подразделении Кировоградского соединения специального назначения. Он не захотел. Вместе со своими друзьями поехал в Афганистан.

Первое письмо написал так:

«Привет из Германии. Дела у меня идут хорошо, служба нормально, жив-здоров. До встречи. Мне писем не пишете, так как не знаю адреса. Ваш сын и брат».

Следующие письма писал из Баграма. «Мама, простите меня за то, что в первом письме я не так написал. Не хочу Вам причинять боль, поэтому решил написать правду, все равно от людей узнаете. Не переживайте, все будет хорошо, отслужу и вернусь. А ты, Люда, учись на пятерки, чтобы поступила в институт... А ты, Витя, сделай мне альбом дембельский, тут мне некогда. До встречи, целую всех вас. Ваш сын и брат Коля».

«Здравствуйте, мои родные мама, Люда и Витя! Что вам написать? Погода у нас жаркая, без дождей. Служить осталось немного. Кормят нас хорошо. Ложимся и встаем по часам. Посылаю вам фотографию, это мы рубили дрова для строительства землянок. У меня все хорошо. До приказа осталось сто дней, так что я с нетерпением жду „дембеля“. Пишите, что у вас нового, как идут дела.

Коля.

6.6.85 г.».

«Здравствуйте, мои родные! С большим приветом к вам — Коля — уже с нового места. В Баграме перед отъездом я вам написал небольшое письмо. А теперь я уже в Бараках, так называется это место. Время летит, уже совсем скоро „дембель“. Увольнять нас будут в первых числах октября. Так что режьте кабанчика и ждите.

Людмила, ты меня не подводи, я надеюсь, что в дневнике у тебя одни пятерки. Витя, ты не очень спеши, у меня появилось желание погулять у тебя на свадьбе.

Вышлите мне семейную фотографию, только не ту, что я сделал, а новую. Привезу вам подарки. Витя, не сердись, что не ответил, ты служил, тебе не надо объяснять. И мне будет приятно знать, что делается в Союзе. На этом заканчиваю. Целую, пишете. Жду».

В день гибели Галина Алексеевна получала зерно в колхозе. Когда она уже подходила к своему двору, увидела, что какие-то люди идут к ней. От предчувствия беды похолодели руки.

Военком сказал: «Нет уже вашего Коли, погиб он...»

«Вот так встреча, зарыдала, обливаясь слезами, мать».

Николай Карплюк и его боевые друзья отдыхали после возвращения с очередного боевого задания.

Душманы обстреляли расположение отряда из минометов. Организовав бой отделения по отражению нападения противника, Николай открыл ответный огонь. В ходе боя вынес из-под обстрела четырех раненых товарищей. При возвращении на огневую позицию был смертельно ранен в голову осколком разорвавшейся рядом мины.

4 сентября 1985 года, в день рождения старшего брата Виктора, Коля написал, что осталось 38 дней до дембеля.

В Афганистане миг, как вечность.
Покою нервам ни минуты нет,
Воочью видишь, как бесчеловечно
Смерть забирает в двадцать лет.
Как дорого там каждое мгновенье,
Глоток воды и письма от родных,
Святого долга озаренье
И память скорбная живых.
Там сила и надежность дружбы,
Когда бывает трудный час,
Такой закон военной службы,
Ведь в бой идут не напоказ.

Один из великолепной семерки

Молча стояли солдаты, крепко стиснув автоматы в руках. На запыленных и опаленных огнем боя юных лицах застыла суровость.

Они прощались со своими боевыми друзьями, которые бесстрашно вели бой и погибли как герои. Одним из семи погибших был Василий Музыка.

Веселым и солнечным было детство Василька в дружной семье. Часто забегал к маме на работу в царство захватывающих и мудрых книг, где Вера Николаевна была хозяйкой. Учился не бояться трудностей и работы.

Все, кто учился вместе с ним в школе, помнят его всегда уравновешенным, спокойным мальчиком. Учился хорошо. В свободное время любил что-нибудь мастерить, увлекался фотографией.

Любил Василий природу. Часто ходил в лес. Мог днями сидеть с удочкой. Даже когда возвращался домой без улова, то все равно был доволен от встречи с прекрасным. «Планировал после армии в какой-нибудь специальный ВУЗ поступить, где готовят лесников».

И дома, и в школе больше помнят, как Василий готовился к армии. Любил спорт. В старших классах построил перекладину во дворе и постоянно вечером тренировался. Своим энтузиазмом «заражал» и друзей. Вынашивал парень в своем сердце мечту: попасть в воздушно-десантные войска. А еще не раз повторял, что не хочет служить близко от дома. Почему-то считал, что тогда служба пойдет не по-настоящему.

Начало службы порадовало. Задуманное сбылось: стал десантником. Правда, другая надежда не сбылась: служил рядом, в Белоруссии. Потом служил в городе Изяслав, на Украине. Были встречи с родными — волнующие, памятные. Тогда никто из родных не думал, что это последние встречи. Только Василий знал, что впереди у него дальняя дорога...

Когда у родителей в сознании отложился Афганистан, Василий заверил: «Я не верю, что мы можем там погибнуть. Мы — сильные». Постоянно повторяемые им слова преследовали и отца, и мать, и сестру, вселяя в их сердца веру, что так оно и будет. И сейчас, рассказывая нам о брате, Леся Николаевна Кухарская (Музыка) пишет: «...Он все твердил: „Мы сильны“. Может, потому и не могу поверить, что Васи нет сейчас среди нас. Слово „Афганистан“ страшной болью отзывается в моей душе. Он унес из жизни двух самых близких мне людей — брата и маму. Моя мама так и не смогла пережить смерть сына. Она умерла через год после гибели брата. Афганистан превратил моего отца в инвалида и старика, седого, как молоко. Он ослеп».

Всего два письма написал Василий из Афганистана. Теплые, искренние, волнующие. В них — впечатления, раздумья, мечты и... уверенность в будущем. Во втором письме, от 1 апреля 1985 года, он писал, что *«приезжали в часть артисты, ансамбль из Союза. Было интересно смотреть»*.

Родные успокаивали себя, особенно мама: раз артисты были, значит, там жизнь, как и на действительной службе. Нет смертельной опасности.

А она была.

Вот как описывала газета «Красная Звезда» в номере от 19 мая 1988 года подвиг отделения десантников, в котором служил и Василий: «Это случилось 23 апреля 1985 года. В бою с превосходящими силами противника отделение младшего сержанта Юрия Гавраша осталось прикрывать отход товарищей и оказалось в окружении. Когда закончились патроны и в дувал ворвались бандиты, мужественные солдаты подорвали себя и их миной. Вместе с Гаврашем погибли младший сержант Василий Кухарчук, ефрейторы Александр Вакулюк, Вячеслав Марченко, рядовые Василий Музыка, Наиль Мустафин и Владимир Бойчук. В ходе боя они уничтожили более 30 душманов... Все семеро были посмертно награждены орденами Красной Звезды».

Именно из этого номера и узнали родные, друзья и знакомые, как погиб Василий. Узнали тогда, когда в селе его детства стоял памятник с датами его рождения и гибели. Это памятник всем «афганцам», сделанный одноклассником сестры Василием Рыжуком.

«Вот прошло уже 15 лет, и никто из друзей не написал, не приехал», — пишет Леся Николаевна. Объяснение этому можем найти в письме лейтенанта Котенко, написанном Вере Николаевне 9 августа 1985 года.

«...Я знал Вашего сына еще по совместной службе в Изя-славе...

В ночь на 23 апреля наша рота ушла на боевое задание. Утром попали в засаду. Бой был тяжелым и силы неравными. Но ребята сражались мужественно, стойко, до последнего патрона. Непосредственных очевидцев гибели Вашего сына в живых тоже нет, а из боя вышло всего пара человек. Погибли в этом бою командир роты и командир взвода, где служил Василий. Они тоже взорвали себя и окруживших их душманов гранатами.

Ваш Василий был настоящим солдатом, настоящим десантником и погиб, до конца выполнив свой воинский долг».

Именем Василия Николаевича Музыки названа улица в селе Лобачевка, на которой живут отец Николай Ермолаевич и сестра, школа, в которой учился, и бескрайнее хлебное поле.

«Я до сих пор не могу поверить, что Васи нет в живых, — заканчивает свое письмо в редакцию Книги памяти Леся Николаевна. — Постоянно живу в ожидании, так хочется, чтобы под окном мелькнула его стройная постать, заскрипели ворота и он ступил бы на порог. Весело, легко, как всегда...»

«Я вас никогда не подведу»

Подвиг прогнозировать трудно. Подвиг приходится констатировать.

И все же существует и логика подвига. Всем нам приходилось видеть, как стесняются юноши и девушки высоких слов, касается ли разговор любви и дружбы или преданности делу, которым занят. Высокие слова, по-видимому, живут для них сами по себе. По-настоящему к себе их не всякий примеривал. Не соотносил себя с подвигом, которому по-прежнему есть место в жизни. Это сейчас доказывает Чечня.

Арсенов — соотносил.

И в Велико-Анадольском лесу. Когда во время похода он один без нытья и отлынивания собирал дрова для костра.

И на политинформации. Когда мастер училища Любовь Ивановна рассказывала о горячих точках планеты, о борьбе афганского народа с контрреволюцией, о советских воинах-интернационалистах, а в это время отвлекшаяся «камчатка» засмеялась над чем-то сказанным между собой. «Вот вы смее-тесь, — сказала тогда Любовь Ивановна, — стыдно! Люди, такие же молодые, как вы, отдают свои жизни. Вы же — завтрашние солдаты! Я в вас не уверена...»

И тогда от «камчатки» встал Арсенов: «Вот этого только не надо, Любовь Ивановна. Мы сумеем защитить Родину. И интернациональный долг выполнить — тоже».

И в день призыва в армию Валера нашел Любовь Ивановну и сказал, глядя ей прямо в глаза: «Любовь Ивановна, вы можете быть спокойны. Я вас никогда не подведу».

Как-то дома Валерий подошел к отцу, Виктору Ивановичу, и, помолчав, сказал: «Скоро, папа, в армию пойду. Хочется мне в танкисты. Если не выйдет, то обязательно стану десантником. И знаешь, хочется служить в Афганистане...» Отец понимал выбор сына, хотя и не мог не сказать, как это ответственно. «Не волнуйся, папа, все будет нормально. Увидишь, Валерка не подведет!...»

Дав слово, он обязательно сдерживал его, подкреплял делом. Так было и на этот раз: Арсенов первым из своего выпуска успешно сдал все экзамены, чтобы на полгода раньше, весной, пойти служить в армию.

...А потом Валерий писал письма друзьям и родным. И в каждом из них был откровенным, мужественным, нестигаемым...

«Служба у меня не из легких, — писал он другу Александру Кваше, — но постепенно осваиваюсь. Дождей нет, жара нестерпимая.

Сейчас я в „учебке“, потом — Афганистан. Набираюсь здоровья, самочувствие неплохое... Вспоминаю гражданскую жизнь: куда захотел — туда и пошел, что захотел — то и делаешь. А теперь всё — наступила армейская жизнь. Главное, пиши мне побольше. Если бы у меня было время, я писал бы письма каждый день».

«...На днях прошли во время учений 70 километров за двое суток. И жарко было, и холодно, два дня ноги гудели, вот такие пироги. И впереди очень много трудностей. Здоровье нормальное, потихоньку накачиваюсь — надо».

Он дорожил дружбой, и хоть не хватало времени, все же находил свободную минутку, чтобы поделиться своей действительно нелегкой солдатской жизнью.

«...Сегодня у нас большой праздник — День воздушно-десантных войск. Ходили в клуб, там выступали наши боевые командиры, потом дали неплохой концерт. Саша, я очень рад, что ты меня не забываешь — пишешь. Здоровье нормальное. Научился прыгать с пятиметровой вышки в бассейн, головой вниз. На „гражданке“ я бы, наверное, не прыгнул. Непросто служить в армии, но интересно».

Последнее письмо он написал 23 февраля 1986 года. Мы приводим его полностью.

«Здравствуйте, дорогие папа, тетя Галя, Лена, Сергей с семьей.

Сегодня великий для нас, солдат-интернационалистов, праздник — День Советской армии. От всех получил уйму поздравительных открыток. Многих ребят наградили медалями и орденами. Для всех нас это выглядело очень торжественно.

Погода наладилась, тепло, пригревает солнышко, примерно плюс 25. Скоро начнется солнцесжигание. Сегодня смотрел по телевизору „Клуб путешественников“. Показывали наш Донецк, передача называлась „Сады на терриконах“. Очень было здорово смотреть на свой родной город, где родился и вырос. Впереди — год

с лишним службы. Этот год, возможно, будет самым необычным, проверкой на мужество и выносливость.

Служба идет отлично. Сегодня день полностью в нашем распоряжении: хочешь — спи, хочешь — смотри телевизор. Я буду писать письма. Если достану проявитель, то сделаю свои фотки, а пока высылаю фото своих товарищей по службе.

23.02.86 г.».

...Солнце грело землю уже по-настоящему. Шел последний день зимы — 28 февраля. На Родину были отправлены письма — поздравления с Восьмым марта... Завтра весна...

Боевой задачей предусматривался захват оружия и боеприпасов в укрепрайоне противника, уничтожение засевшей в скалах над пятидесятиметровым ущельем банды душманов.

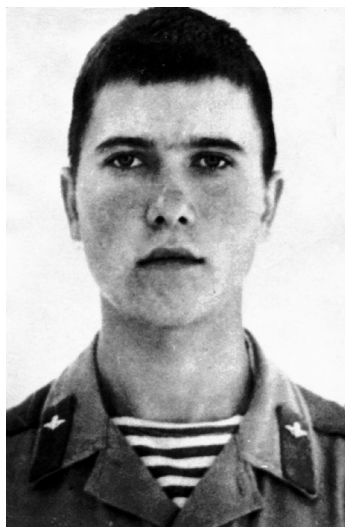
Группа специального назначения, в составе которой находился рядовой Арсенов, десантировалась с вертолета в тот момент, когда граната, выпущенная из гранатомета замаскировавшимся «духом», повредила мотор. Вертолетчики посадили, вернее, максимально мягко уронили машину на крохотную площадку, зажатую между скалами. Счет шел на секунды. Кто быстрее сориентируется, тот и захватит инициативу боя в свои руки.

Впереди возвышалось нагромождение камней — безусловное господствующая над площадкой позиция.

— Арсенов, прикрой справа! — крикнул старший лейтенант Кравченко.

И рванул к высоте...

...Счет настоящей, взрослой жизни Валерия Арсенова шел не на годы — на месяцы. В конце 1985 года, окончив училище, он получил специальность слесаря по сборке железобетонных конструкций. А в ноябре в военном билете солдата появились две записи: 11-го закончил учебное заведение, 12-го прибыл в воинскую часть. Стал старшим разведчиком-гранатометчиком в составе отдельного отряда специального назначения.

«Привет из Афганистана! Здравствуй, Саша...

Поверь, Афганистан — это и романтика. Мы с ребятами здесь проверяем себя. Недавно стрелял из английской винтовки. Страшная винтовка, бур, пробивает броню БТР.

Гражданка, прошлое кажется сном. Нелегко нам сейчас, и будет нелегко. Служба настоящая, Саш, ведь только началась, и что меня ждет впереди — неизвестно. Но я буду крепиться, постараюсь все сделать, чтоб не опозорить свою честь и честь Донбасса.

Будешь на заводе, зайди в первый цех, передай огромный привет моим бывшим наставникам, ребятам с нашей группы, а также Любове Ивановне, мастеру моему.

3.12.85 г.»

...Приказ командира прозвучал, как выстрел: «Прикрой, Арсенов!» — и, пригибаясь, старший лейтенант устремился вперед. Валерий взглядом провожал командира из-за дувала, где они пролежали рядом на горячих камнях ровно одно мгновение, чтобы Кравченко оценил обстановку. Провожал, цепко удерживая в поле зрения фигуру командира, камни и скалы справа.

И все же автоматная очередь резанула воздух неожиданно. Кравченко, замерев в прыжке долю секунды, распластался на камнях, и тут раздалась вторая очередь и третья...

Валерка, так же как и его командир, понимал, что для горстки солдат, отрезанных от своих, все решала скорость захвата инициативы в свои руки. Это был его первый большой бой.

Сочилась струйками кровь: она стекала по лицу старшего лейтенанта Кравченко, когда тот, резко взглянув на Арсенова, отдал приказ. Взрывом душманской гранаты мелкими осколками были посечены экипаж и солдаты.

В характеристике на Валерия Арсенова сказано, что у него особенно развито логическое мышление. Наверное, то, что предпринял Валерий, в доли секунды приняв единственно верное решение, было логично и с точки зрения поступка, и по логике следования воинскому долгу.

...Очередь пришлось на уровень живота Арсенова. Душман остервенело жал на крючок, расстреливая его в упор, но тот продолжал стоять. Враг перевел оружие выше, целясь в сердце солдата, и только тогда Валерий начал медленно оседать, открывая за собой Кравченко.

Старший лейтенант и душман нажали на спусковые крючки одновременно, но «дух» сделал это на какое-то мгновение

быстрее, собственно, он продолжал очередь, которую перекрывал своим телом Арсенов, а Кравченко из-за Арсенова еще не мог стрелять. Раздался щелчок: патронов в автомате «духа» не было, и уже заработал автомат Кравченко...

Каким он был, Валерий Арсенов? Каждый из близко знавших его людей говорит о Валерии по-своему, о своем. Родители — о сыне, преподаватели — об учащемся. Директор училища, например, помнит, что и баловства за Арсеновым числилось в свое время немало.

Молод был Валера. Слишком короткое время знали его люди уже почти взрослым, почти состоявшимся. Почти...

Война свои подарки раздала,
Кому звезда на грудь, кому — на холмик.
Кого-то развенчала догола,
А кто-то вписан в жизни многотомник.
Пусть десять или двадцать лет пройдет
И время врачевать умеет раны,
Давайте помнить тех, кто не придет...
Нельзя нам забывать Афганистана.

Это прежде всего труд

И жизнь — одна. И смерть — одна.
Ее ни с кем не разделить.
А ты сумел в бою последнем
Собой друзей своих прикрыть...
Удар войны, огонь и дым
Закрыл ты сердцем молодым.

Эти слова о нем — старшем лейтенанте Павле Яковлевиче Корчаке, погибшем на страшной афганской войне.

Неизмеримо горе отца, родных и близких, друзей и просто людей, которые любили его.

Его отец, Яков Григорьевич, не замыкается в своем горе, идет к людям, рассказывает о сыне; он боится еще одной смерти — забвения. Ему хотелось бы увековечить память сына и таких, как он, чтобы их имена были записаны в Парке Славы города рядом с именами героев Великой Отечественной войны, чтобы эти имена были записаны в Вечную Книгу памяти.

Родился Паша в древнем и прекрасном городе Каневе над Днепром. В городе, где покоится великий Кобзарь. От своего отца унаследовал настоящее трудолюбие, прекрасное умение

доводить начатое дело до конца, целеустремленность, волю, мужество, а от мамы Валентины Нестеровны — жизнерадостный характер, любовь и уважение к людям, чуткость и доброту.

Необыкновенным парнем рос Павел. Вспомните в его фотографии: мужественное открытое лицо, внимательный взгляд карих глаз, мужественный подбородок, — прекрасное лицо, готовое улыбнуться каждому. Сильный, красивый. А красивые — всегда смелые.

Незабываемый след оставил Павел о себе в стенах родной школы № 2 города Канев. Он успевал везде: был первым в учебе, в спорте, в художественной самодеятельности, был командиром юнармейского отряда, который на областном смотре занял первое место. Играл в духовом оркестре, играл на гитаре, пел. С увлечением изучал немецкий язык, много читал и мечтал... Мечтал стать офицером.

Он шел открыто навстречу людям, навстречу жизни. С особенной сыновней любовью он относился к матери. В школьном сочинении на тему «Кто твой лучший друг?» он написал о своей маме.

В 1981 году после окончания школы Павел стал курсантом Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе.

О своей любви к будущей офицерской профессии Павел писал своей учительнице: «...Хоть и трудно, но не жалею, ведь офицером может быть только тот человек, который любит свою профессию, гордится ею. И недаром сказал К. Кудиевский: „...быть офицером и есть одно из самых высоких призваний мужчины!“».

К учащимся школы Павел обращался с такими словами: «Пусть морально, а самое главное — физически готовят себя к службе в войсках. Это им очень пригодится».

По окончании военного училища Павлу была присвоена квалификация: офицер с высшим военно-специальным образованием, переводчик-референт со знанием немецкого и китайского языков. Он был направлен для дальнейшего прохождения службы в Псков — командиром группы специального назначения.

Для Павла чужая беда, была его бедой, а чужое горе — его горем. Он написал рапорт о направлении его в Афганистан. Вначале он служил помощником начальника штаба отряда в Баграме, но служба в штабе не удовлетворяла его. Снова написал рапорт с просьбой назначить его командиром боевой группы. И молодой офицер добился своего — стал командиром группы.

Рассказывают солдаты, чьим командиром был Павел: Игорь Волков, Геннадий Стрельцов, Сергей Бригида, Валерий Василюк, Алексей Шкелеберда. Все они прямо из боевой части, из опаленного солнцем и порохом Афганистана не поехали к себе домой, где их ждали родные и близкие, а приехали к отцу Павла в Канев, чтобы рассказать о своем боевом командире.

«Павел Корчака был нам, солдатам, не только командиром, но другом и братом. Его все любили и уважали. И свое первое боевое крещение он сдал на отлично. Сам первым бросился вперед.

Бывало, выстроят всех на плацу: кто пойдет на задание добровольно?

— А кто поведет группу?

— Лейтенант Корчака.

И весь строй без исключения делал шаг вперед.

А как Павел умел рассказывать друзьям о своей семье, школе, о родном Каневе, о Днепре, своей милой и далекой Родине. И тогда брал гитару в руки, и над притихшими горами под чужими звездами взлетала в небо песня, песня-тоска, песня-надежда, которой не суждено было сбыться:

...Я тоскую по родной земле,
По ее рассветам и закатам,
На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты...

А вот что пишет Пашин друг и боевой товарищ лейтенант Е. С. Барышев: «Что такое подвиг? — спросите вы. Это не те самые мечты детства, голубые фантазии вихрастых мальчишек. Нет. Это прежде всего труд. А подвиг? Подвиг придет. К кому нужно, он придет...

Думал ли Паша о подвиге? Конечно, нет... Люди, солдаты, солдатики... Боевая задача... Задача стояла вроде бы как обычно:

„Не допустить прохода мятежников через район засады, поставленной разведывательной группой“. Задача была выполнена. Но какой ценой!.. Паши уже не вернуть. Какой ты был, наш Паша? Вспоминаю его фотографии. Его улыбку. Жизнерадостный, красивый, сильный. Сколько можно перечислять еще? Не стоит. Скажу просто — Паша был настоящим Другом.

...Душманы сидели в подвале. Сколько их? Где именно они сидели? — знали только по догадкам. Паша спустился с места засады в тот самый кишлак, взяв с собой несколько солдат...

Сепест — так назывался кишлак. ...Ты останешься в памяти навсегда. ...Возникла необходимость зайти в один из дувалов и осмотреть его. Бросив гранату, группа разведчиков перешла порог у входа в дувал. Впереди шел Паша. Вот он, маленький коридор. Даже и словом таким назвать нельзя. Слева дверь — никого. Бросили гранату и вперед. Еще четыре шага.

Что думал тогда Паша? А ведь за Пашей шла группа его подчиненных, его воспитанников. Какой пример он покажет?

...Очередь прошла по всему корпусу. Предательский удар в левый бок сбил его с ног. Телом своим он защитил идущего сзади бойца...

Что такое подвиг? Это прежде всего труд».

«Любуюсь своей родиной»

Афганистан. Одно лишь это слово, короткое, резкое, как выстрел в холодных горах. А в нем неумолкающая материнская боль и горе, слезы и вечная скорбь. И память, чей звон настойчиво стучит в людские души, будит сердца и совесть. От той войны осталась горечь утрат и память. Память о наших ребятах, которые не успели пожить. Среди тех ребят, не успевших понять вкуса жизни, был и Юра Рабец.

Учась в школе, проявил себя способным учеником. Учился хорошо. Активно участвовал в художественной самодеятельности. Любил спорт. Защищал спортивную честь школы на различных соревнованиях.

Любил рыбалку. Тут они с братом Сашей постоянно соперничали.

После восьмого класса продолжил учебу в Винницком СПТУ-16. А вот поработать по специальности не успел — призывали в армию.

Глядя на фотографию, где Юра вместе со своей девушкой Таней, думаешь: что же ты, война, подлая, сделала. Какая бы была красивая пара! Жить бы им да поживать, да добра наживать...

В его вещах, которые привезли родным после его гибели, была записная книжка. На первой ее страничке были рукой Юрия написаны стихи:

Я все пишу здесь для того,
Чтоб через много, много лет
От нашей юности беспечной
Остался хоть какой-то след.

Это небольшое по размеру, но емкое по смыслу четверостишие было написано самим Юрой. Должно быть, он и не предполагал, что эти обычные слова станут пророческими в его жизни. Скорее всего, он сделал это по старому солдатскому обычаю: записывать солдатский юмор, стихи, песни, как память об армейских буднях.

Была у Юрия еще одна особенность — часто писать домой письма. В каждое из них он вкладывал душу, и поэтому его письма были похожи на сочинения по литературе. Если бы не война, если

бы Юра остался жив — может, и вышел бы из него журналист или писатель. Кто знает?.. Уж очень своеобразно он воспринимал окружающий мир и умел все увиденное передать на бумаге. Писал письма на украинском языке, который только добавлял колоритности его письмам.

«Привет с берегов Фарахруда! Здравствуйте, мои дорогие родные — мама, бабушка, Володя и Наташенька. С большим солдатским приветом и массой наилучших пожеланий шлю вам свое письмо.

В первых строчках своего небольшого письма хочу сообщить, что жив и здоров, чего и вам желаю. Я уже на новом месте, но ты не беспокойся, мама, ты, наверное, догадываешься, куда меня готовили. Извини, что не писал про это, просто не хотел, чтобы ты переживала за меня лишних полгода. Сейчас я в Афганистане. Сюда мы вылетели из Ташкента 15 числа (октября) в 8 часов утра, а в десятом часу были уже тут. Долетели хорошо. До батальона добрались тоже хорошо. Приехали, нас всем взводом в баню. Потом в столовую. Кормят здесь что офицеров, что солдат — одинаково. Я как увидел наш городок, аж душа запела — тут живут солдаты в коттеджах двух-трехэтажных. Офицеры говорят, что это одно из лучших мест во всем Афганистане. В ста метрах от батальона протекает речка. На территории нашей казармы

бассейн. Этот городок строили еще до революции 1978-го года для какого-то богача болгары по своему проекту. В батальоне есть магазин. Зашел туда — глаза разбегаются. Сколько разных товаров! Нашего нет ничего, все американское, французское, итальянское, начиная с конфет и заканчивая магнитофонами.

Наша часть охраняет военный аэродром. Но, как говорят офицеры, нечего охранять. Провинция Фарах объявлена зоной мира. Это провинция, где уже полгода назад „духи“ сложили оружие...»

«Привет с берегов Фарахруда! Здравствуйте, дорогие мои, мои родные — мама, бабушка, Володя и Наташенька. С большим солдатским приветом и массой наилучших пожеланий шлю вам свое письмо я, Юра....

...Ну, немного о себе. Я живой и здоровый, чего и вам всем желаю. Дела у меня идут нормально. По службе тоже все хорошо. Она помаленьку катится вниз. Дни проходят быстро. До вывода остается еще три недели. Новые места, вывод. Это же интересно. Так смотришь — и осень, зима, а весной уже и домой.

...Как вы там поживаете, дорогие мои? Как хозяйство, что нового в селе? Как погода? Пишешь, дождя на огородах не хватает.

Тут тоже последние дожди были несколько месяцев назад. А сейчас не небе ни тучки. Только солнце печет нещадно, трава уже сухая. Ничего, мама, скоро и мы будем любоваться родной землей, ее полями, ее голубыми водами озер. Осталось еще чуть-чуть, и мы будем дома. Мы тут смотрим телевизор. Показывают вывод наших частей из Афганистана. Даже не верится, что скоро и мы будем проходить такой колонной и нас будут встречать уже в Союзе. Еще напишу отсюда пару писем.

28.03.88 г.».

«Привет с берегов Фарахруда! Здравствуйте, мои дорогие родные — мама, бабушка, Володя и Наташенька. С большим солдатским приветом и массой наилучших пожеланий шлю вам свое письмо я, Юра.

Письмо твое, мам, я получил, за что огромное спасибо. Вместе с твоим пришли письма от тети Гали, Саши Криворучко.

Немного о себе. Я жив и здоров, чего и вам всем желаю. Дела у меня идут хорошо, по службе все хорошо. Она тоже катится вниз. Дни проходят быстро. До нача-

ла вывода войск осталось три недели. Потом время полетит еще быстрее. Сам вывод, потом новые месяцы службы — это же интересно. А там уже и осень. Весной домой. Скупаю тут. Боевые выходы перед выводом участились. Ходим через два дня в наряды. Бывает, посылают на сопровождение колонн. В среду ездили с колонной в Шиндандт. Были в городе. Заглянули в магазины. Есть все что хочешь. Заходишь — аж глаза разбегаются. Особенно в дуканах. Афганцы везут сюда товары из Ирана и Пакистана, продают и тем живут.

Мама, дядя Толя выслал фотобумагу и реактивы. Я наделал фотографий. Вышлю. На фото ребята с моего взвода. Есть фотографии с памятником ребятам, которые погибли 20 февраля.

Мама, ты пишешь, что дождя на огороде не хватает. Тут тоже нет дождей. На небе ни облачка. Только солнце выжигает все живое. Трава высохла. Ничего. Еще осталось чуть-чуть.

Ну, мама, заканчиваю свое письмо. Жду ответа.

Крепко, крепко целую вас всех.

Ваш Юра.

28.05.88 г.»

«Здравствуй, дорогая Наташенька. С большим приветом и массой наилучших пожеланий шлю тебе свое письмо я, брат Юра.

Вот, Наташенька, получил от тебя письмо, за которое тебе большое спасибо. Получил и яблоневый цвет. Понюхал. Аж домой потянуло. Заскучал о нашей хате, за нашим садом. Хорошо там весной. Все в цвету. Скоро, наверное, и наша роза расцветет. И калина. Как там наши яблоньки? Цвели? Будет урожай или нет? Как там мои пчелы поживают? Может, увидишь дядю Витю, то расспроси. Хорошо, Наташенька? Как там Шарик наш поживает — кнопка наша? Такой же лохматый? Ему тоже передавай привет от меня. Скоро выведение в Союз. Будем уже дома. А там, осенью, может, и в отпуск наведуясь...

2.06.88 г.»

Какое хорошее письмо! В нем добрые вести. Обнадеживающие. Скоро домой. Его сестричка Наташа, брат, бабушка и мама с нетерпением ожидают его возвращения. Однако через три недели Людмила Максимовна Рабец получила дру-

гое письмо от командования части, в которой служил ее сын Юра.

От горькой вести защемило сердце, затуманилось в голове, зашпатель все вокруг. Но скупые канцелярские строчки на пожелтевшем листе бумаги ничего изменить не могут.

Как рассказал бывший командир Юры Виталий Мертвищев, группа разведчиков, в которую входил и Юрий Рабец, возвращалась после выполнения боевой задачи. На пути их ждала засада. Разведчики вынуждены были принять бой. Он начался в 6 часов утра 27 июня 1988 года. Действуя смело и решительно, Юра вместе с друзьями отражал атаки наседавших душманов. Ведя прицельный огонь, он уничтожил четырех «духов», чем способствовал недопущению обхода группы с фланга. Спас жизнь своих товарищей. После множества неудавшихся атак противник стал обстреливать наших ребят из минометов. Одна из взорвавшихся рядом с Юрием мин оборвала его жизнь.

Ребята продержались до подхода брони...

Село, узкое и длинное, как будто гигантская лодка, пришвартованная у небольшой извилистой речки. В этой лодке у каждого своя судьба, как говорится, своя широкая дорога. Это — Кожанка. Не дождалось село своего героя. Не довелось Юре полюбоваться синевой родной реки...

Он верил, что вернется. Поэтому на последней страничке записной книжки его рукой написаны эти строчки:

Настанет день
и мы вернемся,
И будут нам светить
издалека
Не звезды на погонах
у комбата,
А звезды на бутылках
коньяка...

Что-то было в нем такое...

Анна Павловна Воложанина, мама Володи Бекботаева, в своем письме была очень кратка. И все же нам стало известно, что большинство писем сына, присланных из Афганистана, потеряно при переезде из квартиры в квартиру. Сохранились только три письма, которые в семье бережно хранят как память о сыне Володе. Мы надеемся, что в этих письмах чи-

татель найдет те крохотные детали, раскрывающие кое-какие подробности армейской службы в Афганистане Владимира Бекботаева.

Все три письма написаны Володей чернилами, но, к сожалению, он не ставил в письмах даты написания. Ясно только, что написаны они в период с ноября 1981 года по июль 1982 года...

Вот уже 20 лет Анна Петровна хранит эти письма сына. И время уже оставило свой след на письмах: они порваны на сгибах, пожелтели от времени... Но прошедшие годы придают особое значение этим строкам. Они помогают сегодня глубже осмыслить прошлое, лучше понять его. Мы полностью приводим содержание этих писем.

«Привет из Афганистана! Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Саша и сестренка Лорочка! С огромным чистосердечным солдатским приветом к вам ваш сын и брат Владимир. В первых строках хочу извиниться за долгое молчание в связи с переездом. Во-вторых, хочу сообщить, что я жив и здоров, чего и вам всем желаю.

Служба идет своим чередом, все у меня нормально. Праздник 7 Ноября встретили нормально, правда, вас не поздравил, вы уж не обижайтесь на меня, в следующий раз поздравлю. Не знаю вот теперь, когда это письмо вы получите, до Нового года или после. И не знаю, как и быть, поздравлять вас или нет, но лучше я вас в этом письме поздравлю с Новым 1982 годом. Вы уж не обижайтесь, что я так рано, но я не знаю, когда письмо дойдет до вас и когда я получу ответ от вас.

Погода здесь такая: днем жара, а уже ночью холодно, но ничего, привыкать надо чуть-чуть к заграничной жизни. Мама, папа, Лора, когда получите это письмо, напишите побольше все вместе, я очень буду ждать ваших писем. Да, мой адрес дайте Любаше, чтоб она тоже написала. Пускай Лора позвонит и даст адрес Любаше. Я, короче говоря, напишу вам все как было, а сейчас заканчиваю. Передавайте всем от меня большой привет.

Пускай все напишут, я буду ждать ваших писем. До свидания, жду ваших писем. Крепко всех целую.

Ваш Вовчик.

Извините за почерк, писал сидя на коленках».

«Здравствуй, сестренка! Получил сразу три твоих письма и очень обрадовался. Спасибо тебе за поздравление, да и за подарок тоже. У меня дела идут нормально. Жив, здоров, не болею. Ну, все вроде бы, больше писать нечего.

До свидания, жду ответа, если понравится, вышлю еще.
Твой брат Владимир».

«Привет из Меймене (ДРА). Здравствуй, моя дорогая мама. Поздравляю тебя с днем твоего рождения. Желаю тебе крепкого здоровья, самого хорошего настроения и всего самого наилучшего в твоей жизни.

Извините меня, мама, за долгое молчание, вот получил письмо с фотографиями и пишу ответ на ваши письма. Мамуля, как ваше здоровье, не болеете ли, как там папа, пишите всё, ничего не скрывайте.

Немного о себе. Жив, здоров, не болею. Погода у нас очень жаркая, но ничего, привыкаем потихоньку, ведь мне еще почти год осталось служить и я буду дома, вот в такое же время я буду сидеть дома и вспоминать, что было, а сейчас мне еще служить и служить, еще пока рано думать о доме, впереди еще почти целый год. Знаете, мама, вот привезли к нам молодых ребят, у них такие детские лица, на себя смотришь и думаешь: неужели так повзрослели, сам себе представить не могу. Да, что там Саша ничего не пишет, или ему некогда, времени совсем мало свободного, что ли. Почему-то я пишу всем письма, всем родным, но ни от кого писем нет уж давно. Всем привет передавайте. На этом писать кончаю. До свидания. Жду ваших писем.

Крепко-крепко целую, ваш сын Владимир».

Многое рассказали Анне Петровне друзья Владимира. Каким он был человеком, солдатом, другом... Написали и нам в редакцию его боевые побратимы.

*Барышников Андрей Викторович,
командир отделения разведки, сержант:*

«С Володией Бекботаевым я познакомился еще до армии, в 1980 году. Я призвался на полгода раньше его. После „учеб-

ки“ попал служить в Капчагайскую бригаду, где снова встретил Владимира. Несмотря на то что первые полгода для солдата самые тяжелые, Володя никогда не впадал в уныние, как многие его сослуживцы. У него была хорошо развита сила воли и, что немаловажно для начинающего бойца, прекрасное чувство юмора. К тому же он был неплохо подготовлен физически.

В Афганистане, в экстремальных условиях очень четко выявляется, кто есть кто. Там нет лжи. Что касается Владимира, то он совершенно не растерял все те качества, о которых говорилось выше. Он был прекрасным товарищем, готовым всегда помочь в любом деле. Старался участвовать во всех операциях, прекрасно владел тактикой ведения боя в горах. Никогда не прятался за спины других. Всегда четко и беспрекословно выполнял все приказы и указания.

Погиб Володя летом 1982 года. Погиб, как герой. Оказывая помощь раненому солдату, он закрыл его своим телом от пуля, за что поплатился собственной жизнью.

Таким я знал этого мужественного, жизнерадостного парня. И скорблю о том, что его нет рядом с нами, живыми. Вечная ему память!»

*Якиманский Сергей Юрьевич,
заместитель командира взвода, сержант:*

«Осенью 1981 года я познакомился с Владимиром Бекбо-таевым в городе Капчагай. Наш батальон вскоре отправили в Афганистан.

Володя был общительным и открытым парнем. Хотя мы и служили в разных ротах, часто собирались вместе и обсуждали разные случаи из жизни на „гражданке“ и на службе.

Рота, где служил Володя, была саперной, и почти во всех рейдах и операциях мы встречались непосредственно во время боя. Володя никогда не прятался за других, был храбрым и инициативным солдатом, что очень важно.

Вскоре наш батальон перебросили в один из самых „жарких“ районов боевых действий — Панджшерское ущелье, где находилась база полевого командира Ахмед-Шаха Мансура. Во время штурма высоты Карилла Володя погиб. Кроме Володи погибли еще 8 солдат...»

От подобных писем мать становилась все сильнее и тверже. Кличному горю прибавилась боль за этих оставшихся в живых, но таких неустроенных, покалеченных физически или подорванных морально парней.

Память о Володе осталась в сердцах многих, с кем он был знаком, дружил. Может быть, со временем ребята из ГПТУ-27 напишут о нем более полный очерк.

А в качестве эпиграфа им надо взять слова, сказанные однажды директором училища: «Вроде такой же, как все. Только было в нем что-то такое, чего не было в других ребятах. Какая-то скрытая сила, что ли, таилась в этом парне...»

Мечтал стать летчиком

Невозможно сейчас, по прошествии 17 лет, восстановить шаг за шагом тот короткий путь, который прошел этот юноша и который дал ему волю и мужество. Можно только попытаться восстановить его образ, тот образ, который складывался годами, под влиянием среды, в которой рос, под влиянием его немногословного, но доброго и заботливого отца, которого он любил и который был для него эталоном мужества, добра и справедливости. Сухроб, подражая отцу, перенял эти качества и стал таким же добрым, сильным и смелым, как его отец...

Сухроб пошел в школу в 1973 году. Это был экспериментальный класс: в нем учились только 6-летние. Его первая учительница Лайли Хаджиевна Ишматова вспоминает: «...Это были маленькие ученики, но очень смысленные, любознательные. Все годы Сухроб учился хорошо. В младших классах был отличником, а в старших появились четверки.

Все годы мальчик был добрым, вежливым, честным, скромным, чистоплотным, очень культурным. Всегда защищал девочек от мальчиков, которые их обижали. Сухроб много читал, был всесторонне развитым мальчиком. Любил искусство. Любил заучивать, а затем декламировать стихи. Хорошо рисовал, очень грамотно и красиво писал...»

А больше всего Сухроб любил небо и самолеты. Он с детства мечтал стать летчиком, строил с друзьями модели самолетов...

«Однажды вижу: Сухроб хромает, — вспоминает его отец, Бобо Шарипович. — Что случилось, спрашиваю. „Так, упал“, — краснея, ответил Сухроб. Оказалось, что он сделал первый в своей жизни прыжок... с крыши дома, используя зонтик в качестве парашюта».

Когда стал старшеклассником, Сухроб занялся парашютным спортом всерьез. Получил третий разряд. Мечты стали реальностью.

В десятом классе обратился в Октябрьский райвоенкомат: «Прошу принять меня кандидатом в Черниговское высшее авиационное училище летчиков имени Ленинского комсомола. Хочу стать офицером, всю свою жизнь посвятить делу защиты своей Родины».

Он успешно сдал вступительные экзамены, но не прошел по конкурсу — не хватило одного балла. От членов мандатной комиссии не ускользнула его увлеченность небом. Ему предложили направление в училище гражданской авиации. Но это не устраивало Сухроба. Он хотел быть только военным летчиком. Он забрал документы и решил продолжить борьбу за свою мечту после армии. А чтобы не терять времени зря, поступил в Донецкое техническое училище учиться на автослесаря: пригодится.

После окончания ПТУ устроился работать на ювелирный завод. Свою первую получку переслал матери, сделал подарок брату, оставив себе лишь прожиточный минимум.

Была любовь. Любил он девочку-умничку, которая так и не дождалась его. Время берет свое: она закончила мединститут, вышла замуж, имеет детей, защитилась и стала кандидатом медицинских наук.

А Сухроб надел военную форму. Прошел подготовку в Ташкенте и в феврале 1985 года уже был в Газни.

В письмах Сухроб успокаивал родителей, что у него все хорошо, что погода прекрасная и особой опасности нет, хотя служба в разведке — это всегда впереди всех.

Вот строки из его последнего письма: «Здравствуйте, дорогие мамочка и папочка! Я жив, здоров. Получил ваше письмо, очень обрадовался. Как ваше здоровье? У нас все тихо. И погода „летняя“. Только ночью чуть-чуть холодает. Привет моим друзьям и родным».

Естественно, что, прочитав эти строки, родители немного успокоились. А тем временем Сухроб уходил в свою последнюю, одиннадцатую операцию.

10 мая 1985 года группа, в составе которой действовал рядовой Бабаев, попала под интенсивный минометный обстрел мятежников. Заняв оборону, воины под командованием капитана А. К. Филиппова вступили в бой, в ходе которого командир был смертельно ранен. Сухроб принял командование группой на себя с последующим решением вывести группу из-под обстрела...

Ребята пошли на прорыв. Сухроб погиб, но жизни многих боевых товарищей были сохранены.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в боях, Сухроб Бобоевич Бабаев награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Двадцатый век сурово хмурит брови.
Мы дети века, стыд нам и позор,
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливалось в мире до сих пор.

Двадцатый век устало щурит веки,
Мы дети века честь нам и хвала:
Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.

Молчали зловещие маравары

...Уже пожелтели извещения о гибели сыновей, письма командиров и солдатские послания. Уже начали стираться из памяти вернувшихся домой солдат имена боевых товарищей, уже с трудом припоминаются их лица и глаза. Уже полиняли пятнистые желто-зеленые комбинезоны, пообмялись некогда хрустящие офицерские ремни. Уже прибавилось седины в их кудрях и морщин на лицах, с которых так и не сошел однажды покрывший их загар... Но не проходит сосущее чувство одиночества и покинутости, чувство какой-то никем не высказанной... неправды. И только неизменными, все такими же юными остались те, кто уже никогда не переступит порог отчего дома. Чужая, каменистая, скудная земля покорно приняла их души, откинув тела.

«Рота формировалась в основном из добровольцев, — вспоминает лейтенант Игорь Семенов. — Где-то, действительно, это были ребята, шедшие по доброй воле, где-то те, от кого избавились. Но, честно говоря, ни одного подлеца в этой большой массе людей, прибывших из разных уголков Союза, не было. Были молодые, полные энергии и сил, которые порой лились через край, ребята. Приходили они из наших бригад в Изяславе, Уссурийске, много было ребят-белорусов из Марьиной Горки. Поначалу было тяжело. Шла так называемая притирка людей в коллективе...»

О том бое в Мараварском ущелье написана целая повесть. Автор ее — П. И. Ткаченко. Он встречался со многими участниками той операции. Вот что вспоминает капитан Сергей Таран: «Слишком тяжело вспоминать о бое. Между делом о та-

ком не напишешь, а времени настроиться на обстоятельное и от души письмо нет. Мне тот бой до сих пор иногда снится, хотя прошло уже много лет. Пытался сложить о нем песню, но не получается, слишком большая разница между словами и чувствами. А было все так.

Наш батальон прибыл в Асадабад, не имея боевого опыта. И хотя мы пробыли в Афгане уже больше месяца, но участвовали только в одной операции, да и то совместно с Джелалабадским батальоном, которая сложилась, в общем, очень легко. Не дала практики напряженных боевых действий, но зато добавила солдатам гонору. У многих в батальоне сложилось представление, что духи нас боятся, что они не воины, готовы все бросать и убегать при одном нашем появлении, что главная наша задача состояла лишь в том, чтобы успеть уничтожить или пленить их до того, как они разбегутся.

Операция в Мараварском ущелье задумывалась как учебная! У самого входа в Мараварское ущелье был небольшой кишлачок, не помню его названия, в котором духи, по данным разведки, выставляли пост в составе до десяти человек, который нам необходимо было обнаружить и уничтожить. При этом другие две роты должны были прикрывать наши действия, заняв ближайшие высоты...

...Задача казалась легкой, а прикрытие — надежным. Да и время выполнения задачи, на рассвете, казалось наилучшим. Единственное, что вызывало опасение, — близость границы с Пакистаном, до которой было километров пять.

...Настроение перед операцией было радужным, как перед опасной охотой. Во всем чувствовалось необычное возбуждение, но скорее радостное, чем какое-то другое. Можно сказать, все хотели наконец-то испытать себя в настоящем бою. И то, что именно нашей первой роте досталась задача непосредственного уничтожения поста, не вызывало у нас опасений. Я командовал четвертой группой. У нас было тяжелое вооружение, то есть гранатометы и огнеметы. На эту операцию решили взять только огнеметы, которые, правда, оказались ненужными. Но вот пришел час операции. Мы начали выдвижение в ущелье. Очень много времени заняла переправа через реку Кунар. Переправлялись мы небольшими группами на двух паромках...

...Затем вышли к афганскому посту „зеленых“, где сделали привал, ожидая, когда вторая и третья роты займут свои позиции на горах, прикрывая нас. Командир роты капитан Цебрук ушел вместе с комбатом на афганский пост для уточнения задачи. До рассвета уже оставалось немного времени, когда он

возвратился. Собрав командиров групп, сказал: «Комбат приказал, что если в том кишлаке не будет духовского поста и мы никого не встретим, то нужно пройти дальше в глубину ущелья до Маравар».

...Плохо ночевала свою последнюю ночь в чужом ущелье на каменной постели Мараварская рота. А с рассветом следующего дня вновь разгорелся бой, теперь уже только за то, чтобы вытащить из этого пекла тела павших. Итог операции — тридцать три погибших...

«В моей бронегруппе было три таджика: Мадиев, Чутанов и Мирзоев. Чутанов и Мирзоев — живые ребята, плохое знание русского языка у них компенсировалось огромным трудолюбием, исполнительностью. Их привезли на той машине, которая прошла в ущелье. В одном отделении десанта лежал уже остывший Чутанов, в другом — раненый Мадиев, он еще был в сознании...»

«В конце концов так и не удалось выяснить, как же погиб Абдурахман Чутанов, — пишет в своей повести „Слово о Мараварской роте“ П. И. Ткаченко. — Свидетельства оказались самыми противоположными. Но это вовсе не значит, что до истины теперь невозможно добраться. Все проходящее не проходит бесследно, оно непременно оставляет свои следы, которые при желании можно различить...»

Анатолий Пашин:

«Кто-то еще помнит о ребятах нашей роты... Я думал, все про них забыли...

21 апреля на этом выходе я не был. лейтенант Котенко оставил меня в роте.

Выход планировался тренировочный, учебный, но все готовились тщательно — как-никак предстоял первый выход. Точно не помню время, по-моему, в час ночи, стали собираться. У всех было отличное настроение, все улыбались.

Сборы были непривычно шумные, был такой беспорядок в палатке, что черт ногу сломит. Впоследствии такого никогда не было. Потом все вышли на плац, на построение. А затем, на пароме переправившись через реку Кунар, двинулись в сторону Маравар. Идти предстояло немного — километра четыре, не более...

Когда ребята ушли, мы прибрались и легли спать. Но где-то около семи утра нас разбудил лейтенант Семенов и сказал, что первую роту зажали в ущелье. Одевайтесь, получайте оружие и вперед. Мы быстро собрались на плацу. Собрали всех, кого могли, и бегом побежали в сторону Маравар. Мы все время психовали, что автозвезд и повара, которые были с нами,

не могут бежать так, как мы. По радиостанции передали, что в третьем взводе есть убитые и раненые.

Пробежали Маравары и где-то через километр увидели Игоря Куриленко и Саню Примакина с Лебедевым. Они были ранены, но легко, и шли нам навстречу.

Мы пробежали еще метров восемьсот и заняли позицию. Обстановку никто не знал. Что, где, кто находится — никто не представлял. Мы ждали, когда к нам выйдут ребята.

Лежали так около двух часов. За это время вышли многие. Все, кроме первого и второго взводов. Мы не знали еще, что уже три часа, как их нет в живых...

Потом увидели первых душманов. Ничего и никого не боясь, они шли на нас. Мы открыли огонь, но духи быстро стали нас обходить справа. Лейтенант Семенов вовремя заметил это и дал команду отходить. Мы отошли в кишлак Маравары. Началось другое ожидание. Связисты постоянно запрашивали первый и второй взвод, но безрезультатно. Молчали наши ребята. Молчали злоеще Маравары...»

Без венков и процессий, в сапогах и берете,
Сбросив капельки пота с непроросших усов,
Я саперной лопатой, сжав проклятье у глотки,
Закопал свою юность у афганских хребтов.

Истинный мужчина

15 февраля 1989 года. Навсегда запомним эту дату — день, когда последний советский солдат покинул афганскую землю. Наконец-то матери перестанут вздрагивать по ночам, терзаемые страшными мыслями. Но многим из их никогда не увидеть своих сыновей.

Одна из них — Ольга Семеновна Бескровных. Да, это не только их, с отцом Константином Александровичем и дочерью Надеждой, боль. Это и наша с вами боль. И долг каждого из нас, живущего на земле, — помнить павших.

«Игорь без прикрас был истинным мужчиной — умен, сдержан, смел, — пишет Ольга Семеновна. — Никогда не прятался за чужие спины. Увлекался спортом: плаванием, легкой атлетикой. Уже за два года до училища входил в сборную Азербайджана по пятиборью. После окончания школы № 53 в Баку попытался поступить в институт физкультуры — неудачно. На следующий год решил поступать в Бакинское высшее общевойсковое военное училище.

Я не собираюсь выдумывать легенд, не хочу приукрашивать биографию моего сына. До армии он был обычным молодым человеком. Как и большинство: славный, прямой, добрый парень. Он и в училище, и в Афганистан пошел добровольно. Тут уж никуда не денешься — сказалось родительское воспитание на героико-патриотических примерах».

После училища Игорь служил в Армении, потом в Грузии в городе Лагодехи в соединении специального назначения. Когда перед командировкой в Афганистан приехал в отпуск, родители просили его отказаться, но он сказал, что не имеет права на это как офицер: «Или пан, или пропал» — были его слова. Еще мечтал поступить в Военную академию.

Из Афганистана Игорь писал: «16 февраля 1986 года прилетел в Кандагар. За то, что опоздал из отпуска на четверо суток, комбат ничего не сказал, все понимает. Комбат у нас замечательный, и чем больше служу под его началом, тем больше убеждаюсь в этом.

Сразу же пришлось браться за работу. Так много всего нужно было сделать, что поначалу и не знал, за что хвататься. Сейчас постепенно все нормализуется. Взвод у меня хороший, техника (бронетранспортеры) тоже. Что примечательно — солдаты, несущие службу в Афганистане, совсем по-другому относятся к ней, чем в Союзе. Они как-то серьезнее и ответственнее относятся к поручениям. Это объясняется, наверное, еще и тем, что все они уже не раз принимали участие в боевых действиях и понимают, что все, чем мы занимаемся в свободное от боев время, скажется в конечном счете на успехе той или иной боевой операции, ну и, конечно, вопрос жизни. Многие из них уже имеют награды и стали настоящими бойцами.

В основном это касается старослужащих. На них всегда можно не только положиться, но и поучиться кое-чему. Часто расспрашиваю их о боевых действиях, в которых они участвовали, об обстановке, которая складывалась в ходе боев, и о том, как они ее решали. Таким образом, пока приходится набираться опыта. Делаю выводы для себя из тех успехов и ошибок, которые у них были.

Вчера вернулся из своего первого боевого выхода. Взяли большое количество оружия и 10 пленных...

Мама, прошу тебя, не переживай. Все у меня „хоккей“. Я буду осторожен. Вы себя там берегите. Пишите, какие у вас новости. Игорь».

Будут еще налеты, шестидневное наблюдение за противником на высоте 2600 метров над уровнем моря, окончившее-

ся большим успехом, будет представление к награде, участие в трех засадах, последняя из которых оказалась роковой.

26 апреля 1986 года грозным было небо над Игорем. В тот день после 17-километрового марша разведчики вышли к кишлаку Герколай. До кишлака оставалось 200–250 метров, решили передохнуть, осмотреться. Прошло 10–15 минут, и уже должна была прозвучать команда группе захвата... как вдруг с восточной стороны, со стороны Пакистана, послышался легкий шум. Он становился все отчетливее. Вскоре уже можно было различить два темных и два белых пятна — колонну машин. Времени на организацию обороны не оставалось. Разведчики приняли бой. Натиск врага был силен. Бой продолжался около десяти часов. Враг был уничтожен. В ходе боя Игорь был тяжело ранен, но, истекая кровью, продолжал руководить боем до последней минуты жизни. Игорь погиб, честно выполнив долг Воина.

Он не оставил родителям внуков, не успел жениться. Только порадовался своим племянницам.

Своей короткой жизнью он приумножил величие советского офицера. Поэтому и память о нем бессмертна.

«Поговори со мною, мама»

Я писать не стану
о баграмской пыли,
Тряске в бэтээрах
в горных кишлаках,
Что во время рейда
в перестрелке были,
И ложились пули
рядом в двух шагах.

Шумными ручейками бегут в среднюю школу девчонки и мальчишки. Ребятчи ручейки огибают тесно посаженные вокруг здания березки, тополя, молодые рябины — школа прячется за деревьями, словно в маленьком лесу. Лесок этот ярко зеленеет ранней весной, шумит под дождями летом, а там, смотришь, осенний ветер уже срывает с деревьев последние листья, и вот — зима. Как быстро летит время...

Недавно на фасаде школы появилась мемориальная доска: «Хамалко Юрий Михайлович. 1965–1987 гг. За мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в Рес-

публике Афганистан, награжден орденом Красной Звезды, по-смертно».

А перед Новым годом чьи-то добрые руки положили к ней красивую еловую ветвь, как знак: мы тебя помним, Юра.

Любил, мечтал, жил... Как горько писать в прошедшем времени о человеке, которому не исполнилось и двадцати двух лет, о высоком, стройном, красивом парне с большими добрыми глазами.

У него было много друзей. В доме, где жил. В школе, в Тюменском высшем военно-инженерном командном училище, где получил заветные лейтенантские звездочки. И в войсках.

Очень любил природу, очень любил лес. И, наверное, не раз там, в Афганистане, снилось Юре, как он мальчишкой идет с друзьями в лес. Как они долго бродят среди берез и осин, залезают под колючие ветви елок, собирая грибы, и, как всегда, он самый удачливый. И еще ему, наверное, снилась река и то, как плывут они с ребятами на лодке и теплым летним вечером ловят рыбу, варят уху, а потом долго-долго болтают у костра.

И часто, очень часто он вспоминал родной город. Дом, родители, друзья...

Юрина мама не скрывает — баловался в детстве, как все дети. Мог увести класс в кино или рассмеяться на уроке, что тогда считалось смертным грехом. Но в то же время не был вредным. Если что и делал, то без злого умысла. Когда стал чуть постарше, занялся серьезно спортом (у него был разряд по гандболу), даже убедил маму в необходимости перевода в другую школу, где был спорткласс. Времени на всякую ерунду просто не оставалось. Из каждой поездки на соревнования обязательно привозил полезные подарки и, заглядывая маме в глаза, спрашивал: «Ты довольна?».

Как-то так сложилось, что у него не было от мамы секретов, он делился с ней, советовался, даже иногда просил: «Поговори со мной». Так что выбор военной специальности они сделали вместе. Вместе поехали в далекую Тюмень. Потом она приезжала к нему на присягу.

Конечно, трудно было. Если сначала он говорил, что хоть зиму увидит настоящую, то потом, когда снега покидал вдоволь, восторга несколько поубавилось. Что ни говорите, а для человека, выросшего на юге, суровый климат Севера — достаточно жестокое испытание. Да и по дому скучал. Так что было бы не совсем верно утверждать, что все сразу же было хорошо. Но со временем втянулся, почувствовал вкус и к армейской службе, и к военной профессии. И уже потом, когда приезжал в отпуск, даже немного тянуло назад, в училище.

А местом службы для всего выпуска стал Туркестанский военный округ, для начала город Ашхабад. Люди военные, достаточно прослужившие, сразу бы определили, где предстоит служить новоиспеченным офицерам. Но им и в голову такое не пришло. Даже когда стало ясно, что определяют в Афганистан, он не спешил сообщать об этом родным. Когда наконец позвонил, был краток. И на вопрос: «Когда?» — четко, по-военному ответил: «Завтра». Пожалуй, впервые в жизни он солгал. До оправки оставалось где-то дней десять. Но понимал, что если мама об этом узнает, она обязательно приедет.

Летели домой маме, жене и друзьям письма о том, что у него все замечательно, ко всему привык, но о себе мало, скупо...

«Живу нормально, служба идет тоже нормально, здоровье хорошее».

Юра, оберегая родных от тревог, сумел убедить их в том, что там, где он служит, не стреляют, что ходит в караулы. И только однажды, извиняясь перед мамой и женой за долгое молчание, обмолвился: «...ездил первый раз на операцию. На операции, конечно, очень тяжело, но зато интересно лазить по горам, хотя очень тяжело на них залезать по 3,5 тысячи метров, да еще нагрузки по горло. Ну а больше об этом ничего писать нельзя, сами знаете, ведь это учения!».

Он вел дневник, в котором описывал почти каждый прожитый день. А сначала — очень подробно: как приехали, досада, что у кого-то день рождения, а у него ни денег, ни подарка. И тут же оптимистическая строчка: мол, ничего, что-нибудь придумаем.

Прошло столько лет, но мама до сих пор помнит одну из записей дословно:

«Сегодня вышли из боя. У меня погиб один солдат. Я так хочу, чтобы это была последняя смерть в моей жизни!».

Очень жаль, что так не бывает. И смерти были, и раненые. И тот неожиданный последний бой, когда наша засада, ожидавшая караван из Пакистана, столкнулась с душманской...

Только по выписке из наградного листа можно судить о том, что Юра называл «учениями».

«Хамалко Юрий Михайлович. Командир взвода минирования. В Республике Афганистан с декабря 1986 года. Принимал участие в 5 боевых операциях и в 12 реализациях разведыва-

тельных данных по уничтожению бандформирований мятежников...

Так, 4 марта 1987 года разведотряд, в состав которого входил взвод минирования, находился в засаде в ожидании каравана из Пакистана. Неожиданно с господствующих высот разведчики подверглись интенсивному обстрелу душманов. Опасаясь окружения, лейтенант Хамалко Ю. М. приказал взводу отходить, а сам остался прикрывать своих бойцов...»

«Привет из Афгана! Здравствуй, моя родная мама! Только что приехал с учений... Я жив, здоров, служба идет нормально... Так хочется домой, когда же я буду дома?»

Самый обыкновенный

Не дано человеку знать, что с ним будет завтра. Он лишь может размышлять о прошлом, радоваться настоящему или грустить о нем и непременно верить в будущее. Миркасым Шербеков на войне, наверное, тоже верил в свое завтра.

В двадцать лет трудно себе представить, что будущего может просто не быть, что жизнь, возможно, кончится настоящим — сегодня утром, днем или вот прямо сейчас. Пролетит пуля, разорвется граната, и все останется позади — короткая жизнь и трагическая смерть.

Миркасым ничего не успел совершить. Незаметный мальчик, самый обыкновенный — таким он остался в памяти тех, кто знал его при жизни. Им трудно вспомнить что-то особенное в короткой биографии этого паренька. Да и немудрено. Обыкновенный мальчик родился в обыкновенном селе нашей огромной страны. Вырос в обыкновенной многодетной семье, где жить означало трудиться. Так бы, наверное, и жил Миркасым, работал на пользу себе и людям.

Между тем уже раскручивался огромный страшный жернов афганской войны, порожденный бездушной антинародной системой. Перемолов за девять лет тысячи людей, не пощадил и этого узбекского мальчика. Что ему еще одна песчинка в общем океане жертв, еще одна несбывшаяся жизнь, еще одна нелепая, бессмысленная смерть...

Трудно писать о Миркасыме. О мальчишке, взявшем на свои плечи самое тяжелое, что существует в этой жизни. Такие не спрашивают: «За что?», «Кто виноват?», «Кому это нужно?». Они идут туда, куда их посылают. И погибают. Погибают в девятнадцать — двадцать лет не потому, что столько им отмери-

ли богини судьбы Мойры, а потому, что так решили обремененные властью люди, умеющие складно говорить о долге.

Вряд ли много счастливых минут было в короткой жизни Миркасыма Шербекова, гораздо больше трудностей.

На наш запрос ответил ближайший друг и однополчанин Миркасыма Алжанов Тохир. Мы приводим его письмо полностью.

«Детство у Миркасыма было, как у всех детей — мимолетным. Наше село было небольшое, с глинобитными домами, построенными на южный лад. Земля и природа нашего края щедры. Мой друг, как истинный сын этой земли, тоже был очень щедр. Он всегда отличался удивительной отзывчивостью и чуткостью, был всегда предупредителен. В детских шалостях его была удивительная мудрость и спокойствие. День начинался с его крика во дворе, и мы уходили играть в „войнушки“, где всегда командовал он. Детство у каждого человека бывает кратким, как мгновение, а детство Миркасыма — это огромный мир страстей и увлечений. К любому делу он относился очень серьезно. Мы могли не прийти на игры, и тогда он говорил нам о важности самосознания... Однажды мы купались на речке и услышали крик о помощи. И только Миркасым прыгнул в воду на помощь утопающему. Мы, конечно, тоже помогли ему. Этот поступок поднял нас в собственных глазах, но опять же благодаря Миркасыму. Всегда такой улыбчивый, доброжелательный, он в нужный момент проявлял себя как волевой человек. Миркасым был создан быть первым.

Он очень радовался, когда в 1965 году пошел в среднюю школу № 65 имени Поповича, которая потом была переименована и стала называться именем С. Лазо. Как он радовался. Он говорил, что мы постигаем мудрость, которая накоплена веками, и мы не имеем права не учиться. Не имеем права не постичь этой мудрости. Учебка Миркасыму давалась легко. Очень хорошо ориентируясь во всех предметах, он иногда помогал нам. Не обижался по пустякам, но никогда не прощал измены, предательства.

После школы он поступил в Ташкентский сельскохозяйственный техникум, стал агрономом. У него и с девушками получалось лучше, чем у нас. Однажды встретил Назиру. Первое чувство переросло в большую, красивую любовь. Он очень дорожил ею. Провожая его в армию,

Назира обещала ждать его. „Только не клянись, — сказал он, — Жди меня, и всё“, — и вытер ее слезы руками. Откуда ей было знать, что видит любимого последний раз, последний раз обнимает.

Нас призвали вместе. Вместе служили в „учебке“. Шесть месяцев пролетели, как один миг. 7 декабря 1979 года нас подняли по тревоге и в полной боевой выкладке повезли на аэродром „Тузел“, где нас уже ждали два самолета „Ан-22“. Впереди нас ждал Афганистан. Приземлились в Баграме. Там и познакомились с группами спецназовцев из КГБ СССР. Мы в то время не знали, что вместе с нами прилетел и новый президент Афганистана Б. Кармаль. Началась подготовка к штурму дворца Амина.

Трудно передать все что было потом. Это был ад. Трудно было понять, кто и откуда стреляет. На нас была афганская форма, повязки на руке, и каждый знал пароль. Мы потеряли чувство времени. Во время боя на втором этаже увидел Миркасыма. Он пытался помочь раненному в позвоночник пулеметчику Таракулову. В следующее мгновение рядом с другом разорвалась граната, осколки вошли в затылок...»

Миркасыма помнят. Но лучше бы он жил!

Не дожил...

Армейской службы он не боялся, наоборот, мечтал о трудных, продуваемых всеми ветрами десантных войсках. Но жизнь подготовила более серьезный экзамен на прочность — Афганистан.

Все письма, которые Аниса Давлятовна хранит, как великую святыню, примерно одного характера, словно и не на службе сын, а на курорте... Да разве обманешь материнское сердце?

«Сейчас совсем ничем не занимаемся, находимся как в доме отдыха. До обеда — загораем, после обеда искупаемся в речке и играем в волейбол».

«А сюда, в Панджшер, я сам захотел. Написал рапорт о переводе и нисколько не жалею...»

«Не служба, а романтика: кругом горы, как в пионерском лагере».

«Здравствуйте, дорогие мама и папа. Сгорячим приветом к вам ваш сын Равиль. Дела и служба у меня идут нормально, без изменений. Сейчас ни на какие операции не ходим. Дембелей отправляют домой.

Если вам что-то рассказывают — не верьте. Служба везде одинаковая, что в Союзе, что здесь.

Здоровья вам, не болейте. Скоро я приеду, все будет хорошо.

Целую, Равиль».

В каждом письме писал, сколько дней осталось до приказа. В последнем сообщил: осталось 38 дней. И не дожил.

В его письмах не было строк о выстрелах и боях; да, впрочем, мало у кого из ребят тогда в восемьдесят втором это могло быть. Ведь в Союзе в то время большими тиражами выходили убаюкивающие общественное мнение книжки, в которых рассказывалось о том, что воины-интернационалисты «помогают дружественному афганскому народу строить социализм».

В те самые августовские дни 1982 года, когда в дом Байджановых катилась из Афгана беда, а общие потери перевалили далеко за пять тысяч человек, в одном из центральных издательств подписывалось к печати очередное подобное издание. К каким только ухищрениям не прибегали авторы, чтобы скрыть войну. Учебный процесс, учебный марш, учебный полигон... Противник — только условный, а бой — непременно в кавычках.

Грех, конечно, винить журналистов, работавших в тех условиях жесточайшей политической и военной цензуры. Но ведь никто и не заставлял писать такие, скажем, строки: *«Не всегда удается, например, возвратиться с гор к обеду или к ужину. А солдат должен принимать горячую пищу. Поэтому нередко находящимся на занятиях воинам обед доставляют вертолетом...»*

Такие вот тактические учения... с опозданием к ужину.

И лишь цинковые гробы, приходившие в российские деревни и города, подтверждали, что наши мальчики там воюют. Воюют и погибают, честно выполняя свой воинский долг, проявляя отвагу и личное мужество. И как же не хватало этого мужества гражданам великой державы. В лучшем случае — молчали. В худшем — сеяли ложь...

А правда? Правда в том, что «27 августа 1982 года отделение саперов, во главе с ефрейтором Байджановым Р. У. было придано мотострелковой роте, выдвигавшейся в район боевых

действий. Действуя в составе отряда обеспечения движения, отделение десантников обеспечивало продвижение подразделения вперед. Разведка дороги велась под огнем мятежников. Саперы обнаружили и обезвредили 2 противотанковые мины, чем обеспечили успешное продвижение роты. В ходе разведки отделение десантников скрытно вышло во фланг „духам“. Внезапной атакой саперы уничтожили несколько огневых точек противника, создав условия для выполнения боевой задачи мотострелковой ротой. В ходе боя Равиль Байджанов получил смертельное ранение и умер на поле боя».

Родителям никто не возместит тяжелую утрату. Болью в сердце живут воспоминания о том страшном дне...

Один из них...

А мы не исповедовали зло,
Хотя порою зло мы наступали.
Погибли те, кому не повезло,
Но смерть друзей врагу мы
не прощали...

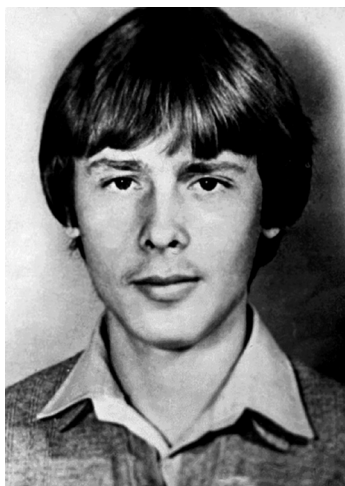
А письма все шли и шли. Восьмого июня, девятого... Лилия Михайловна, мама Дмитрия Адаменко, вынимала их из почтового ящика, и ненадолго отпускала тревога: жив, здоров. Все так же заботлив и нежен ее Дима.

В сентябре ей сообщил, что ее сын, разведчик Дмитрий Васильевич Адаменко, погиб, исполняя интернациональный долг.

Заканчивался 1984 год.

В сердце Лилии Михайловны свежи воспоминания о детстве сына.

...Вот Дима готовится идти в первый класс школы № 244. Учиться он сразу стал хорошо, был почти отличником, и учителя говорили маме: «Смышленный мальчик». Потом, правда, оценки стали хуже, как нередко бывает, но тяга к учению осталась. Восемь классов окончил на «4» и «5». В связи с переездом на новую квартиру «десятилетку» закончил в школе № 151. В аттестате зрелости была только одна тройка — по химии. Учебно продолжил в ГСПТУ № 124, где получил специальность программиста. Но государственные экзамены сдать не успел — помешала армия. Диплом «с отличием» получила за сына Лилия Михайловна уже потом.

...Воспоминания детства. Обычно они вызывают улыбку, согревают своим давним теплом, но у Диминой сестры Тани заставляют сжиматься сердце в щемящей боли.

В добром и открытом доме Адаменко и дети росли открытыми и добрыми.

Вечерами семья собиралась на кухне. Обсуждали, что у кого случилось — в школе и на работе. Если бывали неприятности, вместе искали выход, если радость — тоже делили на всех. Вместе решали и что купить из вещей.

Дима и профессию выбрал мирную. Может быть, потому и выбрал, что по-настоящему любил людей, любил жизнь.

Тогда уже войска были введены в Афганистан. И всем объясняли, что это делается «для защиты южных границ Родины и наших друзей».

И долг перед Родиной. Воинский долг.

В Афганистан его отправили в 1983-м. Письма приходили сдержанные и успокаивающие.

«Здравствуйте, мама, папа, Танюша! У меня все хорошо. Здоровье в порядке.

Танюша, мама, не волнуйтесь, мы уже из Панджшера уехали и сейчас находимся в Газни. На операции сейчас не ходим, дали время отдохнуть. Погода у нас жаркая, наверняка градусов 50 жары есть. В Панджшере были полтора месяца. Там сейчас все поспело. Там уж фруктов я наелся разных!.. Но, правда, и „духов“ там море.

Как там у вас дела? Как здоровье? Передавайте всем большой привет.

До свидания. Крепко всех целую!

14.07.84 г.».

Через несколько месяцев Дима, как и многие наши ребята, стал другим. Жестче стали черты лица, и глаза, всегда полные света, стали, казалось, темнее и глубже, словно прятал в них большую боль.

Душа его болела. Он видел кровь и смерть. На его глазах — в какие-то мгновения — стал седым девятнадцатилетний парень, когда увидел, что сделали с его товарищем душманы. Он знал, что для афганцев, объединившихся под зеленым знаменем «джихада» — «священной войны с неверными», все они были врагами, независимо от того, пришел ли ты в кишлак с автоматом или с грузом продовольствия и медикаментов. Он, привыкший любить и ласкать все живое, должен был тоже убивать.

29 сентября 1984 года группа, в состав которой входил рядовой Д. В. Адаменко, вела засадно-поисковые действия в районе горы Шераликомар. Это была 38-я боевая операция Димы. При движении по заданному маршруту группа была встречена превосходящими силами противника. В результате завязавшегося боя группа была вынуждена отходить. Дмитрий обеспечил отход группы на выгодный рубеж, уничтожив при этом 7 мятежников. Удерживая занимаемую позицию в течение часа, Дима был смертельно ранен и скончался на поле боя.

Диму помнят. Он жив в памяти многих людей. И это важно, чтобы мы помнили. Чтобы создавались Книги памяти, Книги скорби — как предостережения, как вечно звучащий колокол. Ведь за каждой похоронкой — чья-то судьба. Чья-то оборвавшаяся жизнь.

А кто измерит, чем стал Афганистан для друзей погибших, для их близких, родных. Для осиротевших матерей?

29 сентября — день Димы Адаменко, старшего разведчика-пулеметчика спецназа, выполнившего свой долг до конца и не запятнавшего чести. 29 сентября — День его Памяти.

Неповзрослевший сын

Будто на роду ему написано было стремиться туда, где потяжелее. Попал Алтынбек на службу не куда-нибудь, а в самое пекло, в Афганистан. Сапером-разведчиком. А это значит — на передний край переднего края.

Четыре месяца ему удавалось выходить из огня живым и невредимым. А завтра снова идти в самое пекло. Не мастер вести разговоры, спокойный, улыбчивый, справедливый во всем, за что брался, неприхотливый — он из тех, чьи лучшие качества еще сильнее проявляются в ситуациях экстремальных. Боевые друзья рассказывали: с ним можно было идти в разведку, на разминирование, зная, что, как бы ни сложилась самая рискованная операция, он не струсит, не оставит в беде.

А родился Алтынбек в большой дружной семье Ализаха Анарова и Манат Смайловой. Кроме него было еще три брата и пять сестер.

Как и все наше поколение, вырос, считая своими героями молодогвардейцев, героев Великой Отечественной войны.

Учился легко и непринужденно. Восемь классов закончил с отличием.

Однажды обняв маму, сказал: «Я буду машинистом теплового. В один прекрасный день я посажу тебя на поезд и покажу весь Советский Союз».

«В те годы действовали нелегальные секции каратэ. Никто из нашей семьи не знал, что Алтынбек посещает эту секцию, — пишет сестра Нагима. — У него были все физические данные для этого — атлетическая фигура, рост и характер. А характер у брата отличался от других братьев твердостью, решительностью. Будь он немного мягче и нерешительнее, он бы не поехал служить в Афганистан».

Уже физически хорошо подготовленным молодым человеком он был призван в армию. Шесть месяцев «учебки» в Чирчике, и... Афганистан, Газни. Родные пытались сделать все, чтобы Алтынбек не попал на войну, но он наотрез отказался: «Я должен поехать воевать. Если вы меня оставите, то я все равно уеду добровольцем».

В Афганистане Алтынбек почувствовал, что война — это дело серьезное. Иногда это выражалось в его письмах. В каждом из них он писал:

«У меня все хорошо. Я выполняю свой интернациональный долг». В одном из писем он писал брату: «Калбек, сфотографируй улицу, наш дом, двор и вышли мне фотографии. Я так соскучился по дому. Особенно по маме. Когда ты рядом с ней, оказывается, не так ценишь ее. А сейчас, увидев ее фото, я расплакался, как мальчишка».

3 октября 1984 года, выполняя боевое задание, группа разведчиков проводила разминирование дороги. Моджахеды обнаружили группу и обстреляли ее. Пытаясь эвакуировать раненого товарища в безопасное место, Алтынбек получил смертельное ранение и скончался в госпитале.

«4 октября 1984 года был обычным днем. Кто был на работе, кто в школе, — рассказывает Нагима, сестра Алтынбека. — Мама одна оставалась в доме. Приехали люди в форме и принесли с собой горькую весть о гибели нашего брата. Мать (мы думали, что она не перенесет) потеряла сознание. Вся плане-

та в этот день была для нас в трауре. Похоронили его 6 октября 1984 года.

Вот так Афганистан отнял у матери сына, а у нас брата. Мама и сейчас подолгу сидит перед портретом так и не повзрослевшего сына...»

Имя Алтынбека Анарова носит родная улица. В школьном кабинете — стенд, посвященный памяти Алтынбека.

В центре города Газалкент стоит памятник 25 воинам-интернационалистам Бастанлыкского района. На переднем плане — образ скорбящей матери. Сзади — скалы Афганистана и «черный тюльпан»...

Когда со службы, из ГДР, вернулся друг Алтынбека — Алтынбек Серикбаев — он посадил на могиле друга миндалевое дерево. Сейчас оно стало большим и цветущим...

Проявил мужество и отвагу

Шухрат Бурибаевич Адылов пополнил счет наших жертв в афганской войне. И через четыре месяца после гибели его наградили орденом Красной Звезды. Орденом, который достался ценой его жизни.

Шухрат Адылов был человеком мирным и воевать не собирался. 1 сентября 1973 года он пошел в первый класс школы № 36 имени Фатхуллы Пулатова. Его учительница по родному языку и литературе Матлуба Нурматова, вспоминая о своем ученике, говорит, что он не терпел нечестность, несправедливость, ложь, унижение, защищал слабых.

После окончания школы работал в кондитерском цехе завода «Таштекстильмаш». Неоднократно награждался грамотами за отличную работу. Активно занимался спортом. Имел 1-й разряд по футболу.

Уходя на службу в Вооруженные Силы СССР, он отдавал свой гражданский долг по защите Родины, а вовсе не жизнь. Но его не спросили, как, впрочем, и всех остальных, прошедших горнило афганской войны. А если уже совсем по правде, то мы и не очень задумывались тогда о последствиях приказов, и на войну первые наши парни ехали с малой тревогой и большим интересом.

Служба Шухрата началась в городе Чирчик Ташкентской области. Потом — Афганистан. За восемь месяцев войны пороку нюхнул изрядно. Афганская революция переросла в гражданскую войну. Отряд специального назначения, в котором служил Шухрат, практически не выходил из боев.

Шухрат был командиром отделения разведки. Но сержантские лычки не радовали его. Он уже видел, как гибнут ребята и как горят танки и падают на землю подбитые «МИГи» и «вертушки».

Жара, пекло, нестерпимый, чудовищный ад под броней машины летом. Нет, служба медом не казалась. Они, эти мальчишки, рядовые войны, считали месяцы и недели до «дембеля», и многие сомневались, что дождутся своего дня.

Шухрат Адылов тоже ждал конца своему сроку, ждал писем из дома, писал на родину. Писал, что все нормально. Живем, мол. И будем жить.

Да не так обернулось. Они шли в голове, дозором. Свалились с бархана и увидели перед собой большую группу душманов. Те сидели в засаде по обе стороны дороги, ждали их отряд. Видно, на марше рассчитывали взять его в оборот. И могли бы, так как смеркалось, вот-вот наступит ночь, а моджахеды, надо отдать им должное, в ночном бою мастера. Да еще у себя дома. Командир дозора принял решение атаковать противника, чтобы основные силы разведотряда могли перегруппироваться. Сверху они были как на ладони, но и «духи» были на виду. Спускаться вниз не имело смысла. В долине они хорошо постреляли бы, и только. А командир хотел разбить «духов». Да и фактор внезапности был на стороне разведчиков.

Моджахеды не ожидали, что встретят вначале разведдозор. Они сами рассчитывали атаковать неожиданно. Десантники открыли огонь первыми. Много «духов» отдали Аллаху души, но живые моджахеды умели драться и под огнем. Бой шел два часа, пока под напором главных сил отряда моджахеды не были сломлены. Шухрат Адылов пал смертью храбрых в этом бою.

Именем Шухрата назван один из отрядов школы № 36, где он учился, создан уголок Памяти, посвященный жизни и подвигу героя. Одна из центральных улиц села Иркин названа именем Шухрата Адылова.

9 мая в Узбекистане объявлено Днем Памяти. В этот день у входа в школу появилась мемориальная доска, сообщающая

каждому входящему, что здесь, в этих стенах учился герой-разведчик.

Идут годы. Новые потрясения и войны полыхают по просторам бывшего Союза, революции сменяют одна другую и кто победит в этой войне теней, никто не знает. Куда идем — тоже не ведаем толком. Социализм ли строим «с человеческим лицом», капитализм народный, общество ли без будущего?

За новыми заботами забываем утраты, историю и уроки ее. Забота о куске насущном затмевает нам память. И мало и редко уже вспоминаем мы погибших невинно и понапрасну, в суете звереем и потихоньку утрачиваем все малое, что осталось в нас от нормального человека.

Остановиться бы и подумать, повиниться. И поддержать бы друг друга, подставляя плечо, как полвека назад. В единстве сила человеческая!

Настоящий мужчина

«Привет из Афганистана! Здравствуйте, мать и отец. С большим приветом к вам, Рахимберди. Служба идет нормально, кормят тоже хорошо. Ну что еще писать, народ здесь большинство неграмотный, мулла для них — это все. Слушал, как он читает эти молитвы, но ничего не понял. Одеваются интересно, женщины и сейчас в парандже ходят. Пишите, как у вас дела. До свидания».

Тысячи таких писем пересекали нашу южную границу. Их ждали с замиранием сердца. Хотя бы несколько строчек. Хотя бы два слова: жив-здоров.

Есть в людях какое-то недалекое, но устоявшееся убеждение, что лишь та смерть достойна солдата, которая настигла его в бою, от руки врага. Это, мол, и есть подвиг. И мало кто задумывается, что не смерть, а жизнь на войне — главное.

Жил в Ташкенте Рахимберди Икрамов. Как жил? Обыкновенно. Учился сначала в школе № 38, а после пятого класса — в школе № 102. Учился без залетов, но и без отставаний. Товарищи его любили и уважали. За что? Да просто ценили столь редкие в наше время и в таком возрасте качества, как душевность, доброта, внимание. Вглядитесь в его фотографию — эти качества у Рахимберди на лице написаны. Родители его вспоминают: «Бывало, придет к нам кто знакомый, нас нет, он пригласит, усадит, накормит, короче, все сделает, да так по-доброму, с улыбкой...»

После школы планировал поступать в институт. И если бы не случайный расклад судьбы, то армия стала бы просто очередным этапом биографии, который потом отмечался бы одной строчкой в анкетах: «После службы в Советской армии...» Но «после» не было. Армия стала последним периодом жизни.

Многие из нас, служивших в то время, одурманенные пропагандой, мечтали — да-да, как это ни странно звучит, — именно мечтали попасть в Афганистан. Но не всем добровольцам туда дорога была открыта.

А вот Рахимберди попал. Был назначен командиром отделения разведки после трехмесячной подготовки в чирчикской «учебке». И началась боевая служба.

Как и многие другие его одногодки, он был безотказен в работе. Его ценили, на него рассчитывали. Он не ныл, когда приходилось особенно тяжело. А это случалось часто — на войне солдатских рук не жалеют.

«В рейды его брали часто, — вспоминают друзья-однополчане. — Почему? Ну, в рейды обычно берут ребят таких шустрых, боевых. Старший сам себе отбирает группу, человек двадцать, а в рейде всякое бывает, иногда и пропитание себе раздобыть надо, и поворачиваться уметь, чтобы в живых остаться. Рахим и был таким шустрым и вертким».

Один из «афганцев», недолго побывавший рядом с Рахимберди в «учебке», рассказал, как они однажды встретились в горах Афгана. В ущелье произошло кровопролитное сражение. Погибли десятки наших солдат. Большая группа солдат, в которой был и Рахимберди Икрамов, возвращалась с места боя, неся на себе под знойным южным солнцем тела погибших товарищей. «Я не сразу узнал его, почерневшего, осунувшегося. Слов не было. Мы постояли несколько секунд, посмотрели в глаза друг другу и молча разошлись. Каждый своей дорогой».

В тумане звезд уходит батальон
В заранее намеченную базу,
А нас сюда солдатский долг зовет,
Нас всех сюда прислали по приказу...

Подобного рода фронтовые стихи позволяют отчасти проследить, как непросто было нашим солдатам осознавать смысл войны, совмещать такие понятия, как верность воинскому долгу и обязанность выполнять его с оружием в руках на чужой земле.

Ни Рахимберди, ни многие другие парни, сложившие голову в Афганистане, не нашли ответа на вопрос: зачем?

А тысячи матерей получили маленькие страшные бланки-похоронки со словами: «...погиб, выполняя интернациональный долг...» Они стали получать их с первых дней этой войны...

Вот прозвучал таинственный набат,
Мы в три минуты покидаем роту,
Ведь мы сейчас летим в Джелалабад,
Как будто так и надо, на работу.

Они прилетели тогда на работу. 14 декабря 1985 года в разведку пошли одни «старики». Боевая задача была сложной. Пошли самые-самые. И моджахеды не прошли. Мало того, что не прошли, — никто живым не ушел. На их тропе встали простые парни в голубых беретах. Не обошлось без потерь и у разведчиков. Так, увидев, что в командира целится «дух», рядовой Рахимберди Рахманович Икрамов сделал бросок и закрыл командира своим телом...

Народная мудрость гласит, что настоящий мужчина должен сделать в жизни три главных дела: построить дом, вырастить сына и посадить дерево.

Рахимберди Икрамов не построил дом. Не вырастил сына. Не посадил дерево. Но кто усомнится в том, что он настоящий мужчина?!

Боевым награждается орденом

Вдали показались еле заметные огоньки-звездочки. Это приветливо светилась его родная Бричмулла. «Неужели ошибся и вышел из автобуса раньше? — пронеслось в голове. — Да, действительно. Теперь до дома еще несколько километров. Это минут двадцать-тридцать ходьбы. Но ведь так хочется побыстрее увидеть родных!». И, набрав полную грудь воздуха, забыв об усталости, он побежал изо всех сил. Значительно позже, через несколько лет, в далеком Афганистане, Джура не раз вспоминал ее, дорогу к отчому дому. Такую родную и невозможно далекую...

Нетерпеливо постучал в дверь. И когда мама Нурбу-апа открыла, бросился на шею. «Здравствуйте, мои дорогие!».

А в глазах какая-то печаль. Будто чувствовал парень что-то.

«Самой сильной чертой Джуры было какое-то необузданное жизнелюбие, — пишет нам его отец Исаходжа-ака. — С детства он рос веселым, приветливым. Никогда не упустит случая поздороваться с соседями». Особенно приветлив был с Замирой Абдужаббаровой, соседкой и подругой матери, которая была ему как вторая мать.

Если Джура видел, что нужна его помощь, то и просить не нужно было. В школе отличником не был. Считал, что это не показатель. Куда важнее стать добрым, чутким человеком. Этот принцип Джура пронес через всю жизнь.

Вот один из последних снимков, присланных из Афганистана. На нем солдат вместе с другом. Спокойное, с правильными чертами лицо, вдумчивый взгляд. Обычный парень, каких у нас много. В свои двадцать лет он сумел только одно, самое главное — выполнить долг перед Родиной.

Время шло незаметно. Сын рос, мужал, и Исаходжа-ака все больше узнавал в нем себя.

«Так что будешь делать в жизни? — спросил однажды отец. — Решил уже?» «В селе останусь. Работы вон сколько, — весело ответил Джура. — Да и вам нужна помощь».

После школы устроился в туркомплекс «Чимган». Только уже через несколько месяцев был призван в армию. Полгода в «учебке» города Печоры Псковской области, потом спецподготовка в Чирчике, и вот — Афганистан. Служил солдат отлично. Об этом рассказывали и боевые друзья, приезжавшие из воинской части на похороны, и командир в письме родителям очень тепло писал о нем.

«Прежде всего, как о человеке, о солдате, хочется сказать, что это был один из самых добросовестных, честных, исполнительных и чутких к своим товарищам и командирам солдат. В мирной и в боевой обстановке как я, так и его товарищи могли с уверенностью на него положиться, как на самих себя. Он являлся образцом выполнения воинского долга. Веселый, никогда не унывающий, он брался за любую работу, и всегда можно было быть уверенным, что все им будет выполнено. В боях отличался смелостью, решительностью, инициативностью и высоким воинским мастерством...»

За мужество и героизм, проявленные в боях, Джура Солиходжаев представлялся к правительственной награде — к медали «За отвагу», но... как не раз бывало, награда так и не нашла

героя-разведчика. А то, что достоин был наград, Джура доказал еще раз — в своем последнем бою.

Это произошло на рассвете 30 июля 1985 года. Группа разведчиков возвращалась в пункт дислокации после выполнения боевого задания. Разведчики уже провели два боя с душманами, и никто не мог предположить, что уже на подходе к базе их будет ждать засада. Джура одним из первых увидел «духов» и занял огневую позицию. Силы были неравны, противнику удалось, используя складки местности, близко подойти к обороняющимся разведчикам. Все бойцы прекрасно осознали, что от действий каждого зависит жизнь других. Огнем из гранатомета Джура успел подавить расчет крупнокалиберного пулемета противника и уничтожить 5 душманов, когда очередь из другого ДШК он был смертельно ранен. Помощь пришла, когда Джуры уже не было в живых.

Читая письма, рассматривая фотографии, все время возвращаясь к мысли, что вот здесь, где-то рядом, росла и развивалась молодая, прекрасная жизнь. И кто знает, сколько хороших дел мог бы совершить в ней Джура Солиходжаев.

Мы не забудем тебя, Джура.

Был такой парень

Я не знаю, будет ли свиданье.
Знаю только, что не кончен бой.
Оба мы песчинки в мирозданье.
Больше мы не встретимся с тобой...

Пятый год продолжались военные действия в Афганистане. Газеты пестрели сообщениями о наших успехах то в одной, то в другой провинции, телевидение передавало бойкие репортажи из воинских подразделений. Показывали взятых в плен бандитов, а также благодарных мирных жителей, которым наша страна оказывала безвозмездную экономическую помощь. Продовольствие, автомобили, ткани, холодильники потоком шли за Гиндукуш. На экранах — улыбки, рукопожатия. Благодарность казалась искренней.

Смотрел эти передачи и Солик, читал газеты и думал: «Вот бы попасть в Афган да пострелять вдоволь!». Войну он воспринимал по-мальчишески и был готов защищать интересы братского народа, хотя не очень разбирался, в чем они состоят. Да и немного было таких, кто разбирался, — все пили воду из одной реки, называемой контрпропагандой.

Пришел и Солику срок сменить гражданскую одежду на солдатскую шинель. Вместе со своими ровесниками прошел курс молодого бойца. Некоторые ребята, распираемые любопытством, спрашивали у офицеров, где им предстоит служить в дальнейшем. В ответ — только шутки или упрямое молчание.

Служба началась успешно. Переносить трудности Солик умел. Привычен был к труду. Семья у Джураевых большая: семь братьев и одна сестра. Как в сказке: одна красавица-сестрица и семь братьев-младенцев. Ходил в школу, помогал родителям по хозяйству. Учась в школе, более 6 лет работал в совхозе, помогал матери. Солик в семье был третьим мальчиком. «Солик ухаживал за нами, ласкал, как родная мать, — вспоминает младший брат Хусниддин. — По-моему, это главная причина того, что он оставил глубокий след в наших сердцах. Поэтому легко понять то, что до сих пор в глазах матери появляются слезы, когда дома поминаем брата Солика».

О нем все вспоминают как о веселом, трудолюбивом парне, думающем о других, уважающим как молодых, так и старых. Видно, ласковая душа его и предопределила выбор будущей профессии. После школы поступил в Ташкентский сельскохозяйственный институт на факультет защиты растений. Но сначала судьба предопределила ему защищать людей. Службу Солик начинал в Туркменистане. Потом был Афганистан. Воевал под Шиндандом, Газни, прошел Панджшерское ущелье и закончил свой боевой путь под Фарахрудом.

Родители получали от сына письма, полные оптимизма. Заканчивались они обычно какой-нибудь прибауткой вроде этой: «Не волнуйтесь, у нас все хорошо, с автоматом — как с родным братом, даже спим в обнимку с ним». И хотелось верить — помогает сыну в службе его общительный характер и умение дорожить дружбой. Начали приходить домой фотографии, на которых Солик уже не в шинели, а в десантной «песочке»: вот он с друзьями — все такой же стройный и подтянутый, но уже уверенный в себе и возмужавший. Но письма письмами... Они ловили хоть какую-нибудь информацию о военных действиях в районе, где служил Солик. Информации же почти никакой: думай что хочешь.

Между тем в районе Панджшерского ущелья моджахеды вели активные боевые действия. Здесь находилась центральная база Ахмед-Шаха Масуда (Масуд в переводе — «счастливый»), одного из наиболее влиятельных лидеров оппозиции на территории страны. Его отряды достигали нескольких тысяч человек.

Дикое и величественное в своей красоте Панджшерское ущелье представляло собой мощнейший укрепрайон. В верхней его части возведены были фортификационные сооружения, неуязвимые для артиллерийских и бомбоштурмовых ударов. Множество огневых точек, укрытых в пещерах, готовы были поразить цель. Здесь находились склады с оружием и боеприпасами, были оборудованы госпитали, налажена радиосвязь.

Родившиеся и выросшие в этих горах душманы во время боя занимали очень выгодные позиции, а с приближением опасности бесследно растворялись среди сопок.

В течение нескольких лет зона Панджшерского ущелья была местом проведения крупных войсковых операций. Разумеется, никакие «сводки Информбюро» об этом не сообщали...

В проведении одной из таких операций участвовал и Солик Джураев. Он прошел это ущелье вместе со своими боевыми друзьями, обильно полив его, к счастью, только потом. Солдатским потом чернорабочего этой войны.

Наград при жизни ребята не дождались, только потом... посмертно.

19 декабря 1986 года над Афганистаном стояло высокое голубое небо. Разведка доложила о движении, замеченном вблизи дороги, по которой должна пройти колонна. Каждый знал, с чем это связано: «духи» собирали вдоль дороги неразорвавшиеся снаряды, закапывали их по 3–5 штук под мину и рвали колонны автомашин с боеприпасами, продовольствием и техникой.

Командир войсковой части подбирал людей для прикрытия колонны...

Через несколько дней родители Солика получили похоронку. Об обстоятельствах гибели сына написали его боевые друзья.

...Около 15 часов подразделение разведчиков, в котором находился и младший сержант Солик Джураев, выдвигалось в район засады. Колонная во время движения была обстреляна бандой мятежников из минометов и стрелкового оружия. Быстро и грамотно оценив обстановку, Солик занял удобную огневую позицию и открыл меткий уничтожающий огонь по противнику. Но внезапно разорвавшаяся рядом с ним мина смертельно ранила в голову и грудь. Не приходя в сознание, Солик умер на руках товарищей.

Одна из улиц родного поселка носит теперь имя Солика. Преподаватели и учащиеся школы № 1 имени А. Навои, где учился Солик, не забывают своего выпускника.

Шагнувший в бессмертие

В своем письме родители Рустема Сапарова Урис Исламовна и Абдукадыр Исхакович высказали много теплых слов и пожеланий успеха в написании этой книги. Они же, не желая повторяться, прислали и статью корреспондента газеты «Сырдарьинская правда» В. Токарева, напечатанную 9 мая 1987 года, которая так и называется — «Шагнувший в бессмертие». По просьбе родителей нашего боевого товарища мы печатаем этот очерк с небольшими сокращениями.

«Улица, на которой он вырос, называется Проектной. Обыкновенная, ничем не примечательная, каких много в провинциальных городишках. Улица все слышит, все помнит. Помнит этого мальчика, который делал здесь первые робкие шаги, бегал по ней вприпрыжку в школу, играл со сверстниками в футбол, а пришло время — и проводила его родная улица в самостоятельную жизнь...

Как познавал и открывал он мир для себя? Каким шагнул он из отрочества в юность? Может ли ответить на это биография, уместающаяся в нескольких строчках на листке бумаги?

„Рустем Абдукадырович Сапаров родился 6 февраля 1967 года в городе Бахт. В 1983 году окончил среднюю школу № 1 имени Н. К. Крупской. Поступил учиться в Ташкентское ГСПТУ № 176, окончил его и получил специальность испытателя тракторов. Работал на тракторном заводе, учился на вечернем отделении математического факультета Ташкентского государственного университета. В октябре 1985 года призван в армию. В числе добровольцев служил в Афганистане. Погиб 18 декабря 1986 года в бою“.

Ему не было и двадцати. Было много общего в рассказах людей, знавших Рустема, но никто не придумывал о нем красивых небылиц. Говорили о нем с любовью и правдиво: прямой, честный и справедливый. Трудолюбия ему было не занимать. Не раз и не два его ставили в пример в школе, а на хлопковом поле трудно было кому-либо за ним угнаться. В остальном он был ничем не примечателен. Учился хорошо, но могут ли те же четверки в школьном дневнике говорить о посредственности? Могут ли они характеризовать человеческие качества ребенка, из которого формируется гражданин?

Известно то, каким он стал в 19 лет. Кем мог стать впоследствии — неизвестно. Об этом можно только догадываться. Но ясно одно — что из честного, трудлюбивого, открытого юноши не получилось бы никчемного человека.

Учителю как никому другому присуща наблюдательность. И как бы отцу-педагогу ни хотелось приукрасить достоинства сына, верх все же одержала объективность.

„Он рос нормальным мальчиком, — вспоминает Абдукадыр Исхакович. — И не мог быть идеальным, таким, какими иной раз рисуют героев. Но любой подвиг, как вершина горы, на чем-то базируется. В данном случае фундаментом мужества послужили прожитые 19 лет. По-разному проходят у людей годы. Жизнь бывает долгой и короткой. Можно прожить и до ста лет, но никто не украсит отпущенного века. А можно и вспыхнуть, будто звезда, на миг, но осветить жаром сердца дорогу идущим следом. И этот свет опалает не только саму личность, но и поколение, к которому герой принадлежит. Пожалуй, подвиги, дела и свершения и есть лицо того или иного поколения, — заключает свои рассуждения отец Рустема. — Остальное все суета сует, проходит, забывается. И горько, прожив жизнь, оказаться в забвении“.

...В том бою Рустем сделал свой выбор и шагнул в бессмертие. Он навсегда остался девятнадцатилетним солдатом, строго глядящим с фотографии. Заострившиеся скулы, руки, сжимающие автомат, изменили мальчика, которого помнят уходящим в армию.

По скупым строчкам армейских писем хорошо прослеживалось, как он мужал и выросл. И мудрость пробивалась несвойственная возрасту. Многие ли в неполные двадцать задумываются, что в суете дней проходит юность, лучшие годы для взлета? А время неумолимо.

Многое узнал он в армии. Цену дружбе, которая прочно сплачивает людей в разведке, когда спиной товарищ прикрывает от пули твою грудь. Здесь он понял меру ответственности за дела и поступки, приобрел навыки, необходимые настоящему мужчине. В армии он научился глубже любить отца с матерью и оберегать их в письмах от всех волнений, связанных с нелегкой службой.

...Каменный валун был последним укрепрайоном снайпера Сапарова. Из-за этого прикрывающего он уже поразил не одного душмана, но смертельное кольцо озверевших бандитов сжималось все туже.

Кончились патроны. Он прикинул, сколько метров до камня, за которым хранился ящик с боеприпасами и, сжав для прыжка ладное тело, метнулся к нему. Перезарядить магазин он не успел. Пуля, пущенная из-за скалы подкравшимся наемником, впиалась прямо в сердце. Последнее, что отразилось в удивленных глазах, — небо. Огромное, на всю землю одно.

Мужество и отвага! Во всех ли сердцах они горят? Как зажечь их в каждом, чтобы на место павших вставали десятки таких, в чьем понятии долг, честь, патриотизм были слиты воедино со словами „мир“ и „жизнь“?

Рустем не стал математиком. Не увидел дивные уголки мира. Не ощутил жгучего, как солнце, поцелуя любимой. Жизнь-то только начиналась. А в стволе был последний патрон, и близки были пепельные от ненависти глаза душманов.

Родительское письмо еще было в дороге, а он шагнул уже в бессмертие, поднялся за свою короткую жизнь на вершину, на которую дано взойти лишь величественным в делах и поступках.

Деятнадцать лет. Что остается после человека, прожившего так трагически мало?»

Герой — сын героя

На груди отца Рустама, Тураба Иноятовича — орден Отечественной войны.

Тогда, в тревожные сороковые, идя дорогами войны, он и представить не мог, что его будущему сыну придется тоже воевать. Отец и его боевые товарищи надеялись разбить фашистскую нечисть и поставить жирную точку на всех войнах.

Родился Рустам в небольшом поселке Заамин. Здесь прошли детство и юность. Среди сверстников ничем не выделялся. Отличником окончил среднюю школу. Серьезно занимался спортом, особенно боксом и каратэ. После школы учился в Ташкентском авиационном техникуме имени Ю. А. Гагарина. Параллельно учился в аэроклубе ДОССАФ.

В декабре 1985 года был призван в армию. Овладел военной профессией разведчика, прошел специальную подготовку и в Афганистан прибыл уже подготовленным воином.

Во многих боях пришлось побывать Рустаму, и судьба солдатская берегла его от плотного автоматного-пулеметного огня. Рядовой Алимов зарекомендовал себя высококлассным разведчиком. Не мог сын-фронтовик подвести отца-фронтовика.

В письмах первых месяцев службы писал, что служит в Германии. Но... все тайное рано или поздно становится явным.

Уместно, наверное, вспомнить теперь, как переживали родители Тураб Иноятович и Зайнаб Хасановна, сестра Юлдуз Турабовна, узнав, что их сын и брат попал в Афганистан. Даже тогда, в конце восьмидесятых, когда война шла к своему концу, мы больше видели своего южного соседа лишь благодаря-

щим нас за освобождение от гнета, слышали, что наш ограниченный контингент поддерживал порядок, и не более. Ни о каких кровопролитных боях по-прежнему говорить не рекомендовалось.

Но убитые-то «возвращались». О них сообщалось шепотом. Хоронили по возможности без свидетелей. Родные и близкие — и никакой музыки, никаких особых отпеваний. Все быстро, четко, как в ночном карауле на границе.

Родители Рустама, услышав о новом рейсе «черного тюльпана» — где бы он ни приземлился, — каждый раз вздрагивали, словно это касалось их самих. На работе и дома, среди людей и наедине они всегда думали о сыне.

Письма его, которые шли домой, всегда были ровные, спокойные, чтобы не волновать родных. Они заложили основу уважения и к воину, и к его родителям. Школьники свято чтут память своего земляка. На школе установлена мемориальная доска, школьная дружина названа его именем. А улица, на которой расположена эта школа, носит имя Рустама Алимова.

Воины-«афганцы», руководящие местной организацией ветеранов Афганистана, — Роман Урадов, Ибодулла Уринов, Абдурахман Авалбаев — не обходят стороной дом Алимовых, оказывают как моральную, так и материальную помощь отцу и сестре. Мать, Зайнаб Хасановна, не перенесла горя...

Погиб Рустам под Кандагаром. Об этом бое подробно писала газета «Красная Звезда» от 4 мая 1988 года в статье под названием «Побратимы». Тогда, 31 октября 1987 года, группа разведчиков попала в окружение. 12 воинов вели неравный бой против двухсот душманов. Никто не дрогнул. Лично Рустам уничтожил две огневые точки. Подорвав машины с боеприпасами, все разведчики погибли.

В разгар жестокого боя пуля ударила под сердце. В глазах застыло желто-голубое небо и боль... Боль утраты того, что не сбылось, о чем мечталось.

В семье Алимовых теперь два боевых ордена: Отечественной войны, полученный отцом за суровые сороковые, и Красной Звезды, за войну восьмидесятых, который Рустам так и не увидел...

Служба идет хорошо

Весна в тот год на древней узбекской земле не была затяжной. Апрельское солнце ласково, но настойчиво будило природу, однако люди еще поеживались от утреннего холодка.

А древняя земля Афгана источала жар, который она вобрала, казалось, не только от пылающего солнца, но и ото всех боев восемьдесят шестого.

Одно из подразделений отдельного отряда специального назначения вместе с бойцами афганской армии вело много-часовой бой с превосходящими силами мятежников. Возникла угроза, и заканчивались боеприпасы. На помощь вылетела группа. На подлете к району боевых действий вертолет был сбит ракетой...

Его имя знает, наверное, каждый на Ташкентском электромеханическом заводе. Помнят его и в школе № 7, где он учился. Обычный был парень. К урокам всегда готовился добросовестно. Любил книги, технику. Интересовался буквально всем: от произведений Конан Дойла до серьезных публикаций в журнале «Наука и техника».

С тревогой и надеждой ждали мы письмо от Валентины Григорьевны, мамы Сергея Лисовского. Хотя и прошло уже со дня гибели ее сына довольно много времени, но не зарубцевалась страшная рана. Говорят, что время лечит. Но не всегда и не всё. «Для меня Сережа всегда живой, — пишет Валентина Григорьевна. — Незримо он каждый день с нами. Книги очень любил. Все что-то мастерил. Радио вот самодельное сделал, электробритвы, утюги чинил. Техника пересилила другие его увлечения».

Придя как-то домой с работы, Сергей сказал своим домашним: «Вот отслужу в армии и обязательно в радиотехнический институт поступлю».

Но не суждено было сбыться мечте. Он погиб как герой, спеша на помощь боевым товарищам.

Сергей очень любил жизнь, близких ему людей. Он любил Родину. В тех десятках писем, что он написал из армии за полтора года службы (пусть они были простые и иногда до предела сжатые), можно найти многое — гордость за свою страну, за свой русский народ, за все то, что понимается под словом «Отчизна».

Он никогда не жаловался на тяготы армейских будней:

«Ходим в наряд, немного приболел, но это пустяки. Главное, чтобы у вас, мои родные, все было в полном порядке...»

Нет, не думал он, что его жизнь оборвется так скоро, еще, по сути, и не успев по-настоящему начаться. В одном из последних своих писем, Сережа писал: «Здравствуйте, мои дорогие папа, мама и сестренка Лариса! Служ-

ба идет день за днем хорошо! Не болею, аппетит и настроение хорошие.

...На обед сейчас постоянно русский борщ, вкуснятина, конечно, но до бабушкиного далеко, и все же что-то напоминает ее борщ. Ешь и думаешь: приеду к ней — нажрусь его до отвала.

...Не верится, что через месяц Новый год, а здесь лето...

28.11.86 г.».

Самая младшая в семье Лисовских — Лариса, сестра Сергея. Еще до службы в армии очень он любил с ней возиться. Да и она отвечала ему самой нежной дружбой, его, Сергея, считала всегда своим первым товарищем.

«Завидую тебе, Лариска, — писал он ей, — по дням рождения ходишь, на гулянки разные. Свобода — одно слово...»

Не забывал Сергей написать и своей первой учительнице: «Дорогая Любовь Борисовна, здравствуйте! Служба идет своим чередом. Сейчас службу можно назвать так: „чем больше спишь, тем ближе к дому“».

Недавно был на посту на высоте 1600 метров и в 6 км (по прямой) от Пакистана. В перископ видел, как через перевал идут караваны, банды, как „духи“ караван охраняют, как на мотоциклах ездят. В общем, как дома. Но это до поры до времени. Пока наша артиллерия не работает...

Погода стоит жаркая, но уже и у нас чувствуется дыхание осени. Того и гляди дожди пойдут. Они здесь по суткам льют не переставая.

Любовь Борисовна, Вам привет от Робика, Алира, Шухрата. Все чувствуют себя хорошо. Ведь следующий приказ об увольнении — наш... 20.09.87 г.».

Мы не знали Сергея Лисовского. Но после прочитанных писем перед нами встает образ человека доброго и романтического, честного и без фальши. Он говорил всегда правду

На столе те самые его письма. Их нельзя читать без волнения.

«...А как мне хочется домой! Я часто вспоминаю свой дом...»

«...Особых новостей нет. Бывает же так, что у человека нет никаких забот, никаких обязанностей. Вот так и у меня. Ем, сплю — вот и вся, так сказать, служба».

«Мандарины уже поспели — давали сегодня на обед. 22.11.87».

«...Служба в Афганистане несравнима ни с каким другим местом. Самое плохое — так это незнание того, что будет завтра».

«Но он же не герой...»

У подножия Зарафшанского хребта недавно вырос поселок. В этом поселке есть и коттедж Шариковых. Первое, что бросается в глаза, когдаходишь в дом, — большой портрет солдата в десантной форме. Добрая улыбка. Совсем мальчишка — лет 18-19. Глядя на такого, самому хочется улыбаться. И так некстати здесь, рядом с этой задорной улыбкой, траурная лента. Трудно представить этого парня мертвым.

...До демобилизации Олега оставалось всего два месяца. Отец Владимир Григорьевич и мать Тамара Аркадьевна вели счет уже каждому дню и ночи — жили ожиданием сына из Афганистана. Отец хранил газету с приказом Министра обороны СССР об увольнении в запас воинов 1967 года рождения. Мать перебирала вещи сына, кручинилась: небось вырос, раздался в плечах, придется покупать все новое. Прикидывала, что приобрести в первую очередь, да цвет чтоб был подходящий.

Вспоминала: родился маленьким — 2 кг 700 г, но зато уже к 6 месяцам говорил много слов, из которых самыми главными были «мама», «папа», «дай», «идем». В 7 месяцев уже твердо стоял на ногах. В 11 месяцев уже хорошо говорил и бегал, а не ходил. Именно бегал, все спешил куда-то. В школу пошел с удовольствием. Во втором классе хорошо знал таблицу умножения. Быстро считал. Пока учительница объясняет, он уже говорит ответ. Она ругала его за это: «Не торопись, дай другим подумать!». До 8-го класса любил все предметы, кроме геометрии. Еще не любил писать сочинения.

Часто Тамара Аркадьевна садится и вновь и вновь перечитывает письма сына.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и сестричка Лена! С огромным воинским приветом и массой самых наилучших пожеланий — Олег. У меня все хорошо. Жив, здоров, настроение нормальное. Служба идет. За меня не волнуйтесь. Высылаю свою фотографию, только не пугайтесь. Я приехал с гор, не успел спуститься с БТР, как ребята щелкнули затвором фотоаппарата. Привет всем соседям.

Олег.

26.10.86 г.».

Лена, сестра Олега вспоминала, что брат очень любил играть на гитаре. Любил читать, все про разведчиков книги читал. Хотел совершить подвиг, но случая не представлялось. «Вообще Олег был для меня первым другом, я ему доверяла все свои секреты. А теперь вот...»

«Привет из Афганистана! У меня все хорошо. Живем вот только сейчас в облаках, а иногда и выше их. Почту неделями не привозят. Кроме вертолетов, никто к нам не летает. Если от меня долго нет писем — не волнуйтесь. Все у меня хорошо.

Ваш Олег».

Вот и последнее письмо солдата домой.

«Дорогие мои, — писал он, — до дембеля осталось ровно 62 дня. Скоро мы опять все будем вместе. А ты, мама, зря переживала, что я добровольцем пошел служить в Афганистан. Правильно сделал, что приехал сюда. Служба вдали от Родины многое мне дала. Главное, я понял, что нет на белом свете ничего лучше нашей страны... Вокруг меня по-прежнему только горы. Они мне напоминают наш Агалык. Только тут в маленьких горных кишлаках засели душманы. Они не дают покоя мирному населению. Мы помогаем афганцам избавиться от врагов. И эта борьба сплачивает нас, учит многому. Приеду — все подробно расскажу. А пока до свидания.

Ваш Олег».

Однажды родителей Олега пригласили в военный комиссариат. Спросили, сколько детей, как живут, как здоровье. Отец Олега почувствовал неладное и спросил в упор работника военкомата: «Вызывали-то зачем?». Тогда ему протянули конверт. «Уважаемые Тамара Аркадьевна и Владимир Григорьевич! —

начал он читать вслух и вдруг осекся. — С чувством большого горя и скорби сообщаем вам о смерти вашего сына Шарикова Олега Владимировича, умершего от ран, полученных в бою 18 июля 1987 года. За время прохождения службы в нашей части Олег заслужил самые высокие слова благодарности... Своим ратным трудом ваш сын завоевал... За выполнение воинского долга ваш сын представлен к правительственной награде. Память о вашем сыне навсегда сохранится в наших сердцах. Примите искренние соболезнования и сочувствие по поводу постигшего вас и вашу семью горе. С уважением, командир войсковой части, заместитель командира по политической части».

Горе матери неутешно, и сегодня, спустя годы, кровоточит ее рана. А тут еще одно горе. Убили отца Олега, Владимира Григорьевича. Причину так и не установили. И все опять на плечи Тамары Аркадьевны. От сына остались только личные вещи, фотографии, письма, статья «Навеки в памяти живых» в военной газете, посвященная Олегу и его боевым друзьям. Еще до армии Олег успел получить специальность водителя. В феврале 1986 года он прибыл на службу в Афганистан. Совершил 36 боевых рейдов. Ни разу товарищи не видели его испуганным или дрогнувшим, всегда был собран и дисциплинирован. И лишь когда смотрел на голодных и босых афганских ребятишек, словно терялся, мрачнел, уходил в себя.

Много лет назад, 18 июля, в день смерти Олега, в дом Шариковых нагрянули сразу пятеро солдат в десантной форме. Это были боевые друзья Олега: Игорь Рыжов из Рязани, Александр Рузоев из Набережных Челнов, Олег Стуканов из Ташкента, Геннадий Гончаров из Ленинграда, Анатолий Цыкин из Вологодской области. Гостили у Шариковых неделю. Рассказывали про Олега, пели любимые его песни, вспоминали его шутки, каким он был в боях и в обычной армейской жизни. Помогли родителям вскопать огород, привести в порядок двор. Называли Тамару Аркадьевну мамой.

За самоотверженность и мужество, проявленные при выполнении интернационального долга, Олег был награжден орденом Красного Знамени. Командование ходатайствовало об увековечении памяти воина-интернационалиста. Олег заканчивал 75-ю среднюю школу фабричного поселка. Его школьные друзья и родственники как-то предложили присвоить школе имя Олега Шарикова. «Но он же не Герой Советского Союза», — ответили на это в школе.

Обидно. Обидно, что и сейчас есть такие бездушные, с позволения сказать, люди.

КАК ЭТО БЫЛО...

Думается, нашим читателям будет небезынтересно узнать, что же это за страна, где почти десять лет воевали и погибали наши земляки. Как начиналась война, как шли боевые действия, сколько мы потеряли в этой войне молодых парней? Различные публикации трактуют эту информацию по-разному и приводят разные цифры. Мы в своем кратком военно-историческом очерке будем опираться на наиболее авторитетные источники.

Афганистан в современных границах расположен в восточной части Иранского нагорья. Четыре пятых афганской территории занимают горные системы Гиндукуша, Кохи-Баба, Паропамиза. Абсолютные высоты гор здесь колеблются от 3000 до 7750 м над уровнем моря. Железные дороги отсутствуют, все передвижение по стране осуществляется по немногочисленным шоссе и горным тропам, а в последнее время и воздушным путем.

На севере, на границе с государствами Средней Азии, расположен хребет Гиндукуш. На востоке Афганистана, вдоль границы с Пакистаном, тянутся Сулеймановы горы. Здесь преобладает безводная каменистая, горно-пустынная и горностепная местность.

Между Гиндукушем и Сулеймановыми горами расположено Газни-Кандагарское плоскогорье, которое занимает около 20 % территории Афганистана.

На юге лежат практически мертвые районы без воды и растительности — песчаные пустыни Хаш, Дашти-Марго (пустыня смерти) и Регистан (страна песков). С запада на восток они простираются на 540, а с севера на юг — на 580 км. Общая территория страны составляет 655 тыс. кв. км. Население — 15 500 тыс. человек (по переписи 1979 года).

Решающую роль в создании независимого Афганского государства сыграли афганские (пуштунские) племена. В 1747 году на Лойя-джирге (большом совете) афганских племен шахом Афганистана был избран предводитель крупнейшего племени дуррани — Ахмад-шах Дуррани. Ему удалось создать самостоятельную державу — Дурранийскую империю со столицей в Кандагаре и подчинить своему влиянию обширную территорию.

В 1773 году сын Ахмад-шаха Дуррани Тимур-шах перенес столицу Афганистана из Кандагара в Кабул. Дурранийская держава просуществовала до 1818 года, а затем в результате междоусобной борьбы распалась на ряд самостоятельных эмиратов.

В XIX веке (в 1838–1842 и 1879–1880 годах) англичане дважды пытались подчинить Афганистан и присоединить его к своей колонии в Индии. Однако в этих двух войнах только действиями английских войск добиться поставленной цели не удалось. Англия так и не смогла надолго закрепиться в этой стране.

В 1880 году новый эмир Кабула Абдуррахман-хан сумел добиться политического объединения страны и стабилизации ее внешних границ. Снова образовалось централизованное Афганское государство. Россия была первой державой, признавшей независимость государства Афганистан (27 марта 1919 года) и установившей с ним дипломатические отношения. Англия же, напротив, не признав независимости Афганского государства, сосредоточила вблизи его границ крупные ударные силы. В мае 1919 года началась третья англо-афганская война. Но английское руководство пришло к выводу, что это не отвечает национальным интересам их государства, и вскоре было объявлено перемирие. По Равалпиндинскому договору 8 августа 1919 года Великобритания признала независимость Афганистана.

28 ноября 1921 года был заключен советско-афганский договор о дружбе, а 31 августа 1926 года Афганистан и СССР заключили договор о нейтралитете и взаимном ненападении...

В дальнейшем отношения наших стран развивались относительно ровно, претерпевая то спад, характеризовавшийся враждебными происками западных разведок, то подъем, сопровождавшийся значительной экономической и военной помощью СССР молодому афганскому государству.

27 апреля 1978 года в стране произошла Апрельская революция, в ходе которой был свергнут режим короля М. Дауда и к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА).

В октябре 1979 года глава государства Н. Тараки в результате переворота был убит, и власть захватил премьер-министр Х. Амин, который предпринял крайне репрессивные меры в отношении представителей оппозиции.

Ситуация в стране резко осложнилась. Советское руководство стало получать сведения о том, что Х. Амин связан с американскими спецслужбами и готовит переориентацию Афганистана на США с приглашением их войск для поддержки.

Вместе с тем за период с марта до декабря 1979 года афганское руководство в лице Тараки, а затем Амина около двадцати раз обращалось к Советскому Союзу с просьбой помочь их стране военными силами. С одной стороны, оно теряло опору в массах и надежду на победу над оппозицией, с другой — силы оппозиции внутри правящей партии рассчитывали с помощью советских войск свергнуть режим Амина, спасти страну и революцию.

В таких условиях 8 декабря 1979 года члены Политбюро ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, М. А. Суслов и Д. Ф. Устинов приняли предварительное, а 12 декабря, уже с участием В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Б. Н. Пономарева, Н. А. Тихонова (отсутствовали лишь Д. А. Кунаев и другие члены Политбюро, работавшие в республиках) окончательное решение — Постановление ЦК КПСС № 176/125 «К положению в Афганистане»□.

Суть его сводилась к тому, чтобы устранить Амина, на его место поставить Бабрака Кармаля и для упрочения положения послать туда советские войска□.

25 декабря 1979 года вновь сформированная 40-я армия генерал-лейтенанта Ю. В. Тухаринова вступила в Афганистан, имея 4 дивизии, 5 отдельных бригад, 4 отдельных полка, смешанный авиакорпус, трубопроводную бригаду и бригаду материального обеспечения□.

Кроме соединений и частей Советской армии, в Афганистане находились отдельные подразделения пограничных войск и должностные лица КГБ и МВД СССР.

Советские войска в Афганистане охраняли автомобильные дороги, многие объекты советско-афганского экономического сотрудничества (газопромыслы, электростанции, завод азотных удобрений в городе Мазари-Шариф и др.). Охраняли и обеспечивали функционирование аэродромов в крупных городах. Содействовали укреплению органов власти в 21 провинциальном центре. Проводили колонны с военными и народнохозяйственными грузами для своих нужд и в интересах ДРА. Совместно с афганскими частями и подразделениями вели боевые действия различного масштаба по разгрому вооруженных отрядов и групп оппозиции, а также борьбу с караванами, доставлявшими оружие и боеприпасы в ДРА из Пакистана и Ирана.

Ввод советских войск в Афганистан не привел к спаду вооруженного сопротивления оппозиции. Наоборот, с весны 1980 года оно начало разрастаться.

В соответствии с решением политического руководства СССР советские войска в ответ на многочисленные обстрелы их гарнизонов и транспортных колонн отрядами оппозиции начали проводить совместно с афганскими подразделениями боевые действия по поиску и разгрому наиболее агрессивных групп противника. Это еще более обострило обстановку. Количество беженцев в Пакистан и Иран стало возрастать, и, естественно, стало возрастать количество забрасываемых оттуда в Афганистан обученных и хорошо вооруженных отрядов оппозиции.

Таким образом, введенные в Афганистан советские войска оказались вовлеченными во внутренний военный конфликт на стороне правительства.

Пребывание ограниченного контингента советских войска в Афганистане (ОКСВ) работники Генерального штаба ВС СССР делили на четыре этапа, отличающихся по продолжительности, характеру и масштабам боевых действий.

Первый этап продолжался с декабря 1979 года по февраль 1980 года. На этом этапе советские войска размещались гарнизонами (которых к концу их пребывания было 32 и 179 военных городков общей стоимостью казарменно-жилищного фонда, коммунальных объектов, оборудования и инвентаря в 699,4 млн руб.). Они организовали охрану важнейших дорог, аэродромов и объектов народного хозяйства, а также проводку автоколонн с военными и народнохозяйственными грузами.

9 января 1980 года в районе Ишакчи (на дороге Кундуз — Нахарин) произошло первое столкновение советских частей с афганским 4-м арtpолком, перешедшим на сторону оппозиции. Погибли до боя первые два советских военных советника при штабе арtpолка, а в стычке убиты два и ранены еще два советских солдата. Мятежники же потеряли до сотни солдат и офицеров.

Второй этап: март 1980 — апрель 1985 года. Советские войска постепенно были втянуты в боевые действия все более крупного масштаба: от уничтожения караванов, доставлявших душманам оружие и боеприпасы из Пакистана и Ирана, и ликвидации складов и базовых районов оппозиции, оборудованных полевыми и инженерными оборонительными сооружениями, до операции против наиболее агрессивных формирований. Немало усилий прилагалось и к упрочению местных органов власти правящего режима, реорганизации, вооружению и обучению правительственных войска.

Третий этап: апрель 1985 — январь 1987 года. Характеризуется переходом от активных действий преимущественно к поддержке правительственных войск силами авиационных, артиллерийских и саперных частей и подразделений. Большая нагрузка в связи с этим ложилась на плечи наших офицеров-советников, находившихся при афганских частях. Вот как об этом вспоминает полковник Н. А. Лутюк, который с 1986 по 1987 годы был советником начальника штаба 14-й пехотной дивизии: «Было это в марте 1986 года при проведении боевой операции в районе города Хост на юго-западной границе Афганистана. Группировка войск ДРА в составе двух армейских корпусов участвовала в разгроме крупного базового района душманов в районе Дисавира. После двухчасового массированного бомбоштурмового удара и сорокаминутной огневой подготовки пехотные войска пошли на штурм укрепленного района. Высадка крупного десанта афганцев в тылу душманов парализовала их сопротивление. Войска успешно брали высоты, одну за другой, углубившись в центр базового района Дисавиры на глубину от 3 до 5 км. Однако граница с Пакистаном была открыта, оттуда стали подходить резервы, с территории Пакистана была организована сильная противовоздушная оборона. В стыках между частями и дивизиями стали просачиваться большие группы противника. Враг прекрасно знал местность и имел в своем распоряжении склады и укрытия в горах. Все это создавало действующий фронт у нас в тылу, душманы нападали на наши группы обеспечения и командные пункты. В этих условиях было очень трудно воевать, и хотя враг потерял большое количество живой силы, мы тоже понесли значительные потери. Из числа советников в ходе операции погиб полковник В. Коршунов и был тяжело ранен полковник В. Шишов, которого под огнем, рискуя собственной жизнью, вынес с поля боя младший сержант Е. Грудачев». Советские мотострелковые и воздушно-десантные части и подразделения в этот период используются главным образом в качестве резерва и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск.

Подразделения специального назначения продолжали борьбу против доставки оружия из-за границы.

Четвертый этап: январь 1987 — 15 февраля 1989 года. Продолжалась поддержка советскими частями боевой деятельности афганских войск и их укрепление.

Всего за период с 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года в войсках, находившихся на территории ДРА, прошло военную службу 620 тыс. военнослужащих, из них в со-

единениях и частях Советской армии — 525 тыс. человек, в пограничных и других подразделениях КГБ СССР — 90 тыс. человек, в отдельных формированиях внутренних войск и милиции МВД СССР — 5 тыс. человек.

Кроме того, на должностях рабочих и служащих в советских войсках находились за этот период 21 тыс. человек.

Ежегодная списочная численность войск Советской армии составляла 80–104 тыс. военнослужащих и 5–7 тыс. рабочих и служащих.

Общие безвозвратные людские потери (убито, умерло от ран и болезней, погибло в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев) советских Вооруженных сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 14 453 человека. При этом органы управления, соединения и части Советской армии потеряли 13 833 человека, подразделения КГБ — 572 человека, формирования МВД СССР — 28 человек, другие министерства и ведомства (Госкино, Гостелерадио, Министерство строительства и др.) — 20 человек. Соединения, части и подразделения специального назначения потеряли более 800 человек. 3 человека пропали без вести.

За этот же период пропало без вести и попало в плен 417 военнослужащих, из которых 119 человек были освобождены из плена (97 человек возвращены на Родину, а 22 человека находятся в других странах).

Это картина по всему Советскому Союзу. Что же касается военнослужащих соединений, частей и подразделений специального назначения, то потери по Российской Федерации — 341 человек.

ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЕННО...

Самое дорогое и священное, что отец передает сыну, дед внуку, одно поколение другому, — это память, память о былом, об опыте прошлого, о людях, чьи дела и творения вписаны в историю Отечества. Память неотделима от сущности человека, без нее немыслима сама жизнь.

Память о тех, кто отдал жизнь, выполняя воинский долг, с древнейших времен почиталась на Руси. В их честь строились часовни, церкви, воздвигались памятники, устанавливались общенациональные дни поминовения, как, например, первый субботний день ноября — в память о погибших на поле Куликовом. Павшим героям Отечественной войны 1812 года посвящен первый на Руси печатный памятник — «Военная галерея», вместившая 233 портрета и списки погибших на поле брани. В 1878 году издан «Памятник Восточной войны», в котором помещены очерки об особо отличившихся в боях генералах, офицерах и рядовых, убитых или контуженных в русско-турецкой войне. В начале 20-х годов нашего столетия завершено 65-томное издание, посвященное погибшим и без вести пропавшим нижним чинам русской армии в Первой мировой войне, а в 1926 году — «Именной список потерь Рабоче-крестьянской Красной армии в годы гражданской войны».

Законом Российской Федерации от 14 января 1993 года «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Указом Президента Российской Федерации от 23 июля 1993 года «О подготовке и празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Постановлением Правительства Российской Федерации об издании Книги памяти от 22 декабря 1992 года положено начало осуществления федеральной программы увековечения памяти погибших при защите Отечества. В настоящий момент это уникальное, монументальное издание России объединяет более 700 томов поименных Книг памяти.

И, наконец, Афганская война... Она стала величайшим испытанием сил и характера для всех россиян и жителей практически всех бывших союзных республик.

Десять лет спустя после окончания Афганской войны живет в наших сердцах чувство признательности своим отцам, сыновьям, мужьям, братьям и сестрам, не посрамившим славы своих великих предков и с честью выполнившим свой воинский и интернациональный долг.

Однако так случилось, что долгие годы после войны не была в полной мере отдана дань памяти павшим, не увековечены поименно все, кто отдал жизнь на этой войне. Это не может быть оправдано ничем. Это и сегодня наша боль.

Знаменательно то, что и мы, ветераны Вооруженных сил, начинаем новое тысячелетие с восстановления памяти о погибших героях. В святом деле сливается воедино труд энтузиастов, общественных организаций и церкви.

Неустанную организационную и научную работу по созданию многотомной Книги памяти, посвященной военным соединениям, частям и подразделений специального назначения, ведут энтузиасты в республиках, краях и областях, городах Москве и Санкт-Петербурге при участии и помощи органов власти, военных руководителей, Всероссийского и региональных, национальных советов ветеранов войны в Афганистане, комиссариатов, архивов, церкви.

12-томная Книга памяти — это военно-историческое издание, содержащее поименные списки граждан России и других государств, погибших (умерших от ран, болезней), пропавших без вести в ходе боевых действий и при выполнении других задач воинского и интернационального долга.

И пусть простит нас читатель, что местами в поименных Книгах памяти очень скупо рассказано о погибших. На многих ушедших на Афганскую войну и погибших, к сожалению, никаких данных пока нет. Редколлегия и авторский коллектив использовали максимум того, что удалось собрать к настоящему времени.

Благодаря огромной работе, проведенной в республиках, краях и областях Российской Федерации, других государствах, исследованиям и поискам мы предлагаем вашему вниманию имена погибших и пропавших без вести по территориальному признаку. В списках отмечены значком те, о ком мы не имеем никаких данных. Вчитайтесь в эти строки.

МОСКВА И МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Капитан 3 ранга Гладков Федор Борисович

1982

Рядовой Журавлев Алексей Анатольевич
Сержант Лушников Геннадий Анатольевич
Капитан 1 ранга Панков Гари Григорьевич

1983

Рядовой Скворцов Юрий Сергеевич

1984

Рядовой Воробьев Геннадий Валентинович
Сержант Голубев Вячеслав Витальевич
Рядовой Жигало Валерий Викторович
Сержант Королев Николай Васильевич
Рядовой Крюков Андрей Евгеньевич
Рядовой Мухин Алексей Викторович
Подполковник Федоров Сергей Алексеевич
Ефрейтор Харитонов Андрей Иванович
Рядовой Щербаков Александр Анатольевич

1985

Майор Антонович Николай Иванович
Мл. сержант Богомоллов Владимир Николаевич
Сержант Дымников Валерий Вениаминович
Сержант Михайлов Олег Алексеевич
Ст. лейтенант Овсянников Евгений Иванович
Рядовой Филимонов Алексей Викторович
Сержант Члачидзе Зураб Спартакович
Подполковник Шабанов Николай Иванович

1986

Рядовой Походзило Олег Николаевич
Сержант Рожновский Павел Петрович
Капитан Севальнев Олег Витальевич
Лейтенант Черный Сергей Павлович
Рядовой Эйнорис Виктор Брониславович

1987

Подполковник Банников Александр Борисович
Рядовой Евдокимов Олег Викторович
Мл. сержант Евстратов Вячеслав Дмитриевич
Капитан Жаринов Вячеслав Георгиевич
Рядовой Лазарев Михаил Анатольевич

Прапорщик Пешков Андрей Васильевич
Подполковник Смолин Александр Михайлович
Капитан Фазлиев Александр Гатович
Рядовой Хлюнев Павел Леонидович

1988

Ст. лейтенант Польский Валерий Геннадьевич

1989

Ст. лейтенант Матаков Олег Борисович

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Мурманская область

1982

Ефрейтор Дервянчук Андрей Иванович

1986

Мл. сержант Ильенко Владимир Валерьевич

1987

Прапорщик Кузьменков Михаил Алексеевич

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ

1983

Ефрейтор Ярошевич Александр Борисович

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1983

Полковник Патлач Василий Васильевич

1987

Мл. сержант Константинов Виктор Олегович

1988

Рядовой Захаров Александр Геннадьевич

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

1982

Рядовой Волков Александр Викторович

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Ефрейтор Иванов Андрей Алексеевич

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Ст.лейтенант Березин Владимир Юрьевич

1982

Сержант Баркин Николай Александрович

Ст.лейтенант Круглов Владимир Анатольевич

1983

Мл. сержант Лепидов Александр Валентинович

1985

Капитан Турков Алексей Валентинович

1987

Рядовой Иванов Олег Леонтьевич

Рядовой Шкарин Сергей Алексеевич

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1985

Рядовой Савченко Геннадий Александрович

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Рядовой Юрченко Михаил Иванович

1985

Капитан Шапочкин Олег Аркадьевич

1987

Рядовой Говенько Михаил Владимирович

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Рядовой Волков Александр Николаевич

1985

Лейтенант Козлов Владимир Семенович

1987

Рядовой Елкин Алексей Эдуардович

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Рядовой Петров Александр Александрович

Лейтенант Скуридин Олег Игоревич

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

1983

Капитан Смирнов Евгений Александрович

1984

Рядовой Михайленко Олег Михайлович

Рядовой Потапов Владимир Анатольевич

1985

Рядовой Волков Евгений Николаевич

Лейтенант Макаров Юрий Павлович

1987

Ст. лейтенант Чихирев Александр Васильевич

БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

1985

Рядовой Давиденко Николай Иванович

ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

1987

Рядовой Бачурин Александр Анатольевич

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

1983

Ст. лейтенант Доманин Владимир Владимирович

Мл. сержант Синельников Николай Анатольевич

1984

Мл. сержант Карпов Константин Николаевич

1985

Мл. сержант Раковский Анатолий Дмитриевич

1986

Ст. лейтенант Куба Сергей Владимирович

Служащая СА Лыкова Татьяна Васильевна

1987

Майор Романов Владимир Ильич

Рядовой Тюрин Юрий Яковлевич

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

1985

Рядовой Власов Владимир Викторович

Мл. сержант Коляниченко Константин Николаевич

Рядовой Макачук Аркадий Степанович

Капитан Радчевский Геннадий Иванович

Рядовой Юрченко Владимир Владимирович

1986

Рядовой Низамиди Алексей Леонидович
Рядовой Хуако Руслан Асланбечевич

1987

Рядовой Данилов Александр Анатольевич
Сержант Миронов Вадим Петрович
Рядовой Пахно Сергей Владимирович

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Капитан Чаусов Виктор Анатольевич

1984

Рядовой Кояли Михаил Вадимович
Мл. сержант Малюта Иван Иванович
Рядовой Попов Александр Владимирович
Рядовой Стадник Сергей Григорьевич
Сержант Стратьев Виталий Александрович
Прапорщик Харитонов Владимир Александрович

1985

Рядовой Дундуков Александр Васильевич
Рядовой Сарабашян Арменак Суренович
Сержант Шаповалов Юрий Николаевич

1986

Прапорщик Колесниченко Василий Анатольевич
Мл. сержант Муравчук Николай Алексеевич

1987

Ст. лейтенант Ненно Михаил Николаевич
Майор Удовиченко Владимир Михайлович
Рядовой Чайкин Александр Юрьевич

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

1983

Сержант Савченко Юрий Васильевич

1988

Стлейтенант Гончар Валерий Николаевич

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

1982

Майор Балюлин Юрий Владимирович

1983

Сержант Кожанов Сергей Викторович

1986

Рядовой Баринов Олег Евгеньевич

Мл. сержант Разливаев Михаил Николаевич

Рядовой Рунаев Сергей Вячеславович

Лейтенант Урошлев Сергей Сергеевич

1987

Мл. сержант Горобец Вячеслав Владимирович

Рядовой Лежнев Сергей Валентинович

Капитан Ломакин Александр Евгеньевич

Рядовой Пономарев Александр Иванович

Капитан Попов Валерий Анатольевич

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

1986

Мл. сержант Березкин Владимир Иванович

1987

Рядовой Обручев Николай Алексеевич

АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1983

Ефрейтор Трофимов Иван Михайлович

1985

Рядовой Мустафин Наиль Маратович

1987

Рядовой Чайкин Александр Юрьевич

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

1987

Капитан Попов Валерий Анатольевич

Майор Тихомиров Анатолий Викторович

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Лейтенант Слепцов Андрей Александрович

1983

Ефрейтор Терехов Сергей Владимирович

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

1987

Лейтенант Трофимов Алексей Васильевич

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Рядовой Левшанов Николай Владимирович

1985

Мл. сержант Гильмулин Михаил Валерьевич

Рядовой Селезнев Андрей Васильевич

1987

Рядовой Чигура Андрей Михайлович

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Рядовой Дыльдин Василий Сергеевич

1988

Рядовой Лебедев Дмитрий Анатольевич

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1983

Ефрейтор Беззубцев Андрей Евгеньевич
Сержант Желудков Александр Викторович
Прапорщик Кокарев Николай Иванович
Рядовой Никонов Валерий Анатольевич

1984

Рядовой Беликов Валерий Владимирович
Мл. сержант Макаров Александр Евгеньевич

1985

Рядовой Аверьянов Александр Юрьевич
Рядовой Кузнецов Сергей Николаевич
Мл. сержант Куприянов Евгений Анатольевич
Рядовой Лутиков Игорь Иванович
Мл. сержант Мостяев Николай Иванович

1986

Рядовой Борисов Александр Викторович
Лейтенант Ермошин Анатолий Петрович

КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

1987

Рядовой Новиков Юрий Васильевич

1989

Рядовой Наумянов Сергей Александрович

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Рядовой Гладышев Петр Александрович
Рядовой Демьянов Владислав Иванович

1985

Лейтенант Кузнецов Николай Анатольевич
Рядовой Маркитанов Сергей Михайлович

1986

Ст. лейтенант Рудометов Виктор Петрович

1987

Мл. сержант Бардин Александр Михайлович
Мл. сержант Козлов Алексей Викторович

РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ

1985

Рядовой Глинов Александр Александрович
Мл. сержант Камаев Сергей Михайлович

ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1983

Рядовой Сорокин Александр Васильевич

1984

Рядовой Кацов Валерий Васильевич

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1987

Рядовой Быличкин Василий Васильевич
Сержант Волков Андрей Алексеевич

САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Рядовой Базлов Александр Владимирович
Рядовой Каменсков Юрий Иванович

1985

Ст. лейтенант Турусумбаев Игорь Владимирович

УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Рядовой Чегодаев Виктор Анатольевич

1984

Мл. сержант Страшнов Андрей Николаевич

1985

Рядовой Котков Василий Константинович

САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

1982

Рядовой Волков Александр Викторович

Рядовой Юлдашев Марат Гафурович

1984

Рядовой Барышкин Михаил Александрович

Рядовой Голубев Валерий Владимирович

Рядовой Казанев Андрей Юрьевич

Рядовой Моисеев Сергей Владимирович

1985

Рядовой Бакулин Геннадий Владимирович

Рядовой Воронин Юрий Вячеславович

1986

Рядовой Богачев Сергей Юрьевич

Ефрейтор Косичкин Сергей Владимирович

Рядовой Нестеров Анатолий Владимирович

Рядовой Сорокин Игорь Васильевич

Рядовой Усачев Андрей Викторович

1987

Мл. сержант Бабуцкий Сергей Александрович

Рядовой Кафидов Сергей Александрович

РЕСПУБЛИКА КОМИ

1982

Мл. сержант Маурин Герман Алексеевич

Мл. сержант Шабакеев Марс Октябрисович

1984

Ефрейтор Смирнов Вадим Николаевич

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1985

Мл. сержант Порошин Александр Николаевич

1988

Мл. сержант Колпащиков Константин Николаевич

РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ

1985

Рядовой Седых Александр Павлович

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН

1982

Рядовой Вафин Дамир Миннулович

1983

Мл. сержант Вислобоков Константин Александрович

1985

Мл. сержант Файзуллин Марат Искандарович

1986

Рядовой Фаррахов Эраст Ранасович

1987

Ст. прапорщик Нагуманов Минегали Закизянович

1988

Лейтенант Альбицкий Ян Валерьевич

УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1981

Рядовой Петров Александр Александрович

1982

Сержант Кононов Александр Борисович

ПЕРМСКАЯ ОБЛАСТЬ

1985

Сержант Некрасов Владимир Леонидович

1986

Ефрейтор Соловьев Александр Анатольевич

1988

Рядовой Лабутич Игорь Владимирович

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ

1985

Мл. сержант Гонышев Александр Иванович

1986

Рядовой Лысов Владимир Иванович

1987

Лейтенант Низамеев Ленар Азатович

1988

Сержант Третьяков Сергей Николаевич

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН

1982

Лейтенант Калмыков Сергей Николаевич

Мл. сержант Хайруллин Фарит Нагимович

1983

Капитан Якименко Валерий Павлович

1984

Рядовой Илинбаев Анатолий Илаевич

Рядовой Мухамедъяров Марат сайфулович

1985

Капитан Мазитов Марат Гильметдинович

1986

Рядовой Антонов Игнатий Георгиевич

Рядовой Бердяшов Михаил Алексеевич

1987

Ефрейтор Шакиров Ильмир Абузарович

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1983

Мл. сержант Кислицын Сергей Геннадьевич

1984

Лейтенант Нафиков Хамит Мугинович

1985

Рядовой Ахметов Вадим Рафикович

Ст. лейтенант Бородин Григорий Леонтьевич

Мл. сержант Коркин Михаил Валентинович

Рядовой Рылов Владимир Николаевич

Рядовой Ситников Геннадий Яковлевич

1986

Рядовой Алексеев Евгений Геннадьевич

Сержант Горожанцев Александр Яковлевич

Мл. сержант Драчук Андрей Иванович

Мл. сержант Заварницын Сергей Александрович

Мл. сержант Лабутин Андрей Леонидович

Рядовой Лобанов Алексей Михайлович

1987

Мл. сержант Горячев Андрей Станиславович

Мл. сержант Исламов Юрий Верикович

Рядовой Кабанов Василий Анатольевич

Рядовой Лебедкин Юрий Александрович

Лейтенант Столяр Сергей Владимирович

Мл. сержант Харламов Александр Николаевич

1988

Рядовой Егоров Николай Геннадьевич

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1982

Рядовой Павленков Сергей Владимирович

1984

Лейтенант Овчеренко Сергей Васильевич

1985

Мл. сержант Юрченко Вадим Юрьевич

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1982

Рядовой Долгих Александр Витальевич

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Сержант Ниязов Маркс Сибгатович

Рядовой Толмачев Олег Филиппович

1986

Лейтенант Бондарев Валерий Евгеньевич

Лейтенант Пашнин Константин Егорович

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

1985

Рядовой Иванов Михаил Иванович

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

1984

Рядовой Игнатенко Юрий Николаевич

Сержант Тимошенко Николай Николаевич

1985

Мл. сержант Кирсанов Александр Геннадьевич

Ст. лейтенант Трепавлов Анатолий Линграфович

1986

Рядовой Егоров Александр Васильевич

Лейтенант Зубов Валентин Владимирович

Рядовой Красников Виталий Васильевич

1987

Лейтенант Акбулатов Мансур Равильевич

Рядовой Двухреченский Александр Валентинович

Рядовой Дергай Евгений Михайлович

Мл. сержант Егоров Олег Сергеевич

Рядовой Кайдалин Яков Всеволодович

Рядовой Кащенко Иван Владимирович

Сержант Краваль Александр Брониславович

Рядовой Новиков Александр Борисович

Рядовой Писарев Евгений Анатольевич

Мл. сержант Тюфяков Александр Васильевич

Рядовой Чегор Андрей Борисович

1988

Рядовой Шкробот Евгений Иванович

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

1985

Прапорщик Сарычев Павел Геннадьевич

Рядовой Чернов Сергей Витальевич

1986

Рядовой Кушаков Александр Михайлович

Рядовой Фурсов Юрий Владимирович

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

1984

Мл. сержант Джумаканов Ерболат Кумарбекович

1985

Рядовой Дворников Владимир Анатольевич
Сержант Кулаев Владимир Борисович
Мл. сержант Матяш Евгений Викторович

1987

Мл. сержант Захарченко Виктор Владимирович
Рядовой Ткаченко Виталий Владимирович

1988

Рядовой Савинов Игорь Владимирович

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

1981

Мл. сержант Сафонов Сергей Викторович

1983

Рядовой Высотин Игорь Плександрович

1984

Рядовой Косаченко Юрий Михайлович
Ст. лейтенант Литвинов Владимир Владимирович

1985

Ефрейтор Миллер Александр Яковлевич

1987

Рядовой Волков Вячеслав Анатольевич

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ

1982

Капитан Бутаев Батожан Бимбаевич
Рядовой Капустин Виктор Владимирович

1984

Рядовой Малыгин Александр Владимирович
Рядовой Мокров Александр Михайлович

1985

Рядовой Русин Николай Павлович

ЧИТИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

1981

Мл. сержант Калинин Михаил Валентинович

Ефрейтор Обухов Владимир Ильич

Мл. сержант Щеголев Леонид Юрьевич

1982

Ефрейтор Анциферов Игорь Михайлович

Рядовой Гаврилов Сергей Геннадьевич

Рядовой Животков Андрей Николаевич

Рядовой Колесов Сергей Геннадьевич

Рядовой Перфириев Александр Васильевич

Рядовой Шемелин Виктор Константинович

Рядовой Широких Виктор Валентинович

Ефрейтор Школин Виктор Иванович

Рядовой Шумаков Сергей Иванович

1983

Рядовой Зайко Юрий Яковлевич

Рядовой Золотухин Александр Васильевич

1984

Рядовой Богданов Валерий Борисович

Рядовой Дресвянников Александр Геннадьевич

Мл. сержант Забродин Владимир Николаевич

Рядовой Попов Игорь Александрович

Мл. сержант Токмаков Сергей Николаевич

Рядовой Учанин Андрей Николаевич

1985

Рядовой Алешков Андрей Владимирович

Сержант Жуков Андрей Михайлович

Ефрейтор Комогорцев Никон Николаевич

Рядовой Моряхин Виктор Гаврилович

Рядовой Овчинников Олег Павлович

Рядовой Чихунов Андрей Михайлович

1986

Рядовой Павлюшин Павел Валерьевич

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

1982

Майор Кричевский Олег Николаевич

1985

Рядовой Гостев Владимир Викторович

Рядовой Сливко Александр Германович

Рядовой Мельников Андрей Александрович

Подполковник Тимченко Александр Владимирович

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

1985

Рядовой Курякин Владимир Павлович

Рядовой Николенко Сергей Владимирович

Рядовой Попов Владимир Викторович

Рядовой Сулин Вячеслав Анатольевич

1986

Рядовой Арончик Александр Леонидович

Рядовой Жалимов Борис Хасанович

1987

Ст. лейтенант Матюшин Вадим Александрович

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

1985

Мл. сержант Разгонов Павел Константинович

1986

Ефрейтор Репетей Виталий Михайлович

ЭСТОНИЯ

1985

Рядовой Сидоренко Роман Геннадьевич

1986

Рядовой Аписитис Андрис Айварович

Ефрейтор Варес Урмас Олегович

Рядовой Семин Игорь Львович

1987

Мл. сержант Кайв Ао Аларович

ЛАТВИЯ

1985

Ефрейтор Стельмашук Александр Михайлович

1986

Рядовой Афанасьев Григорий Викторович

1987

Лейтенант Зенька Валдис Брониславович

ЛИТВА

1986

Рядовой Адамовичюс Стасис Генрикович

Рядовой Амонкявичюс Арвидас Ионович

БЕЛОРУССИЯ

1981

Ст. лейтенант Михалев Владимир Николаевич

1982

Прапорщик Бельский Геннадий Иванович

Рядовой Ващебрович Александр Иванович

1984

Рядовой Аболик Александр Иванович

Капитан Бабко Валерий Владимирович

Рядовой Залевский Владимир Александрович

1985

Сержант Гавраш Юрий Чеславович
Рядовой Дубровский Олег Анатольевич
Мл. сержант Ищенко Сергей Всеволодович
Мл. сержант Капота Игорь Алексеевич
Сержант Кульнис Станислав Иосифович
Сержант Матох Михаил Алексеевич
Мл. сержант Нападовский Игорь Анатольевич
Лейтенант Новиков Сергей Васильевич
Мл. сержант Новицкий Геннадий Леонидович
Прапорщик Сластенко Михаил Семенович
Рядовой Смыков Владимир Леонидович
Капитан Цебрук Николай Нестерович

1986

Капитан Бекоев Павел Викторович
Рядовой Гладкий Константин Викторович
Рядовой Калевич Дмитрий Иванович
Мл. сержант Козинец Сергей Сергеевич
Сержант Крисюк Николай Александрович
Рядовой Масленков Игорь Викторович

1987

Прапорщик Аббасов Вагиф Муталимович
Сержант Канашков Александр Иванович
Майор Ковтун Владимир Андреевич
Рядовой Копа Андрей Михайлович
Рядовой Финдюкевич Николай Владимирович
Мл. сержант Чечун Николай Константинович

1988

Рядовой Авдевич Сергей Дмитриевич
Мл. сержант Гавриленко Сергей Николаевич
Майор Головкин Виктор Николаевич
Мл. сержант Граньков Виктор Владимирович
Ефрейтор Грибов Валерий Петрович

1989

Подполковник Петунин Анатолий Анатольевич

УКРАИНА

1980

Рядовой Горщук Михаил Михайлович
Мл. сержант Ткаченко Владимир Николаевич

1981

Майор Колесников Виктор Ромуальдович
Сержант Шиварев Алексей Федорович
Сержант Яценко Анатолий Михайлович

1982

Сержант Белозор Леонид Павлович
Рядовой Коваль Анатолий Михайлович
Ст. лейтенант Статкевич Владимир Владимирович
Ст. лейтенант Ступицкий Владимир Иванович
Рядовой Трофименко Владимир Александрович
Рядовой Хроленко Михаил Владимирович

1983

Мл. сержант Алеев Владимир Геннадьевич
Лейтенант Крышталь Игорь Николаевич
Подполковник Левдигов Виктор Васильевич
Рядовой Мельник Виктор Владимирович
Сержант Сиваченко Юрий Витальевич
Рядовой Скуляк Николай Иванович

1984

Сержант Бевз Игорь Анатольевич
Прапорщик Бондарь Евгений Дмитриевич
Сержант Борец Александр Николаевич
Капитан Ковалев Борис Александрович
Рядовой Крыжановский Петр Андреевич
Мл. сержант Кудыма Олег Евгеньевич
Рядовой Лазаревич Станислав Васильевич
Мл. сержант Матвиенко Александр Юрьевич
Ст. лейтенант Мирошниченко Сергей Михайлович
Рядовой Монастырский Виталий Степанович
Ефрейтор Поволя Валерий Валентинович
Мл. сержант Руденко Николай Васильевич
Мл. сержант Чайка Анатолий Николаевич
Мл. сержант Шульга Сергей Викторович

1985

Рядовой Базилевич Олег Иванович
Рядовой Белов Александр Анатольевич
Рядовой Бельдеман Александр Григорьевич
Рядовой Бойчук Владимир Васильевич
Ефрейтор Вакулюк Александр Сергеевич
Ст. лейтенант Жамлиханов Рашид Камилович
Рядовой Ивашкив Игорь Юлианович
Ст. лейтенант Казаков Андрей Владимирович
Сержант Карплюк Николай Васильевич
Рядовой Козак Василий Васильевич
Рядовой Кривошея Владимир Иванович
Рядовой Курка Петр Иванович
Сержант Кухарчук Василий Федорович
Лейтенант Лемишко Сергей Николаевич
Лейтенант м/с Линев Андрей Николаевич
Сержант Марченко Вячеслав Валентинович
Рядовой Мищенко Виктор Григорьевич
Рядовой Музыка Василий Николаевич
Сержант Оксак Олег Павлович
Рядовой Опивалов Александр Владимирович
Ст. лейтенант Педько Александр Юрьевич
Рядовой Рогович Роман Петрович
Мл. сержант Савчук Леонид Иванович
Прапорщик Самсонов Дмитрий Борисович
Рядовой Солонищенко Алим Александрович
Ст. сержант Сушко Дмитрий Анатольевич
Ст. лейтенант Схабенко Николай Николаевич
Рядовой Тарнавский Валерий Балеславович
Мл. сержант Тищенко Анатолий Григорьевич
Мл. сержант Трофименко Александр Викторович
Ефрейтор Федив Василий Иванович
Рядовой Христенко Сергей Александрович
Ефрейтор Щерба Александр Владимирович
Рядовой Яковлев Виктор Юрьевич

1986

Рядовой Алхимов Сергей Николаевич
Рядовой Андреев Алексей Николаевич
Рядовой Арсенов Виктор Викторович
Рядовой Артюх Аркадий Николаевич
Лейтенант Бахметов Виктор Валентинович

Сержант Бугров Вадим Кимович
Капитан Быков Вадим Вячеславович
Рядовой Великий Владимир Михайлович
Мл. сержант Войцеховский Сергей Петрович
Рядовой Голощук Геннадий Антонович
Рядовой Гордиенко Александр Борисович
Лейтенант Довгуля Валентин Николаевич
Рядовой Древаль Сергей Александрович
Рядовой Зазимко Виктор Борисович
Мл. сержант Кобыльченко Андрей Григорьевич
Сержант Коваленко Василий Владимирович
Мл. сержант Коваль Павел Иванович
Мл. сержант Козырев Игорь Анатольевич
Лейтенант Красильников Виктор Иванович
Рядовой Кукуруза Александр Павлович
Ст. лейтенант Курнос Виктор Иванович
Рядовой Кучер Сергей Ефимович
Рядовой Кушниров Анатолий Степанович
Рядовой Лавренчук Олег Иванович
Мл. сержант Максюта Юрий Григорьевич
Мл. сержант Манченко Альберт Владимирович
Рядовой Марченко Андрей Петрович
Рядовой Мирошниченко Анатолий Александрович
Капитан Михайлов Валерий Николаевич
Рядовой Мочернюк Михаил Иванович
Ст. прапорщик Нагорный Иван Васильевич
Рядовой Опаец Валерий Константинович
Рядовой Параска Юрий Павлович
Ефрейтор Плеван Сергей Тодорович
Рядовой Подолян Александр Викторович
Мл. сержант Радзиховский Петр Александрович
Рядовой Савко Николай Федорович
Рядовой Семенюк Василий Иванович
Лейтенант Сенчук Александр Дмитриевич
Рядовой Смоляной Владимир Иванович
Ст. лейтенант Татарчук Сергей Анатольевич
Ст. сержант Ткаченко Сергей Владимирович
Рядовой Франчук Михаил Иванович
Сержант Хмелевский Александр Геннадьевич
Рядовой Черный Виктор Васильевич
Мл. сержант Шаповалов Игорь Николаевич
Сержант Ярмош Владимир Васильевич
Рядовой Яценко Александр Павлович

1987

Рядовой Антипенко Геннадий Николаевич
Мл. сержант Белинский Юрий Николаевич
Рядовой Белых Дмитрий Михайлович
Ефрейтор Бондарчук Петр Иванович
Рядовой Велигурский Юрий Владимирович
Рядовой Винник Иван Богданович
Ст. лейтенант Грицишин Петр Иванович
Рядовой Гричак Валерий Петрович
Капитан Губенко Михаил Семенович
Рядовой Еремчук Николай Анатольевич
Капитан Жомер Сергей Васильевич
Лейтенант Злуницын Олег Игоревич
Мл. сержант Капустин Иван Владимирович
Рядовой Король Николай Николаевич
Ст. лейтенант Корчака Павел Яковлевич
Рядовой Кучерявец Николай Григорьевич
Рядовой Мартынюк Игорь Витальевич
Рядовой Овдиенко Николай Николаевич
Ст. лейтенант Онищук Олег Петрович
Рядовой Ошомок Сергей Александрович
Капитан Прокопчук Константин Васильевич
Рядовой Скачков Сергей Иванович
Мл. сержант Солдатенко Александр Николаевич
Лейтенант Степанчук Алексей Николаевич
Рядовой Суц Павел Васильевич
Ст. лейтенант Сысоев Леонид Константинович
Рядовой Ткаченко Михаил Витальевич
Рядовой Фурман Александр Николаевич
Рядовой Хлибийчук Станислав Степанович
Рядовой Хомяков Николай Сергеевич
Сержант Цымбал Виктор Юрьевич
Рядовой Черный Виталий Тарасович
Мл. сержант Шахмат Тарас Михайлович
Служащая СА Шевчук Любовь Тарасовна
Рядовой Шкабат Владимир Станиславович
Рядовой Яцкив Богдан Степанович
Сержант Яцковский Сергей Владимирович

1988

Рядовой Быков Алексей Владимирович
Сержант Голощапов Андрей Юрьевич
Рядовой Новицкий Василий Иванович

Капитан Сулима Игорь Юрьевич
Рядовой Панченко Анатолий Федорович
Рядовой Мороз Степан Георгиевич
Ефрейтор Рабец Юрий Владимирович
Рядовой Яременко Владислав Александрович

МОЛДАВИЯ

1984
Рядовой Бурдунюк Иван Григорьевич

1985
Рядовой Лукица Юрий Васильевич

1987
Мл. сержант Мелентий Иван Михайлович
Служащая СА Присакарь Людмила Владимировна
Рядовой Стеля Сергей Васильевич

1988
Лейтенант Хамалко Юрий Михайлович

АЗЕРБАЙДЖАН

1985
Рядовой Чинкин Виктор Станиславович

1986
Лейтенант Бескровных Игорь Константинович

1987
Рядовой Абдуллаев Ибрагит Салледдин-оглы
Рядовой Аталов Чингиз Сиявуш-оглы
Рядовой Джафаров Таир Теймур-оглы
Рядовой Мурадов Яшар Исбендияр-оглы
Сержант Рафиев Назим Магеррам оглы

ГРУЗИЯ

1984
Прапорщик Зубанов Валерий Викторович
Рядовой Кахидзе Тенгиз Гиглаевич

Ефрейтор Мелехов Игорь Петрович

1985

Рядовой Оруджов Гамлет Ханали-оглы

1987

Рядовой Путкарадзе Тенгиз Георгиевич

Прапорщик Хачатрян Павлик Торникович

АРМЕНИЯ

1984

Рядовой Ибрагимов Тофик Зияддин-оглы

Рядовой Матевосян Матевос Самсонович

1987

Рядовой Бабаян Мартирос Васильевич

Рядовой Мурадян Марат Бегеевич

Рядовой Саркисян Андраник Суренович

ДАГЕСТАН

1984

Мл. сержант Магомедов Усман Магомедович

Рядовой Селимов Гаджи Фатилахович

1985

Сержант Курамагомедов Мухтарахмед Загирович

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1986

Рядовой Бибик Виктор Николаевич

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1982

Мл. сержант Мажатов Руслан Анатольевич

1984

Мл. сержант Джимхаев Муса Усманович

1986

Сержант Махцаев Иса Салаудинович

ТАДЖИКИСТАН

1979

Ефрейтор Бабаев Нурбабо Манонович

1981

Рядовой Бабаев Сухроб Бобоевич

Рядовой Бабиев Хайридин Тешаевич

1982

Рядовой Богодиров Абдумумин Абдунабиевич

Рядовой Бутаев Гайратшо Абдусатторович

Рядовой Валиев Худойберди Бадаргоевич

Рядовой Гулов Азиз Ерович

Рядовой Давыдов Алексей Евгеньевич

Рядовой Еров Олим Ниязович

1984

Рядовой Гафуров Мирзомудин Забиорович

Сержант Касымов Олег Мусурманкулович

1985

Рядовой Латипов Хайбулло Абдуллоевич

Рядовой Мадиев Исматулло Шамсоевич

Рядовой Маликов Игорь Ирикович

Мл. сержант Мирзоев Одилжан Анварович

Сержант Назаров Абдузохид Саидович

Рядовой Наимов Бахриддин Мирзоодилович

Сержант Нех Юрий Павлович

Лейтенант Нуманов Раим Абдуллаевич

Ефрейтор Садыков Акбар Ганиевич

Рядовой Останаев Абдусатор Фатахович

1986

Рядовой Каримов Шамсулло Буриевич

Рядовой Пустаков кудратулло Негматович

Рядовой Расулов Захиршок Умарович
Лейтенант Самойлов Василий Петрович

1987

Рядовой Сафаров Убайдулло Лочинович
Мл. сержант Солдатов Владимир Юрьевич
Рядовой Табаров Раджабали Сафаралиевич
Рядовой Хасанов Абдували Сангакович
Мл. сержант Чутанов Абдурахман Тажиевич
Мл. сержант Шамсудинов Курбонали Айнидович

1988

Рядовой Эльмурадов Махмаюсуп Гульмаматович

КИРГИЗИЯ

1979

Рядовой Кашкин Валерий Юрьевич
Рядовой Мамаджанов Абдунари Гайджанович

1981

Рядовой Азаров Николай Михайлович
Рядовой Лямин Сергей Владимирович
Мл. сержант Солодовников Сергей Викторович

1982

Рядовой Абылдаев Курмантек Туменбаевич
Рядовой Авизов Закир Кузыевич
Рядовой Бекботаев Владимир Александрович
Рядовой Бердалиев Зарылбек Сасыкулович
Рядовой Новиков Андрей Константинович
Рядовой Ситников Анатолий Александрович

1984

Мл. сержант Каменский Геннадий Викторович

1985

Сержант Калжикеев Батырбек Мусатаевич

1986

Мл. сержант Садыков Дайыр Абылович

ТУРКМЕНИЯ

1979

Рядовой Курбанов Ходжаненес

1986

Рядовой Непесов Таныркули Мереддурдыевич

КАЗАХСТАН

1979

Ефрейтор Калмаганбетов Амангельды Шамшитович

1982

Рядовой Абдрахимов Ербол Рафаэльевич

Лейтенант Адиев Фанус Бадавиевич

Рядовой Аксенов Сергей Николаевич

Рядовой Ахметов Алик Турганович

Сержант Ахметов Базарбай Турашевич

Ст. лейтенант Ахметов Калибек Газизович

Сержант Аюченко Олег Петрович

Прапорщик Бубенцов Александр Николаевич

Ст. сержант Ефанов Александр Александрович

Рядовой Жилинский Дмитрий Романович

Рядовой Жильников Виктор Иванович

Рядовой Катаронов Игорь Анатольевич

Рядовой Макаренко Юрий Николаевич

Сержант Максимов Олег Анатольевич

Рядовой Сулиев Мейралы Едигарович

Рядовой Упеков Канат Перненбаевич

Рядовой Чернов Виталий Владимирович

1983

Рядовой Асламов Александр Викторович

1984

Рядовой Обухов Сергей Михайлович

Прапорщик Хребтов Валерий Геннадьевич

1985

Капитан Бильгильдеев Владимир Гумарович

Ст. лейтенант Винник Андрей Александрович

Сержант Ерченко Андрей Викторович

Майор Махметов Орынбек Ахан-Улы

Ст. лейтенант Пустовой Владимир Витальевич
Сержант Тарасов Виктор Васильевич
Сержант Уразбаев Жумабек Амангельдыевич
Капитан Филиппов Александр Константинович

1986

Рядовой Кириллов Олег Ефимович
Подполковник Лопатин Юрий Николаевич
Рядовой Уразалин Серикбай Балхашбаевич
Рядовой Поддубский Виктор Владимирович
Рядовой Смайлов Сагындык Садыкович

1987

Рядовой Байданов Рысбай Усенбаевич
Ст. прапорщик Жакпаев Уазыркан Увалиевич
Рядовой Зеленин Сергей Николаевич
Ефрейтор Скопец Павел Владимирович

1988

Рядовой Бабичев Андрей Николаевич
Ефрейтор Еремкин Алексей Николаевич

УЗБЕКИСТАН

1979

Рядовой Хусанов Сабиржон Камилович
Мл. сержант Шербеков Миркасым Абрашимович

1980

Рядовой Алимбаев Рустам Таджитович

1981

Ефрейтор Гончаров Игорь Иванович
Сержант Егоров Альберт Гарникович
Рядовой Милибаев Баходир Патидинович
Мл. сержант Рахматулин Рашид Шавкатович
Майор Скида Владимир Федорович
Рядовой Эшонов Шавкат Абрайимович

1982

Рядовой Алибердыев Кабул Каримович
Ефрейтор Байджанов Равиль Умаралиевич
Сержант Гимранов Анвар Наилович
Сержант Ишмаев Шамиль Сабаханович

Ст. лейтенант Оразалиев Хурсанали Маликович
Мл. сержант Ташнабаев Исманжан Кукарович
Рядовой Шадманов Гияс Иргашевич
Рядовой Эгамов Ибодулло Файзуллаевич
Рядовой Юлдашев Ахаткул Рахманович

1983

Ст. лейтенант Бегиев Эльгизер Федорович
Рядовой Коркин Виктор Алексеевич
Рядовой Ташев Муратбек Нумутбекович
Рядовой Толибов Сарди Хасанович
Рядовой Хамдамов Ислам Акрамович

1984

Рядовой Адаменко Дмитрий Васильевич
Рядовой Анаров Алтынбек Ализахович
Рядовой Асанов Эльдар Фердоусович
Рядовой Бердиев Олег Турдиевич
Рядовой Бабажанов Алижон Атожонович
Сержант Гуляев Александр Васильевич
Рядовой Дадаев Нугман Камбарович
Рядовой Додоматов Машакир Машарифович
Рядовой Каримов Эльдар Закирович
Рядовой Кахаров Абдугафур Махмудович
Рядовой Клыковский Михаил Владимирович
Ефрейтор Моминов Абдусамат Бегмуратович
Ст. сержант Пирожков Владимир Михайлович
Рядовой Рахимов Абдукаххар Абдулхакевич
Рядовой Садиков Гуламжон Галиевич
Мл. сержант Тураходжаев Сирожиддин Садырович
Рядовой Турдиматов Абдурасул Хожиматович
Рядовой Хаитбаев Бахтиер Одилович

1985

Рядовой Абдуалимов Равшан Кучкарович
Рядовой Абдуллаев Юнус Юлдашевич
Рядовой Абдуллахаев Бахтияр Баходырханович
Мл. сержант Адылов Шухрат Бурибаевич
Рядовой Атанбаев Иржанбай Буранбаевич
Мл. сержант Давронов Давронжон Тургунбаевич
Рядовой Джанзаков Данияр Сабденович
Рядовой Икрамов Рахимберди Рахманович
Рядовой Лязин Павел Васильевич
Мл. сержант Матниязов Бахтиер Султанович
Сержант Плотников Сергей Александрович

Рядовой Растобуров Сергей Владимирович
Лейтенант Сафронов Геннадий Иванович
Рядовой Солиходжаев Джура Исаходжаевич
Рядовой Хайдаров Сахоб Саатович
Мл. сержант Юлдашев Хикматулла Рахматуллаевич

1986

Мл. сержант Абдукадыров Ильхом Абдуганиевич
Мл. сержант Абдурахманов Ибрахим Махкамбаевич
Мл. сержант Атажанов Рузимбай Режепович
Рядовой Ахмедов Искандер Абубакирович
Рядовой Горский Александр Евгеньевич
Мл. сержант Джураев Солик Абдиразикович
Рядовой Захаров Валерий Викторович
Сержант Ибадов Шухрат Иноятуллаевич
Мл. сержант Каюмов Фуркат Хашимович
Рядовой Кукиев махмудали Сагдуллаевич
Рядовой Нурбаев Бахтияр Абдуганиевич
Рядовой Осипов Владимир Александрович
Ст. лейтенант Розиков Холмухаммад Джураевич
Рядовой Сапаров Рустам Абдукадырович
Рядовой Туляганов Шухратулла Лутфуллаевич

1987

Рядовой Алимов Рустам Турабович
Рядовой Андросов Артур Кларкович
Рядовой Далабаев Шакир Пулатович
Рядовой Жураев Хасан Исабекович
Рядовой Каримов Акрамжан Абдумуталович
Рядовой Кучкинов Ибрахим Уктамович
Рядовой Лисовский Сергей Анатольевич
Рядовой Плисов Олег Анатольевич
Рядовой Подмосковский Игорь Александрович
Рядовой Раджапов Садулла Кучкарович
Рядовой Салахияев Эркин Искандарович
Рядовой Уринбаев Абдирашид Абдисаттарович
Рядовой Халиков Бахритдин Эргашевич
Рядовой Шариков Олег Владимирович
Рядовой Шаюнусов Шабадал Шаирханович
Рядовой Яхьяев Фахриддин Хайрутдинович

1988

Рядовой Дымов Анатолий Иванович
Рядовой Сапаев Баходир Каримович
Рядовой Хашимов Ровшан Абдурахманович

Приведенные имена — лишь малая часть общих потерь, но она поможет читателю глубже осмыслить и понять афганские события, весь драматизм их развития и место в истории.

Имена погибших в Республике Афганистан воинов-интернационалистов соединений, частей и подразделений специального назначения дороги всем, для кого слова «подвиг», «мужество», «воинский долг», «верность присяге» — священны.

Прославленный полководец Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский писал, вспоминая Великую Отечественную войну и говоря о долге живущих: «Нельзя научиться любить живых, если не умеешь хранить память о мертвых».

Наша работа будет продолжаться. Ведь мы не можем считать свою работу законченной, пока останется хоть один воин-спецназовец, не отмеченный благодарной памятью живущих.

Наш долг — сделать все возможное, чтобы увековечить имена всех павших, уточнить дальнейшую судьбу всех, кто числится без вести пропавшими. Мы должны выполнить свой долг перед ними.

Вчитайтесь еще и еще раз в списки погибших.

ДОРОГА В АФГАН

Солнце выплыло из-за горизонта только наполовину, а уже резало глаза еще не совсем проснувшемуся второму учебному взводу. С первыми лучами сразу исчезла спасительная ночная прохлада, навалилась жара и духота — самые злейшие враги «северного человека» Вовки Губина.

Как ни старался вчера он «забуриться» дневальным по роте: и на построения опаздывал, и старшине намекал, что не все, мол, наряды отстоял за прошлые «залеты», — не помогло. Беги вот теперь проклятую трехкилометровую дистанцию с полной выкладкой в этакую духоту.

С другой стороны, это приятно ласкало душу: старшина не дурак, оставил «дохляков», чтоб роту не подвели на марш-броске. Стало быть, его-то старшина «дохляком» не считает.

— Че, мухомор, слабо? — перед построением надвинул он панаму на нос Смыслову, «дохляку» по кличке Щепка.

— Че слабо? — не врубился тот.

— А таскать вот это? — и Вовка протянул в его сторону на одной руке вещмешок, где по замыслу командиров должно быть пятнадцать кило песка, «изображающих» боекомплект и сухпай. Щепка скособочился под тяжестью своего вещмешка, а «силач» Губин одной левой, чуть ли не щепотью демонстрирует, что ему весь этот дурацкий балласт, который навязывают таскать командиры, нипочем.

— Между прочим, полезно для молодого организма, — голосом старшего начал поучать Вовка Щепку, но тут вещмешок из его рук вырвал здоровенный сержант, пару дней назад прибывший из «учебки». Сержант молча вынул из вещмешка два комплекта старого хэбэ и насыпал песок.

— Вот так будет полезнее, — хлопнул он по плечу Вовку.

«Болван! Чучело! Кретин! — ругал ненавистный затылок Вовка, стоя во второй шеренге и поеживаясь под „дурацким“ песком. — Сам шлангануться не может — другим не мешай». Он почти не слушал взводного. И так знал, что оценка выставяется всему подразделению, а время засекается по последнему...

— Сержант Вареник!
— Я! — глухо рявкнул Вовкин обидчик («Вареник!» — про себя мстительно хохотнул Вовка).
— Вы бежите последним и подгоняете отставших.
— Есть! — снова вытянулся сержант.
— Скотина! — негромко процедил Губин.
— Кто? — обернулся Вареник.
— Дед Пихто! — одновременно с командой «Марш!» бросил Вовка, и взвод загромыхал снаряжением.

* * *

Автомат бьет по боку, песок ерзает по спине, заносит из стороны в сторону, пыль забивает глаза и глотку, пот разъедает ссадины. Ко всему этому, вдобавок, витает гнусный голос неумолимого Вареника:

— Подтянись, мужики! Подтянись! Не отставай!

Сначала голос глухо доносился откуда-то из-за пыли. Потом все громче, громче, пока Вареник не прокричал Вовке в самое ухо: «Подтянись!» — и подтолкнул тот самый песок за спиной.

«Какой-то Вареник еще будет командовать! Нет, Губин и не таких может проучить. Ну, погоди, Вареник!» Но возмущаться не было сил. Вовка напрягся, рванулся и, споткнувшись о камень, позорно плюхнулся под ноги сержанту.

Черт с ним, с позором, хоть несколько секунд отдохнуть! И Губин по-рыбьи глотал горячий пыльный воздух, стараясь унять колющую боль в правом боку.

— Ну вставай, вставай, мужик! — нервно заторопил Вареник, взваливая на себя губинский мешок и автомат. Вовка безропотно, с трудом поднялся на ватные ноги и потрусил дальше, прижимая рукой бунтующую печень.

А Вареник, чуть впереди, уже торопил тоже отставшего гранатометчика:

— Давай, Ержан, нажми!

Губин догнал их и ухватился за свой мешок.

— Отдай!

— Да ладно, беги. Осталось немного! — ответил сержант. — Вон, уже почти все добежали, а вы, дохляки, тащитесь.

Под хриплый рев краснолицего лейтенанта Вовка с Ержаном последними пересекли черту финиша и рухнули на ближайший бархан.

«Отомстить бы за „дохляков“ этому болвану!» — медленно шевельнулась мысль, но блаженство покоя вытравило злость, и Вовка даже не пошевелился, почувствовав на ногах мешок и автомат.

— На, промочи горло, — первым оторвался от земли гранатометчик и протянул фляжку, вытирая панамой лицо, остро и насмешливо поглядывая на него.

— Откуда ты, бледнолицый? — спросил, принимая фляжку назад. Опять удивился себе Губин: надо бы сдачи дать за «бледнолицего», а вместо этого он равнодушно отвечает:

— Тугулымский я.

— Каких только наций на земле нет! — притворно удивился Ержан и удовлетворенно усмехнулся, увидев пришедшего в чувство соседа.

— Пентюх ты! «Наций»! Поселок такой — Тугулым...

— Вроде по-казахски звучит, а что-то не слышал я Тугулыма.

— Это под Тюменью.

— Ну то-то я и смотрю, не степной ты человек. Ничего, привыкнешь.

— Становись! — раздался могучий рев лейтенанта.

* * *

Через два дня служба снова столкнула этих двух солдат и сержанта. Сдавали экзамены по огневой подготовке. Так получилось, что Вовка стрелял после Вареника, у которого результат был неважный — троечка. И Вовка тут уж дал волю мстительности: все мишени поразил на «отлично».

— Это вам не мешок с песком таскать! — покрикивал он после объявления результата.

А Ержан промахнулся из гранатомета в танковую мишень и потускнел.

— Держи хвост морковкой, Ержан! У душманов танков нет.

Даже сержант сегодня показался Вовке мировым парнем. Подошел, обрадовано пожал руку, восхитился искренне:

— О це гарно! С тобой в разведку не страшно ходить.

А еще через день роту подняли до восхода солнца и посадили в машины. И не потому, что из-за гула машин пропадал звук голоса, и не потому, что забившаяся под брезент пыль першила в горле, все молчали. Молчали потому, что ехали теперь не на учения. Каждый ехал навстречу своей судьбе. Уже шесть лет по ту сторону границы, среди таких же гор и зеленых лощин, в такой же пыли и духоте воюют наши ребята. Выполняют интернациональный долг. И отдают долг по присяге: не жалея жизни... Как воюют, никто не рассказывает. Матерятся и зубами скрипят...

Долгое дорожное оцепенение прервалось, когда где-то к обеду услышали гул авиационных двигателей, который тре-

можно и властно перекрывал уже привычное гудение их автоколонны.

Остановились. Построились. И один за другим нырнули в темную глубину огромного «Ил-76».

* * *

Громада самолета, казавшаяся такой устойчивой и ненадежной, вдруг накренилась, резко бросилась вниз, напомнив, что под сиденьем — бездна. Страх и тошнота подступили к горлу.

Еще не успев ни о чем подумать, Вовка глянул на сидевшего рядом Ержана, Ержан — на Григория, и все вместе — в иллюминатор. От их самолета отстреливались ярко-желтые звезды и, оставляя за собой дымные хвосты, уходили к земле постепенно затухающими гирляндами.

— Тепловые ловушки! Тепловые ловушки! — пронеслись по самолету возгласы догадливых, В это сразу все поверили, потому что и наслышаны были о них, и очень уж хотелось, чтобы это были не душманские ракеты.

И опять все трое глянули друг на друга теперь уже обычными, похожими на свои, глазами, а не теми — мгновение назад — чужими, окаменело-слюдянными, неживыми. Забыть, скорее забыть тот позорный миг! И любить, любоваться игрой гирляндных отражений в лукавых щелочках Ержана! Даже Варенику показались милыми ехидные глаза Губина. И можно теперь от души посмеяться над проклятьями Вовки в адрес «недоучек» летчиков, которые не умеют водить этот «баклажан», мягко посадить не могут, не дрова ведь везут...

— Яка нижна людина! — подтолкнул Ержана Вареник, кивая на Губина, но того так просто не уколешь.

— Нашел нежного! Если тебе нравится быть дубовым полем — пожалуйста! А я требую человеческого к себе отношения. Ты мне покажи класс, подай мягкую посадку!

И в это время самолет тяжело коснулся земли, сразу переключив двигатели на торможение.

Сели! Все трое невольно одновременно вздохнули. Впрочем, им показалось, что вместе с ними вздохнули все двести молодых солдат, доставленных в Афганистан в этом мрачном дюралевом ящике.

Загрохотала аппарель в хвосте самолета, постепенно открывая другую страну, где им...

Что здесь им? Проходить обязательную воинскую службу положенные два года? Выполнять свой гражданский долг, как

требует Конституция СССР? Или, как теперь говорят, интернациональный долг?

Или не окажется этих двух лет? Хватит двух дней, двух минут, двух секунд...

В проеме нарисовалось сначала предвечернее прокаленное палевое небо, потом чуть потемнее, но такой же палевый горизонт, который загораживали стоящие цепочкой КамАЗы и одноэтажные строения. А у последних ступенек скользкой алюминиевой дорожки, по которой из темноты чрева самолета выходили на яркий свет солдаты, стояла группа странно одетых людей: в непривычных глазу бушлатах и кепках с длинными козырьками, но в наших, советских, погонах.

— Здорово, щеглы! — приветствовал их один из этой группы. Вовке почему-то не понравился толстый ефрейтор, напоминавший объевшегося тыловика из анекдотов.

— Бачилы поздоровше! — выкрикнул он из толпы, подделываясь под голос и манеру Вареника. Ефрейтор свирепо оглядел толпу, но не увидел за широким телом Вареника маленького Губина и уже не спускал с Григория злых глаз, поджидая его, как удав кролика. Он отбирал у солдат военные билеты, остальные что-то помечали в бумагах.

— Вареник Григорий, — назвал себя, поравнявшись с ним, сержант, подавая билет.

— Ага, Варэник! — злорадно передразнив его украинский акцент, кивнул ефрейтор и обратился к солдату со списком: — Коля, пометь-ка этого щегла. Я с ним разберусь на пересылке.

Теперь в строю, по пути на пересылочный пункт, глядя на маячивший впереди затылок Вареника, Вовку терзала совесть: из-за его озорства попадет Гришке ни за что.

Прибывших разместили в каких-то «модулях», тех самых одноэтажных строениях, что нарисовались за откинувшейся аппарелью.

— Что ли по-афгански барак модулем называется? — прикидывается дурачком Вовка, устраиваясь в столовой рядом с молчаливым и обиженным Григорием. Ержан популярно растолковывал, что такое модуль, но Вовку больше бы устроило хоть ругательство, но от Вареника. А тот молчал.

Как быстро здесь темнеет! Входили в столовую засветло, а вышли в крошечную темь. Оказалось, у всех кончилось курево, и тут Вовке представился случай растопить лед между ним и Гришкой. Он, как фокусник, откуда-то из-под воротника извлек сложенную в маленький треугольник десятку, провезенную от Тугулыма, через все таможенные досмотры, сюда, в Афган. Ему показалось в темноте, что подобрели глаза Вареника,

хоть он ничего и не сказал. Все трое вошли в ярко освещенный магазин военторга.

От импортного изобилия, красочности упаковок разбежались глаза,хватило дух. Губин, протянув продавщице купеческим жестом десятку, небрежно бросил:

— Сигарет, печенья и три сока! Сдачи не надо!

— Че ты мне суешь? — оскорбилась ярко накрашенная продавщица, отшвырнув губинскую десятку, и тут же заулыбалась вошедшему красавцу-десантнику, одетому как на парад: огромный белый аксельбант, орден Красной Звезды, лихо заломленный берет.

Все трое застыли, словно по команде «смирно!». Это был тот, кем каждый из них в мечтах рисовал себя, возвращающегося из Афгана к своим: целешенек-здоровешенек, отутюженный, без пылиночки, с неотразимой улыбочкой, с чуть нахальным прищуром. Десантник быстро стал обростать пакетами под щебет продавщицы.

— Подержи-ка, — сунул он один пакет Губину, другой Ержану, рассчитался какими-то не такими деньгами и весело предложил, как давно знакомым:

— За мной, юноши! Со мной не пропадете!

В полумраке казармы между двухъярусными армейскими койками под тусклой лампочкой десантник поставил два табурета и велел Ержану «стол соображать».

— Юрик, Биджо! Где вы?

— Сейчас, Миша, — откликнулся голос из темной глубины казармы.

— Надо же к столу одеться, — с грузинским акцентом добавил другой голос. — Я вижу, ты гостей пригласил.

— Я их в «чипке» встретил, — начал объяснять десантник, которого, оказывается, звали Мишей. — Смотрю, за советскую десятку сигареты покупают... — и пошел туда, в темноту, на голос.

— Правильно пригласил, — послышался голос грузина.

— Помнишь, как два года назад сами тут шарашились? А то еще фраера клонут на новичков.

— Кажется, уже клонули... — сказал другой голос.

В это время хлопнула входная дверь, и послышался торопливый топот нескольких пар ног. К Вовкиному ужасу, вскоре на свет появилась ненавистная физиономия того ефрейтора с двумя солдатами справа и слева, с взятыми на изготовку для драки ремнями.

— Видали таких салажат?! — зарычал толстый ефрейтор. — Не успели глаза продрать на новом месте, уже пьянку устраи-

вают! Иди-ка сюда! — схватил он за гимнастерку Вареника. — Нюх потерял? Так я тебя научу, как со старшим разговаривать.

Гриша схватил руку ефрейтора и с силой оторвал ее от себя.

— Не чипай!

— Ах вот ты как! — осатанел тот, и его дружки как по команде вскинули ремни, а Вовка и Ержан схватили с табуреток бутылки с соком.

Но тут раздался насмешливо спокойный голос подошедшего Миши.

— Послушай, детка, тебе не кажется, что твое место — у параша? — И трое рослых десантников встали рядом с маленьким Вовкой, державшим бутылку у живота, как автомат.

— Это ты мне? — без прежнего запала спросил ефрейтор.

— Тэбе, тэбе! — подтвердил Биджо. В один молниеносный прыжок он с другим десантником, которого Миша назвал Юриком, схватил двух солдат, не успевших застегнуть ремни, и смачными пинками спустил с крыльца. Те вылетели без малейших признаков недовольства. А удаляющийся топот красноречиво говорил, что на дружка-ефрейтора им наплевать.

Тем более что в этот момент — после Мишкиного удара в грудь — он перелетел через табуретки и упал ногами вверх, упершись спиной в солдатскую тумбочку. Вернувшийся Юра помог ему встать на ноги и хотел уже тем же путем направить его снова к Мише, но тот остановил:

— Подожди! Дай поговорить с человеком.

— Разве это человек? — процедил сквозь зубы Биджо, безразлично двумя пальцами поднимая с пола кепку ефрейтора и бросаая ее в помойное ведро.

— Послушай, крыса пересыльная, я ведь тебя в прошлый раз предупреждал, чтобы перед новичками не выпендривался. Или не понял? Или забыл? Вспомни-ка, полгода назад я в отпуск ездил... Короче: проси прощения у пацанов и отваливай! Иначе узнаешь, за что меня духи не любят. Ну?

Ефрейтор что-то пробормотал, просовываясь между койкой и Юрой к выходу.

— И остальным пересыльщикам передай: в Афгане нет салаг и стариков. Сюда прилетают все равными... А вот улетают неодинаково, — добавил он тихо после паузы, когда ефрейтор уже выветрился, а Ержан и Юра подбирали коробки, бутылки и целлофановые пакеты.

— Не дрейфь, пацаны! Все будет нормально, — наконец улыбнулся Миша и обнял за плечи Вареника и Вовку, едва ус-

певавших хоть что-то уловить из свалившихся на голову событий новой «афганской» жизни. Миша с трудом вынул из оцепеневших Вовкиных рук бутылку сока и, скрутив ей голову, жадно опорожнил через горлышко.

— Ну вот, теперь все готово, — доложил Юра, поднимая последний пакет. — Давай, Биджо!

В руках у Биджо оказался кейс с шифром. Несколько ловких движений — и уже снова нет кейса, а в руках — извлеченная из него бутылка «Столичной».

Новичков поразила серьезная ответственность, даже торжественность на лицах десантников, пока Биджо изящными движениями и безошибочно ровно разливал водку по десяти кружкам.

В таких случаях обычно шутят, шумят, торопят. «Как бы Губин опять не выступил», — с тревогой подумал Вареник, но Вовка смотрел серьезно. Ержан начал было отказываться: «Я не пью», но Юра, протянувший ему кружку, казалось, даже не услышал этих слов. Ержан взял посудину и хотел поставить ее снова на табурет, где оставались еще четыре наполненные кружки, и вдруг отдернул руку, пронзенный догадкой, чьи это кружки: «Как же твоя будет стоять рядом с теми?». И он молча, как и все, выпил.

— Семеро нас было из одного призыва, — нарушил молчание ради новичков Миша. — Домой едем трое. Такие вот дела...

— Какие парни были! — отвернулся от света Юра и бросил окуроч в урну.

— Таких уже не будет, — вздохнул Биджо.

У Вовки до боли сами собой сжались кулаки. Ержан уткнулся подбородком в грудь. Гриша засопел прерывистыми всхлипами. Биджо, как фокусник, извлек из темноты гитару и словоно для себя, ни для кого, стал хриплым голосом петь-декламировать:

Прости, мой друг,
Что ты погиб,
А я все лишь ранен
В горах Афгани...

Потом они сидели, обнявшись, пели про миллионы алых роз и про короля, который не может жениться по любви, а думали каждый о своем: завтра Миша, Биджо и Юра будут там, где нет войны, где спокойные лица и дразнящий смех девушек, где родные пейзажи, где могучая Родина. А Гриша, Ержан

и Вовка, опьяневшие не столько от выпитого, сколько от внимания и дружбы таких замечательных «стариков», заменят их здесь.

* * *

В Джелалабаде солнце казалось еще жарче и ярче. От него не спасала и жидкая тень эвкалиптов, под которыми вповалку лежала первая разведывательная рота, ожидая построения. Новички все еще не привыкли к необычному афганскому обмундированию: разморенные жарой, лениво перебрасывались шуточками по поводу то гусиного клюва кепки, то «морской души» тельняшки.

Губин ворчливо и неумоимо мостился между Ержаном и Григорием, выбрасывая из-под себя то камешки, то комочки, и наконец устроился удобно: головой на животе Ержана, а ногами на варениковском вещмешке. «Пусть лежит, — подумали друзья, — лишь бы утомился». Но Вовка, изнывая от жары и обливаясь потом, недолго молчал.

— Ержан, а Ержан, — приподняв с лица козырек, позвал он, — у тебя невеста есть?

— Есть.

— Красивая?

— Мне нравится.

— А зовут как?

— Карлыгаш.

— Это что, Клара, что ли?

— Ласточка по-русски.

— Красиво! Учится, работает?

— И работает, и учится. Работает в детском саду, а учится в институте.

— Покажи фото.

— А тебе зачем?

— Чого причепився к людыне? — пробурчал Вареник, и Вовка ненадолго затих. Он мысленно представлял Карлыгаш, у которой крыльями ласточки, должно быть, разлетаются брови. Но под бровями неизвестной красавицы то и дело появлялись рыжие глаза Соньки Прокушевой и ее вечно насмешливый веснушчатый нос... «Написать ей, что ли?» — шевельнулась мысль в его растопившемся от жары мозгу, но он тут же выбросил эту «неудобную» мысль, словно мешающий спокойно отдыхать камешек. «Много захотела! Пусть покусает потом локоток, когда он вернется в Тугулым в лихо заломленном берете, с Мишиным прищуром глаз, «в которых будет лишь внимание, но ни смущенья, ни тепла...»

— Ержан, а Ержан... А сколько у вас детей будет? — снова начал Губин, но тут же схлопотал по кумполу туго скрученной газетой.

— Не понимаю, — раздраженно сказал Вареник, снова разворачивая «Фрунзенец». — Война идет, а газеты — про учебные стрельбы. «Метко стрелял на полигоне рядовой Давлетшин. Лучшее всех на танке проехал Михаил Пасюк...» А про Афган где?

Губин не мог пропустить такую возможность блеснуть эрудицией и посрамить невежду.

— А це, Гришенька, не для средних умов понимание! То больша-а-ая политика!

— Становись! — раздалась команда, и разомлевшие солдаты нехотя потянулись на солнцепек. Рослый капитан Шпагин, командир первой разведроты, велел новичкам построиться лицом к батальону и неторопливо зачитал фамилии, определяя, кого в какой взвод.

«Сам в тени стоит, а нас...» — вяло позавидовал ему Вовка.

На Варенике капитан запнулся, внимательно, с усмешкой посмотрел на обладателя вкусной фамилии. Гриша подтянул свой иногда нависавший над поясом живот и беспокойно оглянулся на своих друзей: а вдруг их разведут в разные взводы? Капитан чуть дольше, чем других, оглядывал его с ног до головы, видно, остался доволен бравым видом сержанта и крикнул на левый фланг:

— Маслов, забирай себе!

«Маслов, Маслов... — одновременно пронеслось у всех троих. — Ну да! Мишка-десантник, прощаясь, наказывал: проситесь к Пашке Маслову. Он из вас рейнджеров сделает, он вас научит свободу любить».

Гриша еще не успел стать в строй третьего взвода, как у Вовки вырвалось:

— Товарищ капитан, разрешите мне и Сарбаеву в этот же взвод.

— В чем дело? Кто такие? — с напускной суровостью спросил добродушный капитан.

— Друзья мы. Хотим вместе служить, — уже испуганно, заискивающе ответил Губин.

— Детский сад! — хмыкнул командир и, снова склонился над блокнотом. Вареник уже отчеканил по камням строевым и по всем правилам Устава развернулся в строю, а капитан все еще не выкликал следующего. Потом оторвался от блокнота, посмотрел на Губина и, направив на него шариковую ручку, велел выйти из строя.

— Фамилия?

— Рядовой Губин, товарищ капитан, — как-то неуверенно ответил Вовка, пока не угадывая намерений ротного.

— А кто твой друг, рядовой Губин?

Вовка еще не успел открыть рта, как Ержан пулей выскочил из строя, встал рядом с Губиным и откозырял:

— Рядовой Сарбаев, товарищ капитан.

Одинаково умоляюще смотрели на Шпагина пара голубых и пара черных глаз, уж так им хотелось быть рядом друг с другом, что капитан повеселел, повернулся к Маслову и, комично разведя руки, сказал совсем не по-командирски:

— Придется брать, Паша, ничего не поделаешь.

— Да уж, пополненьице! — польщенный Маслов подыграл ротному, улыбаясь одними усами. — Этот Вареник, а те кто — Пряник с Барсуком, что ли?

Разведка покатила со смеху, тем самым закрепляя за этими новичками прозвища и сразу делая их известными всему разведбату. Но друзья все равно весело отшлепали строевым на левый фланг и вытянулись перед Масловым.

Гриша сначала мстительно подумал про Губина: «Это тебе за „большую политику“», — но потом вступился за друзей и сказал командиру взвода:

— Хорошие хлопцы, товарищ сержант.

— Отставить разговорчики! Стать в строй! — посуровел Маслов, и Губин не решился вернуть ему уже заготовленную фразу: «Вам передает привет мой кореш Миша».

* * *

«Джелалабад... Первая разведывательная рота. Третий взвод... Вот где я теперь, дорогая Карлыгаш. Здесь все не так, как у нас. В Алма-Ате. Женщины закрываются чадрой, мужчины — в чалме. По улицам пыль поднимают „тойоты“. И дуканы, дуканы, дуканы... Вот сейчас лежу в палатке. Духота, темнота. Здесь, говорят, идут бои, но пока слышна только иногда отдаленная стрельба, как на полигоне. Здесь уже можно ожидать удара в любую минуту. Даже вот сейчас. И брезентовый низкий потолок — плохая защита. Нет, об этом я тебе писать не буду», — так мысленно сочинял письмо Ержан. Как всегда, перед сном. Как всегда, Карлыгаш.

А уснул — и вдруг очутился в гостях у деда Амантая. Дед еще живой, а Ержан еще маленький, и дед учит его сидеть на коне. Мать беспокоится, протягивает руки, чтобы поймать, если он будет падать, а отец смеется, отталкивает мать от коня, говорит, что Ержан джигитом становится. Ему хочется показать

маме, какой он уже джигит, понукает коня, а тот ни с места. Какой стыд! Как обидно! А Карлыгаш выглянула из юрты и смеется над ним... Даже во рту пересохло от такого позора.

Ержан проснулся. Мучила жажда. Нашарил фляжку, но она оказалась пуста. Вспомнив, где бачок с кипяченой водой, Ержан выполз из палатки.

Такой же месяц, такие же низкие яркие звезды, как над Алма-Атой. И так же весь этот мерцающий искорками черный небесный свод подпирается такими же черными горами, которые угадываются ниже слабо отсвечивающей изломанной линии каменистых вершин. Только здесь между пиками то и дело протягиваются красные строчки трассеров, которые, ударяясь о преграды, разлетаются в разные стороны, или вдруг зарницей вспыхнет и погаснет какой-нибудь утес.

Отдаленным громом через временной интервал донесется уханье орудия, протарахтит пулемет.

— Кто там стреляет? — спросил Ержан случившегося у бачка парня в трусах и с полотенцем на шее.

— Застава в горах, за рекой, — зевнул солдат.

— А почему мы им не помогаем?

— Новичок, что ли? Они же так просто палят. «Пристрелка местности» называется.

Только Ержан приложился к горлышку фляжки, как захлебнулся и даже присел от неожиданного грохота где-то рядом. Слева, из камышей, одна за другой с диким воем уходили в небо ракеты, унося с собой в звездное небо огненные хвосты.

«Как же тут заснешь?» — подумал Ержан уже в палатке, затыкая подушкой уши. «Айналайн», — послышалось ему ласковое не то материнское, не то еще чье-то.

Шел седьмой год необъявленной войны.

Боевое крещение

Накануне первого выхода в засаду разведроту уложили спать пораньше. Вовка Губин начал было шептаться, когда в неурочное время дали команду «Отбой!», но узнав, почему и зачем, быстренько присмирел и натянул на голову одеяло. Гриша Вареник, наоборот, укладывался медленно, ворочался, все что-нибудь мешало. Только Ержан, казалось, быстро уснул — лежал, не шелохнувшись, как бы и не дыша. Завтра, может быть, первый бой...

Трое друзей вскочили первыми по команде и в неярком дежурном освещении помогали другим разбирать оружие, при-

боры ночного видения, надевать нагрудники с боеприпасами и пиротехникой. Минут через десять они были уже со всеми на броне, тревожно озираясь на выступающие из темноты деревья, дувалы, камни.

Фары боевых машин тусклым светом, словно посохом, нащупывали полуслепой колонне дорогу, и Гриша Вареник, хотя и оказался на головной машине, все никак не мог определить хотя бы направление их движения, пока под гусеницами не загрохотал мост.

«Ага, значит, через реку Кабул», — и перед глазами вырисовалась карта района. Если сейчас, за мостом, колонна повернет вдоль берега направо, значит, едем в ту самую Каму, о которой у бывалых разведчиков разговоров на тысячу и одну ночь. Он хотел спросить у кого-нибудь, правильно ли он догадался, но «бывалые» кемарили на броне, да и не перекричать было, наверное, грохот моторов и моста. «Сам должен уметь ориентироваться, — строго пристыдил себя Вареник. — Рассчитывай, едем уже полтора часа. Хотя при такой скорости... А какая скорость?» Так он ничего и не рассчитал, потому что за мостом колонна действительно резко повернула направо, и вдруг все погасло и заглохло.

В темноте и тишине, разговаривая вполголоса, двигаясь по-кошачьи, разведзводы бесшумно разошлись в разные стороны по своим «задачам».

Взвод сержанта Маслова продирался через разрушенные глиняные строения, перепрыгивая через арыки, спускался в ложбинки, чтобы снова продираться через кустарники, опять перелезать через дувалы... А еще надо помнить инструктаж: попадать следом в след предыдущего разведчика. «Умеют же у нас „инструктировать“! — усмехнулся про себя Вовка. — Тут ноги своей не видно, не то что следа предыдущего», — и сразу же был наказан за «непочтение» к военному приказу: не разглядел арык и ухнул вниз, громким лязгом автомата о камень извещая окрестных душманов: остерегитесь, идет советский разведчик Губин! Группа замерла. Вернувшийся замкомвзвода молча помог Губину встать, всмотрелся в темноте в его лицо, отошел на полшага и довольно увесисто кулаком по голове придал ему устойчивости на обе ноги. «Еще раз зашумишь — вылетишь из разведки», — злым шепотом пообещал оказавшийся здесь же Маслов.

Присев у ног Губина, тем самым показав, что про это хватит, командир взвода вынул упакованную в целлофан карту и стал подсвечивать ее миниатюрным китайским фонариком. Вокруг командира склонилось несколько голов, из тех, «быва-

лых», остальные воспользовались привалом. Один Губин продолжал стоять изваянием, со слабой подсветкой снизу: видимо, поставил его на ноги замкомвзвода, да и карта Маслова лежит на его горных ботинках. А как мишень на фоне ночного неба — хорош! И вдруг — бац-бац! — по заливку апельсин, второй в грудь, третий — по плечу. Оказалось, что их привал — под апельсиновыми деревьями с перезревшим уже богатым урожаем.

— Кончай ты его воспитывать! — услышал Губин голос сзади. — Расплатится еще, маму звать начнет. Давай лучше соку надавим во фляжки.

Хозяйственная идея кого-то из «дедов» быстро овладела массами. И весь взвод разумно совмещал приятное с полезным. Все быстро навитаминились «от пуза» и впрок, за исключением Вовки, который не мог даже наклониться за теми апельсинами, которые попали в него.

Невдалеке он узнал шепот Ержана и Григория:

— А почему в нашем взводе нет офицера?

— Хлопцы кажут, погиб взводный за неделю до нас. А ты не трухай, Ержан, наш сержант Маслов дюже капитальный.

— Да я ничего. Это вон Вовка дрожит... — и оба рассмеялись. «Ну я вам посмеюсь!» — бессильно пообещал Вовка, и в это время Маслов поднялся, укладывая карту снова в нагрудник. Разведчики тоже все встали. Притихли. Маслов объяснил, что они уже почти пришли к месту засады. Вот эта тропа и есть та, по которой перед рассветом проходят душманы. Скоро она будет огибать огромный дувал. Вот со всех четырех сторон мы его и будем сторожить.

Там, где тропа с гор выходила на дувал, Маслов остался сам с Вареником. Справа, вдоль дувала расположился остальной взвод, а Вовка и Ержан оказались на самом краю правого фланга, внизу, у реки.

Разведчики заняли посты, бесшумно сняли с себя оружие, снаряжение и приникли к окошкам и башенкам дувала, каждый в своем секторе обзора.

Ночь безлунная, тьма кромешная. Был как раз тот «самый жуткий час», когда зайцы на поляне косили трын-траву. Но это где-то там, далеко на севере, в Тугулыме. Может быть, и под Полтавой, может, и под Алма-Атой. А тут только звон цикад да загадочные крики ночных птиц. Не встанешь и не пропоешь бесшабашно: «А нам все равно!».

Какой бы ни был этот «жуткий час», но он проходит. Маслов изредка включает рацию и докладывает ротному, ушедше-

му в другое место с первым взводом, что пока, мол, у них все в порядке. Что покажет следующий час — увидим.

«Увидим, — думает Вареник. — Вон уже за грядой гор небо начало светлеть».

«Хотите верьте, хотите нет, — будет потом рассказывать Гриша, — як хтойсь мэнэ пид ребро пырнув: десь близко е духи».

Он не отводил ночного бинокля от дальнего поворота тропы, где вот-вот, как ему подсказывала интуиция, они должны были появиться. Наворожил! В зеленое мерцающее поле прибора, озираясь и замирая, вошли двое вооруженных людей. Обернувшись назад, махнули рукой.

— Паша, духи! — громким шепотом, но спокойно и деловито сообщил новость Гриша. Маслов уже видел выходящих на поляну перед дувалом человек десять в колонну по одному. Среди них бросался в глаза один, весь в белом, со связанными за спиной руками.

— Держись, Вареник, держись, браток! Только сильно не высовывайся! — и, выдернув чеку, Паша швырнул на поляну гранату.

Вместе со взрывом в глиняные стены со свистом и шипом впились осколки, темнота огласилась криками, началась ответная стрельба.

Подсоединяя очередной магазин, Вареник вдруг поймал себя на том, что он без устали лупит по одному месту в темноте — по тому, где только что в зеленых кругах ночного бинокля крались враги. Их же там уже нет! — какая простая, но «дорогая» истина. Паша Маслов вон через ночной прицел, а я...

До этой мысли Григорий не может вспомнить первые мгновения боя. Дышал ли он вообще? Потому что только теперь, когда перевел дух, обнаружили ватные ноги и нехватка воздуха в легких. Одно может сказать о себе уверенно: не струсил. Ну, а если уж совсем откровенно, то испугался. И боялся, как бы не замолк автомат. Сколько же времени прошло, если он расстрелял почти все магазины? Потом, много раз вспоминая эти первые мгновения первого боя, он признается самому себе: в этот момент жила в нем только одна мысль, одно желание — чтобы не умолкал автомат. Пока автомат работает, его не убьют, не ранят...

А бой становился совсем другим. Душманы вели странный огонь: одиночными частыми выстрелами, но прицельно. Видимо, они хорошо знали местность и ориентировались в темноте. В проеме окна то и дело посвистывали пули, не давая высунуться и приглядеться. «Мы что, одни ведем бой? Где же ос-

тальные наши?» — недоумевал Гриша, присоединяя к автомату последний снаряженный магазин, и вдруг увидел: справа от них по деревьям, за которые отступили уцелевшие душманы, ударили дружные строчки трассеров. Духи ответили гранатометом. Слепящим ярко-алым шаром граната ударила в соседний дувал, окутав их клубами афганской глиняной пыли. Маслов засек гранатометчика, но у него тоже кончился магазин. «Скорее!» — крикнул он Варенику, а у того тоже последний снаряженный. А тут еще от пыли в носу засвербило, глаза к небу повело.

— Да скорее же! — Маслов не сводил глаз с точки в пространстве, откуда следующий выстрел может душу на небо отправить. Вареник отсоединил магазин и вложил в протянутую Пашину руку. Теперь уже сам Гриша трясся в нетерпении: отчего медлит Паша, долго смотрит в ночной прицел. Наконец его автомат затрясся в длинной очереди почти одновременно со вспышкой гранатомета, и вторая граната с грохотом пронеслась в сторону... Успел.

— Готов, сволочь, — устало опустил Маслов на глиняный пол. И наступила тишина. Гриша опасливо посмотрел на запыленное лицо Маслова. Сейчас он откроет глаза, сурово посмотрит на него и врежет за расстрелянные попусту магазины. А Маслов, хотя действительно после двух глубоких вздохов открыл глаза, но посмотрел на Гришу, улыбнулся, подмигнул и пропел, доставая сигарету:

— Я научу их свободу любить!

Гриша вдруг сообразил, что Маслов-то тоже ведь расстрелял все магазины, значит, и ему было страшно! Значит, не такой уж последний солдат Вареник!

Осела пыль, и стало заметно, что рассвет приблизился. Уже без ночного бинокля можно было различить на том месте чернеющие трупы и того, в белых одеждах, среди них.

К лежащим на тропе с разных сторон устало и как бы через силу шли наши разведчики, ставя оружие на предохранители, отирая кепками взмокшие лбы и шеи, все еще, хотя уже без прежнего пыла, матеря духов. С лучами солнца стало ясно, что опасность миновала, а ушедших душманов не догнать, третий взвод расположился отдыхать. Разожгли костры, грели чай в найденных в дувалах чайниках, открывали консервы, умывались из арыков, ждали бронегруппу.

За завтраком Маслов вдруг неожиданно хлопнул Вареника по плечу и громко, чтобы все слышали, сказал:

— А молодежь-то у нас ничего! Можно в разведку брать.

Ержан и Вовка чувствовали себя обойденными на пиру: к их позициям душманы даже не приблизились. Им оставалось только с учащенным сердцебиением слушать треск и грохот боя в отдалении. Но сейчас они с восхищением смотрели на своего друга Гришу и тоже чувствовали себя именинниками. К тому же Вовка понял, что командир окончательно простил ему ночной конфуз. Хотелось скорее тут же, по-губински, что-нибудь придумать такое-этакое, заковыристое, а родилось только неуклюжее:

— Если хочешь пулю в зад, поезжай в Джелалабад!

Но он, кажется, достиг своего. Все весело смеялись, и Маслов тоже. А из-за дувалов уже послышался отдаленный гул брогнегруппы.

Каир-Хан

— Это наша земля, и мы не отдадим ее чужакам! — гневно, нервными взрывами вскрикивал Каир-Хан, потрясая крепко сжатым кулаком, из которого меж пальцев брызгал песок, перед опущенными головами командиров боевых групп. — А вы? Вместо того чтобы наводить ужас на шурави, трусливо бегаете от них, как зайцы. Бросаете своих погибших братьев! Позорите наш уезд перед всеми моджахедами!

Лицо главаря душманов, изуродованное год назад осколком советской бомбы и мокрое от пота, было страшным, но еще страшнее были слова, а еще страшнее — то, что могло последовать за ними.

— Как же ты мог, Исмар, как же ты мог?! — не успокаивался Каир-Хан. — Ведь твой отец, уважаемый всеми Насруддин, два года назад остался под развалинами родового дувала вместе с половиной твоих братьев и сестер, а его уцелевший сын показывает спину тем, кто сделал его сиротой! Позор! Если собираетесь так же воевать и дальше, — обернулся он к остальным, — то лучше наденьте чадру и идите чистить котлы! Заготавливать на зиму кизяк! А жен своих пришлите сюда. С оружием! С ними я пойду бить неверных.

— Отец! Отец, прости нас! — взмолились афганцы, пряча ладони горящие от стыда лица. Юный Исмар в безумной ярости катался по земле, до крови кусая кулаки.

— Я отомщу им за отца! Я отмщу им за всех! Я их головы на колья вокруг твоего дувала насажу!.. Я им все кишки...

— Хватит! — оборвал его вождь, внезапно перейдя с крика на усталый хрип. Шрам над левой бровью опустился и по-

газил адский огонь страшного изуродованного глаза. — Слова — товар дешевый, делом докажешь, чего они стоят. Сегодня же ночью с остатками отряда пойдешь прямо в Шамархейль, в самое логово врагов. Там и дашь волю своим чувствам, а мне обязательно приведешь одного-двух пленных для обмена на наших людей. И тогда я, может быть, прощу тебя. Мохаммад-Голь прикроет тебя при отходе.

— Да, господин! — с поклоном отозвался крайний из стоящих командиров, в огромной серо-зеленой чалме.

Каир-Хан тяжело отдышался и, оттолкнув Исмара, пытавшегося поймать и поцеловать его руку, продолжал нервно прохаживаться с заложенными за спину руками вдоль шеренги подчиненных. Высоко в небе прокатился отдаленный рокот звена штурмовиков... Главарь, прищурившись здоровым правым глазом, проводил взглядом едва заметные в голубой выси крохотные точки самолетов и с ненавистью прошипел:

— В Кунар пошли... Сегодня уже в третий раз... Видно, Абдулхака не дает покоя их гарнизонам. Вот вам пример, каким надо быть воину! — ткнул он пальцем в сторону Асадабада.

После короткой молитвы за успешный рейд Каир-Хан отпустил командиров отдыхать и готовиться к выступлению, как только стемнеет.

* * *

С самого подъема вся часть гудела, как растревоженный улей. Артиллерия лупила куда-то за аэродром. Офицеров то срочно собирали в штаб, то заставляли строить свои подразделения, каждый раз проверяя, все ли на месте, по спискам вечерней проверки. Солдаты ворчливо материли эти бесконечные построения, где только пересчитывают, а ничего не говорят. На площадке у камышей, подняв кучу пыли, сел вертолет, откуда вышло несколько солидных людей в камуфляже. Вся группа направилась в сторону штаба.

— Кто это? — спросил Губин у Маслова.

— Должно быть, генералы из штаба армии, — не оборачиваясь, ответил сержант и после команды «Разойдись» побежал вслед за ротным в сторону модулей. Разведчики присели в затянутой масксетью беседке перекурить. Веселая была эта беседа, клуб анекдотов; Губин здесь всегда был как на эстраде. И сейчас, еще не успев прикурить, он начал свои байки.

— В энской части, рассказывают, вот так же однажды наехало начальство во главе с генералом. Комбат дрожит, ротные бегают, лейтенанты суетятся. А никто не знает, что к чему. Наконец генерал говорит: «Жалоба к нам пришла от рядового

Сарбаева, — Губин увернулся от подзатыльника Ержана и продолжал: — Плохо, мол, вы солдат кормите. Мясо, жиры сплавляете налево, а бойцам — жидкую похлебку». «Никак нет! — отвечает полковник. — Можете проверить», а сам кулак из-за спины показывает своему заму по тылу. Тот — быстро в столовую. Ведут, значит, туда генерала со свитой. «Давайте мне, — говорит генерал, — только то, что солдат кушает». Подают ему целую курицу. «Очки втираете!» — кричит генерал и идет к окну раздачи. Смотрит, а там повар огромным черпаком орудует. Как зачерпнет, так и курица! Вправду, значит, каждому солдату по курице. Ладно, мол. Не прав, значит, рядовой Сарбаев. — Вовка заблаговременно принял меры защиты, но Ержан на сей раз на выпад не среагировал. — Съел курицу генерал, уехал. Полковник заму по тылу втык делает: чем, мол, теперь будем рассчитываться за тех куриц? А зам по тылу отвечает: «Я всего три курицы купил. Одна генералу, другая вам, а третью к черпаку привязал...»

Не до всех сразу, но постепенно доходил Вовкин юмор, и смех в беседке шел на подъем, когда вернулся Маслов.

— Паш, ну че там? А, Паша?..

— Да плохо! Ночью духи восьмую заставу вырезали. В Шамархейле, — зло сплунул замкомвзвода.

Словно лютый мороз сковал изнывающих от жары разведчиков. Вареник скрипнул зубами: ему почудилось, что они смерзлись. Лица солдат, еще мгновение назад такие разухабисто-веселые, заразительно смеявшиеся, вдруг сделались угрюмыми и злобными. Продолжая смотреть на Вовку Губина, все вспомнили, как он здесь же, в беседке, на перекурах измывался над той самой восьмой заставой: блатяки, от духов далеко, служба — не бей лежачего, советников наших охранять, лафа, одним словом, расслабуха, кайф...

— Восемь трупов, — после паузы добавил в тишине Маслов. — Двух наших нет. Наверное, увели. И оружие все унесли.

Дотлевали в пальцах забытые сигареты. Все представили жуткую картину, как ночью подкравшиеся духи «пришивают» дремлющего часового и крошат спящих. Оцепенение сменялось сопением, покашливанием и, наконец, лопнуло яростными криками всех разом:

— Кто-то навел!

— Из соседнего кишлака!

— У этих гадов везде свои!

— Перебить всех!

— Артиллерией перепакать кишлак!

— Заминировать каждый метр!

— И пленных не брать!

Прервал этот сплошной рев прибежавший от командира посыльный:

— Всем готовиться к рейду! Выходим на рассвете, — задыхаясь, прокричал он, и разведчики тут же кинулись к ружьям.

* * *

Ближе к вечеру под деревьями взвод сосредоточено чистил оружие, снаряжал магазины и гранаты. Григорий цеплял к автомату подствольник. Вовка удивленно рассматривал непривычные еще ударно-контактные гранаты. А Ержан, протирая ветошью автомат, тихо, как бы сам с собой, разговаривал, но все прислушивались, потому что каждый думал о том же: «Седьмой год войны, а конца ей нет. То наши побьют духов, как мы в последней засаде, то они нас, как эти сегодня... Они мстят за своих, мы за своих. Убитых и искалеченных все больше. Значит, больше надо мстить? Счет все больше, клубок все туже».

— Сарбаев! — прервал его Маслов, может, и случайно, но многие поняли — намеренно, чтобы не разводил, мол, опасную «философию»...

— Я, товарищ сержант! — вскочил Ержан.

— Сбегай в парк, найди стармеха, передай: свежей воды пусть в бурдюки наберет, соляркой дозаправится. Особо передай: побольше ящиков со снарядами к броне пусть прикрутит. Скажи, к старым знакомым пойдём, в Кандибаг. Он знает. — И переглянувшись, улыбнувшись, со «стариками». Но и новичкам показалось, что они тоже давно знают этих «старых знакомых».

* * *

Танки били по кишлаку Кандибаг в упор сверху вниз, с высоты окрестных холмов, и там, в долине, змейкой уползавшей в горы, среди пыльных грибов разрывов, таких нелепых на фоне изумрудной зелени, виднелись лабиринты дузалов с проломленными стенами и разрушенные башни, четко обрисованные склонившимся к вечеру солнцем.

Бой шел с рассвета, кишлак напоминал котел с кипящим серо-зеленым варевом, в котором не должно было остаться уже ничего живого. Но люди Каир-Хана продолжали держаться, отбивая малейшие попытки шурави приблизиться.

Рассыпавшись между техникой, разведчики вычисляли среди зелени защитников Кандибага и лупили короткими очередями в ответ на их одиночное таяканье.

С гулкими хлопками оттуда, из котла, иногда вылетали ку-мулятивные гранаты и разрывались на лбах бронированных машин. Вошло в разговорку, что «джелалабадская броня не боится гранатометов», и, похоже, с показным форсом танкисты выставляли свои машины вот так открыто, а не прятали их за холмами.

Капитан Шпагин, руководивший боем, видя бесперспективность дальнейшего обстрела, вылез из командирской БМП через задний десантный люк и, пригибаясь, подбежал к Маслову:

— Что, сержант, слабо проскочить до дувалов?

— Да как же тут проскочишь? Башку не высунуть, — хмуро ответил Паша, снаряжая подствольный гранатомет, но уже понял, что ротный не ехидничать к нему подкатился, что это приказ.

— А ты подумай, Маслов, для того тебе башка дадена, — хлопнул ротный его по плечу и, пригибаясь, побежал дальше.

Вовка Губин, слышавший разговор командиров, почувствовал себя причастным к той силе, которая направляет весь этот поток огня, которая вот уже много часов отупело молотила одно и то же, но не было никакого продвижения. И словно в поисках этого нового поворота он на секунду выглянул в сторону кишлака. Пули фонтанчиками взбили песок у самого его носа. Побелев, Вовка со страху скатился вниз, к пирамиде ящиков.

— Что, не нравится? — спросил Паша. — Слава богу, из минометов не работают, а то бы хана.

— Паша, а что в этих ящиках мы привезли? Чего их не трогаем?

— Да дымовые пашки, — ответил сержант и уставился на Вовку в размышлении. Несколько секунд они глядели друг другу в глаза, обдумывая один и тот же план.

— Надо подумать, — заключил Маслов уже обдуманное решение, а Губин продолжил вслух то, о чем говорил глазами замкомвзвода:

— Арык глубокий, примерно по пояс. Наискосок к духам. Надымить и...

Маслов бросился догонять ротного.

Не прошло и получаса, как по команде Шпагина броня одновременно полыхнула новым огнем, а затем выстрелила всю дымовую систему до последней гранаты.

Едкий желто-серый дым пополз по полям, сливаясь в единую завесу.

— Зажигай шашки! — закричал Шпагин, метнув первый задымившийся барабан как можно дальше на гребень холма.

— Вперед, ребята! — и третий взвод по одному за Масло-вым ринулся сквозь дым к арыку.

Духи усилили огонь, но били по гребням холмов, не подозревая о «губинском» арыке, откуда грязные, как черти, выскакивали у самых дувалов разведчики и, не теряя ни секунды, влетали в лабиринт построек.

— Приготовить гранаты, пацаны! — вполголоса скомандовал Маслов и, призывно махнув рукой, швырнул «лимонку» за глиняную стену, откуда слышались автоматная стрельба и голоса душманов.

Не ожидавшие нападения с тыла, душманы в панике замесались по переулкам, отступая перед подошедшей вплотную к дувалам броней и разведкой Шпагина.

Ержан и Гриша бежали рядом, оглохнув от стрельбы, взрывов и истошных криков. Стреляли по выскакивающим душманам и наугад бросали гранаты за каждый подозрительный дувал. Задыхались от бега, падений и прыжков, но все происходящее воспринималось как в замедленной киносъемке.

Все время казалось, что кто-то врежет очередью сзади, поэтому постоянно оглядывались и в один момент замерли, как в стоп-кадре, — через дувал перепрыгнул красивый афганец в расшитой золотом тюбетейке, повел автоматом в их сторону, но выстрелов не было, с криком швырнул оружие и одним прыжком скрылся за следующим дувалом. Гриша и Ержан лупили уже по пустому проулку, куда из низкой двери выбросился парнишка в длинной серой одежде и тут же рухнул, изрешеченный их пулями. Раскрашенный цветными наклейками АКС, не выпущенный из рук, зарылся в пыль.

— Вареник, и вы двое! Оставайтесь здесь с ранеными, — приказал Маслов, и взвод покатился дальше, в глубь кишлака, туда, где он скрывался за поворотом горы. Разрывы гранат и стрельба становились все глуше.

Неумело и наспех перевязав раненых, Ержан и Гриша оставили около них Губина, а сами пристально осматривали местность, опасаясь нападения.

— Там кто-то есть! — резко обернулся Ержан, сняв автомат с предохранителя. Уже приготовился дать очередь по появившейся из-за угла цели, но оцепенел: перед глазами появилась причитающая старуха, держась за левое колено, наверное, задетое осколком; за ней тащилась девочка лет четырех в грязном зеленом платице, с растрепанными волосами.

Не обращая внимания на шурави, она доковыляла до дувала, возле которого лежал парнишка, и завывая нечеловеческим голосом. Сорвав с головы платок и продолжая голосить, она подкошенно опустилась на землю и положила себе на колени пыльную, в черно-красных кровавых пятнах голову парнишки.

Вареник опустил автомат и отвернулся, Вовка насильно стал вливать в рот умирающему раненому воду из фляжки. Ержан не мог сдерживать слез и, не пряча их, смотрел на старуху, которая, взглянув на шурави, вскинула руки и, что-то гневно прокричав, грозно и величественно указала пальцем на небо. «Будь проклята война! Сколько из-за нее горя!» — страдал Ержан.

— Что нюни распустил?! — привстал другой раненый, солдат из первого взвода. — Забери автомат, а то ведь у них и бабы, и дети воюют.

Ержан тихо подошел к старухе и потянул за ремень изукрашенный автомат. Цепкие мертвые руки потянулись вместе с автоматом. Старуха, причитая, обхватила голову парнишки, как будто его хотели отобрать у нее. Девочка успела оторвать какую-то наклейку, и автомат, вырвавшись наконец из рук бывшего владельца, потащился по пыли за Ержаном.

Оттуда, куда укатилась волна боя, нарастал шум, словно волна, следуя своим извечным законам, возвращалась. Сначала появилась под конвоем группы пленных, хмурых, с обреченными взглядами моджахедов, потом страшная процессия с обезображенными трупами наших солдат с восьмой заставы. Гриша и Ержан впервые увидели то, о чем неохотно рассказывали «старики». Превращенные в черно-кровавые комки лица не так поражали, как взрезанные животы, набитые камнями. Обе группы в молчаливой поспешности проследовали мимо ребят с ранеными, мимо воющей афганки, которая не повернула даже головы в их сторону, продолжая глядеть остекленелыми, уже сухими глазами на потускневшее в пыли и дыму предвечернее солнце.

Вот наконец-то и их третий взвод.

— Отходим к броне. Маслов прикрывает! — услышали ребята голос ротного и, подхватив раненых, двинулись в сторону холмов.

— Молодежь, ко мне! — скомандовал Маслов, выхватив из группы пленных молодого афганца в золотой тибетейке. Ержан с Вареником переглянулись: не померещилось ли им?

— Десь бачив я його, — пробурчал Гриша.

Убедившись, что ротный уже далеко, Маслов отвел афганца за угол и деловито предложил:

— Это камирхановский сынок. Пока никто не видит, можете пристрелить как собаку. Валяйте, мужики!

Когда ты стреляешь туда, откуда стреляют в тебя, это твоя нормальная солдатская «работа». Когда на твоих глазах падает парнишка, изрешеченный твоими пулями, и над ним тут же голосит старуха, что-то тревожное царапает душу. И хотя, если бы ты не убил этого парнишку, мгновение спустя из его оклеенного этикетками автомата пули прошли бы тебя, все равно что-то протестует, винится, кается... Но когда тебе предлагают просто так нажать спусковой крючок и лишить жизни этого молодого красивого парня в золотой тюбетейке, кто бы он ни был, но без оружия, со связанными за спиной руками?! Бунтует сама природа, парализуя твой ум, твою волю, делая вялыми и тяжелыми твои руки.

Поняв, о чем говорят, афганец вытянулся с побледневшим лицом и пылающим гневом и презрением глазами.

— Может, не надо, Паша? — начал было Ержан, но тот не дал ему договорить, вцепившись в маскхалат:

— Чего «не надо»? Чего не надо? Ты видел, что они сделали с нашими? Видел?! Стреляйте, гады, или я за себя не отвечаю! Я научу вас свободе любить! Стреляйте... вашу мать!

Почти одновременно сухо щелкнули три выстрела, и золотая тюбетейка сорвалась с головы рухнувшего моджахеда, покатилась к ногам Маслова, искрясь отблесками вечерней зари.

— Уходим! — сержант пнул тюбетейку и бросил окурок на труп. Уже слышны были крики приближающихся душманов.

* * *

Толпа моджахедов, собравшаяся у тела сына вождя, медленно расступилась, пропуская Каир-Хана, который с каменным лицом нагнулся над телом, аккуратно двумя пальцами снял с одежды еще тлеющий окурок и не торопясь пошел прочь. Немногие заметили, как его рука с хрустом в суставах сжала окурок и меж пальцев посыпались искры.

Знакомство с Олегом Zubовым

Каждый подъем Вовка Губин комментировал нелестными эпитетами в адрес тех, кто его выдумал.

— Бог создал отбой и тишину, а черт — подъем и старшину! — повторил он известный армейский афоризм, нехотя сбрасывая одеяло. И тут же засуетился, потому что уже началось построение.

— Рота, равняйся! Смирно! Старший лейтенант Зубов! — голос капитана Шпагина сегодня был вроде несерьезный.

— Я! — послышалось на правом фланге.

— Выйти из строя!

— Есть! — И перед строем появилась рослая фигура, неспешно выполнила поворот кругом, как бы специально показывая всем сначала широкую спину, потом — не менее широкую грудь.

— Командиром третьего разведывательного взвода назначен старший лейтенант Зубов Олег Степанович. Прошу любить и жаловать! — тем же «несерьезным» голосом представил офицера Шпагин, не по уставу похлопывая его по плечу.

— Ну и верзила! Как его много! — хотел вполголоса, лишь для Ержана, сказать Губин, пытаясь из предпоследней шеренги получше рассмотреть нового командира, но получилось громко. — За таким весь взвод спрячется, как за БМП.

— Сначала мы тебя спрячем в посудомойку, — громко прошипел стоявший неподалеку Маслов. — Наряд вне очереди тебе, Губин, за разговорчики в строю! — И добавил, довольный: — А я как раз прикидывал, кого бы в наряд от нашего взвода засунуть.

Помрачневшему Губину уже неинтересен стал новый командир. Но долго молчать Вовке было нестерпимо.

— Товарищ сержант, — официальным шепотом, в тон Маслову, продолжал он. — Разрешите обратиться.

— Чего тебе?

— А нельзя ли вместе со мной поставить Григория Вареника и Ержана Сарбаева? Кру-у-упных специалистов... — И не закончил, потому что получил коленом ниже спины от Ержана, стоявшего за ним в последней шеренге.

— Это тебе от «специалиста»! — ответил Ержан обернувшись Губину, показывая ослепительные зубы.

— Что за шум там, в хвосте! — подал голос новенький взводный, только что занявший свое штатное место в строю.

— Не в хвосте, а на левом фланге! — пробубнил Губин, поправляя гимнастерку и грозя Ержану кулаком.

— Это кто там такой умный? — недовольно спросил Зубов Маслова.

— Рядовой Губин, товарищ старший лейтенант, — отпартовал сержант и добавил, желая не обострять ситуацию: — Он у нас весельчак.

— Ну-ну, — загадочно заключил взводный. — Люблю весельчаков. Будет кому давать наряды вне очереди.

Вовка благоразумно решил воздержаться от дальнейших словопроений, но приговор свой произнес внутренним монологом: «Еще посмотрим, что за командир такой явился! Наряды раздавать каждый дурак сумеет. Бой покажет, кто от страха в галифе наложит. Тоже мне, прислали „специалиста“ из Гамбурга!» — сверлил он презрительным взглядом широкую спину офицера.

Вечером следующего дня Вовка устало плелся после наряда в палатку, зажав подмышкой пачку сахара, булку серого хлеба и две банки стуженки. Начальник продсклада оказался человеком, не то что новый взводный, проникся к Вовке симпатией и даже наградил этими двумя банками его «ударный труд» на кухне. «Сейчас мы с Гришей и Ержаном устроим кайф после от боя», — предвкушал он скорое дружеское чаепитие, когда души их распахнутся друг другу, его болтовню никто не одернет, Гриша будет рассказывать «хохляцкие» анекдоты, а Ержан, может быть, снова споет песню про Карлыгаш, похожую на Соньку Прокушеву...

Вдруг почти у самой палатки его остановил тревожно знакомый голос:

— Товарищ солдат, подойдите ко мне!

— Кто? Я? — не видя никого, спросил Губин, прикидывая, как бы увильнуть от встречи. Он уже вспомнил, что это — голос взводного.

— Вы, вы, Губин, — голос стал до противного вежливым, и Вовка обреченно повернул в сторону едва различимой в темноте огромной фигуры: теперь не увильнешь, раз фамилию назвал.

— Это что за вид? — голос налился командирским металлом.

«Началось!» — безнадежно загрустил Губин.

— Кто же так подходит к командиру? — издевался над ним Зубов.

— Так ведь я же с посудомойки, товарищ старший лейтенант! — попробовал оправдаться Вовка.

— Ну и что, товарищ солдат, что с посудомойки. Военнослужащий обязан всегда быть опрятно и по уставу одет. Даже если он ночью возвращается в палатку из уборной! Кругом! Извольте подойти по всей форме!

«Или дурак, или издевается», — пронеслось в голове у Губина, и в отблеске фонаря он заметил смеющиеся глаза обернувшегося на какой-то шум взводного. Очередной подход опять не устроил Зубова. С зубовным скрипом еще два раза пришлось Вовке шлепанцами поднимать пыль строевым шагом.

— А куда вы несете продукты? Недоедаете? Небось дембеля все съедают? — притворно сочувствовал взводный.

— Никак нет, товарищ старший лейтенант, дембеля не съедают, — Вовка решил прикинуться дурачком, пусть ребята поржут, они же слышат весь разговор. — Я эти продукты и для вас несу...

«Замолчал, мать твою так!» — перехватил инициативу у обескураженного взводного Губин.

— Мы с ребятами хотели вас пригласить на кружку чая. Прибытие ваше, так сказать, отметить.

«Видишь, какой я хороший, — подтекстом внушал взводному Губин. — А ты, дурак, хотел все испортить».

«А не такой уж дурак этот весельчак, — размышлял Зубов над неожиданным поворотом ситуации. — Совсем неплохо воспользоваться этим предложением для знакомства со взводом». Вслух сурово командовал:

— Ладно. Иди, солдат. Чтоб больше в строю не выпендривался, понял?

— Так точно, понял, товарищ старший лейтенант, — как на плакате вытянулся Губин.

— А на чай я скоро приду. Спасибо за приглашение.

В палатке ребята накиннулись на Вовку:

— Ну ты даешь! С начальством чай распивать?

— Да вин же смеялся, не приде, — убежденно повторял Вареник.

— А вдруг придет?

После отбоя им не пришлось долго ждать. Старший лейтенант заполнил собой полпалатки, внеся невообразимо вкусный яблочный аромат. Каждому протянул по огромному красному круглому чуду.

— Наш алма-атинский апорт! — застонал в ностальгическом забытье Ержан, бережно принимая руками яблоко, словно полную пиалу.

— Так точно. Привез вам из Алма-Аты!

— Алма-Ата, Алма-Ата, не город, а сама мечта, — раскачиваясь, пропел с закрытыми глазами Ержан и бросился обнимать Зубова.

— Гриша, Вовка, вы чувствуете, как пахнет Алма-Ата?

Друзья его таким еще не видели. Всегда сдержанный, вежливый, вдруг он стал совсем другим: то нежно, как ребенка, целует яблоко, то снова порывисто обнимает Зубова.

Ни у кого не повернулся язык каким-нибудь неосторожным словом прервать этот душевный порыв Ержана.

Гриша Вареник, не стыдясь, вытирал глаза рукавом, а Вовка Губин, известно, слез не переносил, поэтому пробурчал в сторону:

— Подумаешь апорт какой-то! Вот у нас кедровый орех, это тебе не апорт!

Все заулыбались и потянулись к кружкам с остывающим чаем.

— Товарищ старший лейтенант, — вдруг просто, без привычного губинского ерничества спросил Вовка, — что за перестройка там, дома? А то вернемся и не узнаем, что-где?

Зубов задумался надолго. И потому, что он не стал читать нотацию, как на политинформации, а сказал просто и открыто: «Не знаю», ребята прониклись к нему уважением и доверием.

— У меня дочка это слово без конца повторяет: «Пелеслойка, пелеслойка», — добавил Олег, улыбаясь. — Но ни она, ни мы не знаем, что из этой «пелеслойки» выйдет.

* * *

«Вертушки» (солдаты иначе и не называли вертолеты) на площадках уже начали со свистом рубить лопастями воздух, хотя ротный еще не закончил свои наставления.

— Запомните: перехват караванов — работа ювелирная. Наши союзники — хладнокровие, быстрота, натиск! Главное — первыми разглядеть духов и не дать им опомниться. Напоминаю: особую ценность для нас представляют ракеты «Стингер» и документы. Первая группа — со мной в южном направлении. Вторая — с Зубовым в Кунар. Через час возвращаемся. Вопросы?

— Никак нет!

— По вертолетам!

Первым нырнув в гулкий полумрак машины, Губин по привычке прикинул, какое же место будет для него лучше, но, так и не выбрав, плюхнулся к ближайшему иллюминатору. Рядом с ним сел взводный, но тут же встал и, держась за выступы, прошел к вертолетчикам. На его место кинулся Вареник, но Губин стал сгонять его, выразительно показывая на Зубова. Но рокот моторов усилился, земля качнулась, наклонилась влево, сразу же разобрались в своих сиденьях, вертолет в крутом развороте рванул к речке Кунар и пошел над ней в сторону Асадабада.

Вовка не отрывался от иллюминатора. Никто его не мог бы назвать ревностным служакой, но тут он истово выполнял наставления ротного: первым заметить духов. Вот сейчас,

за тем рисовым полем, виднеется дувал: за ним-то, наверное, и прячутся бородачи, зло прищурясь, через прицелы зенитных средств ждут приближения их вертолета. Ближе, ближе... Ну! Нет, пронесло. А может быть, вон за теми камнями? Так... И тут — мимо. Ну уж за той высотой встретят... Но прошли и эту, и другую, и третью высотку, а духов не было, и Вовка заскучал. Носком ботинка дотянулся до сидевшего напротив Ержана. Столько молчать уже не было сил, но Ержан даже не обернулся — словно прирос к пулемету.

А «вертушку» швыряло вправо-влево, вверх-вниз. Чуть не задевая колесами скаты, вертолет проносился над гребнем очередного хребта и камнем бросался в следующее ущелье, чтобы потом нестись над самой землей, распутивая птиц и варанов. Стало тошнить, и Вовка потянулся за фляжкой, может, вода успокоит, но вспомнил наставление: надо глубоко дышать. Увидел, что Гриша Вареник широко открывает рот, сам стал глотать теплый керосиновый сквозняк, который трепал солдатские шевелюры и капюшоны маскхалатов.

Отвлек Губина висевший рядом на кронштейне белый летный шлемофон, оставленный бортмехаником. Из него доносились шипение с обрывками голосов. Убедившись, что никому до него нет дела, Вовка натянул шлемофон на свою макушку и сразу окунулся в тревожную атмосферу боевой работы:

— Полста шесть! Полста шесть! Не отрывайтесь, держитесь ближе к основной группе!

— Вас понял.

— Полста шесть, бери влево тридцать, пошли вдоль гряды!

Только сейчас Губин увидел, что перед ними летят еще два боевых вертолета с низко опущенными носами, то и дело прощупывая подозрительные скалы иглами ракет с нитями белого дымка.

«Бьют из НУРСов», — квалифицированно заключил Губин и снова услышал в шлемофоне:

— Полста шесть! Давай еще левее, в ту ложбинку, где нас в прошлый раз обстреляли. Как завернешь, сразу бей по скалам, а то будет как тогда...

— Вас понял. «Как тогда» не будет.

Губин увидел, как звено передних вертолетов нырнуло влево, и тут в наушниках началась какофония гула, свиста, взрывов, возгласов:

— Духи! Их много! Всем огонь!

— Пацаны, там духи! — крикнул Вовка, срывая с себя шлемофон, и кинулся к пулемету. Передернул затвор, развернул

на турели по ходу движения и приготовился изрешетить все и вся — не попадайся на его пути!

Но их десантный «Ми-8» обогнали боевые «вертушки», шедшие сзади соединились с передним звеном и закружились в смертельном колесе над ложбиной.

Из кабины вертолетчиков выскочил бледный, с перекошенным лицом Зубов и закричал, перекрывая гул винтов:

— Приготовиться к десантированию! За мной! — И первым спрыгнул с трехметровой высоты из снижающегося вертолета.

Десантники кинулись за взводным к гребню холма, за которым в котловане находился караван моджахедов. Над котлованом, как коршуны, кружились вертолеты и беспрестанно били из НУРСов и пулеметов, пока на землю не грохнулся последний верблюд с огромными тюками, как потом оказалось, набитыми рбристими итальянскими минами.

Оставшиеся душманы яростно отбивались, прячась за скалами и верблюжьими трупами, и были готовы подороже отдать свои жизни. Увидев на холмах разведчиков, они перенесли огонь на людей, понимая свою обреченность: отступить им было некуда.

— Гранаты! — закричал Зубов. — Бросайте гранаты! Все! До единой!

Сорок «лимонок» и эргэдэшек прогрохотали последней точкой этого короткого боя.

— Все! — непривычно четко прозвучал голос Маслова в наступившей тишине. — Пошли, ребята! — И вся разведка чуть было не поднялась за ним, но тут же пригнулась от истошного крика взводного:

— Назад! Не смей! Никому не высовываться!

— Товарищ старший лейтенант. Да там же все уже готово, — укоризненно, с заметной ноткой превосходства бывалого возразил Маслов. — У «вертушек» топливо кончается. Надо скорее!

Солдаты уже слышали от Маслова по адресу нового командира — «детский сад», и сейчас он как бы подтверждал взводу: «Ну, разве я не прав?».

— Не спеши, сержант. Не зови людей на тот свет. — Зубов повернулся к Ержану, передавая ему перископическую «трубу разведчика».

— Ну-ка, земляк, погляди-ка в трубу. Видишь духов?

— Вижу.

— Все мертвые?

— Как будто все.

— Так вот: засекай в трубу труп, потом поднимайся — и по пуле в каждого. Остальным прикрывать.

— Уходить надо, товарищ старший лейтенант, а не научные эксперименты проводить, — съязвил Маслов и даже сплюнул в сердцах.

— Закрой рот, сержант. А ты, Ержан, начинай.

Трясущимися от напряжения руками Ержан перезарядил свою СВД и, высунувшись, открыл огонь, дергаясь при каждом выстреле. ...Семь, восемь, девять...

Очередь из котлована отбросила его назад, за обратный скат. Резко вскочив на полусогнутые ноги, Зубов разрядил весь автоматный магазин в последнего, притворявшегося мертвым моджахеда. Белый как снег, Ержан рассматривал вмятину от пули на каске.

— Вот теперь точка, сержант, — победно сверкнул глазами Зубов. — Теперь пошли.

Потрясенные очередью «мертвого» моджахеда, разведчики подошли вплотную к бывшему каравану.

«Стингеров» не оказалось, зато «цинков» с патронами и мин было в изобилии. Преодолевая брезгливость, разведчики швыряли в вертолеты эти окровавленные трофеи.

На обратном пути Зубов, сидя на куче мин и «цинков» посреди вертолета, повторяя своим длинным торсом все выражи машины, неизвестно кому и для чего кричал:

— Быстрее! Быстрее! Теперь уходить! Быстрее уходить!

Они уходили от этого кровавого месива в котловане, где даже мертвые стреляют. Хладнокровия Зубову хватило только до того момента, когда опасности уже не стало; он понимал, что его бьет дрожь истерики, но нельзя ему, командиру, перед солдатами быть смешным. Но солдаты деликатно не замечали его запоздалого нервного возбуждения.

Маслов тоже переживал свой стресс: «эксперимент» не только принес очки командиру, но и ударил по престижу сержанта. А солдаты это ой как улавливают. Не отмоешься! Надо делать тактическое отступление.

— А взводный-то у нас! — громко, на весь вертолет сказал он. — Первый выход — и сразу «эксперимент»! Дух-то, собака, хитрый, а наш взводный хитрее! А ты, братан, как? Отошел? — натянул он кепку Ержана на глаза.

— Отойдешь тут, — пробурчал тот. — Чуть-чуть бы, и в лоб!

— Чуть-чуть не считается! — засмеялся Маслов. И такими смешными показались всей разведке эти слова «чуть-чуть», что хохоту хватило до самого Джелалабада.

Пересыльный пункт в Кундузе, куда бросили разведку, — это глиняная хибарка, именуемая «офицерским общежитием», и несколько палаток вокруг нее с высоко поднятыми закрученными нижними краями — иначе в них испечешься, как в духовке.

Пятый день уже поджаривается разведбат на этом пятачке. Построения, надоевшее «сто первое» предупреждение Шпагина: «За границы лагеря не выходить! Соблюдать порядок и дисциплину», нудные, удлинённые политзанятия... Даже гитара в какой-то палатке, так радовавшая весь лагерь, теперь издает какой-то сухой, надтреснутый, вялый звук. «За каким чертом нас сюда принесло? В Джелалабаде, что ли, не было работы?» — раздраженно обвел усталыми глазами раскаленную округу Зубов.

Наваливалась глухая ватная тоска, тошнотворная и безвольная, самое опасное состояние, которого боялся Зубов. Он знал за собой слабость: в таком состоянии обязательно что-нибудь выкинет, за что потом стыдно будет.

Но он уже знал и лекарство от приступа тоски: сесть за письмо к жене. И, плюнув на душную пыль, он поспешил в хибарку, вытащил из-под кровати десантный ранец и уткнулся в белый квадрат бумаги, в котором, как на волшебном экране, возникает все, что захочешь...

«Лекарство» подействовало освежающе, и Зубов подходил к своему взводу уже в хорошем настроении. И гитара, оказывается, не такая уж нудная. Да и громкий разговор из палатки третьего взвода не похож на ленивое перебрасывание малозначительными репликами изнывающих в духоте. «Опять Губин что-нибудь взбаламутил», — улыбнулся про себя взводный и поднырнул под край палатки.

— Встать! Смирно! — скомандовал полуголый Маслов.

— Вольно. Садись, — разрешил Зубов и сам опустился на один из расстеленных матрасов. — О чем бурные прения?

— Так точно, преем, товарищ старший лейтенант, — мгновенно нашелся Вовка.

— Да вот, — ответил Маслов, — Губин уверяет, что летчики в горах на глазок бомбы кидают. Я же доказываю, что у них есть приборы для прицельного бомбометания.

— Та хибя можно Губину верить? — убежденно сказал Вареник. — Трепло!

— Пусть я трепло, — смиренно согласился Вовка, — но скажи, пожалуйста. Гришенька, почему они часто не попадают?

А почему нас вместо духов накрыли под Хисараном? А? Что-то не слышу компетентного объяснения!

— А ведь Губин прав, — поддержал его Зубов, растянувшись на матрасе. — После того случая в Хисаране я специально ходил к штурмовикам. Завел я их своими вопросами, потащили они меня на аэродром, посадили в кабину, нахлобучили на меня шлем, «горшок» по-ихнему. «Ну и как обзор?» — спрашивают. «Не очень», — говорю. «А теперь представь скорость и горные лабиринты. На все — секунды». — «Вы же снижаетесь при бомбометании. Да и мы под пулями оранжевым дымом себя обозначаем». — «А у нас, — говорят, — приказ: ниже двух тысяч метров не снижаться, чтобы потерь было меньше. Хотя по нормам при бомбометании из пике надо выходить на высоте 500 метров». — «Кто же, — говорю, — такие дурацкие приказы вам даст: себя сохранять ценой наших жизней?» — «А что? — отвечают. — Вам разве дурацкие приказы не дают?»

— Товарищ старший лейтенант! — прервал его вошедший дневальный. — Там какой-то тип. Орет, придирается, вас требует.

Выйдя из палатки, Зубов увидел под грибком дневального человека в маскхалате, панаме и темных очках, дергающегося, как заводная кукла.

— Подойдите ко мне! Как вас там? — скомандовала «кукла» и сразу набросилась: — Почему у вас люди отдыхают, когда должны работать? Почему дневальный сидит на пустой банке? Почему?..

— Потому что... — еще добродушно хотел съязвить Зубов, дескать, потому, что банка опустела уже, но быстро вспыл: — А кто вы такой?

— Я полковник Хмельницкий, зам по тылу дивизии. А кто вы?

Пришлось представиться по форме.

— Почему без звездочек на хэбэ, товарищ старший лейтенант?

— В бою обычно звездочками не сверкают...

— Молчать! Чтобы через пять минут были! Где ваш командир роты? Кто? Вон тот, в кроссовках? Товарищ капитан, ко мне бегом марш!

И не давая Шпагину времени разглядеть свою подозрительную фигуру без опознавательных знаков, заорал:

— Я полковник Хмельницкий! Какого черта у вас люди спят по палаткам среди бела дня? Постройте роту и займитесь уборкой территории вокруг лагеря!

— Комбат приказал отдыхать, товарищ полковник, — Шпагин подошел и встал рядом с Зубовым.

— Где комбат?

— Вон, у хибары, в тельняшке.

— Ну и воинство! Один в кроссовках, другой в тельняшке. Что за слова, товарищ капитан? Это не «хибара», а офицерское общежитие. Не для таких бездельников я его строил. Почему у вас, комбат, люди «тащатся»? — накинулся теперь полковник на подошедшего ленивой походкой комбата.

— Люди не «тащатся», а отдыхают перед боевыми действиями, товарищ полковник.

Полковник еще больше задержался, разительно контрастируя с медленными движениями и словами комбата:

— Вы уже пятый день отдыхаете. За это время могли бы свинарник достроить.

— Разрешите обратиться! — подбежал к группе офицеров связист. — Получен приказ поднять батальон и выдвигаться на аэродром в полном вооружении. Вылет на боевые действия через сорок минут.

— Извините, товарищ полковник, — так же не спеша откозырял комбат. — К сожалению, не можем принять участие в строительстве свинарника.

Офицеры побежали облачаться в боевую одежду, оставив полковника в позе, как будто у куклы внезапно кончился завод.

— А ты говоришь, некому давать дурацкие приказы! — хлопнул по плечу Губина Ержан. Они слышали весь разговор офицеров возле их палатки.

— Мало ли что я говорил, — среагировал Вовка. — А ты теперь понял, почему компот у нас такой несладкий?

* * *

Маслов даже невооруженным глазом в прорези прицела крупнокалиберного пулемета видел группу душманов на склоне соседней горы, где и был укрепайон, который им предстояло брать. Вот они! Мелькают между кустов. Ребристый ствол пулемета с квадратным набалдашником в его руках произвольно перемещался с одной цели на другую. Краем глаза Маслов видел, что разведчики взвода прикипели к оружию и впились в тот склон. Гриша Вареник с Ержаном уже готовили к «работе» свои ПК, Вовка, «ассистируя» гранатометчику, как всегда, суетился в нетерпении. А Зубов все медлит, не дает команду. Он что, не видит в свой десятикратный бинокль то, что видят все?

— Ну как, товарищ старший лейтенант, — не удержался Маслов, — будем смотреть или стрелять? — И, переступив через труп моджахеда, он присел к взводному. — Дайте глянуть.

— Погоди, Паша, погоди... Эту-то высоту мы взяли с ходу. А впереди — серьезный орешек. Главное — атака второго взвода. А вот где же они ползут, не могу разглядеть. Ага, вот они! Сейчас подползут поближе к душманам и начнем.

Передав бинокль Маслову, Зубов подсел к рации:

— «Ладога», я «Мажор-3». «Мажор-2» на подходе. Скоро начнем.

В перекрестье сетки бинокля картина предстала еще тревожнее: к скалам укрепрайона снизу вверх, от куста к кусту медленно ползли разведчики второго взвода. Сверху вниз к тем же скалам на помощь обороне спешили разрозненные группки моджахедов, наверное, остатки разгромленных с вертолетов постов прикрытия. А посередине, в самом укрепрайоне, возле костера душманы спокойно попивали чаек.

«Ах, мать вашу... — цедил сквозь зубы Паша, — да торопитесь же, мужики! Пока доползете, туда целая армия притащится». И вдруг заметил моджахеда, который прыгал с камня на камень, держа автомат, как мотыгу, на плече. Внезапно он замер в полуприседе и заорал, показывая рукой в сторону, где полз второй взвод.

— Наших заметили! Огонь! — одновременно с моджахедом закричал Маслов и, путаясь в полах длинного чапана, уже не прячась кинулся к ДШК, и его грохот словно сдетонировал оглушительный взрыв боя, заполнивший ущелье и окрестные горы.

«Своего» моджахеда Маслов изрешетил тут же, на том же камне, с которого тот увидел шурави, но шедшие за ним и предупрежденные его криком успели залечь за выступы скал на самом хребте и прижали сбоку второй взвод, который должен был кинуться в атаку на укрепрайон.

Меняя коробку за коробкой, Маслов бил по хребту, не давая высунуться никому из этой опасной группы, вдруг появившейся на фланге атакующего взвода.

Зубов не успел «обидеться» на сержанта за самовольную команду «Огонь!». Схватив снова бинокль, он сразу же уловил, что терять нельзя ни мгновения, одобрил действия Маслова, который верно определил самую опасную точку. И вдруг пулемет замолк: снайперские пули отогнали Маслова от него.

«Надо что-то делать, надо что-то делать, надо что-то делать...» — пулеметной очередью била по мозгам Зубова тревога. А тут еще и Маслов подполз:

— Надо что-то делать, командир. Сбросят они ребят с горы, всех перебьют.

— Да скинь ты эту чалму! — неожиданно заорал Зубов, глядя на нелепо обмотанного Маслова. — Бери весь взвод. Вон через ту перемычку выйдешь на их тропу. Ударíš сверху.

— А вы?

— Я с парой человек отвлеку огонь на себя.

Что-то полыхнуло внутри Маслова, но некогда было даже осознать, что это: благодарность, ревность, жалость или восхищение.

— Губин, Вареник, останетесь со взводным! — разматывая чалму, скомандовал Маслов. — Остальные — все — за мной! — И, выбросив моток светлой ткани на каменную изгородь, по которой тотчас же полыхнули автоматные очереди, пригибаясь, увел весь взвод в сторону перемычки.

Оставшись втроем, Зубов с притихшими Вареником и Губиным глядели на одинокий ДШК и слушали цоканье пуль вокруг него по стенкам глиняной мазанки, по каменной ограде, по металлу «набалдашника».

Опомнившись от нападения, духи открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Высунешься за ограду — тут же схватишь пулю. «Но пулемет не должен молчать. Вот главное!» — приказал себе Олег Зубов. Передать этот приказ подчиненным ни язык не поворачивается, ни совесть не позволяет. И вдруг по-тигриному, всеми четырьмя конечностями он прыгает к пулемету, разворачивает его на треноге, дает короткую очередь и тут же падает на стреляные гильзы. Вовка и Гриша бросаются к нему на помощь, но он встречает их бледной улыбкой:

— Надо продержаться, пацаны. Надо отвлечь их от наших.

— Убьют же! — наивно вырвалось у Вовки. В ответ Гриша, не говоря ни слова, так же, как только что взводный, бросается в другой угол поста и, нарисовав для душманов своим телом огромную мишень над каменной оградой, дает очередь из пулемета Калашникова, затем кувырком бросается в сторону, а там, где он стоял, разрывается кумулятивная граната. Вовка подумал: настала его очередь возникать над оградой. Но еще не додумал до конца важную мысль и еще не принял решение, как его опередил командир и снова взвился к ДШК, снова хлестнул очередью и опять прижался к гильзам на земле. После этого Вовка подумал: «Теперь думать нечего, надо встать», — и полоснул из автомата в сторону душманов.

В такую вот игру в «кошки-мышки» со смертью играли разведчики, пока Маслов со взводом не навалились на духов свер-

ху, и уже некому стало стрелять по их посту, не с кем стало «играть», оставалось только слушать, как затихает бой на склоне соседней горы.

Укрепрайон, как оказалось, располагался вокруг глубокой пещеры, куда откатились оставшиеся в живых моджахеды и с отчаянием обреченных отбивались «до упора». Когда шурави сжали кольцо вокруг их норы, стрельба оттуда прекратилась. Озадаченные разведчики, все еще боясь входить в черный зев пещеры, на всякий случай бросили туда несколько «лимонок». Вместе со взрывами нора ответила пением молитвы. Это было последнее оружие, последняя броня моджахедов. Может быть, поэтому звуки молитвы казались не жалобными, а угрожающими. И они бросали и бросали в этот поющий зев гранаты, пока не смолк последний хриплый стон.

Когда все утихло и перестали цокать пули о каменную ограду, когда уже оттуда, из укрепрайона, им не угрожала смерть, только тогда Зубов, Вареник и Губин почувствовали, как отяжелели их тела, как уютно им лежать на гильзах. Заставь кто-нибудь их сейчас, в безопасности, повторить те кошачьи прыжки — ни за какие пироги!

Даже чтобы просто встать, чтобы пройти какую-то сотню шагов до захваченного ротой укрепрайона, нужны сверхусилия. Они пришли туда, когда на площадку уже сели вертолеты, забрали троих убитых, пятерых раненых и трофейное оружие. Их встретил еще не остывший от боя Ержан и, словно хозяин этого укрепрайона, горделиво показывал хорошо оборудованные окопы в полный рост, выдолбленные в скалах блиндажи и пулеметные гнезда.

— А боеприпасов сколько! — восхищенно показывал Ержан. — А медикаментов! На месяц, пожалуй, бы хватило.

— И чего им не сиделось?! — притворно удивился Вовка, но никто не улыбнулся. В пещере среди убитых моджахедов они наткнулись на тело мальчика, почти ребенка, но одетого, как и все, в такую же кофейную униформу и горные ботинки. Ержан, ловко перепрыгивающий через трупы, чтобы показать друзьям несметные сокровища пещеры, скрытые в штабелях контейнеров, споткнулся о мальчика и остановился, оплывая, как проколота шина. Зубов тоже потерял интерес к «экскурсии», повернулся к выходу, где его встретили Маслов и командир второго взвода.

— Шестнадцать трупов, товарищ старший лейтенант, — доложил Маслов. — А сколько смылось, черт его знает.

— Спасибо, — пожал руку Зубову командир второго взвода. — Ваши вовремя успели. Иначе — хана!

Зубов ничего не ответил, поискал вокруг себя глазами, поднял кусок известняка и нацарапал на стене пещеры: «Джелалабадский разведбат, 12.06.86 г.».

* * *

Палатка-ленкомната, где походили политзанятия, была любимым местом Вовки Губина. Не потому, что он очень уж любил политзанятия, а потому, что там всегда можно было незаметно покемарить. А он это умел делать даже с открытыми глазами.

Но сегодня на занятиях присутствует сам начальник политотдела части. Высокая инстанция! И взводный вон как распинается: «Современная международная обстановка и постоянные происки НАТО требуют от нас быть всегда начеку, крепить мощь советских вооруженных сил и быть в постоянной боевой готовности». «А чего это он мне незаметно кулак показывает? — встрепнулся Вовка. — Я же сегодня не сплю». И он понял жест взводного по-своему: значит, надо проявлять активность, не подвести перед инспектором своего командира. Поэтому сразу поднял руку, как только Зубов спросил:

— Какие будут вопросы?

— Разрешите?

— Пожалуйста, рядовой Губин.

— Скажите, пожалуйста, товарищ старший лейтенант, а почему американские империалисты помогают моджахедам оружием? Мы помогаем афганскому народу. Они, значит, против афганского народа? — С нажимом на последнюю фразу спросил Губин, как бы подсказывая ответ своему взводному, и покосился глазом на инспектора, отметив, что тому, кажется, вопрос понравился.

— Позвольте мне ответить этому военнослужащему, — сияя доброжелательностью, поднялся инспектор. — Дело в том, — вкусно и поучительно он выговаривал каждое слово, — что у НАТО с международным терроризмом давние связи, и как только где-нибудь в мире реакционные силы поднимают мятежи против прогрессивных правительств, как натовцы во главе с американцами тут как тут со своими долларами. Помогали бы лучше голодной Африке! Если бы руководство КПСС, советское правительство не приняли решение ввести сюда по просьбе ДРА ограниченный контингент советских войск, то силы реакции уже утопили бы в крови Апрельскую революцию. Сражаясь с мятежниками, мы с вами исполняем интернациональный долг перед братским афганским народом.

Светло и победно подполковник остановил прощальный взгляд на солдате, задавшем вопрос, готовясь поставить точку и выставить хорошую оценку взводу, но солдат почему-то заерзал в нетерпении: что-то еще спросить хочет.

— Можно еще вопрос, товарищ подполковник? — озабоченно наморщив лоб, спросил Губин и, получив согласительный кивок, вдруг жестко, в сердцах выложил при вытянутых лицах солдат: — Если мы защищаем народ, то почему Афганская Народная армия разбегается от первого душманского выстрела? Почему мы должны их прикрывать от душманов в тот момент, когда они грабят кишлаки?

Ержан и Гриша даже приподнялись, как бы собираясь прыгнуть и выручить товарища, попавшего на минное поле. Весь взвод напрягся, ожидая взрыва.

Зубову стало невыносимо тоскливо. Теперь уже все равно, что скажет побледневший подполковник. Гораздо интереснее понаблюдать за мухами, жужжащими под потолком палатки.

Политработник медленно вытаскивал и снова вкладывал в папку какие-то бумажки, крутил ручку, как бы собираясь что-то записать, но снова откладывая, потом взглянул на Губина без прежнего света, но и без злобы, а как-то устало и тускло.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, приглашаю вас с командиром взвода сегодня в 16 часов в политотдел. Надеюсь, вы будете удовлетворены ответом. — И, не прощаясь, надел кепку и двинулся мимо Зубова к выходу. Олег, разумеется, пошел за подполковником, бормоча какие-то несвязности насчет образцово-показательного взвода.

— Шляпа! Распустил подразделение! — повернул к нему остекленелый взор политработник. — Готовься на парткомиссию, товарищ старший лейтенант.

Кулаки сжались сами собой, еще немного, и Зубов бросился бы в палатку, чтобы этими кулаками расквасить кривую усмешку Губина, но гнев, вспыхнув, тут же опять сменился скукой, и Олег устало опустился на скамейку у палатки, откуда слышался голос Маслова:

— Козел ты, Губин, вот что я тебе скажу. Козел, и больше никто! Теперь за твои «умные» вопросы взводного из партии вытурят. Ты доволен? Ты этого хотел?

— А что я? Неправду, что ли, сказал? Все спрашивают: за что воюем, с кем воюем? — виновато оправдывался Вовка. Замолкли, но не расходились. Вдруг прозвучал голос Вареника:

— Кольку з першого взводу вбили. Вин «зеленых» прикрывал, а вони курей в торбы пхали.

— Что, не так? — чуть не взвизгнул Вовка.

— Да так, все так! — спокойно сказал вошедший в палатку Зубов. Он появился за спинами сидящих солдат, все резко обернулись на голос, но никто на этот раз не скомандовал: «Взвод, смирно!». На него смотрели десятки вопрошающих с болью глаз. Чуть сфальшивишь сейчас — погаснут глаза, отвернутся или потупятся и никогда уже больше не взглянут на тебя с надеждой. А как ты поделишься с ними своими отчаянными мыслями, терзающими тебя денно и ночью? Как распишешься перед ними в бессилии осмыслить свою дурацкую миссию на этой чужой земле?

Подполковнику легче: он на тебе выпится, на тебя изольет свой «благородный» гнев: «Распустил подразделение!». А ты один на один с этими «вверенными» тебе глазами, в которых сейчас светятся встревоженные души твоих родных соотечественников, по-детски беспомощно ждущих твоего авторитетного слова. Знать бы это слово! Политотдел на что уж речистый, и то заикается. Заело его на одном: «Интернациональный долг!». Да каждый из нас, тот же Губин, готов его выполнить до конца. Отчего же сами афганцы его не выполняют?

— Решаем не мы, Губин, — всему взводу сухо сказал Зубов. — Наше дело выполнять приказ и не рассуждать, нравится он нам или нет. С кем и как воевать — дело большой политики.

Не любил Зубов это выражение — «большая политика». Оно всегда ему напоминало «большую дубинку». А куда не денешься: пришлось хвататься за нее и прихлопнуть излишне любопытствующего Губина. Да и остальных заодно. Профилактически. Чтобы в следующий раз «умнее» были и не задавали «глупых» и неудобных вопросов.

У Зубова дернулась щека, как от оскомины, он взглянул на часы и решил как-то разрядить тягостную обстановку:

— Ого! Уже через десять минут нам надо быть в политотделе, Губин. Не забудь полотенце, мыло, щетку.

— А это зачем? — искренне удивился Вовка. И только когда весь взвод захохотал, догадался, на что намекал взводный.

* * *

Потеря сына на Каир-Хана повлияла по-особому. Все окружение страшилось его ненависти. В гневе он страшен, но и беззащитен. «Полезет напролом, угробит все племя», — шептались между собой старейшины. Но он, наоборот, замкнулся. Не выходил за свой дувал, сидел целыми днями, вздыхая и перебирая четки.

— Господин, господин, — просунул голову из-за занавески слуга, — там делегация. Говорят, от Хекматияра.

— От Хекматияра? — встрепенулся Каир-Хан. — Зови в дом немедленно. Да позови старейшин и командиров групп.

Посол Хекматияра, высокий и худой старик, со своими тремя чернободыми красавицами вошли в дом, понутив головы, показывая всем своим видом, как они скорбят и разделяют неизбывное горе отца.

Затем, после подробных расспросов о здоровье, посол нащупал тропку к своему делу.

— Семь лет уже воюем с советскими оккупантами. Какое тут здоровье? Кстати, ты не забыл, Каир-Хан, что через неделю как раз будет седьмая годовщина прихода на нашу землю шурави?

— Мне некогда размышлять на такие темы, — мрачно ответил Каир-Хан, напряженно стараясь уловить нить мысли посла. — Я больше мечтаю о том, когда они уйдут.

Но посол и не думал хитрить. Стал официально излагать цель своей миссии:

— Руководство Исламской партии Афганистана решило использовать эту годовщину для того, чтобы показать всему миру возросшую силу борцов за веру. Нужен образцово-показательный разгром какого-нибудь советского подразделения. На уровне батальона или хотя бы роты. Весь бой должен быть заснят на пленку, чтобы показать на Западе. Хекматияр надеется на тебя, считает, что на вашем направлении это удастся лучше. Предлагает помощь оружием и деньгами.

Посол, сразу выложив главное, застыл в смиренной позе, готовый учтиво принять ответ, сколько бы его ни пришлось ожидать. А Каир-Хан погрузился в долгое раздумье. Начал говорить как бы сам с собой, не обращая внимания на посланцев центра.

— Для образцово-показательного разгрома у меня нет сил. Да и разгромить шурави, если они на технике, почти невозможно. А в горы они просто так не пойдут. Нужна хитрость. А она дорого стоит. Ответим отказом. Нет, нам самим не справиться.

И потянулся к чашке с остывшим чаем.

«Ну, старая лисица, цену себе набивает. Впрочем, понять его можно: победу разделят все, поражение позором ляжет на его племя», — думали про себя посланцы, переглядываясь между собой и поглаживая бороды.

— Вожди окрестных племен согласились принять участие в операции, — выкладывал запасные козыри посол. — Из Па-

кистана к вам придут двенадцать караванов с оружием и боеприпасами и миллион долларов — премия для победителей. Разве мало?

— Мало, — сверкнул глазами Каир-Хан. — Я хорошо знаю своих соседей и их «поддержку». Сколько раз они меня в серьезных боях подвели, пакостные и трусливые. А шурави потом вымещают злобу на моих кишлаках.

— Гульбедин велел сказать тебе, — извлекает последний козырь посол, — что с вашего согласия сюда будет направлен батальон «Черный аист».

Маска непримиримого отказа исчезла с лица Каир-Хана. В глазах засветился интерес. «Черный аист» пока не знал поражений. Если Хекматияр посылает свой лучший батальон, отказываться неприлично.

— А доллары мы будем делить с ним? — скорее для проформы спросил Каир-Хан, чтобы иметь оправдание для изменения позиции.

— Нет, нет! — обрадованно запротестовали все посланцы. — Они получают свое отдельно.

— Передайте Хекматияру — Каир-Хан принимает предложение.

— Осталось решить, как заманить шурави в горы, — робко предложил посол.

— Это моя забота, — недобро отрезал Каир-Хан.

Проводив гостей, верный и преданный Масуд остался у двери с полупоклоном, понимая, что хозяин должен будет отдавать приказание.

Каир-Хан долго молчал, покручивая на столике пустую чашку, потом спросил Масуда:

— Не подох еще в зиндане твой родственник из Чаприара? Мухамед-Голь, кажется?

Масуд почернел.

— Опять попрекаешь меня этим вырождением? Позволь, я собственной рукой вырву его вонючее сердце.

— Я спрашиваю, жив ли он?

— Жив.

— Способен бежать?

Масуд удивленно разогнулся:

— Из того зиндана никто...

— Знаю! — перебил Каир-Хан. — Переведи его туда, откуда можно убежать. Да перед этим кому-нибудь передай тайну, чтобы Мухамед-Голь случайно услышал.

— Какую тайну, мой господин?

— Ты слышал: двенадцать караванов скоро придут сюда. Говори, что они привезут оружие на базу в Чаприаре...

Масуд даже задохнулся от гениального замысла Каир-Хана: Чаприар в глубине ущелья, тупик, капкан. А Мухамед-Голь обязательно поведет шурави в свой кишлак, который давно опустел. Но он даже не улыбнулся. Только склонился в почтении.

* * *

— Обнаруженная база представляет собой перевалочный пункт подвоза боеприпасов в нашу провинцию, — тыча указкой в карту с видом всеведущего, объяснял начальник штаба батальона. Мокрый платок уже не справлялся с его потной шеей. — Таким образом, товарищи офицеры, захват и уничтожение базы, а затем комбинированное минирование позволят как минимум на несколько месяцев перерезать душманам пути снабжения, что, естественно, снизит их боевую активность.

— Есть вопрос, товарищ майор, — поднялся Шпагин. — Мне кажется странным, что столь крупная по разведанным база прикрывается лишь двадцатью душманами и двумя ДШК.

— У вас вопрос или соображение, товарищ капитан? — промокая шею, съехидничал майор.

— Вопрос такой: можно ли доверять тому перебежчику, о котором вы говорили? — жестко спросил Шпагин и отпарировал майору: — Есть и соображение — идти туда всем батальоном, взяв с собой танки и артиллерию.

Майор усмехнулся: дескать, такие соображения мы проходили в первом классе.

— А что касается этого афганца, сообщаю для несведущих: у него душманы всю семью вырезали. И он уже не первый раз доказывает свою преданность народной власти, — и стал учить всех, глядя прямо в глаза Шпагину, своей штабной мудрости: — Танки и стволы замедлят движение к базе. А операция должна быть внезапной. Отделение спецминирования и пара собак — вот все, что можно придать вашей роте. Выход завтра в полночь.

Он закончил, все поняли, что это приказ, а он обсуждению не подлежит, поспешно свернули свои карты и потянулись из штаба. Только офицеры роты Шпагина, как в замедленной съемке, медленно убирали планшеты и инстинктивно начали группироваться вокруг своего командира. Его предчувствие не давало им покоя. Зубов даже протянул вслух:

— Что-то здесь не так...

Услышал ли эту реплику комбат или просто обратил внимание на тревожное настроение офицеров третьей роты, но и он вскинулся тревожно:

— Вам не ясна задача, Шпагин?

— Никак нет, задача ясна.

— Выполняйте.

Душманская засада

Предрассветная мгла не давала разглядеть дно ущелья отсюда, с высоты хребта. К тому же шум речушки поглощал все посторонние звуки. Но Каир-Хан, как многоопытный охотник, не слухом, не зрением — каким-то звериным чутьем почувствовал приближение добычи.

Не дождавшись условного сигнала, послал проверить, не спят ли дозорные. Не могли шурави изменить свой маршрут! Сюда ведет одна дорога. «Отсюда тоже одна, — про себя злобно усмехнулся вождь. — Но она им не понадобится. Просто, видимо, тяжелы на подъем эти красные воины».

Испуганный посланец, низко кланяясь, сообщил, что оба дозорных убиты.

— Ножам? — удивился вождь.

— Нет, мой господин. Автоматными очередями.

— С глушителями, значит, — заключил Каир-Хан и зло ругнулся. — Курили, наверное, олухи. Давно убиты?

— Недавно, кровь еще не запеклась.

— Ладно, зови командиров групп. Сейчас они начнут атаку.

И как только из-за скал сюда, к вершине хребта, стали подходить бородатые командиры, внизу раздались взрывы и выстрелы. Они словно подтолкнули рассвет, и вот уже в бинокли можно было вдоволь полюбоваться устроенным спектаклем: шурави по всем правилам военного искусства штурмовали базу, моджахеды, огрызаясь огнем, покидали ее и отходили.

— Сорок один... сорок два... — не отрываясь от бинокля, считал американец.

— Не трудитесь, сэр, — обернулся к нему инструктор. — Мы хорошо осведомлены, сколько их будет всего.

— Поразительно. Как вам это удастся, господа?

Американец опустил бинокль и взялся за видеокамеру.

— Просто мы не зря тратили американские доллары, — ответил уполномоченный Хекматияра, сопровождавший съемочную группу от самого Пешавара.

Пока Каир-Хан негромко разговаривал со своими командирами, американец настроился философски:

— Какая хрупкая штука — жизнь. Сорок пять, или сколько их там внизу, людей через тридцать минут исчезнут. А ведь они о чем-то мечтают. Их кто-то вспоминает, ждет...

— Уже через двадцать пять минут, — уточнил инструктор.

* * *

Тяжело дышавший Шпагин уже хотел остановить проводника Мухамед-Голя и спросить, правильно ли он их ведет, как впереди глухо пророкотали автоматные очереди. Ему доложили, что обнаружены и убиты дозорные.

«Ну, кажется, успеваем до рассвета», — чуть успокоился Шпагин. Проводник приблизился к нему, будто уловив желание командира.

— База отсюда в ста шагах.

И Вареник тут же, рядом с проводником. Как узнал, что Мухамед-Голь учился в Киеве на инженера, так тот для него сразу родным стал. Шпагин велел Варенику позвать командиров взводов, чтобы еще раз уточнить план боя.

Взвод Зубова первым ворвался в укрепрайон. Когда умолкли треск очередей и взрывы гранат, разведчики, занявшие круговую оборону, стали отмечать, что что-то не так, душманы как-то непривычно быстро отступили. На позиции стоят безоткатные орудия с поврежденными затворами. У тяжелых ДШК искорежены ствольные коробки. Груды китайских ЭРЭ-Сов со следами неудачных запусков на хвостовиках. Ловушка! Никто не произнес этого слова, но оно замерло у каждого на губах, холодом сжало сердца.

— Ну-ка тащите ко мне этого «инженера», — прохрипел Шпагин. Он почему-то потянулся к автомату Ержана, а не за своим пистолетом.

— Не надо, — бросился к нему Зубов, тоже схватившись за автомат Ержана. — Может быть, он не виноват? Его тоже могли обмануть.

— Отойди, старлей, — прорычал почерневший ротный. — Он хорошо знал, куда ведет. Если мы все здесь поляжем, пусть он подохнет первым.

— Я не виноват, я не виноват, — бил себя в грудь Мухамед-Голь, которого держал за воротник Вареник. — Я сам слышал от Масуда: к Каир-Хану приезжали от Хекматияра. Двенадцать караванов с оружием...

— Врешь, собака, — с остервенением вырвал наконец автомат Шпагин. Разведчики отпрянули в стороны, даже Вареник отскочил от проводника. Но его заслонил собой Зубов.

— Не надо, Саня, — спокойно сказал он. — Пришить всегда успеем. А как потом узнаешь, кто подсунул фальшивку? Если не уйдем, я его своими руками прикончу.

Шпагин закрыл глаза, тяжело вздохнул и устало протянул автомат Ержану. Зубов снял оружие с Мухамед-Голя и велел ему постоянно быть рядом.

Шпагин протер глаза и заговорил с притихшими разведчиками не по-уставному:

— Похоже, мы крепко влипли, мужики...

Хотел еще что-то добавить, но махнул рукой и скомандовал:

— Разбиться на тройки, занять круговую оборону. Огонь по команде. Сражаться до последнего. Рацию сюда. Пусть теперь нас вытаскивают... — и, заметив растерянные, обреченные лица солдат, ставшие вдруг такими по-детски беспомощными, весело крикнул: — Не все потеряно, братцы. Разведка, к бою! Не раскисать!

— Товарищ капитан, на тропе духи. Трое с белым флагом, — закричал наблюдавший за ущельем Вовка Губин.

— Пропустить их сюда, — распорядился Шпагин и присел на ящик с патронами, размышляя про себя: «Скорее всего, отвлекают внимание. Возможно, чтобы ударить в спину». Оглядел в бинокль окрестные хребты: «Да, ловушка. Сомнений нет».

Один из парламентаров в афганской национальной одежде, но с лицом европейца, заговорил на ломаном русском языке:

— Вы окружены. Все стороны окружены. Соппротивление — абсурд. Надо идти в плен. Гарантия — жизнь.

— Будем сражаться сами с собой, — усмехнулся Шпагин. Но парламентары его не поняли.

— Какой будет ваш ответ? — нетерпеливо переспросил толмач и еще раз разъяснил: — Вы все будете погибать за четверть часа. Здесь полк «Джелал». Здесь батальон «Черный аист».

— Это все? — спросил Шпагин.

— Да, все.

— Ну, тогда присаживайтесь. Посидите с нами, пока не лопнет терпение у тех, кто вас послал. А там видно будет.

Попросив у ближайшего разведчика прикурить, Шпагин показал, что разговор с парламентарями окончен.

— Вы не смеете задерживать парламентаров, это противоречит международному праву, — вмешался другой, который так и продолжал держать над собой белый флаг. Поразил его чистый русский язык. Шпагин внимательно посмотрел: почему же говорил не этот, а тот, косноязычный?

— Не беспокойтесь, мы вам тоже жизнь гарантируем. Хотя я не уверен, гарантируют ли те, кто вас сюда послал.

— Через двадцать минут начнется атака.

— Ну и прекрасно. Мы вас отпустим ровно на двадцатой минуте.

* * *

Первый натиск моджахедов разведка выдержала. Полтора часа они наседали со всех сторон, усиливая атаку то с правого, то с левого отрога хребта.

Зубов, заряжая в ПК новую ленту, со страхов отметил: последняя. Но моджахеды неожиданно прекратили огонь и стали отходить. Олег еще раз послал им вдогонку короткую очередь и бросился к лежащему на дне окопа пулеметчику. Во время боя он услышал, как застонал пулеметчик, но помочь ему не было никакой возможности. Душманы были рядом, в каких-нибудь тридцати метрах, и подпустить их на бросок гранаты означало смерть для себя и всего подразделения.

«Прости, браток», — Зубов закрыл пулеметчику глаза. Из чехла над головой погибшего вынул запасной ствол пулемета и заменил свой, пышущий жаром. Теперь можно было перевести дыхание. Кепкой вытер лоб, с него посыпался песок и осколки камней.

К нему в окоп спрыгнул Ержан с перевязанной головой.

— Ты ранен? — встревожился взводный.

— Чуть-чуть зацепило, — ответил Ержан, задыхаясь от бега, стараясь выровнять дыхание, чтобы сообщить, с чем прибежал. Зубов нетерпеливо торопил:

— Как там? Где ротный?

— Плохи дела, товарищ старший лейтенант, — наконец сквозь одышку начал говорить Ержан. — Ротный погиб и еще двое ребят.

— Трое... — горько уточнил Зубов.

— ...И восемь раненых, — продолжал Ержан. — Патронов осталось мало. Все собрались за центральным дувалом. Ждут вас. Вы теперь за ротного.

Сиротливое отчаяние охватило Зубова. Почему-то вспомнился никогда не вспоминавшийся эпизод из раннего детства, когда он проснулся ночью и увидел, что кровать родителей, освещенная луной, пуста. Впервые тогда испытанный ужас одиночества вновь пронзил его. Но теперь не разревевшись, не разобьешь окно и не кинешься на веселые звуки гулянки в соседнем доме, где тебя схватят, облакают, поднимут под пото-

лок, и мир снова станет цветным и вкусным, а не мертвенно-бледным, лунным.

Зубов взглянул на солнце, чтобы не видел Ержан слезы в его глазах. Оно уже почти до дна высветило правый склон ущелья, зато левый спрятался в непроницаемую черную тень.

— Эх, Шпагин, Шпагин, — простонал Олег. — Полтора мяса не дотянул до замены. — И он, сгорбившись, окаменел около труп пулеметчика.

Ержану стало не по себе. Сейчас не время скорбеть по погибшим. Тем более командиру. Надо что-то делать. Надо спасти живых. Он потряс за плечо взводного:

— Товарищ старший лейтенант, еще одну атаку мы не выдержим...

* * *

— Да-а, господин Каир-Хан, — первым нарушил молчание в наступившей после боя тишине представитель Гульбеддина. — Не порадовали нас ваши воины. Мы ожидали более решительных действий.

— Надо было не ожидать, а вместе атаковать, — огрызнулся вождь.

— Задавить числом, а не умением, — дело нехитрое. Для видеофильма надо было другое.

— Плевать я хотел на ваш фильм! Людей теряем. Следующую атаку надо проводить вместе.

— Ну уж нет! — заносчиво прервал Каир-Хана командир «аистов». — Или ваши галошники сами перебьют русских, или «аисты» разделяются с ними без вас. Но в этом случае вы не получите ни доллара.

— Я не привык, чтобы со мной разговаривали в таком тоне.

— Я тоже, — с вызовом парировал «аист».

— Господа, господа, — засуетился посланец Хекматияра, — не надо ссориться. Мы все воюем за святое дело. Не надо обиды держать друг на друга.

Каир-Хан окинул взглядом присутствующих и устало произнес:

— Жизнь людей мне дороже денег. Пусть теперь атакуют «аисты».

Возле одного из дувалов базы, с недоступной огню противника стороны, собралась половина разведчиков, остальные были на позициях. Увидев приближающихся Зубова и Ержана, чуть ли не все бросились им навстречу, бережно приняли из их рук погибшего, завернули в плащ-палатку и положили

рядом с тремя другими. Все делалось молча и деловито, но за всем этим старательным сопением угадывалось, подразумевалось общее желание скорее услышать приказ командира. Всего полтора часа назад здесь же Шпагин, подавив в себе растерянность, когда понял, что они в ловушке, вдохнул в бойцов уверенность: «Не все потеряно! Разведка, к бою!». Эта уверенность помогла ребятам выстоять.

«Эх, Шпагин, Шпагин...»

Олег было потянулся рукой к плащ-палатке, в которую был завернут капитан, но Маслов отстранил его:

— Лучше не смотреть.

Зубов устало опустился на порог дувала и таким же хриплым голосом, что и Шпагин полтора часа назад, потребовал рацию.

От напряженного, но уверенного голоса комбата в наушниках стало чуть легче. Выход должен быть. Мы его найдем. Не надо только паниковать, чувствовать себя обреченным. И как-то сразу заработал мозг, перемалывая все факты в логические цепи и варианты решений.

— Сколько же их там? — спрашивал комбат.

— Точно не скажу, сотни две, может, больше. Но чувствует-ся, атаковала только часть.

— Как же вас вытащить? «Вертушки» посадить можно?

— Нет, посбивают с высот.

— До темноты продержитесь?

— Нет, патронов не хватит.

— Что же, мать твою, ждать, когда вас перебьют? — взорвался комбат и замолк.

Молчал и Зубов, как бы давая возможность мозгу перелопатить еще несколько вариантов.

— «Маяк», я «Мажор», — едва успел сказать Зубов после минутного перерыва позывные, как рация ответила:

— Я слушаю.

— Докладываю решение. На равнину духи не выпустят, это точно. Основные силы их сосредоточены позади нас. Мы приперты к хребту. Считаю единственным выходом уйти еще дальше в горы, оторваться от них и вернуться на вертолетах.

— Как же ты уйдешь с ранеными и убитыми? Под обстрелом?

— Нужен мощный бомбоштурмовой удар по окружающим базу хребтам, и одновременно задымить ущелье. Тогда я уйду.

— Авиация может находиться в твоём районе не больше пятнадцати минут. Успеешь?

— Успею, — твердо ответил Зубов, посмотрел на обступивших его разведчиков, которые слушали разговор. Они закивали ему головами, и он еще раз повторил, уже от имени всех:

— Успею.

— Самолеты будут над целью через двадцать минут, прозвучал четкий голос полковника и неожиданно добавил тихо: — Готовься, сынок.

Зубов уже был тем же Зубовым, которого отмечали в военном училище за самообладание, хладнокровие и четкие действия. Голос его звучал теперь звонко и уверенно:

— Скрытно подготовиться к движению. Разбиться на группы. Распределить, кто несет раненых и погибших. Маслов с четырьмя бойцами прикрывает хвост роты. Все оставшиеся гранаты передать этой группе. Отделению спецминирования двигаться вместе с группой прикрытия и по команде Маслова минировать узкие места, чтобы задержать противника. Сигнал к началу движения — разрывы дымовых бомб в ущелье. В течение пятнадцати минут мы должны преодолеть подъем вон на тот хребет. Вопросы есть?

Вопросов не было. И Зубов добавил:

— Надо успеть, мужики. Это наш единственный шанс.

* * *

«Через двадцать, нет, через пятнадцать минут появятся самолеты. Затем еще пятнадцать минут здесь будет кипящий котел огня, дыма, грохота. За эти пятнадцать минут надо вскарабкаться вон на тот хребет».

Морщинистый, рыжевато-серый, без единого кустика, ближайший подъем на хребет начинался сразу за базой скальной грядой. Неизвестно, есть ли здесь проходы, неизвестно, есть ли за хребтом какая-нибудь площадка для вертолетов. Ничего не известно. Известно только, что надо выжить, ускользнуть, вынести убитых и раненых. «А там уж присмотримся...» — Зубов оглядел напрягившихся, готовых по его команде рвануться разведчиков. «Камни не только моджахедов спасают, они спасут и нас», — подумалось ему, и в это время ударил по ушам грохот. Как спринтеры на звук стартового пистолета, ринулись разведчики, хотя он и не успел дать команду. И сам он побежал, ныряя в лабиринты между камнями.

Справа и слева от этого рукава хребта, по которому они взбирались, началось светопреставление. На склонах ракеты взрывали скалы, огромные камни срывались вниз, разбивались на мелкие, к ним добавлялись новые взрывы, новые срывы — сплошной протяжный грозный гул.

— Скорее, мужики! Скорее! — подталкивал Олег то чью-то спину, то какой-то мешок, то, ухватившись за плащ-палатку с покойником, помогал поднимать этот груз на очередной выступ. Такого «кросса», такого марш-броска не доводилось совершать подразделению. Успеешь вскарабкаться за пятнадцать минут на эту безымянную вершину — будешь жить дальше. И никакой пощады, никакого послабления! Не выбросишь этот «груз» из плащ-палатки, как тот губинский песок из вещмешка. А вот и Губин. Он тоже кричит: «Скорее, мужики!». Ержан взвалил себе на спину кричащего раненого и тоже что-то кричит. Когда Олег обгонял их, увидел, что Ержан нес на спине земляка, и они кричали друг другу что-то по-казахски.

Зубов первым выскочил на хребет и, как ребенок, воскликнул: «Ура!». Если их будут преследовать душманы, то дальнейший путь по хребту — только через этот узкий проход между двумя скалами, снизу казавшимися печными трубами. Здесь их легко задержать. А там, за хребтом, чуть пониже, есть площадка для вертолетов. Можно жить! Будем жить!

Сквозь грохот адской карусели штурмовиков и кипения взрывов в ущелья справа и слева Олег с тревогой уловил приближающиеся звуки автоматных очередей. «Значит они уже на нашем хвосте. Давят на Маслова. Да, это «Черный аист», о котором говорил Мухамед-Голь. Никто в горах не справится с ними по скорости...»

— Скорее, скорее! — он хватал кого за оружие, кого за одежду, помогая разведчикам подняться на последнюю ступеньку, «припечку» — вспомнилось бабушкино слово, между этими «трубами» и толкал их вниз, туда, где огрызалась короткими очередями группа прикрытия Маслова.

Каждое отделение по очереди через каждые пятнадцать-двадцать метров у заметных камней, на поворотах оставляло кучку боеприпасов для группы прикрытия. Расстреляв очередную порцию магазинов и подождав приблизившихся на расстояние броска гранаты моджахедов, Маслов, Вареник и еще двое солдат под завесой взрывов своих гранат быстро переходили к следующей кучке. А «черные аисты» наседали и наседали. Зубов уже видел их мечущиеся меж камней черные чалмы. Уже некогда было предупреждать Маслова о своем появлении. Быстро оценив ситуацию, он понял, что последний рубеж Маслова будет как раз между «труб». Перед ним — лысый лоб гранитного монолита размером с волейбольную площадку. Прежде чем пойти на штурм «труб» по этому «лбу», моджахеды сосредоточатся в пещере под нависшей глыбой этого монолита. Вот тут-то из правой гряды камней, в которой они

не будут предполагать противника, Зубов и решил дать «последний бой».

Но пробираться к тем камням надо было под пулями и моджахедов, и своих. Прижимаясь к расщелинам и камням, Зубов между тем отметил чисто профессиональную сторону боя, словно принимал экзамен по тактике. Разведчики Маслова грамотно чередовали огонь и прикрывали короткими бросками друг друга от камня к камню, не давая моджахедам высунуться для прицельного огня. И хотя моджахеды наступали, а группа Маслова отходила, именно он, Маслов, диктовал сценарий боя. Поддавшись его ритму, Зубов безошибочно угадал «мертвые» мгновения, в которые можно было проскочить от камня к камню. И вот он «на посту». Но что такое? Почему такая звенящая тишина? Оглох? Контузило? Самолеты ушли... Сейчас вся ненависть моджахедов сосредоточится на этой точке. Успеть бы до минометного обстрела. Ага! Вертушки!

Как он предположил, под козырьком нависающего «лба» стали скапливаться «аисты». С «печных труб», видимо, уже отошли пулеметчики. Последним на «припечку» кинулся кувырок через спину Вареник.

Удовлетворенно крикнув от сознания, что удалась — удалась! — его задумка вырваться из ловушки, он тут же похолодел от страха: ведь никто не знает, где он. Случись что, никто ему не поможет...

Группа прикрытия уже закрепились в горловине между «трубами». Там кучка магазинов и гранат, оставленных первым взводом, который уже садится в «вертушки». Еще немного, и Маслов с ребятами начнет отходить туда же, к площадке. К горловине кинутся моджахеды, и путь к спасительному вертолету ему будет отрезан. «Перехитрил самого себя», — горько подумалось.

— Ну нет, не возьмешь! — вдруг крикнул он во всю мочь, поднявшись над камнями и швырнув в скопившихся под каменным козырьком духов четыре гранаты.

— Взво-о-о-одный! — вскрикнул увидевший его Гриша Вареник.

Неожиданный фланговый удар Зубова откатил моджахедов назад. Их замешательство позволило Олегу броситься из своей засады через открытое место к правой кромке монолита и этим единственным скрытым путем поползти к горловине.

На крик Вареника вернулся начавший уже отходить Маслов, и в два ствола они прикрывали взводного. Вдруг среди груды камней, где только что скрывался Зубов, появилась черная чалма. Вот что такое «аисты»! Как он успел буквально в секунду,

разумеется, по своей собственной инициативе оказаться там, где надо было ликвидировать опасность? Мгновение назад Зубова бы уже не было бы в живых, опоздай он с броском. Но, несмотря на интенсивный огонь Вареника и Маслова, моджахед успел швырнуть гранату в сторону Зубова и замолк.

Разведчики, уже не остерегаясь, кинулись к взводному, подхватили его с двух сторон и потащили к последнему вертолету.

* * *

Белые простыни, белый потолок, тумбочка, графин с водой. Госпиталь! Это сразу понял очнувшийся Зубов. Только пока не мог отличить жужжание огромной черной мухи, бодающей оконное стекло, от рокота кондиционера и гула в голове, как от удара по колоколу. «Пить» — была вторая мысль, и рука потянулась к графину, преодолевая боль. Но боль была какая-то всеобщая: болело все тело. Пока пил, некогда было разбираться, что с ним, куда он ранен. Отметил только, что рядом на койке, кажется, Вовка Губин, да за полупрозрачным стеклом двери мелькают тени.

Вошедшему в сопровождении свиты главврачу он сказал, что все тело болит, надеясь узнать подробнее про свое ранение. Но тот ответил:

— Вот и прекрасно! Если болит, значит, живет.

С этим изречением врач перешел к Вовке, задал ему дежурный вопрос:

— Как самочувствие? — и двинулся дальше, не слушая Вовкины сетования на несладкий компот.

— Заткнись, пожалуйста, Вовка, — страдальчески попросил Зубов и отвернулся к стенке, с удовлетворением увидев, что Губин садится на кровати: значит, ничего серьезного!

— Как мы сюда попали?

— Да нас всех, товарищ старший лейтенант прямо из вертушек в госпиталь уложили. У вас контузия, а у меня конфузия — спать совсем не могу и в туалет часто бегаю. А остальных уже выпустили. Схожу-ка я за димедролом, товарищ старший лейтенант, — не то спросил, не то решил Вовка и зашаркал шлепанцами по коридору.

«Что же со мной? — сквозь шум и боль в голове прибавилась тревога. Я полз к горловине целый, это хорошо помню. Швырнул четыре гранаты. Свои взрывы слышал. Меня прикрывали. Я был уже почти у цели. Потом ничего не помню...»

— Четыре штучки, товарищ старший лейтенант! Еле выпросил. Никак не хотела давать, — вернулся Вовкин голос.

— Это что, такая ценность? — повернулся Зубов.

— Еще какая, товарищ старший лейтенант! Разве вы не знаете, что «хронические шланги» за ними охотятся?

Хроническими «шлангами» называли в роте сачков, которые правдами и неправдами тянули время, мороча головы медикам: первые три дня здесь отсыпаются, не пробуждаясь, сутками, потом по ночам не спят, выклянчивают димедрольчик.

— Им эта штука дороже золота. — Вовка положил таблетки на тумбочку. И схватил графин. Иначе его уронили бы перекинувшиеся через подоконник три «морды».

— Как взводный, шляпа? — спросило трио и, увидев повернувшегося к ним Зубова, все трое завопили на весь госпиталь:

— Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!

Лица Маслова, Вареника и Ержана впервые сияли, ничуть не обижаясь на Вовкино: «У-у, морды!». Перебивая друг друга, они передали новость, что из Кабула уже получен приказ о назначении Зубова командиром роты вместо капитана Шпагина.

— Сто лет не видать бы такого повышения... — не обрадовался Зубов, и по тому, как он запнулся, все поняли, что надо помолчать в память о капитане.

— Пашка! — окликнул Олег Маслова. — Наградные на пацанов написал?

— Написал.

— Кто повез погибших домой?

— Дембеля.

После паузы Маслов рассказал:

— У духов из-за нас неприятности. Шесть главарей расстреляно за то, что нас упустили. Поклялись отомстить. Двадцать тысяч долларов за голову командира назначили.

— Дешево они нас ценят, — угрюмо сказал Зубов. — Ладно, выйдем отсюда, тогда...

И сжал кулаки.

Ержан с Вареником приготовились слушать взводного, радуясь, что снова видят и слышат своего командира. Но тот сухо стал отдавать команды своему заместителю Маслову:

— Готовьте технику, оружие, подбодрите пацанов, молодых поднатаскайте на полигоне, пристреляйте оружие. Сколько у нас ПБСов?

— Два.

— Обменяйте еще десять автоматов на автоматы с глушителями.

— Не многовато ли? — удивленно вмешался в разговор командиров Вареник. — Если будет открытый бой, такие автоматы не годятся.

— Открытого боя больше не будет, — жестко ответил Зубов. — Будем воевать, как духи: без правил, без шаблона, без плана. Надо показать и своим, и чужим, что такое настоящая «афганская» война.

От слов взводного, то есть теперь ротного, повеяло жутью: разве до этого была не «настоящая» война? Но Зубов уже разглядел в ней что-то новое, ушел вперед, понял немного больше, чем они. Да и авторитет спасителя из безвыходного положения заставлял прислушаться. Не для красного словца ведут такие разговоры.

Прозрение

Стараясь не выдать себя ни светом, ни шумом, бронегруппа замерла на ночь на дне сухого русла. «Кажется, первый этап плана удался», — подумал Зубов, обходя всю колонну от головной машины до замыкающей. Несмотря на приказ самому себе не волноваться и не суетиться, он придирчивостью к маскировке выдавал свое волнение. Да и как не беспокоиться, ведь первый выход на самостоятельное задание в качестве командира роты! Но никого из разведчиков не раздражали, не смешили его в пятый и в десятый раз повторяемые нотации, что кругом душманские кишлаки и любая промашка может дорого обойтись. Смерть Шпагина и других в последнем бою была весомым аргументом, оправдывавшим в глазах бойцов нервозность командира.

Даже Губин, когда на него в темноте наткнулся ротный и стал голосом заезженной пластинки повторять то, что говорил минуту назад у соседней машины о «любой промашке», — даже Губин, этот ротный «кавээнщик», молча и серьезно выслушал до конца заученные наизусть фразы и в ответ спокойно сказал:

— Идите к нам ужинать, товарищ старший лейтенант.

Слово «ужинать» остановило Зубова, и, сразу ощутив голод, он устало присел к уплетавшим «горно-зимний» паек Ержану и Варенику.

«Да, кажется, первый этап плана удался», — снова мысленно подводил итог Зубов, принимая от Губина открытую банку. Из расположения батальона они выступили задолго до наступления темноты, потом подождали у крайних советских застав, чтобы последний отрезок пути до душманских дувалов проскочить в короткие минуты поздних сумерек, когда уже потеряна дневная видимость, но еще не наступила предательская

темнота, которая выдает вражеским наблюдателям любую искорку света.

— Товарищ старший лейтенант, — подал голос примостившийся полулежа на катке БМП Вареник, — колы будэ бой? Ничь, як черняка, темна.

— На рассвете, Гриша, — ответил ротный, словно продолжал свои мысли вслух. — Только покажется солнце, мы на большой скорости проскочим последние километры и ударим в упор.

— На рассвете?! — удивился Ержан. — Солнце ведь нам в глаза будет? — Ержану даже стыдно стало от того, что он вынужден элементарно поправлять командира.

— Это ты правильно, Ержан, сказал, — вдруг весело согласился ротный. — Солнце будет бить в глаза. Только не нам, а духам.

— Как? — хором спросили разведчики и перестали жевать.

— А вот так. Воевать надо с головой, а не по шаблону. С этого направления душманы готовы нас встретить в любую минуту. А нам нужна внезапность. Обойдем кишлак и выскочим от туда, откуда они нас не ждут.

— Это же опасно, — робко стали возражать сержанты, — там же мин больше, чем камней. Хоть одна машина подорвется, не сумеем отойти под защиту наших застав.

— На войне вообще опасно, должен я вам заметить, товарищи сержанты, — съехидничал Олег. — Первую БМП поведу сам, остальные по моей колее.

Поняв, что это приказ, сержанты со вздохами разошлись по своим машинам организовывать ночное дежурство.

* * *

Каир-Хана разбудил истошный вопль слуги:

— Господин! Господин! Беда!..

— Что там? Какая беда? — тяжело поднялся с постели старый вождь.

— Шурави! Танки! Со стороны предгорий.

— Что ты несешь, шайтан? — рассвирепел хозяин. — Еще с вечера накурился? Мерещится? Как они там могут появиться? Да еще на своих железках? Ни один дозорный не докладывал, что они мимо нас проходят.

Слуга полоумно повторял одно: «Беда! Танки! Беда!».

— Берегись, если соврал, — зло прохрипел Каир-Хан, натянув сапоги и сняв с гвоздя над кроватью бинокль. Заспешил по лестнице на крышу глиняной башни дувала.

— О, Аллах! — ужаснулся вождь, мгновенно оценив смертельную опасность. На высоких восточных холмах, которые обычно служили дополнительной защитой, одна за другой в клубах золотистой пыли появлялись «железки» и выстраивались в ряд с большими интервалами.

Как могли часовые проворонить целую колонну? Какой шайтан надоумил шурави зайти со стороны солнца? Отчаяние безысходности сковало сердце старого воина. Стон, похожий на тоскливый волчий вой, вырвался у него. Некуда даже спрятаться. Ранняя весна, голые деревья. Весь кишлак на виду у шурави.

Он с высоты башни видел панику между дувалами и, до крови кусая обветренные губы, все больше убеждался, что это конец. Оттуда, со стороны солнца, неотвратимо надвигалась смерть. Вот шурави уже посыпались с машин и залегли на холмах. Вот танки и БМП навели орудия на беззащитный кишлак. По неуловимой логике войны сейчас рывкнут пушки, и в кишлаке мириады осколков будут рвать стены, деревья, людскую плоть... И, конечно же, первый снаряд они пошлют в эту заметную высокую башню...

Каир-Хан закрыл глаза, чтобы обратиться к Аллаху в эту последнюю минуту и достойно встретить смерть, как подобает мусульманину. Минута длится, длится, а пушки молчат...

— Чего тянете, шакалы? Стреляйте! — не выдержал он и закричал в сторону ненавистных врагов.

Удивленный Каир-Хан снова стал разглядывать машины в свой китайский бинокль. В перекрестье попал люк центральной БМП, из которого вылез долговязый шурави в шлемофоне и с биноклем в руках. «Наверное, командир этих головорезов!» — с любопытством отметил Каир-Хан и вдруг увидел направленные на себя орудия.

* * *

«Наверное, этот старикан в расшитой чалме и есть Каир-Хан, — подумал Зубов. — Сейчас ты отвоюешься. Стоит мне произнести короткое слово „Огонь!“». Он удивленно заметил, что почему-то не испытывает ни мстительности, ни злорадства. Нет даже обычного боевого возбуждения. В его руках сейчас сила, способная превратить в пыль этот кишлак. Одно его слово: «Огонь!» — и кишлак даже не огрызнется ни единым выстрелом. Зубов видел, как под башней, где стоял Каир-Хан, нукеры разворачивали на треноге ДШК. Не успеют! Видел, как душманы с дальних позиций кривыми переулками бегут сюда, в непривычную для них сторону. Не успеют! К тому же им ме-

пают женщины, прижимающие к груди детей, старики, волочащие за веревки скотину. И все это сейчас разлетится в клочья! Женщины-то за что? Дети — за что? Старики — за что? Скотина — почему? Стоит только сказать сейчас: «Огонь!». Снаряды не будут разбираться, кто с оружием в руках, кто с ребенком у груди.

«Господи, помоги мне принять решение», — мысленно взмолился Зубов, вытирая со лба липкий пот. Опустив бинокль, он уже не видел паники между дувалами. Легкая акварельная весенняя зелень, рвущаяся навстречу солнечным лучам, занавесила обреченный на гибель кишлак.

Сквозь такую же зеленоватую дымку Олег увидел непривычно искаженное истерикой лицо подбежавшего Губина, который кричал:

— Какого черта мы топчемся перед ними? Ждем, когда очухаются? Товарищ старший лейтенант, командуйте: «Огонь!».

Глядя словно сквозь Губина и как бы отвечая ему, Зубов подвинул ларингофон и четко проговорил в эфир:

— «Броня!». Я «Закат». Всем по местам. Мы уходим. Повторяю: мы уходим.

* * *

— Они уходят, господин, они уходят! — радостно загомонили нукеры и бросились обниматься.

Каир-Хан опять прильнул к биноклю и глазам своим не верил: шурави без единого выстрела снова взобрались на свои машины, и, подняв тучи пыли, скрылись за холмами.

«Ничего не понимаю, — бормотал старик, запечатлевая в памяти лицо загадочного командира и бортовой номер его машины. — Шестьсот семьдесят семь... Шестьсот семьдесят семь... О Аллах! Благодарю тебя за великое чудо! Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — Пророк его! Шестьсот семьдесят семь». Нукеры удивленно уставились на спускавшегося по лестнице вождя и не понимали слов его молитвы...

* * *

Дежурный наблюдатель моджахедов напрягал зрение до слез, до ломоты глазниц. Как же надо еще смотреть, чтобы не пропустить этих шурави? Как же могли Анвар и Салех, дежурившие на этом посту, не заметить целую колонну? Чтобы искупить позор, обоих своих сыновей расстрелял на глазах у всего кишлака старый Мустафа. Не смерть страшна, позор страшнее смерти для моджахеда. Хвала Всевышнему, оградил наш Кандибаг от разгрома, чем-то помешал шурави уничто-

жить нас. Как будто что-то шевельнулось в лощине. Молодой воин напрягся, как струна, и впился в перекрестье бинокля.

Утренняя прохлада уже переходила в душливую жару, пот щипал глаза, но он не позволил себе даже моргнуть, не отрываясь от лощинки, где показалось какое-то движение. Свободной рукой притянув к себе автомат и нашарив на поясе «уоки-токи», наблюдатель с ужасом следил, как за гранью откоса вырисовывались сначала голова, потом полуфигуры и, наконец, в полный рост люди. «Свои», — облегченно расслабился на миг воин и перенес наблюдение на другие холмы.

Вскоре группа моджахедов, возвращавшихся из ночного рейда, поравнялась с постом. Они шли гуськом, ведя на хвосте цепочки на веревке двух связанных шурави, обреченно опустивших головы с кровоподтеками.

— Удачным ли был поход, уважаемый Абдувахид? — поднимаясь для приветствия, спросил наблюдатель. Пожилой воин, идущий впереди, остановился, вытер пот тубетейкой.

— Хвала Аллаху! Возвратились невредимые. Заминировали бойкие места. Да вот этих двух куропаток еще прихватили.

— Не похожи на солдат...

— Я и говорю: куропатки, из гражданских советников.

— Господин будет доволен вами, почтенный Абдувахид.

— Надеюсь, — самодовольно улыбнулся командир группы и кивком приказал двигаться дальше.

* * *

Каир-Хану не давала покоя страшная картина того утра, когда на восточных холмах в лучах восходящего солнца выстроились в ряд зловещие вражеские машины и он был бессилен предотвратить беду. Ничто не мешало этим чудовищам испелить кишлак, превратить его в пыль.

Которую уже ночь он просыпается в холодном поту от этого кошмарного видения. Становилась неуютной скрипучая деревянная тахта, и он отправлялся вышагивать по крыше дувала, пытаясь понять причину, по которой не стал стрелять долговязый советский офицер. Испугался? Конечно, Кандибаг для русских не сахар. Не раз они совались сюда даже большими силами, да уходили, обломав зубы. Но этот-то ведь знал свое преимущество! С тыла зашел... Нет, этот не из пугливых.

Тогда — что? Пожалел людей? Шурави не жалели афганцев. Если из кишлака раздавались выстрелы, танки и артиллерия не разбирали, кто стрелял...

За две недели с того момента Каир-Хан как будто другим стал. Посещают недостойные воина мысли о благородстве, милости, всепрощении, расслабляющие сердце.

Вот и вчера, когда Абдувахид привел двух пленных, он не велел их расстреливать, хотя все старейшины требовали этого. «Неужели я их пожалел из-за поступка того командира? А я ведь действительно вспоминал его в тот момент... Неужели пожалел? Да нет, седьмой год на этой войне никто никого не жалеет. О Аллах! Помоги мне найти ответ!» — размышлял Каир-Хан.

Черная афганская ночь молчала. Даже дежуривший во дворе у тяжелого крупнокалиберного пулемета Масуд застыл, как статуя, пока Каир-Хан шаркал чувяками по крыше.

— Масуд! — позвал вдруг, словно запнувшись, вождь. — Позови охрану, пусть приведут ко мне сейчас этих пленных.

— Слушаюсь, мой господин! — согнулся в поклоне афганец.

Пленных тут же привели и поставили на колени перед Каир-Ханом. Переводя свет фонарика с одного на другого, вождь внимательно вглядывался в испуганные лица ожидающих смерти людей, готовых ко всему. Только зрачки то расширялись, то сужались не то от света, не то от страха. В монгольских глазах молодого, по лицу которого были размазаны грязные следы пота и слез, появлялись и тут же исчезали отсветы надежды на что-то, а вспухшие разбитые губы как будто что-то шептали. Каир-Хан брезгливо оттолкнул его левой ногой, велел отправить снова в зиндан.

Фонарик остановился на бледном лице человека уже в лещах, серые глаза которого остекленели, как у слепого, а запекшийся шрам у левого уха рисовал зловещую неестественную улыбку.

Оставив около себя одного верного Масуда, Каир-Хан велел ему переводить.

— Я вас не расстрелял, не бросил в яму с голодными собаками, не повесил, как шакалов, на площади только потому...

Услыхав русские слова, пленник ожил. Глаза его стали с интересом перебегать от Каир-Хана к переводчику и обратно.

— ...что не могу понять поступка одного вашего шурави, напавшего на мой кишлак две недели назад. Он ушел без боя, не стрелял, хотя впервые за войну застал меня врасплох. Хочу, чтобы ты разыскал его и передал ему мое желание встретиться с ним. Если это был поступок благородного воина, он поймет мое желание и придет. Безопасность гарантирую, на мое слово он может положиться. Ты найдешь его по этим знакам. — И он протянул пленнику бумажку с нарисованными опознавательными знаками бронемашины Зубова.

Пленник, разглядывая бумажку, спросил:

— Почему вы мне доверяете? Я ведь, вернувшись к своим, могу и не выполнить поручение.

— Да уж знаю, что не придеешь снова сюда докладывать о выполнении, — без улыбки пошутил вождь. — Но советую тебе выполнить то, что я сказал. Ведь благодаря ему ты останешься жить.

— Масуд, лично отведешь его до последних наших постов. Проследи, чтобы живым ушел. Да, спроси-ка его, кем он работает у шурави?

— Он электрик, господин. Ремонтирует электроустановки, — переговорив с пленником, ответил Масуд.

— Пусть благодарит Всевышнего, что на его руках нет крови афганцев. — И Каир-Хан снова побрел к своей скрипучей тахте, надеясь уснуть в оставшиеся часы до рассвета.

* * *

Горная гряда, серо-рыжая, вблизи берега Кабула уходила на юго-запад гигантскими снижающимися ступенями, окрашивая каждый очередной спуск в оттенки синего цвета, все более приближаясь к небесному, пока последняя ступень, едва различимая, уже не растворялась в небе у горизонта, куда и Кабул гнал свои рыжие воды, все более высветляя их по мере приближения к небу. «А ведь где-то там кишлак Каир-Хана», — подумал Зубов, прыгая взглядом вдоль хребта от ступени к ступени.

С того момента, как какой-то мужик из гражданских месяцев назад ночью, в офицерской палатке, озираясь по сторонам, шепотом передал ему слова Каир-Хана, у Олега в душе беспрестанно тикает часовой механизм адского взрывного устройства. И днем и ночью: тик-тик-тик... «Если не боится, пусть придет. Безопасность гарантирую». «Если не боится...»

— Боюсь! Конечно, боюсь! — почти кричит мутному Кабулу Зубов и швыряет очередной камень. Сюда, на узкую каменистую пустынную полосу берега, отгороженную от модулей густым камышом, он приходит уже не первый раз. Когда «тиканье» становится уже неумолимо, когда, кажется, вот-вот разорвется сердце на две непримиримые половины, одна из которых, искря благородным пламенем, зовет его верить честному слову противника, если ты храбрый воин, а другая — презрительно окатывает холодом, напоминая виденный расстрел парламентариев, — вот тогда и приходит сюда Зубов, швыряет в воду камни, сначала большие, со злом. Потом успокаивается, маленькие гладкие галечки ловко, с причмокиванием, входят в воду, оставляя на ней расширяющуюся, графически безупречную тонкую круговую волну. Галечник, словно четки, успокаивает пальцы, и мысли уже не прыгают, а идут плавно, в ритм речному течению.

«Абсурд! Бред! Советский офицер идет в логово к душманскому главарю... В гости! На чай! О каком доверии к духам может идти речь? Разве для меня, как и для всех шурави, страх плена не страшной страха смерти? Не я ли в холодном поту по несколько раз за ночь выпрыгиваю из спального мешка, чтобы еще раз проверить посты? Потому что видел обезображенные трупы уснувших, да так и не проснувшихся разведчиков. И чтобы я поверил „честному слову“ душмана?! Я, который целыми днями не выпускает из рук бинокля, никому не доверяя наблюдения, чтобы я поверил?! Он, видите ли, гарантирует мне безопасность... А велика ли гарантия? Сколько было случаев, когда душманы махали белыми флагами, предлагая переговоры, а потом заковывали парламентариев или открывали по безоружным огонь в упор». Нет, Зубов ради сиюминутного интереса не поставит на карту свою жизнь.

Очередной гладкий круглый камешек — бульк! — ставит точку: ршено. Но дьявольская машина вскоре — тик-тик-тик! — снова напоминает о себе: «Пусть придет, безопасность гарантирую». И опять разгорается искрящаяся половина сердца. «Ты человек или БМП? — негодует эта половина. — Тебя не как парламентария зовут. И не как офицера. Как человек к человеку! Необычно, непривычно? Да. Но на войне привыкают только к трусости. У храброго каждый шаг необычный. Решайся — и ты откроешь для себя что-то новое в этой жизни, в этих людях...»

«Ну да! — гонит холодную волну вторая половина. — А потом, если не вернешься, здесь, среди своих, про тебя будут говорить: „перебежчик“, „изменник“. У Вовки Губина отвалится челюсть. Вареник будет искать глазами место, куда бы провалиться. У Ержана надолго, может быть, на всю жизнь замерзнут глаза. А жена, дочь?! — подкатила волна к самой горячей точке. — Как им жить потом среди людей?»

Завораживающее течение Кабула и гладкий галечник только на время дали успокоение. Надо возвращаться к модулям, готовить роту к очередному заданию. Слава богу, на сей раз не боевому.

И Зубов, швырнув на прощание в безвинный медлительный Кабул увесистый булыжник, пошел напрямую, через камыши.

* * *

Над Джелалабадом сегодня мирная, даже праздничная музыка. Это агитмашины через мощные усилители чередованием народных и революционных песен изображают на-

циональное согласие, к которому должна прийти Джирга, заседающая сейчас в здании провинциального совета. Сюда собрались одетые в нарядную одежду представители враждующих сторон. Собрались с утра, по холодку. Но вот уже апрельское солнце раскалило броню так, что на ней не усидеть, а Джирга все еще решает, возможно ли вообще национальное примирение.

— Слухай, Вовка, ты зад свий нэ пидпалыв? Щось такэ воняе? — устраиваясь в тени БМП, спросил Вареник, готовясь отразить неотвратимый губинский ответ.

— Та ни-и, Хришенька, — подстраиваясь под украинскую мову, мгновенно отпарировал Губин. — То воняе не моя задница, а твоя яичница. Тьфу, тухлятина!

Веселый смех солдат который раз убеждал Вареника не задевать Губина — себе же хуже. Вот опять не сдержался и напорлся. Ержан, как всегда, выступил миротворцем:

— Да можно и поджариться, лишь бы они договорились...

Их разведрота несла охрану Джирги. Зубов с офицерами роты тоже перешел в тень дерева. Даже в центре города нельзя было ослаблять бдительность. Не все главари душманов собрались на переговоры с НДПА, возможны всякие провокации.

У входа в совет вот уже более трех часов стояла неподвижная, безмолвная толпа афганцев. Укрытые чалмами от солнца, они не помышляли о тени и зашевелились лишь при появлении первых вышедших из двери делегатов, разопревших от духоты. Громкие вопросы, громкие ответы быстро превратились в сплошной рев, утихающий по мере рассасывания толпы на площади.

— Ну наконец-то закончили. Можно снимать охрану.

Отдав распоряжения подчиненным, Зубов направился к своей БМП и обомлел: у машины стоял Каир-Хан в белоснежной чалме и праздничной одежде. По едва заметному знаку хозяина верный Масуд выскочил из-за его спины и заговорил на ломаном русском:

— Мой господин приветствует тебя, шурави, и желает с тобой поговорить.

Не сводя изумленных глаз с Каир-Хана, Зубов машинально кивнул в знак согласия и почему-то произвольно приложил ладонь к груди. Глаза Каир-Хана потеплели, он в ответ тоже приложил руку к груди и едва заметно кивнул.

— Он спрашивает, — учтиво щебетал переводчик, — передали ли тебе приглашение, и если передали, то почему ты не пришел?

«Ничего не передавали — первый вариант. Не знаю, с кем имею дело, — второй. Невозможно прийти незаметно — третий. Какой еще?» — быстро прокручиваются в голове ответы. Но глаза старика достают до того места, где тикает его проклятая машинка, и он в такт усиливающемуся стуку отрывисто выдает честные слова:

— Я не мог... не решился... Боялся обмана и плена. Для меня позор страшнее смерти.

Злобная презрительная усмешка исказила только что казавшееся добрым и мудрым лицо Каир-Хана.

— Конечно! Убивать вы приходите без приглашения. Ничего не боитесь! А когда вас зовут в гости, вам становится страшно. Запомни, русский, в доме афганца неприкосновенность гостя священна. Я не уроню честь даже ради генерала, а не только из-за такой мелочи, как ты. — Чалма старика гордо запрокинулась, и уже вполоборота, собираясь уходить, он добавил:

— Если боишься, можешь не приходите. Я думал, имею дело с настоящим воином. Но, видно, среди вас таких нет.

Масуд торопливо заканчивал перевод, потому что хозяин мог уехать без него, и бросился догонять широко шагающего к золотистой «тойоте» Каир-Хана. После секундного замешательства Зубов решительно направился туда же, остановился напротив сидящего уже в машине Каир-Хана и, твердо глянув в глаза, молча кивнул.

Каир-Хан спокойно ответил таким же кивком, и машина унесла его гордый профиль в ту сторону, куда снижались ступени горной гряды.

* * *

«Что же меня толкнуло подойти к Каир-Хану и кивнуть? — копался в своей душе Зубов, возвращаясь с дежурства. — Ведь тот уже сидел в машине. Пусть бы катился восвояси! А теперь вроде как дал обещание. Попробуй-ка его выполни! Но главное — зачем? Разве после этой встречи мы не будем стрелять друг в друга? „Я думал, имею дело с настоящим воином...“ Ишь как! Себя-то уж наверняка считает „настоящим“... А не это ли словечко подтолкнуло меня? — Зубов скрежетнул зубами от досады. — Выходит, поймался на психологический крючок этого старого хитрого душмана. Неужели я такой тщеславный? И это можно „прочитать“ на моей морде?» Очередной скрежет зубов совпал со скрипом тормозов: подъехали к модулям.

Даже предвкушение обеда не вытесняло из души тревожно-слякотную муть. А тут еще дежурный обдал холодной вестью: звонили из особого отдела, просили зайти к майору Костину.

«Неужели что-то заподозрили пинкертонцы?» — насторожился Олег и стал припоминать кого-нибудь из особистов. Оказалось, что никого не знает.

— Входите, входите, товарищ старший лейтенант, — поднялся из-за стола, сияя улыбкой и лысиной, низенький майор в новенькой форме. Здороваясь, майор задержал руку Зубова и потянул его к креслу, приглашая сесть. Олег невольно залюбовался кабинетом: полированный приставной столик, вычурный — мрамор с бронзой — письменный прибор, кремовые шелковые шторы с кистями, люстра, холодильник, кондиционер... «Неслабо, — как сказал бы Вовка Губин. — Так воевать можно. Культурненько. Не пылененько».

Майор полистал блокнот, щелкнул пальцем по нужной странице и поднял на Зубова ласковый взгляд.

— Ну, как дела в подразделении?

— Вроде все нормально, товарищ майор.

— Как с неуставными? С мародерством?

— Бог миловал!

— Наркотиками не балуется разведка?

— Не замечено. Ребята серьезные. Да вы же знаете, товарищ майор!

— Конечно, знаю, — самодовольно сверкнул золотой коронкой особист. — Знаю даже, что вы увлекаетесь описанием своих боевых приключений в письмах домой.

— Я разгласил какие-нибудь секреты? — напряжился Зубов.

— Пока бог миловал, — передразнил интонацию Олега майор, не скрывая своего превосходства и удовольствия от возможности поиграть на нервах собеседника, вкладывая особый смысл в слово «пока». У Зубова от подбородка к ушам прокатились желваки, глаза полыхнули из суженных амбразур век:

— Вы меня пригласили, чтобы сказать, что читаете мои письма? Так я и без этого знал. Напрасно беспокоились, товарищ майор, — Зубов обеими руками оперся о подлокотники кресла, чтобы встать, но майор, вдруг потускнев лицом и лысиной, официально и жестко проскрипел:

— Я вызвал вас, товарищ Зубов, чтобы вы дали объяснение по поводу выхода на боевые действия в районе кишлака Кандибег.

Пока Олег ошарашено изучал новую, какую-то суконную физиономию майора, тот методично пояснял:

— Странная картина, видите ли, вырисовывается. Подразделение выходит на боевую задачу, маскируется, обходным

маневром пробирается в тыл противника, на рассвете выгодно атакует мятежников. А потом вдруг отходит, не сделав ни одного выстрела. Как это понимать? Вот вы нам и объясните, что это: трусость или...

— Или?... — начал заводиться Зубов. — Ну, досказывайте! Или... предательство?

— Я этого не сказал, но вы довольно точно поставили вопрос.

Впервые в жизни Зубов почувствовал страх. Вот он какой! Оказывается, все, что он называл страхом, — и когда в висках стучало «смерть, смерть» на тонущем пароме, и когда у горла торчала финка уголовника, и когда, увлеченный своим планом помочь Маслову с правого фланга, вдруг понял, что может остаться навсегда среди тех камней, — оказывается, то еще не было страхом. Страх — вот он: липкий пот на ладонях, вцепившихся в подлокотники так, что под ними скрипнула увлажненная обшивка из кожзаменителя; тошнотворная волна от живота к горлу, захлебнувшаяся спазмом; тоскливая пустота в душе и голове, в которой мечется отчаянная мысль: «А ведь кто-то заложил, какой-то осведомитель...»

Казенное лицо майора снова осветилось участливостью, добродушием. Ему хорошо знакомо это секундное смятение почти всех его собеседников, за которым может последовать все что угодно: кто начнет быстро, захлебываясь, выливать из себя виноватый лепет, кто захрипит и зло уставится глазами, потом из него клещами не вытащить слова, а кто и с остервенелым матом бросится на тебя. В эту секунду надо подставить «громоотвод».

— Курите, старлей. — Костин пододвинул пачку американских сигарет, снова сияя лысиной.

Черт его знает, как он «включает» эту штуку: только что было суконная плешь, и вдруг — такой шелковый абажурчик? Как бы то ни было, а «громоотвод» сработал. Зубов вздохом подавил раздражение и нелюбезно ответил:

— Не курю и вам не советую.

Майор удовлетворенно кивнул: ага, парень, значит, с крепкими нервами, можно не церемониться.

— А я не нуждаюсь в ваших советах, старлей, — перешел Костин на грубый тон. — Вы отвечайте по существу. Так что же это было — трусость или преступление?

— Ни то, ни другое, — успокоенно откинулся на спинку кресла Зубов.

— Какое такое «другое»? — перешел на крик особист.

— Вы не допускаете ничего другого? — Зубов уже начинал брать инициативу в свои руки, забавляясь фальцетным криком майора.

— Молчать! Здесь я задаю вопросы. В бою не бывает «другого». Или трусость, или сознательное предательство!

— Бывает, — чувствуя свое превосходство над необстрелянным, скрипящим новеньким мундиром майором, твердо сказал Зубов, стирая с подлокотников потные пятна.

— Любопытно. Просветите, пожалуйста, — начал было ехидничать Костин, но Зубов его оборвал, встав над столом:

— Я пожалел людей, товарищ майор.

— Пожалел? Каких людей? — особист даже растерялся на мгновение.

— Обыкновенных. И наших, и афганцев. И больших, и малых...

— Что ты несешь? В другом месте расскажешь эти сказки!

— Моя совесть чиста, товарищ майор, — встал и выпрямился Зубов. — Не нравится, как я воюю, — берите роту и ведите сами.

— Запомни, старлей, ты теперь под нашим особым наблюдением.

— Не там врагов ищите! — не спрашивая разрешения, удалился Зубов, громко хлопнув дверью.

Бой у кишлака Кандибаг

С вершины каменистого хребта вот уже двадцать минут неистово, бессмысленно-агрессивно, без умолку бьет по позициям разведроты душманский ДШК. Огонь автоматических пушек советских БМП не пробивает каменную ограду, за которой прячутся отчаянные пулеметчики.

В окуляр с десятикратным увеличением Зубов разглядел мастерски сделанное каменное кольцо не меньше метра толщиной. Моджахеды умели строить такие гнезда, в которых без цемента груда камней превращалась в монолит. Видя эти сооружения, разведчики каждый раз удивлялись, не находя меж камнями ни одной щели хотя бы в мизинец толщиной. «Ну что ж, — принял решение ротный, — остается управляемая ракета». Он с особым почтением относился к ПТУРСу, сам, как правило, садился за пульт и еще ни разу не промахнулся. Прижавшись к окуляру, Зубов видел все: и как алая комета, послушная малейшему движению рукоятки, неслась к цели, и как там, в «оборонке», этом каменном гнезде, при виде огненного

дракона заматались моджахеды в предсмертном ужасе, как их, убегающих, снова отдергивало что-то к пулемету. «Прикованные к оружию смертники», — спокойно констатировал Зубов и едва заметным поворотом рукоятки вправо «положил» свое оружие точно под стенку «оборонки».

После взрыва наступила тишина. И в наушниках, и без племофона. Вытерев пот со лба и прижав к горлу ларингофоны, Зубов отдал приказ прекратить огонь, хотя и так уже никто не стрелял. Тяжело опираясь на выступы внутри башни, он вылез наружу и присел у опорного катка машины с теневой стороны.

— Ну и здорово же вы их! — восхищено прокричал откуда-то взявшийся Ержан.

— Да ну их! — усталоотреагировал Зубов. — Водичка есть, джигит? Дай-ка глотнуть. Пустыня в горле. — И жадно припал к фляжке, успевая спрашивать между глотками: — Раненные есть? Колонна в Асадабад дошла?..

Допив воду и выслушав подошедших вслед за Ержаном Вареника и Губина, что колонна, которую они сопровождали, уже на месте, что люди все целы, что из потерь только разбитый пулеметом триплекс на 675-й, Зубов вместе с утолением жажды почувствовал неизъяснимую ребячливость, неудержимое озорство. Бросив фляжку вверх и, когда Ержан протянул за ней руку, подсек его одной ногой, другой двинул Губина так, что тот отлетел метра на три, а руками обхватил Вареника и, повалив, катался с ним по земле, сквозь хохот повторяя его украинский выговор: «Трыплекс зломалы, хадюки!». Столько было хозяйской жалости в Гришиной интонации. Никто бы о нем и не вспомнил, если бы были другие потери... Удержаться от смеха невозможно. У командирской машины разведчики устроили «кучу малу», заражаясь тем же молодым озорством, радостью живых здоровых людей, которых сегодня миновала участь, постигшая триплекс.

У потехи свой час. Какое-то, кем-то отмеренное время можно кричать, хохотать, волтузить друг друга. И вдруг кончается оно, это божественное время озорства. Все, как по команде, вскакивают и смущенно отряхиваются.

— Ну вот и все! — обвел взглядом своих разведчиков офицер. — Собирайтесь обратно.

— Есть! — дружно ответили ротному солдаты, снова возвращаясь к уставной воинской серьезности. Взводные Ержан, Губин и Вареник, проверив людей и оружие, по очереди доложили командиру о готовности.

— За мной в колонну марш! — скомандовал в ларингофоны Зубов, и машины с десантом на броне, лязгая гусеницами и поднимая хвосты густой афганской пыли, двинулись «домой», к Джелалабаду.

* * *

«Домой!» И хотя это не то заветное «Домой!», которое живет где-то в сокровенном уголке души, все же обратный путь несравним с путем туда. Эти два часа до Джелалабада в расслабленном душевном «кайфе», когда и духота не так давит, и пыль не так горчит, когда уже знаешь, что на пути не должно быть неожиданностей, броня крепка и горючего достаточно, — эти два часа превращаются действительно в путь домой.

Зубов раскрыл планшет и положил сверху чистый блокнотный лист. Писать в этой мчащейся, прыгающей коробке было невозможно, но уже стало привычкой думать о доме, о жене, о дочке перед листом бумаги.

В следующей «коробке» у Ержана мысли настраивались на волну многочисленной родни Сарбаевых. Вот спокойное, всегда немного ироничное лицо отца. И тут же вспышка, как красочный слайд, — Карлыгаш! Вот милое заботливое лицо матери. И снова — Карлыгаш. После брата — Карлыгаш. После сестры — Карлыгаш. И наконец одна она — Карлыгаш, Карлыгаш, Карлыгаш...

А еще дальше, в колонне второго взвода, в крошечной афганской пыли неслася машина с полусонным улыбающимся Гришей Вареником, который бережно лелеял за закрытыми веками трогательную картину «родной полоньины», где в предвечернюю пору очень петть хочется.

А там, в хвосте колонны, разомлев и взопрев в духоте «проклятой» коробки, мечтал о глотке хвойного холодного воздуха далекого Тугулыма Вовка Губин. Нечасто баловала его своим появлением Сонька Прокушева. Да и он не открывал перед ней просторы своей фантазии. А уж если она совала в его мысли свой веснушчатый нос, как сейчас, становилось жарко от пылающих рыжих глаз... Он даже шлемофон сбросил, забыв строгую инструкцию быть на постоянной радиосвязи.

Бежит, бежит дорога в Тугулым... То есть в Джелалабад. Все равно — «домой». Но что это?. Вот же поворот к пункту дислокации, а колонна несется прямо...

Губин, натянув шлемофон, вызвал на связь Вареника.

— Ты спав, чи шо? — ответил Гриша. — Новый приказ не слухав?

— Прекратить болтовню в эфире, — пронесся по наушникам злой голос ротного. — Еще раз повторяю для глухих: идем к Кандибагу на помощь «зеленым». Это приказ «первого». Всем соблюдать радиомолчание.

Зубов повел колонну к знакомому сухому руслу, по которому они в прошлый раз скрытно зашли в тыл к душманам. Снова его бросили против Каир-Хана. Вот тебе и встреча, о которой они договорились молчаливыми кивками! «Как и почему столкнула меня судьба с этим стариком? — размышлял Зубов. — Какое предопределение в этой случайности? Почему я не могу его воспринимать как всех, как любого врага? Как многих, которые были под моим прицелом? Как сегодняшние пулеметчики? Сколько их там разнесено моим ПТУРСом? Что за сила исходит от этого вождя, которая останавливает мою руку? Сковышает волю? И что за заколдованное место — аул Кандибаг? Расстрелянный, разбомбленный, сожженный, перепачканный снарядами, — он живет и не сдается. Я мог бы его сломить тогда, но словно providение подтолкнуло: не делай этого».

Остановив колонну на дне сухого русла, Зубов поднялся на холм, с которого был виден и кишлак, и позиции «зеленых», пытавшихся войти в него с северной стороны, бессмысленно паля по несдавшимся дувалам. Тут же подъехал на БРДМ подполковник афганской армии, без обычного афганского приветствия заговорил тоном преподавателя по тактике:

— Итак, товарищ, ваша рота поставить задача — атаковать кишлак, овладеть первый рубеж оборона, захватить четыре дувала, затем удержать, пока наша батальона прочесать кишлак.

«Не заводишь! Терпение!» — приказал себе Зубов, подавляя раздражение. И все-таки не выдержал:

— Знаем, как вы прочесываете — ни кур, ни одеял не останется после вас, — его взбесила наглая «хитрость» подполковника: заплатить за взятие кишлака жизнями не своих солдат.

— Ваш задач — выполнять приказ! — продолжал поучать афганский офицер. — Разве такой интернационалист?

«Ах ты сволочь, — сверлил глазами афганца Зубов, — и ты еще будешь меня воспитывать, гнида барахольная! Топчешься тут с двумя батальонами, чтобы потом пожить в барахле Каир-Хана. Еще и подмогу вызываешь, чтобы на спинах шурави ворваться в кишлак...»

— Ты будешь атаковать? — зло, без акцента спросил подполковник.

— Нет, не буду! — прокричал ему в лицо свой ответ Зубов, просчитывая все, что сейчас произойдет, пока афганский офи-

цер влезет в БРДМ: минут через десять вызовет комбат. «Ты что творишь? Я с тебя шкуру спущу, когда вернешься!».

— А я не вернусь, — уже не мысленно, а впрямь по рации отвечал комбату ротный в окружении напряженно молчавших сержантов.

— Как это ты не вернешься? — ревел голос комбата.

— А вот так. Никто не вернется. Все полягут.

— Что ты несешь? Доложи обстановку, — после секундной паузы спокойно спросил комбат. После доклада Зубова перешел на извиняющийся тон:

— Мне тут по-другому докладывали. Давят, понимаешь... Должны поддержать... Интернациональный долг...

— Но ведь рота устала. Мы же только что из боя, — начал канючить Олег в надежде, что отменят приказ.

— Прекрати! — оборвал его комбат. — Ты должен принять бой. Помоги «зеленым». Сделай что-нибудь. Но сохрани людей! Понял? Тебе чем помочь: вертушки прислать или артиллерию для поддержки?

— Артиллерию, — подумав, сказал подавленно Зубов, а комбат обрадованно:

— Ну вот и молодец! Тебя поддержат «Гиацинты» из 306-й. Все, конец связи.

— Ну шо, товарищ старший лейтенант, пойдем на кишлак? — нетерпеливо спросил Вареник, как только Зубов скинул шлемофон. — Воны ж плотный огонь ведут. У лоб не пройти.

— Помолчи, Гриша, не дергай. И так тошно.

— Короче, сойди, любезный, с крышки гроба, не дави на душу! — перевел на свой язык Губин, на сей раз без обычной скоморошьей гримасы.

«Сделай что-нибудь и не потеряй людей!» Легко сказать! Как тут выкрутиться? И почему я должен бить Каир-Хана, которого я не хочу бить? И почему я должен помогать этому подполковнику, которому я не хочу помогать? И почему я должен сделать что-нибудь, если я не хочу этого делать?

— Ну ладно, я вам устрою «что-нибудь!» — решительно сверкнул глазами Зубов и начал отдавать команды сержантам.

* * *

Пока «зеленые» в лоб лупили по дувалам, Каир-Хан спокойно взирал с башни на их позиции. Он был уверен в своих командирах, поэтому даже рация молчала в течение всего боя. Любая попытка «зеленых» пресекалась умелым плотным огнем. Но вот он заметил: в сухое русло втянулась колонна

бронированных машин шурави. Эти собаки позвали на помощь. Тревожно вглядываясь в восточные сопки, среди которых скрылась смертоносная железная змея, он с удивлением увидел выскочившую на вершину холма одинокую машину и вышедшего из нее человека с биноклем. Место открытое, цель прекрасная. Каир-Хан уже потянулся нажать кнопку радиации, чтобы распорядиться «снять» этого растяпу, но что-то подтолкнуло под сердце. Вместо радиации он снова прильнул к биноклю и разглядел бортовой номер. «Шестьсот семьдесят семь», — прошептал Каир-Хан, повторяя эту цифру, как заклинание. Эта цифра уже однажды принесла спасение, когда оставалось только вспомнить Аллаха.

Не укрылся от вождя и характер разговора между шурави и афганцем. Так соратники не ведут себя: нервно, надменно, враждебно. «Кто ты, мой знакомец? — рассуждал Каир-Хан. — Обещал прийти для беседы, пришел для боя. Судя по всему, „зеленый“ требовал, чтобы шурави атаковали наши дувалы, а знакомец не хочет рисковать солдатами. Значит, позовут на помощь вертолеты или артиллерию. Минут через десять все станет ясно». Только теперь Каир-Хан вступил в бой.

Его командиры сами, узнав о бронированном подкреплении «зеленых», бросились усиливать правый фланг. Приказ Каир-Хана их обескуражил: не только не укреплять восточную окраину кишлака, но и вывести оттуда всех бойцов, всех жителей, быстро, не таясь, на виду.

«Если мой знакомец с сердцем и душой, каким он мне кажется, то, заметив наш маневр, перенесет огонь в пустой район кишлака. Дай ему, Аллах, здравомыслия!»

И вот он, первый взрыв. Вместо стоявшего на восточной окраине пустого склада оказалась воронка, в которую он словно провалился. Трудно поверить, что он не провалился, а завис над воронкой грибовидным облаком пыли. Каир-Хан вздрогнул не от взрыва. Ему было уже знакомо это грозное, очень точное оружие. Кажется, его называют «Гиацинт». Достаточно тому парню, чья машина носит номер 677, указать координаты любой точки, и все живое и мертвое в ней превратится в пыль. «И эта точка, которая подо мной», — не успел испугаться вождь, потому что обрадовался второму взрыву. Снаряд ударил в давно брошенную неподалеку от того склада подбитую «тойоту».

— Правильно, сынок, молодец! — выкрикнул вождь, убедившийся с третьим и последующими взрывами, что его предположения сбываются, что Аллах не лишил его дара читать в

человеческом сердце правду. Непонимающе вождь смотрел на возникшего перед ним Масуда.

— Вы позвали, мой господин.

«Неужели позвал?» — не мог вспомнить он, чуть смущаясь, не догадывается ли Масуд, кого он назвал «сынком». Поняв наконец, что тот просто услышал голос господина, Каир-Хан отдал распоряжение еще более загадочное:

— Передай командирам — не препятствовать машинам шурави, стрелять по верх голов.

Неповорачивающимся языком Масуд втолковывал по рации приказ, который не обсуждают. Командиры не обсуждали, но по бесконечным уточнениям Каир-Хан с усмешкой отмечал, как трудно доходит до них смысл приказа. «Живы останемся — вот весь смысл, ослы тугодумные», — беззлобно ругнулся вождь, теперь уже без страха, почти с восхищением глядя на работу «Гиацинтов».

Перепахав восточную окраину, шурави развернутой цепью машин показались на холмах и лавиной кинулись на кишлак. Виляя между огромными воронками, они, не снижая скорости, прошли восточной окраиной и снова свернули в сторону сухого русла. Поднявшиеся за ними цепи «зеленых» вынуждены были снова залечь, а затем и отступить. «Сынок», — хрипло повторил Каир-Хан и тяжело опустился на ступеньку башни, сжав в кулаке халат на груди, где злое и беспощадно кто-то сдавливало сердце железными пальцами.

* * *

Приказ о прекращении боевых действий Зубов получил, когда уже снова был в сухом русле. «Прикрывать отход батальонов народной армии», — раздраженно повторил он приказ своим взводным. Это означало: афганцы уйдут спать в свои казармы, а советской разведоте здесь ночевать.

Сумерки сгущались быстро, и по мере наступления темноты утихал бой. За обратными скатами высот, собрав и пересчитав людей, Зубов приказал устраиваться на ночлег, расставить посты, а сам, забравшись в первый десант БМП, укутался в спальник. Голова гудела, как телеграфный столб. Целые сутки нервного напряжения двух боев, длинных маршрутов истощили все силы. Скрытая игра со штабом, с «зелеными», да и со своими ребятами далась нелегко. «Зато нет даже ни одного раненого», — удовлетворенно подвел итог Зубов, отдаваясь усталости и уже проваливаясь в сон, в котором продолжалась и пальба, и треск наушников, и жара, и пыль. Вперемежку с явью, где слышались еще голоса взводных, сжала сердце тре-

вога, что Каир-Хан ничего не понял и сейчас смеется над недотепой-шурави.

— Ну насмешили мы духов сегодня, — ерничал Губин. — Сколько снарядов по пустым дувалам! Ержан, ты знаешь, сколько стоит один снаряд?

— Да пошел ты! — устало огрызнулся тот. — Не дороже головы. А она у тебя пока цела. Ты бы стрелять научился, а то и по пустым дувалам не попадал.

— Ну ладно, — не унимался Вовка, — пусть по пустым. Но комбата зачем обманывать? «Головы поднять нельзя. Патроны кончаются...» А патронов еще на месяц.

— Слухай, Ержан, — вязался в разговор Вареник, — треба пидказати командирю, нехай взвод Губина преобразує в «ударную группу рейнджеров». Ось буде гарно! Нехай вони у лоб атакують. А мы ще поживем.

На сей раз Губин не ответил. В тишине послышался приглушенный голос наблюдателя с башни командирской БМП:

— Пацаны, слева духи.

— Где, сколько? — подскочили сержанты.

— Метров двести от нас со стороны кишлака, — не отрываясь от бинокля ночного видения, доложил наблюдатель. — Один без оружия, двое вооруженных.

Ержан с шестью автоматчиками выдвинулся вперед. Глухо залязгав затворами, группа приготовилась к бою. Но духи повели себя странно: спрятавшись за камнями, вдруг все трое одновременно замигали фонариками. Кто-то из Ержановской шестерки не выдержал и шарахнул очередью по огонькам. Оттуда закричали:

— Шурави, не стреляй! — и еще чаще замигали фонариками.

— Прекратить огонь! — скомандовал Ержан, догадавшись, что это парламентареры, и закричал в темноту:

— Эй, бача! Иди сюда, не бойся.

Огоньки стали приближаться, и вскоре из темноты вышли на разведчиков трое афганцев. Сдержанно поздоровавшись, старший попросил провести его к «командору».

Разбуженный Зубов никак не мог понять, откуда пленные. Услышав имя Каир-Хана, он наконец-то шагнул из тревожного сна в ужасную явь: Каир-Хан приглашал «командора» для разговора, в километре отсюда, в сухом русле.

После кошмарного сна можно проснуться и облегченно вздохнуть. А тут не знаешь, как унять нервную дрожь, какое принять решение. Но обстоятельства такие, что решение может быть только одно — идти. Игра зашла далеко. А игра ли

это? Может быть, это и есть настоящая жизнь — разговаривать с врагом? А все остальное — вся эта война, маршруты, ловушки, маневры, дувалы — и есть дьявольская игра?

Но рассуждать некогда, надо идти. Оставив Вареника за старшего, наказав ему не докладывать об этой встрече по радиации и прийти на помощь в случае чего, велел Ержану с шестеркой автоматчиков сопровождать его, Зубов жестом показал афганцам: ведите.

Минут через пятнадцать группа остановилась у обрыва. Афганцы дали понять, что дальше надо идти без сопровождения. Зубов обнял Ержана и зашептал ему на ухо:

— Слушай мою команду, Ержан. Я встречаюсь с Каир-Ханом. Страшно, но я должен идти. Если поймешь, что это ловушка и меня попытаются захватить, бей из пулемета в самую гущу. Меня не жалеи. Смерть лучше плена.

— Да вы что?! Товарищ старший лейтенант! — отшатнулся в ужасе Ержан, но Зубов прикрыл ему рот ладонью.

— Сделай, как я прошу. Другого выхода не будет. Иначе скажут, что я ушел добровольно, — вколотив в сознание Ержана неотвратимые истины, ротный стал спускаться с обрыва вслед за афганцами.

Он понимал душевное смятение деликатного Ержана, который сейчас прижимается к резиновому прикладнику ночного прицела и не будет спускать со своего ротного светящихся глаз. Если это прощание, то хотелось бы проститься не так, не наступая командирским сапогом на нежную душу. Но что делать? Как ни странно, но именно Ержан с его обостренным чувством долга способен выполнить этот трагический приказ. Такой приказ не каждому дано выполнить. Губин в истерике начнет дырявить небо, у Вареника одеревенеет палец и не нажмет спусковой крючок.

Зубов оглядел неширокий каньон, который высветила в этот момент луна. Где-то там, на теневой стороне, Каир-Хан. Он меня видит, я его нет. Все по правилам военной предосторожности. Тоскливо и пронзительно заныло сердце. «Зачем я здесь, в самом центре Пуштунистана, без оружия, под этой мертвой луной? Чего ищу, какой во всем этом смысл? Что меня ведет? Почему я доверяю врагу? Ведь здесь, в этом каньоне, может быть мой конец. Скоро. Через минуту. Сейчас. Но даже струсить и уйти уже невозможно. Хорошо, что Ержан держит на прицеле...»

Из тени на лунный свет вышла группа людей. «Почему так много?» — похолодело в груди. Зубов четко представил, как напряглись и побелели пальцы у Ержана на пулемете.

Негромкий старческий кашель, несколько афганских слов, трое остановились, двое продолжили медленное движение навстречу. Зубов уже узнал Каир-Хана и его неизменного спутника Масуда. Отлегло от сердца, словно увидел своих. «Своих», — съехидничал над собой.

Рукопожатие. Молчание. Пристальный взгляд глаза в глаза. Еще молчание. Наконец посыпалась глуховатая, с придыханием афганская речь. Масуд переводил:

— Как мал этот мир, командор. Но как много в нем горя! Зачем такие молодые и красивые парни, как ты, не трудятся мирно на родине, а далеко от нее, в чужой стране, творят убийства и насилие? При этом свои жизни подвергаете риску.

— Мы выполняем интернациональный долг, — вполне официально, как и подобает на переговорах, отвечал Зубов. — Нас сюда пригласил афганский народ.

Глаза Каир-Хана сверкнули холодным лунным блеском:

— Афганский народ — это мы, а не продажные политики Кабула. А мы вас сюда не звали!

— Вы сжигаете школы, убиваете и грабите тех, кто подчиняется новой власти.

— А вы бомбите наши кишлаки за то, что мы не хотим, чтобы нами помыкали из столицы. Пока живы пуштуны, мы будем бить вас, оккупантов, — спокойная речь вождя брызнула эмоциональным всплеском.

Зубов решил держаться на равных, не давать спуска. Поэтому тоже повысил тон:

— Вы не сражаетесь! Вы убиваете в спину! Прикрываетесь женщинами и детьми! Глумитесь над трупами!

Ярость старика нарастала.

— Если вы пришли защищать афганский народ, то защищайте нас от кабульских шайтанов, попирающих законы Аллаха и обычаи предков. А вы давите нас танками. Моджахеды, может быть, и глумятся над трупами, а вы глумитесь над живыми.

— Кто давит людей танками? — тоже перешел на крик Зубов. — Мы сражаемся честно. Я не раз видел спины ваших «борцов за веру». Я солдат и выполняю приказ. Мы воины, а не бандиты.

Близкий разрыв НУРСа опрокинул всех троих на землю. В пылу спора они не услышали приблизившихся со стороны Джелалабада патрульных вертолетов, невидимых в темноте. Вертолеты периодически наугад били ракетами в «предполагаемые места прохода душманских караванов».

Каир-Хан кряхтя, с помощью Масуда, поднялся, отряхнувшись от пыли и плюнул в сторону рокота вертолетов. Зубов при-

сел на камень и стал вытирать с лица кровь: посекали камешки от взрывной волны. Спор прекратился сам собой. Старик, сердито сопя, ходил взад-вперед, заложив руки за спину. Олег поднялся с решимостью попроситься и уйти. Но Каир-Хан неожиданно заговорил по-домашнему спокойно, словно продолжил приятельский разговор:

— Послушай, командор, мы не переубедим друг друга, но при этом надо оставаться людьми. Судьба распорядилась так, что мы должны воевать друг против друга, каждый уверенный в своей правоте. Ты не похож на других шурави, и я к тебе испытываю доверие. Тебе, как и мне, противно убивать ради самого убийства. Иначе не тратил бы столько снарядов на пустой дувал, — вопросительно улыбнулся старик, ища на лице собеседника подтверждение своей догадки. «Ага, понял, значит», — в ответ улыбнулся Зубов, и этот обмен улыбками, как обмен верительными грамотами, стал кульминацией переговоров. Земля, небо, луна, каньон, видимые трое моджахедов у теневого обрыва, невидимые шестеро автоматчиков с Ержаном на обрыве за спиной — все стало обычное, привычное, несмертельное. Ержану не нужно будет нажимать на спусковой крючок.

— Все в воле Аллаха, никто не знает, где и как будет сводить нас судьба. Возьми, командор, вот это... — Он достал из складок накидки портативную радиостанцию «уоки-токи». — Она настроена на мою волну. С ее помощью тебе будет легче вести правильный огонь. — Каир-Хан уже откровенно закреплял достигнутый договор цепким сверлящим взглядом. «Вот оно что... — опять тревога кольнула сердце. — Он же мне предлагает сговор... А разве я его уже не веду? А разве его не подтвердил прошедший бой? Брать или не брать радиостанцию? Опять надо принимать решение под пристальным взглядом».

Зубов отвел глаза, сунул рацию в карман комбинезона и поспешно попрощался.

Гауптвахта

— Склад на краю «зеленки»? — прервал Зубов комбата. — Не поверю! Духи никогда этого не делали. Это ловушка, и я в нее не полезу.

— Пойдешь, говорю! — глаза комбата полыхнули яростью. — Сведения надежного человека, — чуть сбавляя тон, добавил он. Посылать роту на опасное задание с криком и руга-

нюю — себе же хуже. Потом, в случае неудачи, хоть стреляйся. Но этого Зубова и уговором не возьмешь.

— Неужели забылось, товарищ подполковник, как такой же «надежный человек» завел Шпагина на гибель? — голос Зубова зазвенел натянутой струной.

— Вы же разведчики, дорогой старлей! За этими РС ходили черт знает куда, а тут под носом, охраны всего четыре человека.

— Не делают духи склады на открытом месте.

— Пойми, старлей-дуралей, ракеты эти — для ночного обстрела Джелалабада. Поэтому и притащили их так близко. Не успеешь взять сегодня, завтра они сами сюда прилетят.

— Но, товарищ подполковник...

— Молчать! — не выдержал корректного тона комбат. — Одно из двух, ротный: или ты идешь на Сурхад и берешь склад, или... шагом марш под трибунал!

— Есть! — вяло козырнул Зубов, поняв, что «демократизм» комбата исчерпан. Надо повернуться кругом и идти выполнять задание. Но он продолжал возвышаться над комбатом коломенской верстой, уже прокручивая в уме детали предстоящей операции.

— Ну, чего еще? — удивленный паузой, спросил комбат.

— Дайте танки из бригады. Для усиления.

— Хорошо, — и обещал, и выразил удовлетворение концом трудного разговора комбат.

* * *

И поползла бронированная змея в сторону ГЭС «Дарунта», сквозь пыль отражая горячие лучи полуденного солнца, настороженно ошетилившись вправо-влево стволами автоматических пушек, оружием облепивших броню разведчиков. Зубов изредка вглядывал на сидевшего среди солдат афганца. С самого начала его не покидало предчувствие обмана. Но комбат верит этому «наводчику». «Делу Саурской революции предан...» — зачитывал слова из характеристики. «Предан...» Преданность и предательство, к сожалению, проверяются только в бою.

Вспомнился Мухамед-Голь, с которым зашли в ловушку. «Интересно, почему я тогда заступился за него перед Шпагиным, который в момент прикончил бы его? Ситуация была нервная. Не до сантиментов. А мне почему-то было ясно, что Мухамед-Голь не провокатор. Сейчас же нет причин, а я не верю этому проводнику».

Зубов дал команду резко изменить направление движения влево и увидел, как заерзал афганец, но постепенно успокоился, видя, что «змея» все же приближается к Сурхаду. Да, подозрение в провокации не проверишь, пока беда не грянет. Вот и Ержан не отходит от афганца. У Ержана безошибочная интуиция. Да и у самого Зубова, как и у всех, кто больше года воевал в Афганистане, вырабатывается свое, «десятое» чувство — чувство присутствия врага. Помнится, Шпагин говорил, что у него вдруг глаза начинали слезиться, как от дыма, если приближалась опасность, хотя вокруг не было признаков духов. У кого-то ладони начинали потеть, у кого лицо гореть, один признавался, что духов печенкой чувствует: как заносит, значит, они где-то тут.

У Зубова напрягался позвоночник, нудно, тягуче, до ломоты. Потом в бою это проходило, вернее, не замечалось. Но перед боем или с приближением опасности срабатывал этот «миноискатель». Вот и сейчас «прибор» подавал сигналы. Но не арестуешь же проводника только потому, что «моя спина подсказывает».

Поворотом влево Зубов подвел колонну к «зеленке» со стороны советских застав, не так, как нанесли ему на карту штабные стратеги. Колонна вышла на гряде сопок и растянулась той же змеей меж ними. Спрыгнув с брони, Олег стал в бинокль разглядывать «зеленку».

— Не туда смотри, командор! — услышал он за спиной голос афганца.

— А куда? — обернулся к пуштуну Зубов.

— Вон туда! — вместе с наводчиком замахали руками Губин и Вареник, возбужденные предвкушением удачи.

— Бачите, четыре духа. Мий взвод зараз визьме!

— Очередь моего взвода! — протестовал Губин. Только Ержан никуда не рвался. В его глазах Олег прочел то, что и его мучило, — сомнение. Уж слишком беспечно поставлен и оставлен этот соблазнительный склад. Не иначе в сурхадской «зеленке» засада.

— Пайдем, командор! — торопил пуштун. — Харашо пайдем. Всего четыре охранник! — и показывал растопыренные четыре пальца.

Зубов опустил бинокль и присел чуть в стороне на валун.

Позвоночник ныл, гудел, как телеграфный столб. «Чую ловушку. Чем доказать? Жизнями солдат? Нет, дорогой комбат, не стану я рисковать жизнями ради ваших гипотетических РС, за которыми охотятся все, но ни одну еще не схватили. Пони-

маю, ордена светят, но ни себе, ни вам я этого удовольствия не доставлю. Если там есть, пусть взлетят на воздух».

Приняв решение, он резко выпрямился, велел позвать к себе операторов БМП и наводчиков танковых пушек. Вареник, Губин, Ержан и пуштун недоуменно переглядывались. Такого еще не было, чтобы боевое задание проходило мимо командиров взводов. Им оставалось только наблюдать, как ротный что-то втолковывал операторам и наводчикам, тыча пальцем в «зеленку».

Получив задание, солдаты веером рванули от ротного к своим машинам, и через минуту вся броня загрохотала канонадой.

Ержан бросился за пуштуном, который побежал к Зубову с криком:

— Не надо стрелять! Идти надо! Там мирный житель!

Зубов, не глядя на пуштуна, протянул ему бинокль. Но тот, побелев от ненависти, отступил на шаг и рванул нож из чехла. Ержан воткнул ему в спину ствол автомата:

— Не дергайся, душара! Пристрелю!

Афганец заметался, суетливо нашарил в подсумке апельсин и разрубил его пополам, будто для этого и вытаскивал нож. Угожливо протянул половину Ержану, но ее взял повернувшийся к ним Зубов.

Оставшиеся без дела разведчики с открытыми ртами, чтобы меньше глохнуть от канонады, смотрели, как над «зеленкой» поднимались клубы пыли, гари, копоты, и не заметили, когда наступила тишина.

Все произошло неожиданно быстро, ураганно, как бы отстраненно от них. Словно бы фильм посмотрели.

Сконфуженно снова усаживались на броню, чтобы еще засветло вернуться домой. Геройски рвавшиеся в бой Губин и Вареник не смотрели друг на друга. Ержан не сводил глаз с пуштуна, который словно тихо свихнулся: то злобно сверкнет глазами, то заискивающе улыбнется, то побледнеет, то почернеет...

Оставляя за спиной столб пыли и дыма над тем местом, где был склад или не было склада.

* * *

Комбат даже не делал попытки держать себя в рамках приличия:

— Идиот! Негодяй! — кричал он, размахивая руками. — Тебе что было приказано? Захватить, а не уничтожить! Кто тебе разрешил изменять приказ? Под суд пойдешь! Из партии

вылетишь! Ошибся я в тебе, Зубов, сильно ошибся. Под арест! Немедленно!

Стоявший у двери Зубов, где на него набросился, едва он вошел, комбат, вдруг двинулся всей своей громадой на подполковника. Тот даже отпрыгнул в сторону. Не обращая на него внимания и медленно стягивая с себя нагрудник с боеприпасами, Олег подошел к столу, за которым сидел майор из особого отдела. Положив автомат и нагрудник на стол, Зубов наклонился над особистом и устало проговорил, словно давая поручение подчиненному:

— Майор, проверь это дело. Афганца-наводчика проверь. Как человека прошу. Не мог я ошибиться.

И, разогнувшись, почувствовал облегчение в позвоночнике.

* * *

Низкий потолок гауптвахты, казалось, придавил воздух, сжал его до невозможной температуры и духоты. Зубов повалился на кровать и закрыл глаза. Вошедшие вслед за ним дежурные по офицерской гауптвахте — старый прапорщик и молоденький акселерат, на голову выше прапорщика, — робко стояли у порога, как бы ожидая от офицера команды.

«Ну, чего вам? Вы тут командуете, а не я», — подумал Зубов, расстегивая ворот. Прапорщик, дождавшийся обращенного на себя взора офицера (а кто на гауптвахту идет весело?), лицом, плечами и всей фигурой изобразил сожаление, что ничем не может облегчить положение «посаженного».

— Я тут... это... завтра в отпуск... Так вот... сержант Носков, — отрекомендовал он долговязого, стоявшего за спиной.

— Тебя как звать-то? — спросил Зубов Носкова, когда, чуть потоптавшись и не услышав от «посаженного» никаких слов, прапорщик удалился.

— Василий, — хрипло прокашлял сержант.

— А чего у тебя, Василий, лычки на погонах выпцветшие? Давно здесь?

— Да нет, такие дали.

— Ты вот что, Василий. Позвони-ка в разведбат, найди сержанта Губина и скажи ему, что ротному, мол, жарко.

Василий понимающе улыбнулся: все знают балагура Губина. В нынешнем положении старшему лейтенанту только юмором и спастись, а он, Василий, понимает и ободряет шутку.

— Ты понял, Василий? — строго, не отвечая улыбкой на его улыбку, спросил Зубов и отвернулся к стене, показывая, что будет спать.

В скуоте гауптвахты такое поручение для дежурного — подарок судьбы, развлечение. Предвкушая веселую болтовню с Губиным, сержант вскоре позвонил в разведбат.

— Передай старшему лейтенанту, что опало обезпечим, — серьезно пробубнил Вовка.

— Гы-гы! — попытался включиться в Вовкин юмор Вася, но озадаченно услышал зуммер отбоя. Вспомнив, что сегодня суббота, значит, гоняют киношку, он побежал туда, раз с Губиным «кина» не вышло.

Вернувшись, Вася с изумлением увидел вделанный в стену камеры № 12 кондиционер. На дверной ручке — картонка с надписью «Не мешать отдыхать!». Плевать Вася хотел на это неуставное объявление! Он решительно потянул за ручку, сорвал картонку и еще больше изумился. Над кроватью появилась полка с книгами, на тумбочке — магнитофон, на полу рядом с ящиком минеральной воды свистел электрочайник.

— Захади, дарагой, гостем будешь! — широким жестом с кавказским акцентом пригласил Зубов Васю и принялся открывать банку «Си-си». — Как дела на воле? Что слышно? Что говорят обо мне?

Вася ошалело крутил головой, оглядывая весь этот негаупт-вахтный комфорт, и молчал. Наконец в нем вызрела реакция:

— Товарищ старший лейтенант, а как же это? Ведь не положено. Меня ж самого посадят, если узнают.

— А ты никому не говори.

— Как же не говорить? Ведь начальники караула...

— Каждый начальник караула может оказаться на моем месте, — загадочно проговорил Зубов. — Ладно, Вася, Аллах не выдаст, свинья не съест. Иди, спать буду.

Еще не было в его сознательной жизни столько сна подряд. Убаюкивало мерное рокотание кондиционера, холодные струи заставляли кутаться в одеяло, дремота благостно растворяла в груди горький комок обиды и тревоги. В мареве сонных грез всплывали лица жены и дочери, родителей. Не просыпаться бы!

* * *

Чекисты все же «раскололи» наводчика. По сговору с душманами он вел разведроту Зубова в ловушку. Когда об этом доложили комбату, у того исказилось всегда спокойно-холодное скульптурно-правильное лицо. В глазах засветилась радость, что Зубов, его офицер Зубов, не виноват и честь батальона будет восстановлена, а из черной дыры открытого рта должен

был вот-вот вырваться крик боли и раскаяния, но так и застрял, захлебнувшись в досадливом кряке.

«Как же теперь быть с посаженным на гауптвахту самолюбивым бунтарем? О происшествии знают во всех частях джелалабадского гарнизона. Пойдет гулять легенда, как дуrolом-комбат зря обидел талантливого командира роты. Что же делать? Послать кого-нибудь, чтобы передал приказ об освобождении? Но надо знать характер этого строптивца. Откажется выходить, стервец. Потребуется „наказания виновных, восстановления поправленной справедливости“. Чего доброго, в Кабул „телегу“ пошлет, мол, боевого офицера „с грязью смешали“. Придется идти самому, хоть это и унижительно. Не пристало комбату перед ротным извиняться. Мало ли что бывает?! Ну, накричал, оскорбил... Мне, что ли, не приходилось? В армии, да в боевой обстановке... Проглоти и не кашляй! А перед этим, видишь ли, надо расшаркаться. Да еще неизвестно, соизволит ли его светлость принять твои извинения. Ишь какое поколение пошло», — рассуждал сам с собой комбат, а ноги несли на гауптвахту.

По старой командирской привычке он начал с разноса выскочившего ему навстречу с рапортом начальника караула. Всегда найдется статья Устава гарнизонной и караульной службы, которую в точности не выполняют. Переходя от камеры к камере, ожидая за каждой очередной дверью Зубова, распекая зычным баритоном начальника караула, комбат уже разговаривал с ним, зная, что тот его слышит.

— А ты не ерепенься, не ерепенься! Подумаешь, какие мы нежные! Сделал начальник замечание — мотай на ус и претворяй!

Открыв дверь с номером 12, комбат сразу догадался по комфорту о зубовской самодеятельности и обрадовался возможности позубоскалить: с юмора легче начинать тяжелый разговор.

— А это что у вас тут, товарищ начальник караула? Филиал санатория «Фирюза»? Или кабинет интенсивной терапии?

— Никак нет! — подавлено, механически отвечал начкар, которому было не до юмора.

— Кто здесь сидит? Или лежит? — взглянул на завернутую с головой в одеяло мумию на кровати, как можно равнодушнее спросил комбат.

— Старший лейтенант Зубов.

— Где вы видите старшего лейтенанта? Если бы Зубов был здесь, он приветствовал бы своего комбата, как положено по Уставу, так или нет? А здесь, видите, никого нет.

Комбат прошел к кровати и неожиданно плюхнулся на спину Зубова. Увесистый, в сотню килограммов «аргумент» подполковника озадачил Олега. Ничего не придумав, он решил молча терпеть.

— У-уф! Отдохнуть немного здесь от жары, что ли? — устравившаяся поудобней, сказал комбат и попросил начкара открыть бутылку минеральной воды.

— Вы для чего сюда поставлены, прапорщик? — между глотками начал рассуждать подполковник. — Если вы заявляете, что в этой камере находится Зубов, а его нет, то как мне вас понимать? — Начальник караула и хлопающий глазами над его головой Вася отвечать, естественно, не могли. А комбат загадочным беззлобно-ворчливым голосом продолжал:

— Если перед вами отбывающий наказание офицер, вы обязаны его содержать в строгости и никуда не выпускать. А если вы знали, что офицер Зубов ни в чем не виноват, создали для него комфортные условия да еще и самовольно отпустили, то значит — что? — вы превысили свои полномочия.

Намек подполковника дошел до Зубова. Радостная волна надежды подбросила его и скинула комбата.

— Ба! — закричал подполковник. — Зубов действительно здесь! А то думаю, куда наш герой запропастился?

Слово «герой» еще больше придало Зубову уверенности, что комбат пришел не зря, что обвинения будут сняты, но он все же сдерживал себя в напряженном недоверии.

— Идите-ка, ребята, по своим делам, — махнул комбат в сторону повеселевших караульщиков. — А ты вставай, поговорим.

— Чего говорить! Читайте приговор.

— Приговор, так приговор! Вот твой партбилет, удостоверение. Ты был прав, провокатора подсунули... Давай забудем, что наговорили в сердцах. Да и некогда сейчас. Твоя рота переходит под командование опергруппы армии. Под Хостом дорогу через перевал надо пробивать. На тебя — личный приказ. Один день на сборы, послезавтра выходишь.

Выслушивал комбата Зубов уже с застегнутым воротничком, вытянувшись по-уставному. По увлажненным его глазам комбат понял, что прощен, что извинений формальных не требуется, и крепким мужским рукопожатием инцидент был исчерпан.

Не позволявший ни на миллиметр сократить дистанцию между собой и подчиненным, сегодня комбат был неузнаваем, непривычно размягчен. Уже одно «сидение» на спине Зубова и

разыгранный им спектакль никак не вязались с обликом сурового командира, к которому он приучил всех. И Олег почувствовал, что сквозь застегнутый подполковничий мундир пробивается что-то «гражданское», не военное. Его тоже потянуло к этому «сухарю». Еще мгновение, и они обнялись бы, но комбат, глухо откашлявшись, сказал:

— Завтра приезжает мой заменщик. Будь здоров! Не поминай лихом, — и еще раз тряхнул руку ротного.

Священный Коран

Афганистан... Афган... Скоро два года, как Олег Зубов здесь, в этом прокаленном, пропыленном, иссеченном и заминированном краю. Вот он, этот край, перед ним, во весь стол. Вернее, не весь Афган, а окрестности Джелалабада, где по всем азимутам два года он шнырял со своими разведчиками. Нанеся на карту последний тактический знак, Олег потянулся и посмотрел в окно. Ночь была еще непроглядна, особенно из освещенной комнаты, но, даже не глядя на часы, он понял, что рассвет близок, по едва заметной окантовке гор на востоке.

Мысль нанести на карту свой боевой опыт, чтобы заменщики не тыкались, как слепые котят, пришла перед сном и подбросила с постели. И вот эта мысль реализована в один присест, за одну ночь. «А ничего, — похвалил он себя, любуясь разрисованной картой. — Надо показать другим „старикам“. Вдруг что-то упустил...»

— Дневальный!

— Я, товарищ старший лейтенант!

— Вареника, Сарбаева и Губина — ко мне!

— Есть, товарищ старший лейтенант! — напружинился солдат, готовый к боевой тревоге. А что, кроме нее, могло стрястись с такой час?

— Да скажи, пусть не одеваются, прямо с постели — сюда.

— Есть! — не то разочарованно, не то с облегчением вздохнул солдат и ушел.

Зубов прилег головой на карту, левым глазом в уезд Хисарак. Даже закрыв глаза, он видел и Бабурское, и Азрауское ущелья... Ачин... Марульгад... Все эти высоты, перевалы, тропы, укрепрайоны... За каждым пунктом, за каждой стрелкой, за каждым знаком на карте, которые он наносил в эту ночь, тянулся шлейф воспоминаний, заново пережитые удачи, горечь поражений, безысходность утрат. Сколько воюем, сколько бьем

моджахедов, помогая Наджибулле, а ни на шаг не продвинулись к победе. Вспомнилась смерть Шпагина. Заныло сердце: «Господи, до чего же я устал! Для чего все это?».

Сонные помятые физиономии Гриши, Ержана и Вовки с хлопаящими от недоумения глазами одновременно показались в дверном проеме. «А ведь я их напугал», — только теперь сообразил Зубов, заглаживая вину неформальным обращением:

— Мужики... Я тут карту изобразил для нового комбата. Поглядите, что пропустил. Особенно в ущелье Азрау. Что там было у духов в укрепрайоне?

— Три ДШК, миномет и ЗГУ, — бодро отрапортовал Ержан, так и не научившийся быть раскованным в присутствии начальства. Хотя вытягиваться сейчас перед ротным в трусах и тельняшке было нелепо, он все же подобрался, рапортуя.

— Да не три, а два, — позевывая и почесываясь, возразил Губин. Вот уж этот и с генералом мог быть запанибрата.

— Знаю точно: три, — стал настаивать Ержан, но все склонились над картой и замолчали. Каждый мысленно повторял то, что пережил за ночь Зубов.

— Ось тут родник, — ткнул пальцем Вареник.

— Тоже мне «родник»! — скривился Губин. — Ты как припал к нему, другим не осталось.

— А вот здесь надо отметить победу Губина без единого выстрела, — серьезно добавил Ержан. Все поняли, что подкальывает, но чем, не припоминали. Губин беспокойно сверлил глазами Ержана: ну, говори скорей свою каверзу, я тут же дам сдачи.

— Помните, ночью у костра Вовкины кроссовки сгорели. Паленой резиной всех духов из ущелья выкурило.

— Это называется: солдат спит, а служба идет. Я, может, специально их в костер сунул. Подожди, Ержан, а не у того ли костра ты банку свиного сала слопал? А говорил: мусульманин свинину не ест.

— Когда жрать нечего, можно, — спокойно ответил Ержан, и Губин сник: шутки не получилось.

Олегу не хотелось, чтобы этот добродушный треп иссяк. Сколько скрытой любви, дружбы в этих беззлобных подковырках! Ему самому захотелось включиться на равных в эту веселую болтовню.

— А помните, в Ачине Губин дирижировал хором пленных душманов?

Все мигом преобразились, на разные голоса изображая испуганно поющих пленных: «Мылыон, мылыон алы рос из ыкна, из ыкна видишь ты...» С хохотом ведя мелодию и выкрикивая сквозь смех: «Ведь обучил же духов... всего за полчаса...

талант», они не заметили, как вошел подполковник, новый командир батальона, проверявший перед рассветом казармы.

Странная веселая компания никак не укладывалась в параграфы Устава внутренней службы. Пьянка? Ни запаха, ни «натюрморта» на столе. Может, сектанты какие? И самого Зубова, и его подразделение комбату рекомендовали как лучших в разведбате.

— Что здесь происходит?

— Разрешите доложить, товарищ подполковник, рисуем карту для вас, — по всей форме ответил Зубов, стараясь не оглядываться на свою беспшашную команду, иначе смех не сдержать снова.

Комбат изумленно окинул взглядом «сектантов», недоверчиво шагнул к столу и застыл над ним в наклоне. Выпрямившись, он подобревшим нестрогим голосом приказал:

— Шагом марш в постели! Стратеги в трусах!

Потом снова надолго склонился над картой, ни о чем не спрашивая. Так же молча протянул Зубову руку.

* * *

Ну до чего же не вяжется этот благостный нежаркий весенний день с военными буднями! Это же праздник. Праздник жизни! Пригороды Джелалабада не созданы для войны. За дугами проплывают цветущие сады, посаженные и выращенные для радости и счастья, на аккуратных делянках дружно зеленеют всходы, обещая довольство и награду дехканам за их неутомимые труды. БТР не дергается, не подпрыгивает, а плавно покачивается на асфальтной ленте — значит, мин можно не опасаться. Можно беззаботно и безвольно подставить лицо и грудь ласковому солнцу и прохладному встречному ветру, опустив ноги в открытый люк. Можно даже не прислушиваться, о чем шумит неутомонный Вовка Губин там, под тобой, в брюхе БТРа — все равно не услышишь из-за рева моторов и гула ветра. «Господи! — Зубов молитвенно закрыл глаза. — Неужели пронесет? И можно будет наслаждаться этим миром без страха, без опасности в любой момент взлететь на воздух? До замены остались считанные дни... Неужели настигнет?.. Не дай, Господи, свершиться такой несправедливости!»

Вдруг кто-то потянул его за каблук. Олег нагнулся, к его уху примостился Вареник:

— Товарищ старший лейтенант, хлопцы просят заехать у лавки.

Они уже двигались по улице города вдоль расцвеченных торговых рядов.

— Зачем?

— Та дембель же пидходе! Щось на подарунки треба.

— Не положено! — официально-холодно отрезал Зубов, но его тут же потащили и за другой каблук.

— Товарищ старший лейтенант!... — по-детски трогательно канючили солдаты и сержанты.

— Ну ладно, — усмехнулся Зубов и велел остановиться у знакомой по предыдущим покупкам лавки. Оставшись на машине, он напутствовал спрыгивающих солдат:

— Поторапливайтесь, мужики. Не дай бог комендантский патруль нагрянет.

Но как тут поторапливаться, когда манят со всех сторон гирлянды огней, горы диковинных фруктов, пестрое изобилие сверкающих иностранных товаров, ароматы жаровен, рядом проплывающие женские фигурки под паранджой, волнующие экзотической таинственностью. Обежать бы все эти бесконечные ряды, поторговаться, прицениться, насмотреться, надышаться... Вареник рассматривает часы. Парнишка, помогающий старому долговязому пуштуну, суетливо подсовывает цветные ремешки к часам. Ержан развернул какой-то дивный платок, играющий цветами павлиньего хвоста. А Вовка уже примеривался изобразить из себя солидного покупателя и заставить старого хозяина побегать вокруг себя на цыпочках, но дуканщик, увидев Зубова, передоверил недовольного Губина парнишке и подошел к машине. Убедившись, что нет лишних глаз и ушей, степенно протянул Олегу зеленую авто-ручку с электронными часами:

— Бакшиш, командор...

— За что? Я же ничего не купил.

Старик усмехнулся и показал на толпящихся в проходе дукана солдат: за то, мол, что привел покупателей, и снова настойчиво протянул свой «бакшиш». Олег наклонился за подарком и услышал шепот старого пуштуна:

— Каир-Хан помирать. Тебя звал.

Потрясенный Зубов не успел спросить, как, почему? Дуканщик уже возился с покупателями. «Болен? Ранен? — ломал голову Олег, бессмысленно вертя в руках ярко-зеленый „бакшиш“. — Да и не это главное. Зачем зовет?» И вдруг с застывшим ужасом обреченного он ясно осознал, что не может не пойти. Если отзывался раньше, когда спокойно можно было и не отзываться, то сейчас невозможно не уважить предсмертную просьбу. «Может быть, это будет последняя мина, такая абсурдная в эти последние афганские дни, но я должен туда идти».

«Ну а что случится, если я не пойду? — размышлял Олег, наблюдая, как возвращаются в БТР с пакетами довольные и веселые разведчики. — Может быть, я уже уехал в Союз? Может быть, он уже умер?» Жаркая волна стыда опалила лицо, он виновато оглядел уже усевшихся в бронемашине ребят, машинально подсчитав, все ли на месте, и дал команду двигаться.

Только тронулись, его снова потянули за каблучки, да так сильно, что он не удержался и рухнул на чьи-то руки и колени. Рассвирепев от этой неуклюжей и неуместной шутки, он распрямился стальной пружиной и, схватив первый попавшийся ворот бушлата, пригрозил:

— Я сейчас здесь кого-то прибью!

В ответ вся разведка весело хором стала скандировать:

— Спа-си-бо! Спа-си-бо!

— За что спасибо? — удивился Олег и выпустил воротник, из которого вынырнула физиономия Губина с ответом:

— За дуكان, товарищ старший лейтенант! Два месяца ждали удобной случай. Теперь «затарились». — И все охотно стали показывать купленные ботинки, джинсы, часы, косметику...

— Мне бы ваши проблемы! — уже беззлобно пробурчал Зубов, умышленно больно наступил горным ботинком на Вовкино колено и снова вымахнул на броню.

* * *

Скучающий дежурный офицер в центре боевого управления батальона удивленно разглядывал командира разведроты, только что вернувшегося с маршрута и тут же интересующегося, нет ли для его роты каких-то заданий на ближайшие дни.

— «Политика национального примирения», — вместо ответа процитировал заголовок лежащей перед ним газеты майор. — Тебе-то что, старлей? Лежи себе, отдыхай, жди замены.

— На 315-ю заставу скоро пойдет колонна?

— На 315-ю? — удивился майор. — Завтра. Повезут воду, дрова, продукты. А тебе-то зачем туда?

— Да, понимаешь, ночной бинокль забыл там.

— Ночной бинокль — штука ценная, — пропел склонный к поучительным афоризмам дежурный. — Ладно, съезди. Скажу старшему колонны, чтобы тебя взяли.

— Спасибо, — козырнул Зубов майору, думая о комбате. Надо подготовиться выслушать разнос за «расхлябанность и небрежное отношение к сбережению военного имущества», изобразить искреннее огорчение и готовность исправить. «Потерянный бинокль» сработал, и разрешение комбата было получено.

С каждым новым шагом Зубов закрывал очередную дверь для отступления. Желание спрятаться за какую-нибудь «объективную причину» смывалось снова горячей волной стыда. И ведь не страх смерти поднимал эти волны. Встречи с Каир-Ханом он уже не боялся, твердо верил, что пуштунский вождь обеспечит его безопасность. Промозгло и липко становилось на душе при мысли, что эта встреча станет известна особистам.

«А не весна ли во всем виновата?» — вдруг подумалось Олегу. Он вспомнил то прошлогоднее весеннее утро, когда взошедшее солнце золотом брызнуло из-за его спины на раскинувшийся внизу полусонный еще кишлак Кандибаг. И кудряво зеленеющие за дувалами садики, и безветренно поднимающиеся дымки очагов, и так ясно донесшееся до его слуха жалобное бление чьей-то ярочки, которая словно умоляла не трогать ее беспомощных ягнят, — вся эта милая мирная картина встала тогда преградой на пути его огненной миссии и не позволила дать команду на ее уничтожение. «Вот и сегодня такой же ласковый весенний день. Так хочется домой! А я опять куда-то прусь к черту на кулички», — ругал себя Зубов, трясаясь в кабине водовозки, замыкающей колонну тыловиков.

Командир 315-й заставы, знакомый узбек с вечно смеющимися глазами (кажется, Рашидом зовут), встретил его насмешливо:

— Тебя что, из разведки поперли? Командиром водовозки назначили? Заменщику надо быть ленивым и толстым, а ты по заставам шляешься. Бинокль ночного видения? Ну ты даешь! Неужели надеешься найти? У нас только дальномер лазерный, прицелы ночные. Я сам просил бинокль, не дали. Так что не найдешь. Но я все равно рад тебе. Пошли, заночуешь у меня.

Долго пролежав с закрытыми глазами без сна, Зубов глубокой ночью осторожно встал, оделся и вышел. «Как лунатик», — оценил свои действия, хотя ночь была безлунная. Низкие звезды, непривычно яркие, только подчеркивали аспидную черноту неба и никак не освещали землю, постройки, ряд техники, мимо которых наощупь ему пришлось добираться до угла продсклада. За ним спуск в сухое русло, а оно уже приведет к кишлаку.

— Часовой! — приглушенно позвал Зубов.

— Я здесь, — отозвался солдат.

— Тебя когда сменяют?

— В пять. А что?

— Пока темно, я схожу, в сухом русле пару мин закопаю. Смотри, не пристрели меня, когда буду возвращаться. Мигну тебе четыре раза.

— Понял, товарищ старший лейтенант. Только вы осторожнее. Духи по ночам вокруг заставы шныряют.

Пройдя с километр по сухому руслу, Олег вытащил из бушлата рацию «уоки-токи» и нажал на кнопку вызова, все еще дивясь своей безрассудности и втайне надеясь, что зов останется без ответа.

«Один... четыре... семнадцать...» — послал он позывные. «Повторяю через минуту, если не будет ответа, вернусь», — внушал он себе. Но рация почти тотчас прохрипела на ломаном русском: «Семнадцать... четыре... один...»

«Ну вот, теперь все. Вперед!» — скомандовал он себе и стал подниматься по правому обрыву русла: в этом направлении должен быть Кандибаг. Минут пять он шел в полной темноте и неведении, туда ли? Где душманские посты? Когда и кого предупреждать о себе?

И вдруг вдалеке засветился костерок. Путеводный маячок! Как-то теплее стало на сердце. Словно к родному, он шагал на этот огонек вольготно и уверенно, изредка мигая фонариком. Без слов и жестов у костра его встретили два моджахеда и повели — один спереди, другой сзади — вглубь кишлака. Ночной Кандибаг только внешне казался спящим. Почти за каждым углом их останавливал окрик:

— Дриш! — и каждому в грудь упирался автомат. Чем ближе к дувалу вождя, тем плотнее была охрана.

Масуд кивнул Зубову, как старому знакомому, жестом ладони освободил сопровождающих и лучом фонарика показал, куда надо идти.

Перебинтованный во многих местах, Каир-Хан лежал на широкой кушетке, тяжело дыша. Вокруг, освещенные тусклым светом керосинового фонаря, стояли рослые мужчины, очевидно, телохранители. «А где же врачи?» — подумалось. Увидев устремленные на себя отрешенные от суеты глаза Каир-Хана, Зубов в почтении склонил голову и прижал правую руку к сердцу, как это делали вошедшие с ним моджахеды.

— Что произошло с вами, вождь? — первым заговорил Зубов. — Неужели кишлак накрыла наша артиллерия?

— Мой кишлак накрыла ваша авиация, — с трудом ответил Каир-Хан. Телохранители, как по команде, бросились приподнимать его, подушками придавая удобное положение. Вождь пошарил рукой под подушкой и передал что-то одному телохранителю, тот другому, и вот Зубову протягивают бесформенный осколок советской бомбы величиной с ладонь.

— Вы свой смертоносный металл видите не таким, — в жуткой тишине отрывисто скрипел голос Каир-Хана и доносил

до сознания Олега шепотом переводчика смысл скрипучих слов. — Для вас эти бомбы, ракеты, снаряды, наверное, красоты. К нам же они прилетают такими вот безобразными комьями. Пулю можно послать прицельно. А эти страшные уроды не разбирают, где воин, где женщина, где ребенок... Восемнадцать убито, двадцать ранено. О Аллах! Сколько же горя вы принесли на нашу землю!

В тягостном молчании под направленными на него взорами Зубов, потупясь, долго вертел в руках осколок, не зная, как поступить, что говорить.

— Я скоро умру, командор, — снова заговорил вождь. — Хотел бы перед смертью увидеть тебя, чтобы закончить наш спор. Запомни, шурави, народ, который сражается за свою свободу, на своей земле, победить нельзя. Уходите с нашей земли, командор. Уходите скорее... — Дыхание Каир-Хана стало учащенным. Он справился с кашлем и продолжал:

— Снарядами и бомбами вам не усмирить Афганистан. Если у тебя есть душа, пусть ей доскажет за меня этот кусок металла, который убил Каир-Хана. Да поможет нам Аллах! — и устало закрыл глаза. Осколок обжигал руки, Олег перестал его вертеть и положил в карман бушлата. Выпрямившись, он стал ждать момента, чтобы попрощаться.

Не открывая глаз, Каир-Хан проговорил слабым голосом:

— Ты о чем-то хочешь спросить, шурави?

— Да, Каир-Хан. Почему моджахеды не боятся смерти?

Вождь снова напрягся, открыл глаза и долго вглядывался в лицо молодого человека, которому еще долго жить, носить смятенную душу, терзаться безответными вопросами.

— У меня уже нет времени отвечать тебе. Пусть поможет тебе священный Коран. — Оттуда же, где лежал и осколок, он стал доставать книгу, ему помогли, тем же путем через несколько рук она дошла до Зубова... — Сам разберешься, если захочешь... А теперь прощай. О Аллах...

* * *

Могучий «Ил-76МД», погасив скорость, под зычное «Ура!» всего своего пузатого нутра, набитого живыми, а потому радостными и полупьяными от счастья «дембелями» и «заменщиками», мягко подкатил к таможне, где уже выстроилась очередь из ранее приземлившихся.

Все хорошо! И земля родная, советская, и таможня наша, советская. И очередь наша. Ура! Ура! Ура! Три часа на солнце? Пустяки! Давай, синемундирный таможенник, смотри, какой

классный свитер везет в родной Тугулым Вовка Губин. Замри, Сонька Прокушева! А какой павлиний платок накинёт на плечи Карлыгаш Ержан Сарбаев! Целый взвод племянников Вареника будет щеголять в электронных часах, отштампованных в Гонконге.

Строгий не улыбающийся досмотрщик порывлся в чемодане Зубова и наткнулся в углу на газетный сверток.

— Это что?

— Книга.

— Что за книга? Это же Коран. Его нельзя провозить.

— Ну почему? Это же не антисоветчина, не наркотики.

— Сказано: нельзя! Не положено.

Зубов обеими руками вцепился в книгу и не отдавал ее таможеннику. Тот нажал кнопку, пришли еще двое, помогли произвести «полный» досмотр, униЗИтельно ощупывая и выворачивая все карманы и складки. Олег только обречено и безнадежно умолял оставить книгу... Бесстрастно-пустые глаза таможенников равнодушно перебрали все его вещи, добавили к Корану две кассеты «афганских» песен и разрешили наконец ступить на родную землю.

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Баленко

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

АФГАНИСТАН

Введение	5
«Атланты XX века»	9
Спецназ — элита вооруженных сил Российской Федерации . 25	
Разные судьбы... и одна война	
Рябина красная	35
«Домашний» Коля	38
«Девяносто шесть дней и вся жизнь»	39
«Как все хожу по земле»	45
Дважды суворовец	47
Жизнелюб	49
Адский цветок	51
Нежный лакомка	52
«Чтобы ты мною гордилась...»	53
«А у десантника судьба порой...»	55
Последний бой...	58
Прости, солдат!	63
Военная косточка	65
«Человек с большой буквы»	67
Навсегда девятнадцатилетний	71
Что это — роковая судьба?	75
Что же в нас главное?	77
«Пойду бить душманов»	79
Идеальный герой	83
«Смерть выбирает лучших»	85
Фатальный выстрел	87
Доброе слово	88
Этапы короткой жизни	91
Обнялись навек	93

Молчаливый по натуре	95
Последнее письмо	97
Лидер	100
Геройский санинструктор	102
Улица имени Жукова	105
Наперекор всему	107
Один из «Батальона четверых»	109
Один из мараварцев	111
Седой юноша	114
Ушел в неизвестность	116
Надо!	118
«Такие не предают...»	119
Тамбовский рубеж	123
Военфельдшер	125
Истребитель «духов»	127
«Не называйте меня вдовой!»	129
«Живем, как на турбазе»	130
«Мама, мы же воюем»	132
«Я вам жить завещаю»	138
«Талисман»	141
О сыне	144
«...Парень что надо!»	146
...Без вести...	148
«Он становился родней и ближе»	149
Сильный духом	153
Против «Роты смерти»	156
«Подобен Христу!»	159
«Решил проверить себя? Что ж, проверь...»	163
Разведчик гуманной профессии	166
Наш позывной «Москва-2»	170
«Мама, что со мной, мама?»	172
«Был обыкновенным русским пацаном»	176
Он искал дело	178
«Погиб при исполнении служебного долга...»	182
Уральский герой	184
Сын двух народов	185
«Я должен так поступить»	188
Девять граммов в сердце...	191
Есть такая профессия...	197
Нежная душа	201

«Я никогда не состарюсь...»	203
«Не поминайте лихом...»	207
Угасла его весна...	212
«Настоящее мужское дело»	215
Славка из мараварского ущелья	217
Наивысший миг бытия	223
Чести не уронил	225
Шаг в бессмертие	230
«Мой сынок...»	234
«Я, конечно, вернусь...»	238
«Белочка, белочка...»	244
Влюбленный в жизнь	247
Кто виноват?	249
«Ах, какого дружка...»	253
Обыкновенный мальчик	258
Вся жизнь — подготовка к подвигу	262
Оставалось 38 дней	266
Один из великолепной семерки	269
«Я вас никогда не подведу»	272
Это прежде всего труд	276
«Любуюсь своей родиной»	279
Что-то было в нем такое...	283
Мечтал стать летчиком	287
Молчали зловещие маравары	289
Истинный мужчина	292
«Поговори со мною, мама»	294
Самый обыкновенный	297
Не дожил...	299
Один из них...	301
Неповзрослевший сын	303
Проявил мужество и отвагу	305
Настоящий мужчина	307
Боевым награждается орденом	309
Был такой парень	311
Шагнувший в бессмертие	314
Герой — сын героя	316
Служба идет хорошо	317
«Но он же не герой...»	320
Как это было...	323
Вспомним всех поименно...	329

А, А. Устинов
ДОРОГА В АФГАН
(повесть)

Боевое крещение	378
Каир-Хан	383
Знакомство с Олегом Зубовым	390
Душманская засада	410
Прозрение	421
Бой у кишлака Кандибаг	433
Гауптвахта	443
Священный Коран	451

Массово-политическое издание

Сергей Баленко

АФГАНИСТАН. ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Редактор А.Н. Иванов

Художник Б.Б. Протопопов

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://algorithm-izdat.ru/>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.07.15. Подписано в печать 07.08.15.

Формат 84х108 1/32.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,5 Тираж 1500 экз. Заказ №